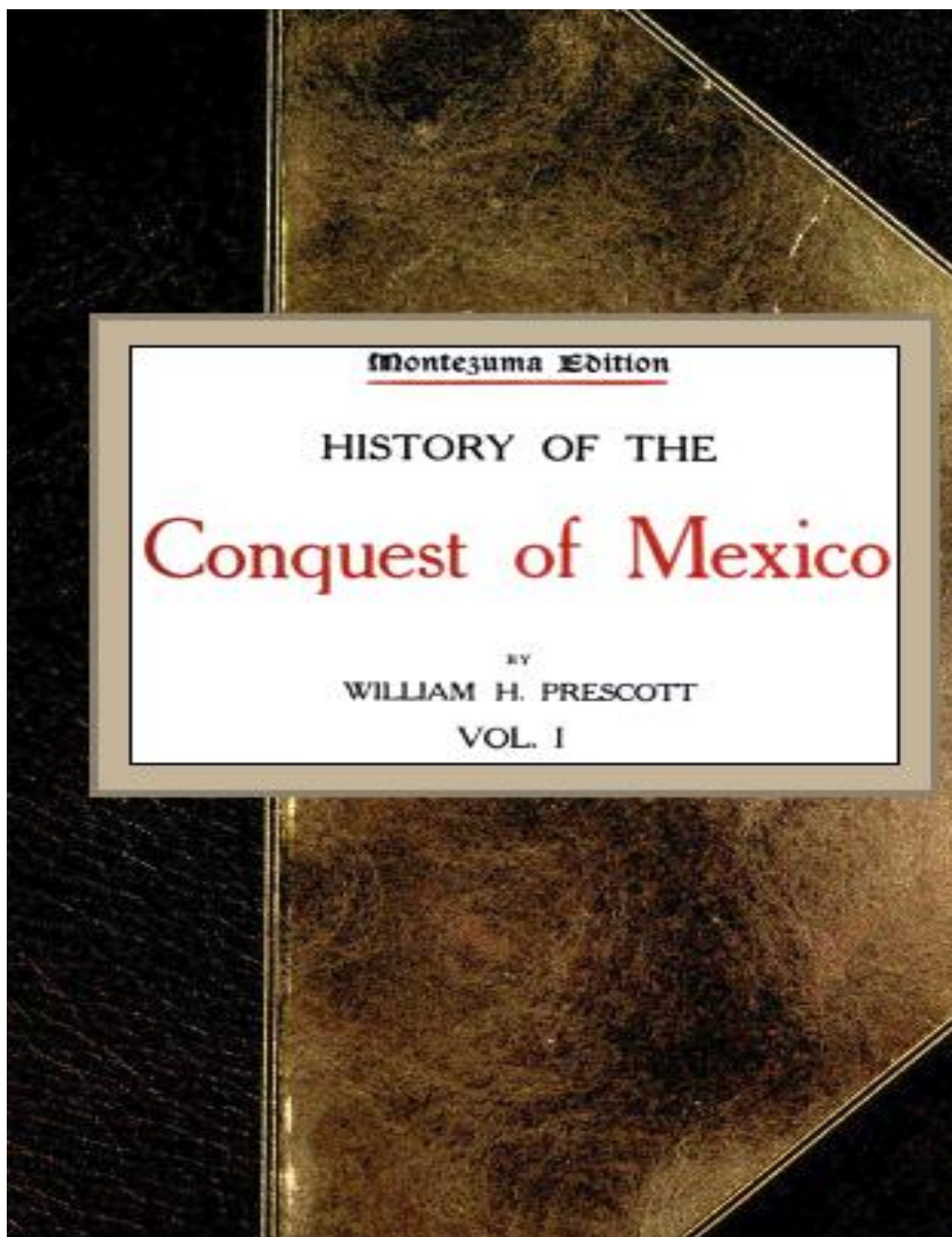

История завоевания Мексики. Том 1 из 4

Уильям Хиклинг Прескотт

Содержание

[ИСТОРИЯ ЗАВОЕВАНИЯ МЕКСИКИ](#)

[ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО РЕДАКТОРА](#)

[ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА](#)

[ПРЕДИСЛОВИЕ](#)

[ОБЩЕЕ СОДЕРЖАНИЕ](#)

[СОДЕРЖАНИЕ ТОМА I](#)

[СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ](#)

[КНИГА I](#)

[ЗАВОЕВАНИЕ МЕКСИКИ](#)

[ГЛАВА I ДРЕВНЯЯ МЕКСИКА — КЛИМАТ И ПРОДУКЦИЯ — ПЕРВОБЫТНЫЕ РАСЫ — ИМПЕРИЯ АСТЕКОВ](#)

[ГЛАВА II](#)

[ГЛАВА III МЕКСИКАНСКАЯ МИФОЛОГИЯ — СВЯЩЕННИЧЕСКИЙ ОРДЕН — ХРАМЫ — ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЖЕРТВЕННИЦЫ](#)

[ГЛАВА IV МЕКСИКАНСКИЕ ИЕРОГЛИФЫ — РУКОПИСИ — АРИФМЕТИКА — ХРОНОЛОГИЯ — АСТРОНОМИЯ](#)

[ГЛАВА V СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО АСТЕКОВ — МЕХАНИЧЕСКИЕ ИСКУССТВА — ТОРГОВЦЫ — БЫТОВЫЕ ПРАВЫ](#)

[ГЛАВА VI \[263\]](#)

[ПРОИСХОЖДЕНИЕ МЕКСИКАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ПРИМЕЧАНИЕ](#)

[ПРОИСХОЖДЕНИЕ МЕКСИКАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ — АНАЛОГИИ С ДРЕВНИМ МИРОМ](#)

[КНИГА II ОТКРЫТИЕ МЕКСИКИ](#)

[КНИГА II ОТКРЫТИЕ МЕКСИКИ](#)

[ГЛАВА I](#)

[ГЛАВА II](#)

[ГЛАВА III](#)

[ГЛАВА IV](#)

[ГЛАВА V](#)

[ПОЛНАЯ ЛИЦЕНЗИЯ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ](#)

Электронная книга проекта «Гутенберг» «История завоевания Мексики»; т. 1/4
Эта электронная книга предназначена для бесплатного использования в любой точке США и в большинстве других стран мира практически без каких-либо ограничений. Вы можете копировать, передавать или повторно использовать ее в соответствии с условиями лицензии проекта «Гутенберг», прилагаемой к этой электронной книге или доступной онлайн по [адресу www.gutenberg.org](http://www.gutenberg.org). Если вы не проживаете в США, перед использованием этой электронной книги вам необходимо ознакомиться с законодательством страны, в которой вы проживаете.

Название: История завоевания Мексики; т. 1/4

Автор: Уильям Хиклинг Прескотт

Дата выпуска: 15 июня 2019 г. [Электронная книга № 59755]
Последнее обновление: 24 января 2021 г.

Язык: английский

Благодарности: Произведено Чаком Грейфом и командой онлайн-корректоров
<http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, доступных в Интернет-архиве)
*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ «ИСТОРИЯ ЗАВОЕВАНИЯ
МЕКСИКИ; ТОМ 1/4» ***

[Общее содержание.](#)
[Содержание тома I.](#)
[Список иллюстраций](#)

[Сноски](#)

(примечание переписчика электронного текста)

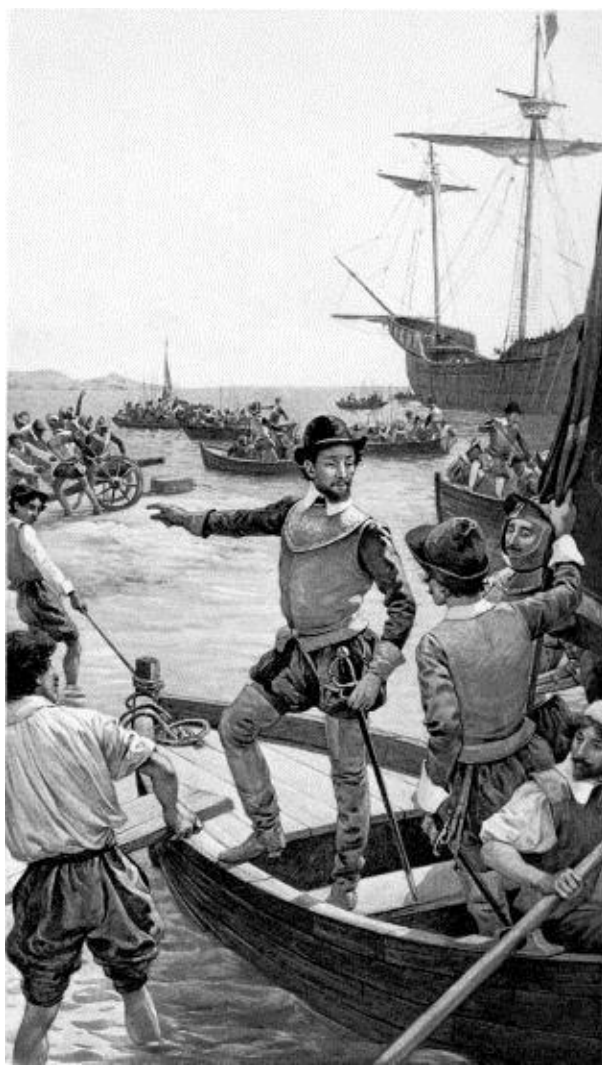
Издание Монтесумы
ПРОИЗВЕДЕНИЯ УИЛЬЯМА Х. ПРЕСКОТТА

ДВАДЦАТЬ ДВА ТОМА

Том I

Издание произведений Уильяма Х. Прескотта «Монтесума» ограничено тысячей экземпляров, из которых это

№ 345

ВЫСАДКА КОРТЕСА В ВЕРА-КРУЗЕ

Страница 365

Авторские права 1904 г., J. B. Lippincott Company

Goupil & Co, Париж

Издание Монтесума

ИСТОРИЯ Завоевания Мексики

УИЛЬЯМ Х. ПРЕСКОТТ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ УИЛФРЕДА ХАРОЛДА МУНРО
ПРОФЕССОР ЕВРОПЕЙСКОЙ ИСТОРИИ В БРАУНОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

С ПРИМЕЧАНИЯМИ К ИЗДАНИЮ ДЖОНА ФОСТЕРА КИРКА

«Victrices aquilas alium laturus in orbem»

Том I

ФИЛАДЕЛЬФИЯ И ЛОНДОН
J. B. LIPPINCOTT COMPANY

Авторское право, 1843 г., Уильям Х. ПРЕСКОТТ

Авторское право, 1871 г., Уильям Г. ПРЕСКОТТ

Авторские права, 1873 г., принадлежат J. B. LIPPINCOTT & CO.

Авторское право, 1904 г., принадлежит J. B. LIPPINCOTT COMPANY

Электротипия и печать

J. B. Lippincott Company, Филадельфия, США

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ ПРИМЕЧАНИЕ РЕДАКТОРА

УИЛЬЯМ ХИКЛИНГ ПРЕСКОТТ родился в Салеме, штат Массачусетс, 4 мая 1796 года. Он умер в Бостоне 28 января 1859 года. Уильям Прескотт, его отец, юрист с большими способностями и высокой репутацией, в свое время был судьей и часто избирался на государственные должности, связанные с доверием и ответственностью. Его мать была дочерью Томаса Хиклинг, много лет проработавшего консулом США на Азорских островах. Его дед, Уильям Прескотт, командовал американскими войсками в битве при Банкер-Хилле 17 июня 1775 года. Таким образом, будущий историк по обеим линиям происходил из того, что Оливер Уэнделл Холмс метко назвал «брахманским родом Новой Англии». К поступлению в колледж его подготовил необычайно образованный ученый Джон Сильвестр Джон Гардинер, много лет бывший ректором Тринити-Черч в Бостоне, и в 1811 году он поступил в Гарвардский колледж на второй курс. Три года спустя он окончил колледж вместе с выпуском 1814 года.

На третьем курсе произошел несчастный случай, который изменил всю его жизнь. Когда он выходил из столовой, где студенты сидели за общим столом, неаккуратный сокурсник бросил в него печенье, которое попало ему прямо в левый глаз, и он потерял сознание, упав на пол общежития « ». В результате он получил паралич сетчатки; травма была неизлечима, и зрение одного глаза было полностью утрачено. После периода сильных страданий, проведенного в темной комнате, он достаточно поправился, чтобы возобновить учебу в колледже и окончить его вместе со своим классом. В течение полутора лет незадетый глаз служил ему довольно хорошо. Затем внезапно его поразил острый ревматизм, вызывавший, за исключением редких периодов перерыва, мучительную боль на протяжении всей его оставшейся жизни. Не редкость была для Прескотта полная темнота, длившаяся неделями, и работа, за исключением случаев, когда каждый луч света был тщательно отрегулирован, была практически невозможна. В этих условиях о карьере адвоката, которую запланировал для него отец и которую он с таким удовольствием ждал, уже не могло быть и речи. Бизнес не представлял для него никакого интереса, даже если бы он мог заниматься им, будучи полуслепым. Он обратил свое внимание на литературу и нашел в ней свое призвание.

Но для этой работы он чувствовал, что необходима самая тщательная подготовка. В письме, написанном за восемнадцать месяцев до своей смерти, он говорит: «Я предложил посвятить десять лет своей жизни изучению древней и современной литературы, главным образом последней, и еще

десять лет — какой-нибудь исторической работе. Мне посчастливилось осуществить этот замысел почти в установленные сроки. На Рождество 1837 года моя первая работа была представлена публике».

В течение первых десяти лет подготовки он часто публиковался в журналах, написав несколько статей, которые вошли в сборник «Miscellanies», который всегда был частью его «работ». Его историческая работа была выполнена с огромным трудом. Американская наука в то время не была развита, и было почти невозможно найти читателей, владеющих иностранными языками. Г-н Прескотт с патетикой рассказывает о преодоленных трудностях. Секретарь, которого он нанял вначале, не знал ни одного языка, кроме своего родного. «Я научил его произносить кастильский язык так, как, по-моему, было более приятно для моего уха, чем для уха испанца, и мы начали наше утомительное путешествие по благородной истории Марианы. Даже сейчас я не могу без улыбки вспомнить те утомительные часы, когда, сидя под старыми деревьями в моей загородной резиденции, мы медленно и печально продвигались по страницам, которые не давали ему ни малейшего понимания, а мне давали лишь смутное представление благодаря полупонятному словарному запасу. Но через несколько недель свет стал ярче, и я был воодушевлен осознанием собственного прогресса; и когда мы пробились через семь кварто, я обнаружил, что могу понимать книгу, читая ее примерно в два раза быстрее, чем обычный английский». Собрав таким образом идеи своих многочисленных авторитетов из механических уст своего секретаря, мистер Прескотт некоторое время обдумывал их, а затем диктовал заметки для главы объемом от сорока до пятидесяти страниц. Эти заметки ему читали и перечитывали, пока тема еще была свежа в его памяти. Он много раз прокручивал их в уме, прежде чем начинал диктовать окончательный вариант, и таким образом мог избежать ошибок, в которые часто впадают люди с полным зрением. В течение последних тридцати лет своей жизни он пользовался пишущим инструментом для слепых, ноктографом, с помощью которого он мог писать свои собственные страницы и частично обходиться без диктовки. С помощью ноктографа он писал очень быстро, но почти неразборчивым почерком, который могли прочитать только автор и его секретарь.

Когда, после двадцати лет труда, «История правления Фердинанда и Изабеллы» была закончена, ее автор настолько сомневался в ее ценности, что предложил просто положить ее на полку своей библиотеки «для пользы тех, кто придет после». Его отец мудро опроверг это мрачное суждение и настоял на ее публикации. «Человек, который пишет книгу, которую боится опубликовать, — трус», — сказал он своему сыну. Работа была представлена миру в 1837 году и сразу же имела огромный успех. Ее автор, который до этого был лишь малоизвестным автором рецензий, сразу же занял место в первом ряду современных историков — по словам Дэниела Вебстера, — «как комета, которая воссияла над миром во всем своем великолепии». В очень короткий срок появились переводы на испанский, немецкий, французский и итальянский языки. Критики многих национальностей присоединились к единодушной похвале.

В некотором смысле достижение г-на Прескотта было национальным триумфом. Британские рецензенты были даже более восторженными, чем американские. Одно из самых ярких свидетельств пришло от Ричарда Форда, автора знаменитого «Справочника по Испании», английского ученого, чье знание испанских дел было феноменальным. Г-н Форд написал: «Работа г-на Прескотта — это, безусловно, первое историческое произведение, созданное в Британской Америке, и оно не боится сравнения с любыми работами, опубликованными в европейской прессе с начала этого века». Г-н Форд не был в восторге от американских институтов и ни в коем случае не был готов поверить, что американский эксперимент с демократическим правительством приведет к созданию постоянного государства. Поэтому, думая о будущих поколениях, он осторожно и неопределенно отнес г-на Прескотта не к Соединенным Штатам, а к Британской Америке. Похвальные отзывы, появившиеся в британских изданиях, показали, что многие, помимо г-на Форда, были поражены тем, что «Британская Америка» могла произвести на свет такой прекрасный образец исторического мастерства. Сидней Смит высказал наиболее восторженную

похвалу. Он даже пошел так далеко, что пообещал американскому автору «Каспийское море супа», если тот посетит Англию.

Новый историк не был избалован льстивыми отзывами, которые сыпались на него. Радуюсь неожиданной похвале, он с новым рвением и еще большей тщательностью посвятил себя написанию другой работы. Эта работа, «История завоевания Мексики», появилась в 1843 году, и менее чем за двенадцать месяцев в Соединенных Штатах было продано семь тысяч экземпляров. Искусство рекламы по принципу « », в котором сегодня так искусно владеют современные издатели, тогда еще не было развито; «Завоевание Мексики» пробило себе дорогу к читающей публике самостоятельно. За английские авторские права лондонский издатель Бентли заплатил 650 фунтов стерлингов. За шестнадцать лет в Англии было издано десять тиражей, а в Соединенных Штатах — двадцать три. Популярность книги была еще более выраженной, чем в случае с «Фердинандом и Изабеллой», а аплодисменты критиков были гораздо громче. Чистый и правильный английский язык особенно понравился таким ученым, как Милман. Этот известный историк поместил Прескотта «в число небольшой группы действительно хороших английских историков современности». Исходя от редактора лучшего издания «Упадк и падения Римской империи» Гиббона, это была действительно высокая похвала. *Edinburgh Review* писал: «Каждый умный читатель забывает о красоте его колорита в величии его обрисовки... Только связный набросок последней может отдать должное высшему очарованию этого произведения». Стирлинг, автор «Клостерной жизни императора Карла V», писал: «Описание *Triste Noche*, печальной ночи, когда после смерти Монтесумы Кортес и его отряд отступили через озеро и по разрушенной дамбе, пробиваясь через вооруженную нацию, — одна из лучших картин современной исторической живописи». Испанская Королевская академия истории избрала Прескотта членом этого августейшего органа вскоре после появления его «Истории правления Фердинанда и Изабеллы Беллы»; другие исторические общества и научные организации теперь осыпали его почестями.

Историк неустанно продолжал свою работу. Он посвятил себя задаче рассказать о величии Испании в период ее наивысшего расцвета. «История завоевания Перу» была опубликована в 1847 году, через четыре года после появления «Мексики». Она читается как роман и всегда была самой популярной из работ Прескотта. Сегодня это единственная история ранних испанских завоеваний в Перу, которая считается «авторитетной» по Южной Америке и всегда есть в наличии в перуанских книжных магазинах. За английские авторские права на эту работу Бентли заплатил 800 фунтов стерлингов. За тринадцать лет было продано 17 тысяч экземпляров. Спрос на нее остается постоянным.

Слава автора была теперь полностью упрочена. Его повсеместно считали одним из величайших живых историков, и почести и богатство неуклонно стекались к нему. Его доход от книг был очень большим. Стирлинг оценивает его в 4000–5000 фунтов стерлингов в год. Это, в дополнение к унаследованному состоянию, сделало г-на Прескотта очень богатым человеком в те годы, когда о сегодняшних огромных доходах едва ли кто-то мог мечтать. Он был столь же методичен и осторожен в денежных делах, как и в своей литературной работе. Он вел очень точный учет своих доходов и расходов, и одну десятую часть своих доходов всегда направлял на благотворительность.

В 1850 году он совершил краткую поездку в Европу, проведя некоторое время на континенте, но больше всего — в Англии и Шотландии (). Везде его встречали с таким восторгом, что у большинства людей это вскружило бы голову. Оксфордский университет присвоил ему степень доктора права. Двери домов, где почиталось образование, открывались при его приближении. Однако одним из главных факторов его социального успеха была его очаровательная личность. Как человек он был очень симпатичен.

По возвращении в Америку он посвятил себя написанию «Истории правления Филиппа II», для чего накопил обширную коллекцию документальных «авторитетных источников». Эта работа

должна была выйти в шести томах, и за нее автору было предложено 1000 фунтов стерлингов за том двумя издателями. Два тома были опубликованы в 1855 году, а третий появился три года спустя. Маколей назвал «Филиппа II» лучшей работой г-на Прескотта. Ее стиль более отточен, использование авторитетных источников более мастерское, чем в предыдущих томах. С точки зрения драматического интереса, главы, описывающие оборону Мальты рыцарями госпитальерского ордена Святого Иоанна Иерусалимского (), вполне сопоставимы с рассказом о «Triste Noche» Кортеса и его товарищей в Мексике, который так восхитил Стирлинга. Но работа так и не была завершена. После выхода двух томов было опубликовано «Издание Прескотта книги Робертсона «Карл Пятый». Это было просто новое издание работы шотландского историка с дополнениями, касающимися поздних лет жизни императора, которые Робертсон не рассматривал. В нем приводится правдивая история отставки и смерти императора. Prescott испытывал к Робертсону огромное восхищение. Он всегда признавал свою глубокую благодарность ему и считал, что было бы совершенно ненужным и даже почти самонадеянным с его стороны пытаться переписать историю, которую шотландец описал так хорошо. В этих трех работах, «Фердинанд и Изабелла», «Карл Пятый» и «Филипп Второй», представлено полтора века важнейшей части испанской истории. То, что Прескотт не дожил до завершения третьей работы, всегда будет считаться большой утратой для литературного мира.

Помимо уже упомянутых томов, в опубликованные работы Прескотта всегда включался еще один том «Разнообразные эссе» (подборка из его ранних статей в журналах и других периодических изданиях). Для историка этот том даже более интересен, чем для обычного читателя. Он иллюстрирует изменения, которые с момента его публикации произошли в методах работы рецензента и историка.

4 февраля 1858 года г-н Прескотт был поражен параличом. Удар был слабым. Он быстро оправился от его последствий и с неукротимой настойчивостью продолжил свою литературную деятельность. Менее чем через год, 28 января 1859 года, работая в своей библиотеке со своим секретарем, он упал без сознания от второго приступа и скончался примерно через час.

Вполне можно сказать, что смерть ни одного историка не повлияла так глубоко на сообщество, в котором он жил. Другие авторы пользовались уважением и восхищением тех, с кем они общались (), но Прескотт был всеобщим любимцем. Пожалуй, ни один американский писатель не был оплакан так искренне и широко. Приветливый, щедрый, учтивый, внимательный к другим, необычайно привлекательный внешне, он привлекал к себе сердца всех своих соратников, а его любезность и доброта, проявлявшиеся на каждой странице его произведений, сделали его любимым для тысяч читателей во всех частях света.

Отличительной чертой г-на Прескотта была его глубокая любовь к истине. Как автор, он не ставил перед собой никаких задач. Он никогда не тратил время на споры, чтобы доказать правоту своих взглядов. Его единственным желанием было скрупулезно и точно изложить все факты, относящиеся к его теме. Некоторые критики считают, что его склонность к героизации иногда приводит его к чрезмерным утверждениям, а его великолепные описания иногда заставляют нас закрывать глаза на самые неприятные факты. Возможно, это отчасти верно в случае его первой работы «Фердинанд и Изабелла», но даже в этих томах читатель почти всегда найдет сноски, подтверждающие утверждения автора или указывающие на возможность сомнений, которые он сам испытывал. Ни один исторический писатель не превосходил его в ясном понимании фактов, яркой силе повествования в сочетании с художественным контролем над деталями. Он не обладал столь высокой степенью философского анализа, но ни один философский историк первого ряда не был так широко читаем, как Уильям Хиклинг Прескотт.

Для получения дополнительных сведений об историке « », которые, несомненно, будут востребованы после ознакомления с его трудами, читателю рекомендуется очаровательная биография, опубликованная Джорджем Тикнором в 1864 году и переизданная вместе с этим изданием работ Прескотта.

Более тридцати лет прошло с момента выхода в свет последнего переработанного издания. Его редактор, Джон Фостер Кирк, был идеально подходящей кандидатурой для этой работы. Он был личным секретарем Прескотта в течение одиннадцати лет и, пожалуй, лучше всех знал тот период испанской истории, о котором писал Прескотт. Кроме того, он сам завоевал завидную международную репутацию благодаря своей книге «Жизнь Карла Смелого». В своих примечаниях к книге « » он обобщил дополнительную информацию, которую целое поколение ученых внесло в темы, затронутые на страницах книги Прескотта. Все эти примечания включены в настоящее издание.

Но с тех пор, как были написаны заметки Кирка, еще одно поколение студентов занималось изучением истории Испании — поколение, которое имело гораздо больше возможностей для исследований, чем любые ученые до них. Бесчисленные рукописи были спасены из монастырского забвения, вековые слои пыли были соскоблены с десятков томов в государственных архивах, а прожекторы современных научных исследований были направлены на места, которые когда-то казались безнадежно темными. Как будто этого было недостаточно, исследователи из многих стран погрузились в глубины мексиканских лесов и проникли в ущелья Анд, пытаясь вырвать у них секреты их древней истории.

Результатом стало огромное количество томов, наполненных поразительно разнообразными утверждениями и широко противоречащими выводами. Многие из этих томов, особенно те, что были написаны исследователями, были написаны людьми, не имеющими опыта в исторической письменности, — специальными защитниками, а не историками, — людьми, которые были более заинтересованы в том, чтобы продемонстрировать обоснованность своих собственных теорий, чем в достижении абсолютного знания о институтах Перу и Мексики.

Задачей редактора этого издания было отделить от этого массива материалов выводы, с которыми в основном согласны ученые, и включить эти выводы в дополнительные сноски. Он обычно не считал необходимым указывать авторов, которых читал. Поскольку он знает, что средний читатель не любит цитаты, брошенные ему на незнакомом языке, он всегда использовал в цитатах наиболее известные авторитетные источники на английском языке.

При подготовке этих новых томов к печати тексты ранее изданных изданий были тщательно сопоставлены, чтобы обеспечить абсолютную точность. Во всех этих вопросах издатели стремились представить произведения Прескотта в форме, которая на долгие годы должна считаться стандартным изданием самого популярного историка Америки.

УИЛФРЕД Х. МУНРО.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Публикация второй работы Прескотта «История завоевания Мексики» была по праву признана величайшим достижением в американской исторической литературе. Тема не была новой. Другие писатели пытались рассказать историю Эрнандо Кортеса и удивительной империи, которую этот смелый и находчивый капитан превратил в провинцию Испании, но никогда прежде никто не пытался выполнить эту задачу, в которой так удачно сочетались терпеливые исследования, тщательные размышления и блестящее историческое воображение. Результат труда Прескотта был с восторгом встречен во всем англоязычном мире. Его работа была быстро переведена на многие языки, и ее тема приобрела интерес, который с тех пор не утрачен. По словам другого американского ученого, Эдварда С. Уортона ([\[1\]](#)), который не соглашался с Прескоттом во многих выводах, сделанных им в отношении так называемой ацтекской цивилизации, «она породила большее количество работ, чем когда-либо было написано о любом народе того же числа и той же важности».

Чтобы оценить сенсацию, которую вызвала эта книга, мы должны вернуться почти на два поколения назад и перенестись в страну, население которой едва превышало 18 миллионов человек — меньше, чем сейчас проживает в штатах Новой Англии и в четырех соседних средних штатах — Нью-Йорке, Нью-Джерси, Пенсильвании и Делавэре. Эти люди в основном были рассеяны по регионам, граничащим с Атлантическим океаном и Великими озерами. Сравнительно немногие из них проживали к западу от реки Миссисипи. Техас был независимой республикой. Калифорния и прилегающие земли принадлежали Мексике. Вопрос о владении обширной территорией, тогда смутно известной как Орегон, не был решен. Аляска была российской территорией. Между Миссисипи и Сьерра-Невадой в Калифорнии простирались огромные пустоши прерий и пустынь, гор и плоскогорий, которые сейчас поддерживают жизнь миллионов людей, но которые даже такой дальновидный государственный деятель, как Дэниел Вебстер, считал тогда непригодными для проживания людей. Связь даже между наиболее густонаселенными штатами была крайне редкой. Первая общественная телеграфная линия еще не была построена; железнодорожная система страны все еще находилась в зачаточном состоянии; письма доставлялись по фиксированной цене за милю и по очень высокой ставке; почтовые расходы на книги были чрезвычайно высокими. Прошло всего три года с тех пор, как первая трансатлантическая пароходная линия (Cunard) отправила свой первый корабль через океан. Еще долгое время газеты в своих заголовках публиковали новости «с опозданием на несколько дней из Европы».

Тем не менее, за год в этой мало селенной стране было продано семь тысяч экземпляров «Завоевания Мексики», несмотря на медленные способы связи. Бостон был признан литературным центром нации, и Прескотт, с присущей ему скромностью, полагал, что неожиданный успех, сопровождавший его первое литературное предприятие, был обусловлен интересом его личных друзей в этом городе культуры. Такое предположение больше не было обоснованным. Невозможно было также объяснить его огромную популярность влиянием мнений, высказанных в Великобритании. Беспрецедентный успех книги был обусловлен не личным интересом к ее автору, не благоприятной оценкой литературного Бостона, не похвалой английских рецензентов, а достоинствами самого произведения. Удивительная история была рассказана удивительно хорошо. Люди читали ее и комментировали так, как они не комментируют книги в настоящее время. Они обсуждали ее не только в тех редких случаях, когда встречались с друзьями из дальних мест, но и в длинных письмах, которые они посылали этим друзьям, — тех письмах, из которых мы сегодня получаем столько впечатлений о жизни первой половины XIX века. Она передавалась из рук в руки в сообществах, где только избранные немногие могли покупать книги, но где все люди, в те гораздо менее напряженные дни, стремились их читать, — в те дни, когда среднее критическое суждение о хорошей литературе было более развито, чем сейчас, и люди были гораздо более склонны к размышлениям и обсуждениям, чем сейчас.

Как уже упоминалось, г-н Прескотт был человеком значительного состояния. Поэтому он мог разместить на столах своей библиотеки гораздо больше материалов для работы, чем это обычно возможно. Он не только приобрел большинство книг, изданных по его теме, но и обеспечил себе копии более ценных документальных материалов из библиотек и публичных архивов Испании и Мексики, — таким образом постепенно накопив библиотеку, которая к моменту его смерти была лучшей частной коллекцией книг в Америке.

Его метод написания уже был описан. Во-первых, он ежедневно скрупулезно соблюдал часы работы со своим секретарем; затем следовали часы размышлений и тщательного отбора авторитетных источников, прежде чем перо касалось бумаги, а затем еще более тщательные размышления, прежде чем была написана окончательная копия. Склонность к героизации, которую он разделял с большинством американских и, по сути, британских писателей, становилась все менее заметной по мере увеличения количества глав, хотя, безусловно, его можно простить за то, что он радуется подвигам одного из величайших полководцев в европейской

истории. Возможно, именно восхищение этим великим полководцем побудило его написать историю его завоеваний.

Читая «Мексику», мы должны всегда помнить, что задача, которой Прескотт посвятил свои силы, заключалась в том, чтобы дать точный отчет о грандиозных походах, благодаря которым Кортес стал властелином земель ацтеков, а не в том, чтобы подробно описать институты, с которыми Кортес столкнулся в долине Мехико. Описание обычаев, традиций и законов народа этой долины было необходимо для правильного понимания масштабов завоевания. Это описание Прескотт составил на основе материалов, собранных из всех доступных источников, при этом прекрасно понимая, насколько неудовлетворительными были эти источники. Оно занимает около половины тома, но, как он говорит в своем первом предисловии, стоило ему столько же труда и почти столько же времени, сколько и вся остальная часть его истории. Эта часть работы подверглась очень жесткой критике, о чем упоминается в примечаниях к данному изданию. Немало выводов, изложенных в ней, оказались ошибочными. Например, г-н Прескотт не понимал институтов ацтеков. Было бы удивительно, если бы он их понимал. И все же следует сказать, что, несмотря на время, потраченное на исследования с момента написания вводных глав Прескотта, сегодня о древнем ацтекском народе *известно* на удивление мало больше, чем было известно в то время. Писатели, отвергавшие его выводы, выдвигали бесчисленные гипотезы, чтобы заменить их, но большинство этих гипотез не были основаны на фактах. Их авторы были в основном теоретиками, а не просто искателями истины, как Прескотт. До тех пор, пока не будет обнаружено большее количество так называемых «кодексов» и люди не научатся их читать, как ученые научились читать иероглифы Востока, вряд ли можно будет получить более достоверные *знания*. Однако вряд ли когда-нибудь будет найдено еще много «кодексов». Если они и существуют, то, вероятно, лежат незамеченными в каком-нибудь малоизвестном монастыре в Испании () или под грудой еще не классифицированных материалов в государственных архивах этой страны. Из множества факторов, способствовавших их уничтожению, можно выделить три. Во-первых, это климат Мексики с его бесчисленными насекомыми, которые размножаются в тропическом климате; во-вторых, суровая решимость самих мексиканцев уничтожить памятники своего древнего государства; и, наконец, геноцид, устроенный Сумарага, первым архиепископом Мексики, чья рука, как говорит Прескотт, «обрушилась на памятники ацтеков с большей силой, чем само время». Этот прелат, подражая в своих достижениях автодафе арабских рукописей, которое архиепископ Сименес провел в Гранаде двадцатью годами ранее, сжег все рукописи и другие идолопоклоннические материалы, которые он смог собрать, в одной большой «горной куче» на рыночной площади Тлателолко.^[2]

Но когда эти дополнительные знания будут получены, вряд ли кто-нибудь попытается заново написать историю испанского завоевания. Информация, полученная из грубых изобразительных описаний ацтекских писцов и из высеченных надписей ацтекских скульпторов, будет включена в качестве сносок в последующие издания томов Прескотта. Ведь даже критики, которые наиболее строго осуждают Прескотта за его неправильное представление об ацтекских институтах, признают, что во всем, что он писал о завоевании и людях, принимавших в нем участие, он самым тщательным образом придерживался фактов и добросовестно следовал рассказам участников. Эти рассказы, как признает самый известный критик Прескотта (г-н Льюис Х. Морган), «могут быть достоверными во всем, что касается действий испанцев, а также действий и личных характеристик индейцев; во всем, что касается их оружия, орудий труда и утвари, тканей, еды и одежды, а также вещей подобного характера».

Поскольку он так внимательно следил за современными ему писателями, поскольку благодаря своему яркому историческому воображению он был способен перенестись в далекое прошлое, прожить вместе с завоевателями-испанцами жизнь, полную тяжелого труда и лишений, которые порой превосходили их железную выносливость, разделить с ними их постоянную опасность, радоваться вместе с ними их окончательным победам, поскольку, живя, разделяя и радуясь вместе с ними, он был способен превратить их скучные истории в страницы, искрящиеся полнотой

жизни, люди по-прежнему будут обращаться к этим страницам за самым ярким описанием подвигов Кортеса и его соратников — еще многие поколения будут читать его работу как одно из величайших шедевров описательной литературы.

W. H. M.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Поскольку завоевание Мексики заняло пера Солиса и Робертсона, двух самых способных историков своих народов, может показаться, что в настоящее время историкам осталось мало чего изучать (). Но повествование Робертсона неизбежно кратко, оно составляет лишь часть более обширного труда; и ни британский, ни кастильский автор не располагали важными материалами для описания этого события, которые с тех пор были собраны благодаря усердию испанских ученых. Ученым, который возглавил эти исследования, был Дон Хуан Баптиста Муньос, знаменитый историограф Индий, которому королевским указом был предоставлен свободный доступ к национальным архивам и ко всем библиотекам — публичным, частным и монастырским — в королевстве и его колониях. Результатом его долголетних трудов стал обширный массив материалов, плодами которого, к сожалению, он сам не успел воспользоваться. После его смерти его рукописи были переданы в архив Королевской академии истории в Мадриде; впоследствии эта коллекция была пополнена рукописями дона Варгаса Понсе, президента Академии, которые, как и рукописи Муньоса, были получены из разных источников, но в основном из архивов Индий в Севилье.

Когда в 1838 году я обратился в Академию с просьбой разрешить мне скопировать ту часть этой бесценной коллекции, которая касалась Мексики и Перу, моя просьба была без колебаний удовлетворена, и один из членов Академии, выдающийся немецкий ученый, был назначен руководителем работы по сверке и переписке рукописей; и это, следует добавить, произошло до того, как я стал членом этой уважаемой организации и мог рассчитывать на ее любезность. Такое поведение свидетельствует о прогрессе либерального духа на Пиренейском полуострове со времен доктора Робертсона, который жаловался, что ему было отказано в доступе к важнейшим государственным архивам. Однако благосклонность, с которой было встречено мое заявление, в основном следует приписать любезности почтенного президента Академии, дона Мартина Фернандеса де Наваррете, ученого, чей личный характер обеспечил ему такое же высокое уважение на родине, какое его литературные труды завоевали за рубежом. Я испытываю еще большую благодарность к этой выдающейся личности за то, что он разрешил мне свободно пользоваться своими рукописями — плодами всей его жизни и основой тех ценных публикаций, которыми он в разное время иллюстрировал историю испанской колонизации.

Из этих трех великолепных коллекций, являющихся результатом полувековых тщательных исследований, я получил массу неопубликованных документов, касающихся завоевания и колонизации Мексики и Перу, общим объемом около восьми тысяч фолиантов. Они состоят из инструкций двора, военных и личных дневников, переписки великих действующих лиц, юридических документов, современных хроник и т. п., взятых из всех основных мест обширной колониальной империи Испании, а также из публичных архивов на полуострове.

Я еще более укрепил коллекцию, собрав из самой Мексики материалы, которые были упущены из виду моими прославленными предшественниками в этих исследованиях. За это я благодарен графу Кортине и, в еще большей степени, дону Лукасу Аламану, министру иностранных дел Мексики; но, прежде всего, моему прекрасному другу, дону Анхелю Кальдерону де ла Барка, бывшему полномочному министру при дворе Мадрида в этой стране, — джентльмену, чьи высокие и ценные качества, даже более чем его положение, обеспечили ему доверие общественности и дали ему свободный доступ ко всем интересным и важным местам в Мексике.

Я также должен выразить признательность за любезную помощь, оказанную мне графом Камальдоли в Неаполе; герцогом Серрадифалько на Сицилии, дворянином, чья научная

деятельность придает дополнительный блеск его титулу; и герцогом Монтелеоне, нынешним представителем Кортеса, который любезно открыл для меня архивы своей семьи. К этим именам следует также добавить имя сэра Томаса Филлипса, баронета, чья ценная коллекция рукописей, вероятно, превосходит по объему коллекции любого частного лица в Великобритании, если не в Европе; имя г-на Терно-Компана, владельца ценной литературной коллекции дона Эмилио Антонио Угины, включая документы Муньоса, плоды которой он дарит миру в своих превосходных переводах; и, наконец, имя моего друга и соотечественника Артура Миддлтона, бывшего временного поверенного в делах Соединенных Штатов при дворе Мадрида, за эффективную помощь, которую он оказал мне в проведении моих исследований в этой столице.

В дополнение к этому запасу оригинальных документов, полученных из различных источников, я тщательно собрал печатные работы, имеющие отношение к данной теме, включая великолепные публикации, вышедшие как во Франции, так и в Англии, о древностях Мексики, которые, судя по их стоимости и колоссальным размерам, больше подходят для публичной, чем для частной библиотеки.

Описав таким образом характер моих материалов и источники, из которых они были получены, мне остается добавить несколько замечаний об общем плане и составе работы. Среди замечательных достижений испанцев в XVI веке нет ничего более поразительного для воображения, чем завоевание Мексики. Свержение великой империи горсткой авантюристов со всеми его странными и живописными сопутствующими обстоятельствами скорее напоминает роман, чем трезвую историю, и нелегко обращаться с такой темой в соответствии со строгими правилами, предписываемыми исторической критикой. Но, несмотря на соблазн этой темы, я добросовестно старался отличать факты от вымысла и основывать повествование на как можно более широкой основе современных свидетельств (); я воспользовался возможностью подкрепить текст обширными цитатами из авторитетных источников, обычно в оригинале, поскольку немногие из них могут быть доступны читателю. В этих выдержках я скрупулезно следовал древней орфографии, какой бы устаревшей и даже варварской она ни была, чтобы ни в коей мере не нарушить целостность оригинального документа.

Хотя тема работы, собственно говоря, касается только завоевания Мексики, я подготовил почву для нее, представив такое видение цивилизации древних мексиканцев, которое могло бы познакомить читателя с характером этой необыкновенной расы и позволить ему понять трудности, с которыми испанцы столкнулись при ее покорении. Эта вводная часть работы, вместе с эссе в приложении, которое по сути принадлежит к введению,^[3] хотя и составляет вместе только половину тома, стоила мне столько же труда и почти столько же времени, сколько и остальная часть истории. Если мне удастся дать читателю правильное представление о подлинной природе и масштабах цивилизации, которой достигли мексиканцы, то этот труд не будет напрасным.

История завоевания заканчивается падением столицы. Однако я предпочел продолжить повествование до смерти Кортеса, полагаясь на интерес, который развитие его характера в военной карьере могло вызвать у читателя. Я не безразличен к риску, на который иду, поступая таким образом. Ум, ранее занятый одной великой идеей — падением столицы, — может счесть продолжение истории за этой точкой излишним, если не утомительным, и может найти трудным, после волнения, вызванного свидетельством великой национальной катастрофы, проявить интерес к приключениям частного лица. Солис поступил более политично, завершив свое повествование падением Мексики, и таким образом оставил у своих читателей полное впечатление от этого памятного события, не нарушенное ничем. Продлевать повествование — значит подвергать историка той ошибке, которую так осуждают французские критики в некоторых из своих самых знаменитых драм, где автор преждевременным *развязкой* ухудшил интерес к своему произведению. Это недостаток, который неизбежно присущ, хотя и в большей степени, истории Колумба, в которой мелкие приключения среди группы островов составляют продолжение жизни,

начавшейся с великолепного открытия мира, — недостаток, который, короче говоря, потребовал всего гения Ирвинга и волшебного очарования его стиля, чтобы его полностью преодолеть.

Несмотря на эти возражения, я был вынужден продолжить повествование, отчасти из уважения к мнению нескольких испанских ученых, которые считали, что биография Кортеса не была полностью раскрыта, а отчасти из-за того, что я располагал таким объемом оригинальных материалов для этой биографии. И я не могу сожалеть о том, что пошел по этому пути, поскольку, каким бы блеском ни отражалось завоевание на Кортесе как военном достижении, оно дает лишь неполное представление о его просвещенном духе и его всестороннем и разностороннем гении.

В глазах критика может показаться некоторое несоответствие в плане, который сочетает в себе столь непохожие объекты, как те, которые охватывает настоящая история, где введение, посвященное древностям и происхождению нации, имеет в некоторой степени характер *философской* темы, в то время как заключение является строго *биографическим*, и можно предположить, что оба они несопоставимы с основной частью или *исторической* частью работы. Но я надеюсь, что такие возражения окажутся менее весомыми на практике, чем в теории, и что при правильном подходе общие взгляды, изложенные во введении, подготовят читателя к подробностям завоевания, а великие общественные события, описанные в нем, без насилия откроют путь к остальной личной истории героя, который является его душой. Какие бы несоответствия ни существовали в других отношениях, я могу надеяться, что *единство интереса*, единственное единство, которое современные критики считают очень важным, все же будет сохранено.

Можно предположить, что расстояние между современностью и периодом, описанным в повествовании, защищает историка от необоснованных предрассудков или пристрастности. Однако американские и английские читатели, признающие моральные нормы, столь отличные от норм XVI века, могут посчитать меня слишком снисходительным к ошибкам завоевателей, а испанцы, привыкшие к неразбавленной хвалебной речи Солиса, могут посчитать, что я слишком сурово с ними обошелся. Таким людям я могу только сказать, что, с одной стороны, я не колебался в том, чтобы в самых ярких красках показать чрезмерности завоевателей, с другой стороны, я дал им возможность воспользоваться смягчающими обстоятельствами, которые могли быть вызваны обстоятельствами и периодом, в котором они жили. Я стремился не только представить картину, верную сама по себе, но и поместить ее в надлежащем свете, а зрителя — в надлежащую точку зрения, чтобы он мог увидеть ее в самом выгодном свете. Я постарался, несмотря на некоторые повторения, окружить его духом того времени и, одним словом, сделать его, если можно так выразиться, современником шестнадцатого века. Удалось ли мне это и в какой степени, он должен определить сам.

Прежде чем закончить, я хотел бы попросить читателя о снисхождении. Из-за состояния моих глаз я был вынужден использовать письменный набор для слепых, который не позволяет писателю видеть свой собственный рукописный текст. Я также никогда не исправлял и даже не читал свой собственный первоначальный черновик. Поскольку в этих неблагоприятных условиях рукописный текст слишком часто был неаккуратным и неясным, даже при максимальной тщательности моего секретаря в переписке неизбежно возникли случайные ошибки, которые были несколько усугублены варварской фразеологией, заимствованной из моих мексиканских источников. Я не могу ожидать, что эти ошибки были всегда обнаружены даже бдительным глазом проницательного критика, которому были представлены корректуры.

В предисловии к «Истории Фердинанда и Изабеллы» я сожалел о том, что, пока я занимался этой темой, две ее наиболее привлекательные части привлекли внимание самого популярного американского автора, Вашингтона Ирвинга. По странному стечению обстоятельств, при написании настоящей истории произошло нечто противоположное, и я неосознанно занял место, которое он готовился занять. Я узнал об этом обстоятельстве только после того, как овладел своей богатой коллекцией материалов; и если бы он упорствовал в своем замысле, я без колебаний

отказался бы от своего, если не из вежливости, то по крайней мере из соображений политики; ибо, хотя я и был вооружен оружием Ахилла, это не давало мне никакой надежды на успех в соперничестве с самим Ахиллом. Но как только этот выдающийся писатель узнал о моих приготовлениях, он, проявив джентльменский дух, который не удивит никого, кто имеет удовольствие быть с ним знакомым, немедленно объявил мне о своем намерении оставить эту тему открытой для меня. Хотя этим заявлением я лишь отдаю должное мистеру Ирвингу, я чувствую, что оно наносит ущерб мне самому, вызывая у читателя бесполезное сожаление.

Я не могу закончить это предисловие, и без того слишком затянувшееся, без слова благодарности моему другу Джорджу Тикнору, Esq., другу многих лет, за его терпеливую и ю правку моего рукописи; это труд любви, ценность которого могут оценить только те, кто знаком с его необычайной эрудицией и тонким критическим вкусом. Если я оставил его имя последним в списке тех, кому я обязан, то это, безусловно, не потому, что я меньше всего ценю его услуги.

Уильям Х. Прескотт.

Бостон, 1 октября 1843 года.

ПРИМЕЧАНИЕ. — Исправления автора к этой истории включают в себя множество дополнительных примечаний, которые, поскольку они часто противоречат тексту, были напечатаны в скобках. Они были в основном взяты из обширных комментариев Дона Хосе Ф. Рамиреса и Дона Лукаса Аламана к двум испанским переводам, опубликованным в Мексике. Не может быть более весомой гарантии ценности и общей точности этой работы, чем кропотливый труд, проделанный над ней этими выдающимися учеными. — К.

ОБЩЕЕ СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА I

ВВЕДЕНИЕ — ВЗГЛЯД НА ЦИВИЛИЗАЦИЮ АСТЕКОВ

КНИГА II

ОТКРЫТИЕ МЕКСИКИ

КНИГА III

ПОДВИГ К МЕКСИКЕ

КНИГА IV

ПРЕБЫВАНИЕ В МЕКСИКЕ

КНИГА V

ИЗГНАНИЕ ИЗ МЕКСИКИ

КНИГА VI

ОСАДА И КАПИТУЛЯЦИЯ МЕКСИКИ

КНИГА VII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ — ДАЛЬНЕЙШАЯ КАРЬЕРА КОРТЕСА

ПРИЛОЖЕНИЕ

СОДЕРЖАНИЕ ТОМА I

[КНИГА I](#)

ВВЕДЕНИЕ — ОБЗОР ЦИВИЛИЗАЦИИ АСТЕКОВ

[ГЛАВА I](#)

ДРЕВНИЙ МЕКСИКА — КЛИМАТ И ПРОДУКТЫ — ПЕРВОБЫТНЫЕ РАСЫ — ИМПЕРИЯ АСТЕКОВ

	СТРАНИЦА
Распространение территории ацтеков	4
Жаркий регион	5
Вулканический ландшафт	7
Кордильеры Анд	8
Плато в эпоху ацтеков	9
Долина Мехико	10
Тольтеки	12
Их таинственное исчезновение	16
Расы с северо-запада	17
Их вражда	19
Основание Мексики	21
Внутренние распри	22
Лига родственных племен	23
Быстрый подъем Мексики	25
Процветание империи	26
Критика истории Вейтии	27

[ГЛАВА II](#)

НАСЛЕДОВАНИЕ КОРОНЫ — АЦТЕКСКАЯ ЗНАТЬ — СУДЕБНАЯ СИСТЕМА — ЗАКОНЫ И ДОХОДЫ — ВОЕННЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ

Избрание правителя	34
Его коронация	37
Ацтекская знать	38
Их варварская пышность	39
Срок владения их поместьями	40
Законодательная власть	41

Судебная система	<u>42</u>
Независимость судей	<u>43</u>
Их порядок работы	<u>44</u>
Шоу-трибунал	<u>45</u>
Иероглифические рисунки	<u>46</u>
Брачные обряды	<u>49</u>
Рабство в Мексике	<u>49</u>
Королевские доходы	<u>51</u>
Обременительные налоги	<u>54</u>
Государственные курьеры	<u>55</u>
Военный энтузиазм	<u>56</u>
Послы ацтеков	<u>57</u>
Рыцарские ордена	<u>57</u>
Великолепные доспехи	<u>58</u>
Национальный стандарт	<u>59</u>
Военный кодекс	<u>60</u>
Больницы для раненых	<u>61</u>
Влияние завоевания на нацию	<u>63</u>
Критика истории Торквемады	<u>64</u>
Аббе Клавигеро	<u>65</u>

[ГЛАВА III](#)

МЕКСИКАНСКАЯ МИФОЛОГИЯ — Священнический орден — Храмы — Человеческие ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ

Системы мифологии	<u>67</u>
Мифология ацтеков	<u>68</u>
Представления о боге	<u>69</u>
Кровавый бог войны	<u>70</u>
Бог воздуха	<u>71</u>
Мистические легенды	<u>72</u>
Разделение времени	<u>75</u>
Будущее состояние	<u>76</u>
Похоронные церемонии	<u>77</u>
Обряд крещения	<u>78</u>
Монашеские ордена	<u>80</u>
Праздники и бичевание	<u>82</u>
Исповедальня ацтеков	<u>82</u>

Воспитание молодежи	83
Доходы священников	85
Мексиканские храмы	86
Религиозные праздники	88
Человеческие жертвоприношения	89
Судьба пленников	90
Церемонии жертвоприношения	91
Пытки жертвы	92
Жертвоприношение младенцев	92
Банкеты каннибалов	93
Число жертв	94
Дома черепов	95
Каннибализм ацтеков	99
Критика истории Саагуна	101

[ГЛАВА IV](#)

МЕКСИКАНСКИЕ ИЕРОГЛИФЫ — РУКОПИСИ — АРИФМЕТИКА — ХРОНОЛОГИЯ — АСТРОНОМИЯ

Зарождение науки	105
Письмо-картинки	106
Иероглифы ацтеков	108
Рукописи мексиканцев	109
Эмблематические символы	110
Фонетические знаки	111
Материалы ацтекских рукописей	114
Форма их томов	115
Уничтожение большей части из них	116
Сохранившиеся рукописи	117
Сложность их расшифровки	120
Менестрельство ацтеков	123
Театральные развлечения	124
Система нотации	124
Их хронология	126
Эпоха ацтеков	129
Календарь жрецов	132
Наука астрологии	135
Астрология ацтеков	136
Их астрономия	137

Замечательные достижения в этой науке	<u>138</u>
Замечательный праздник	<u>140</u>
Карнавал ацтеков	<u>142</u>
Творчество лорда Кингсборо	<u>143</u>
Критика Гамы	<u>144</u>

[ГЛАВА V](#)

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО АЦТЕКОВ — МЕХАНИЧЕСКИЕ ИСКУССТВА — ТОРГОВЦЫ — БЫТ

Механический гений	<u>146</u>
Сельское хозяйство	<u>147</u>
Мексиканское животноводство	<u>148</u>
Овощные продукты	<u>150</u>
Минеральные богатства	<u>153</u>
Мастерство ювелиров ацтеков	<u>155</u>
Скульптура	<u>156</u>
Огромный календарный камень	<u>157</u>
Ацтекские красители	<u>159</u>
Красивые изделия из перьев	<u>160</u>
Ярмарки Мексики	<u>161</u>
Национальная валюта	<u>161</u>
Промыслы	<u>162</u>
Ацтекские торговцы	<u>163</u>
Воинственные торговцы	<u>163</u>
Домашняя жизнь	<u>165</u>
Доброта к детям	<u>166</u>
Полигамия	<u>166</u>
Половое состояние	<u>167</u>
Общественные развлечения	<u>167</u>
Употребление табака	<u>168</u>
Кулинарное искусство	<u>169</u>
Приятные напитки	<u>170</u>
Танцы	<u>171</u>
Опьянение	<u>172</u>
Критика работы Ботурини	<u>173</u>

[ГЛАВА VI](#)

ТЕЦКУКАНЦЫ — ИХ ЗОЛОТОЙ ВЕК — ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРИНЦЫ — УПАДОК ИХ МОНАРХИИ

Альколуаны или тецкуканцы	176
Принц Несауалькойотль	177
Его преследование	178
Его спасение в последний момент	179
Его странничающая жизнь	180
Верность его подданных	181
Триумфы над врагами	182
Замечательный союз	183
Общая амнистия	183
Кодекс Тецкукана	184
Департаменты правительства	184
Совет по музыке	185
Цензурный офис	185
Литературный вкус	186
Барды Тецкукана	188
Королевская ода	188
Ресурсы Несауалькойотля	191
Его великолепный дворец	192
Его сады и виллы	193
Обращение священника	195
Его бани	197
Роскошная резиденция	198
Существующие остатки	199
Королевские любовные интриги	200
Брак короля	202
Лесные законы	203
Странствия	204
Щедрость монарха	205
Его религия	206
Храм <i>Неизвестного Бога</i>	208
Философский отход от дел	209
Его жалобные стихи	209
Последние часы Несауалькойотля	211
Его характер	213
Преемник Несауальпилли	214
Леди Тулы	215

Казнит своего сына	216
Женственность короля	217
Его последующие несчастья	217
Смерть Несауальпилли	218
Цивилизация Тецукана	219
Критика сочинений Икстильшочитля	220

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МЕКСИКАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ — АНАЛОГИИ С ДРЕВНИМ МИРОМ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ЗАМЕЧАНИЕ

Размышления о Новом Свете	225
Способ заселения	225
Атлантида Платона	226
Современная теория	227
Связь со Старым Светом	228
Происхождение американской цивилизации	230
План эссе	231
Аналогии, предложенные мексиканцами в отношении Старого Света	232
Их традиции о всемирном потопе	233
Похожи на еврейские рассказы	234
Храм Чолула	234
Аналогия с Вавилонской башней	235
Мексиканская канун	236
Бог Кетцалькоатль	236
Естественные ошибки миссионеров	237
Крест в Анауаке	238
Евхаристия и крещение	239
Хроникеры стремятся к совпадениям	241
Аргумент, вытекающий из вышесказанного	242
Сходство социальных обычаев	245
Аналогии из науки	246
Хронологическая система	247
Иероглифы и символы	247
Корректировка времени	248
Сродство языков	248
Трудности сравнения	251
Традиции миграции	252

Проверка их правдивости	253
Физические аналогии	254
Архитектурные остатки	256
Разрушительный дух испанцев	257
Руины в Чиापе и Юкатане	258
Произведения искусства	259
Инструменты для строительства	260
Мало похоже на египетское искусство	261
Скульптура	262
Иероглифы	263
Вероятный возраст этих памятников	265
Их вероятные архитекторы	267
Трудности в формировании вывода	269
Незнание железа и молока	270
Неудовлетворительные объяснения	271
Общие выводы	272

[КНИГА II](#)

ОТКРЫТИЕ МЕКСИКИ

[ГЛАВА I](#)

ИСПАНИЯ ПРИ КАРЛЕ V — ПРОГРЕСС В ОТКРЫТИИ НОВЫХ ЗЕМЕЛЬ — КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА — ЗАВОЕВАНИЕ КУБЫ — ЭКСПЕДИЦИИ НА ЮКАТАН

Состояние Испании	277
Расширение империи	278
Кардинал Хименес	279
Прибытие Карла V	279
Рой фламандцев	280
Противодействие Кортесов	281
Колониальная администрация	282
Дух рыцарства	283
Прогресс открытий	284
Продвижение колонизации	285
Система <i>Репартимьентос</i>	285
Колониальная политика	286

Открытие Кубы	287
Ее завоевание Веласкесом	288
Экспедиция Кордовы на Юкатан	289
Его прием у коренных жителей	291
Экспедиция Грихальвы	292
Цивилизация в Юкатане	292
Торговля с индейцами	293
Его возвращение на Кубу	294
Холодный прием	294
Амбициозные планы губернатора	295
Подготовка к экспедиции	296

[ГЛАВА II](#)

ЭРНАНДО КОРТЕС — ЕГО РАННИЕ ГОДЫ — ПОСЕЩЕНИЕ НОВОГО СВЕТА — ПРОЖИВАНИЕ НА КУБЕ — ТРУДНОСТИ С ВЕЛАСКЕСОМ — АРМАДА, ВВЕРЕННАЯ КОРТЕСУ

Эрнандо Кортес	297
Его образование	298
Выбор профессии	299
Отправление в Америку	300
Прибытие на Эспаньолу	301
Его образ жизни	302
Вступает в армию Веласкеса	303
Галантные привычки	304
Недовольство Веласкесом	304
Кортес в заключении	305
Убегает в святилище	306
Снова в кандалах	307
Его опасный побег	307
Его брак	308
Примирение с губернатором	308
Уходит на пенсию на свою плантацию	309
Армада передана Кортесу	311
Подготовка к плаванию	313
Инструкции Кортесу	314

[ГЛАВА III](#)

РЕВНОСТЬ ВЕЛАСКЕСА — КОРТЕС ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЬ — ОСНАЩЕНИЕ ЕГО ФЛОТА — ЕГО ЛИЧНОСТЬ И ХАРАКТЕР — ВСТРЕЧА В ГАВАНЕ — СИЛА ЕГО ВООРУЖЕНИЯ

Ревность Веласкеса	317
Интриги против Кортеса	318
Его тайное отправление	319
Прибытие в Макаку	320
Присоединение добровольцев	321
Склады и боеприпасы	322
Приказ Веласкеса арестовать Кортеса	323
Он поднимает флаг в Гаване	324
Личность Кортеса	325
Его характер	326
Сила вооружения	327
Вдохновляющая речь к своим войскам	329
Флот снимается с якоря	330
Замечания по рукописи Эстреллы	331

[ГЛАВА IV](#)

ПУТЕШЕСТВИЕ В КОСУМЕЛЬ — ОБРАЩЕНИЕ ТУЗЕМЦЕВ — ХЕРОНИМО ДЕ АГИЛАР — АРМИЯ ПРИБЫВАЕТ В ТАБАСКО — ВЕЛИКАЯ БИТВА С ИНДЕЙЦАМИ — ВВЕДЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА

Неудачное путешествие в Косумель	332
Гуманная политика Кортеса	333
Крест, найденный на острове	334
Религиозный фанатизм испанцев	335
Попытки обращения в веру	336
Свержение идолов	338
Херонимо де Агилар	339
Его приключения	340
Нанят в качестве переводчика	342
Флот прибывает в Табаско	342
Враждебный прием	343
Яростное сопротивление туземцев	344
Отчаянный конфликт	345
Влияние огнестрельного оружия	345
Кортес захватывает Табаско	346
Засада индейцев	348

Страна под ружьем	348
Подготовка к сражению	349
Поход на врага	350
Вступает в сражение с индейцами	351
Неуверенная борьба	352
Ужас на боевом коне	352
Победа испанцев	354
Число убитых	355
Договор с коренными жителями	356
Обращение язычников	357
Католическое причастие	357
Испанцы отправляются в Мексику	358

[ГЛАВА V](#)

ПУТЕШЕСТВИЕ ВДОЛЬ ПОБЕРЕЖЬЯ — ДОНЬЯ МАРИНА — ИСПАНЦЫ ВЫСАЖИВАЮТСЯ В МЕКСИКЕ — ВСТРЕЧА С АЦТЕКАМИ

Путешествие вдоль побережья	359
Коренные жители поднимаются на борт	360
Донья Марина	361
Ее история	361
Ее красота и характер	362
Первые известия о Монтесуме	364
Испанцы высаживаются в Мексике	365
Первая встреча с ацтеками	366
Их великолепные подарки	368
Жадность испанцев	369
Кортес демонстрирует свою кавалерию	370
Ацтекские росписи	370

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	СТРАНИЦА
ВЫСАДКА КОРТЕСА В ВЕРАКРУСЕ	Фронтиспис
Из картины, специально написанной для этого издания Л. Ковальски.	
КАРТА СТРАНЫ, ЧЕРЕЗ КОТОРУЮ ПРОШЛИ ИСПАНЦЫ НА СВОЕМ МАРШЕ В МЕКСИКУ	1
ФРА БАРТОЛОМЕ ДЕ ЛАС КАСАС	94

По гравюре из «Ritratos de los Espagnoles illustres, 1791».

[БОГОМАТЕРЬ ГВАДЕЛУПСКАЯ](#)

[172](#)

По фотографии Уэйта, Мексика.

[ПОРТРЕТ КАРЛА V.](#)

[276](#)

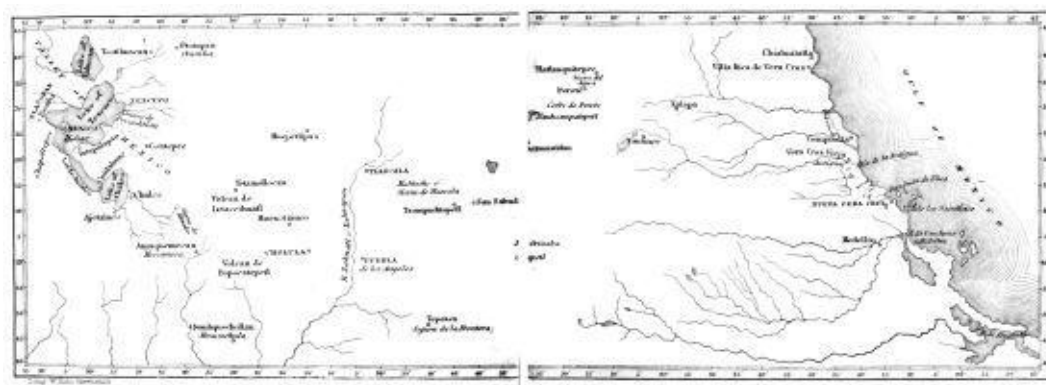
По картине Тициана в Мюнхене.

[ПОРТРЕТ ЭРНАНДО КОРТЕСА](#)

[296](#)

По гравюре Массона, по картине Ант. Моро.

КНИГА I
ВВЕДЕНИЕ
ВЗГЛЯД НА ЦИВИЛИЗАЦИЮ АСТЕКОВ

КАРТА СТРАНЫ, ПРОЙДЕННОЙ ДЛЯ ИСТОРИИ ПРЕСКОТТА

ЗАВОЕВАНИЕ МЕКСИКИ

ГЛАВА I

ДРЕВНЯЯ МЕКСИКА—КЛИМАТ И ПРОДУКТЫ—ПЕРВОБЫТНЫЕ НАРОДЫ—ИМПЕРИЯ АЦТЕКОВ

Во всей этой обширной империи, которая некогда признавала власть Испании в Новом Свете, ни одна часть по интересу и значимости не может сравниться с Мексикой; и это в равной степени, независимо от того, учитываем ли мы разнообразие ее почвы и климата; неисчерпаемые запасы ее минеральных богатств; ее пейзажи, величественные и живописные, не имеющие аналогов; характер ее древних жителей, не только намного превосходящих по интеллекту другие североамериканские расы, но и напоминающих нам своими памятниками примитивную цивилизацию Египта и индостана; или, наконец, особые обстоятельства ее завоевания, предприимчивые и энергичные. романтичнее любой легенды, придуманной нормандским или итальянским рыцарским бардом. Цель настоящего повествования - показать историю этого Завоевания и выдающегося человека, которым оно было достигнуто.

Но для того, чтобы читатель мог лучше понять предмет, было бы неплохо, прежде чем приступить к нему, сделать общий обзор политикополитических и социальных институтов рас, населявших землю во время ее открытия.

Страна древних мексиканцев, или ацтеков, как их называли, составляла лишь очень малую часть обширных территорий, занимаемых современной республикой Мексика.^[4] Ее границы не могут быть определены с уверенностью. Они были значительно расширены в последние дни существования империи, когда их можно считать простирающимися примерно от восемнадцатого градуса северной широты до двадцать первого на Атлантическом океане; и от четырнадцатого до девятнадцатого, включая очень узкую полосу на Тихом океане.^[5] В своей наибольшей ширине она не могла превышать пяти с половиной градусов, сокращаясь по мере приближения к своим юго-восточным границам менее чем до двух. Он занимал, вероятно, менее шестнадцати тысяч квадратных лиг.^[6] Однако таково замечательное образование этой страны, что, хотя она не более чем в два раза больше Новой Англии, она представляла все разнообразие климата и была способна давать почти все фрукты, какие можно найти между экватором и Полярным кругом.

На всем протяжении Атлантики страна граничит с широким пространством, называемым *огненной землей*, или жарким регионом, в котором обычно наблюдается высокая температура в странах равноденствия. Выжженные и песчаные равнины чередуются с другими, изобильно

плодородными, почти непроницаемыми для зарослей ароматных кустарников и диких цветов, посреди которых возвышаются деревья того великолепного роста, который встречается только в тропиках. В этой дикой местности сладостей таится смертельная *малярия*, вызванная, вероятно, разложением вредных растительных веществ в жаркой и влажной почве.^[7] Сезон желчной лихорадки, — *vómito*, как ее называют, — которая поражает эти побережья, продолжается с весны до осеннего равноденствия, когда ее останавливают холодные ветры, налетающие с Гудзонова залива. Эти ветры в зимнее время года часто перерастают в штормы и, проносясь вдоль атлантического побережья и извилистого Мексиканского залива, с яростью урагана обрушиваются на его незащищенные берега и на соседние острова Вест-Индии. Таковы могущественные чары, которыми Природа окружила эту волшебную страну, словно для того, чтобы охранять золотые сокровища, запертые в ее недрах. Гений и предприимчивость человека оказались сильнее ее чар.

Пройдя около двадцати лиг по этому выжженному региону, путешественник обнаруживает, что поднимается в более чистую атмосферу. К его конечностям возвращается эластичность. Он дышит свободнее, потому что теперь его чувства не угнетены зноем и опьяняющими ароматами долины. Вид природы тоже изменился, и его глаз больше не наслаждается веселым разнообразием красок, которыми был написан тамошний пейзаж. Ваниль, индиго и цветущие какао-рощи исчезают по мере того, как он приближается. Сахарный тростник и банан с блестящими листьями по-прежнему сопровождают его; и когда он поднялся примерно на четыре тысячи футов, он видит в неизменной зелени и сочной листве дерева цвета жидкого янтаря, что достиг высоты, на которой оседают облака и туманы, поднимающиеся с Мексиканского залива. Это область постоянной влажности; но он приветствует ее с удовольствием, как объявление о своем избавлении от влияния смертоносного *воми́то*.^[8] Он вошел в *огненную землю*, или регион с умеренным климатом, характер которого напоминает характер умеренного пояса земного шара. Черты пейзажа становятся величественными и даже ужасными. Его дорога протекает вдоль подножий могучих гор, когда-то сверкающих вулканическими огнями и до сих пор блистающих своими снежными покровами, которые служат морякам маяками на многие лиги в море. Повсюду вокруг он видит следы их древнего горения, поскольку его дорога проходит по обширным участкам лавы, оцетинившимся бесчисленными фантастическими формами, в которые огненный поток был превращен препятствиями на своем пути. Возможно, в тот же момент, когда он бросает взгляд вниз по какому-нибудь крутому склону или почти бездонному ущелью на обочине дороги, он видит их глубины, сияющие пышным цветом и эмалевой растительностью тропиков. Таковы необычайные контрасты, ощущаемые, в то же время, органами чувств в этом живописном регионе!

Продолжая продвигаться вверх, путешественник попадает в другой климат, благоприятный для других видов возделывания. Желтая кукуруза, или индийская кукуруза, как мы обычно ее называем, продолжала следовать за ним с самого низа; но теперь он впервые видит поля пшеницы и других европейских злаков, завезенных в страну завоевателями. Смешавшись с ними, он осматривает плантации алоэ, или магуи (*agave Americana*), которые использовались ацтеками для столь разнообразных и важных целей. Дубы теперь растут крепче, а темные сосновые леса возвещают о том, что он вступил в *огненную землю*, или холодный регион, — третью и последнюю из огромных естественных террас, на которые разделена страна. Поднявшись на высоту от семи до восьми тысяч футов, усталый путешественник ступает на вершину Кордильер Анд — колоссального хребта, который, пересекая Южную Америку и Дарьенский перешеек, переходит, входя в Мексику, в обширное плоскогорье, поддерживающее высоту более шести тысяч футов на протяжении почти двухсот лье, пока не пойдет постепенно на спад в более высоких широтах севера.^[9]

Поперек этого горного вала в западном направлении тянется цепь объемных холмов еще более грандиозных размеров, образующих, действительно, одни из самых высоких участков суши на земном шаре. Их вершины, достигающие пределов вечных снегов, распространяют приятную прохладу по возвышенным плато внизу; ибо эти последние, хотя и называются “холодными”,

отличаются климатом, средняя температура которого не ниже, чем в центральных частях Италии. [10] Воздух чрезвычайно сух; почва, хотя и хороша от природы, редко покрыта пышной растительностью нижних регионов. Действительно, часто она имеет выжженный и бесплодный вид, отчасти из-за большего испарения, происходящего на этих возвышенных равнинах, из-за уменьшения атмосферного давления, а отчасти, без сомнения, из-за отсутствия деревьев, которые защищали бы почву от яростного воздействия летнего солнца. Во времена ацтеков плоскогорье было густо покрыто лиственницей, дубом, кипарисом и другими лесными деревьями, необычайные размеры некоторых из которых, сохранившихся до наших дней, показывают, что проклятие бесплодия в более поздние времена лежит больше на человеке, чем на природе. Действительно, первые испанцы вели такую же неизбирательную войну с лесом, как и наши предки-пуритане, хотя и с гораздо меньшими основаниями. Однажды завоевав страну, они не могли опасаться засады со стороны покорных, полумодернизированных индейцев и не были, подобно нашим предкам, обязаны нести вахту в течение столетия. Говорят, однако, что это разграбление земли понравилось их воображению, поскольку напомнило им равнины их собственной Кастилии — плоскогорья Европы; [11] где нагота ландшафта является бременем для жалоб каждого путешественника, посещающего эту страну.

На полпути через континент, несколько ближе к Тихому океану, чем к Атлантическому, на высоте почти семь тысяч пятьсот футов находится знаменитая Мексиканская долина. Она имеет овальную форму, около шестидесяти семи лиг в окружности, [12] и окружен возвышающимся валом из порфировой породы, который природа, по-видимому, предусмотрела, хотя и неэффективно, для защиты от вторжения.

Почва, некогда покрытая прекрасным зеленым ковром и густо усыпанная величественными деревьями, часто голая и во многих местах белая от отложений солей, образовавшихся в результате осушения водоемов. По долине раскинулись пять озер, занимающих одну десятую ее поверхности. [13] На противоположных границах самого большого из этих бассейнов, сильно уменьшившегося в своих размерах [14] со времен ацтеков стояли города Мехико и Тецкоко, столицы двух самых могущественных и процветающих штатов Анауак, история которых, как и история таинственных рас, населявших страну до них, [15] демонстрирует некоторые из ближайших подходов к цивилизации, которые можно было встретить в древности на североамериканском континенте.

Из этих рас наиболее заметными были толтеки. Продвигаясь с северного направления, но из какого региона, неизвестно, [16] они вошли на территорию Анауака, [17] вероятно, до конца седьмого века. Конечно, мало что можно почерпнуть с уверенностью о народе, письменные свидетельства о котором исчезли и который известен нам только по традиционным легендам народов, пришедших им на смену. [18] Однако, по общему согласию, толтеки были хорошо обучены сельскому хозяйству и многим наиболее полезным механическим искусствам; были хорошими работниками по металлу; изобрели сложное устройство времени, принятое ацтеками; и, короче говоря, были истинными истоками цивилизации, которая отличала эту часть континента в более поздние времена. [19] Они основали свою столицу в Туле, к северу от Мексиканской долины, и во время Завоевания там были видны остатки обширных зданий. [20] Величественные руины религиозных и других сооружений, которые до сих пор можно увидеть в различных частях Новой Испании, относятся к этому народу, чье имя, *толтеки*, превратилось в синоним слова *архитектор*. [21] Их темная история напоминает нам о тех примитивных расах, которые предшествовали древним египтянам на пути цивилизации; фрагменты памятников которых в том виде, в каком они видны сегодня, соединены со зданиями самих египтян, что придает этим последним вид почти современных построек. [22]

По прошествии четырех столетий толтеки, распространившие свое влияние на самые отдаленные границы Анауака, [23] говорят, что их численность значительно сократилась из-за голода, эпидемий и безуспешных войн, и они исчезли с этой земли так же тихо и таинственно, как

и появились на ней. Некоторые из них все еще оставались позади, но гораздо большее число, вероятно, расселилось по региону Центральной Америки и соседним островам; и путешественник теперь размышляет о величественных руинах Митлы и Паленке, как о возможном творении этого необыкновенного народа. [\[24\]](#) [\[25\]](#)

По прошествии еще ста лет многочисленное и грубое племя, называемое чичимеки, пришло в пустынную страну из районов крайнего Северо-Запада. За ними быстро последовали другие расы, обладающие более высокой цивилизацией, возможно, принадлежащие к той же семье, что и толтеки, на языке которых они, по-видимому, говорили. Наиболее известными из них были ацтеки или мексиканцы, а также аколуанцы. Последние, более известные в более поздние времена под названием тецкуканы, по названию своей столицы, Тезкуко, [\[26\]](#) на восточной границе мексиканского озера, были особенно приспособлены благодаря своей сравнительно мягкой религии и манерам для получения настоя цивилизации, который мог быть получен от немногих толтеков, которые все еще оставались в стране. [\[27\]](#) Это, в свою очередь, они сообщили варварам-чичимекам, значительная часть которых объединилась с новыми поселенцами в единую нацию. [\[28\]](#)

Пользуясь силой, полученной не только от этого увеличения численности, но и от их собственной высшей утонченности, аколхуанцы постепенно распространили свою империю на более грубые племена на севере; в то время как их столица была заполнена многочисленным населением, усердно занимавшимся многими из наиболее полезных и даже изящных искусств цивилизованного сообщества. В этом благодатном штате они внезапно подверглись нападению со стороны воинственного соседа, тепанеков, их собственных сородичей и жителей той же долины, что и они сами. Их провинции были захвачены, их армии разбиты, их король убит, и цветущий город Тецкоко стал наградой победителю. Из этого жалкого положения незаурядные способности молодого принца Несауалькойотля, законного наследника короны, подкрепленные эффективной помощью его мексиканских союзников, в конце концов вывели государство и открыли ему новую процветающую карьеру, еще более блестящую, чем предыдущая. [\[29\]](#)

Мексиканцы, с которыми в основном связана наша история, также пришли, как мы видели, из отдаленных регионов Севера — густонаселенного улья наций в Новом Свете, каким он был в Старом. [\[30\]](#) Они прибыли на границы Анауака в начале тринадцатого века, спустя некоторое время после оккупации этой земли родственными расами. Долгое время они не имели никакого постоянного места жительства, но продолжали переезжать в разные части Мексиканской долины, переноса все жертвы и тяготы миграционной жизни. Однажды они были поработаны более могущественным племенем, но их свирепость вскоре сделала их опасными для своих хозяев. [\[31\]](#) После серии странствий и приключений, которые не нужно бояться сравнивать с самыми экстравагантными легендами героических эпох древности, они, наконец, остановились на юго-западных берегах главного озера в 1325 году. Там они увидели сидящего на стебле опунции, торчащем из расщелины скалы, омываемой волнами, королевского орла необычайных размеров и красоты, со змеей в когтях и широкими крыльями, распростертыми навстречу восходящему солнцу. Они приветствовали благоприятное предзнаменование, объявленное оракулом как указывающее на место строительства их будущего города, и заложили его фундамент, забив сваи на мелководье, поскольку низменные болота были наполовину погребены под водой. На них они сооружали свои легкие сооружения из тростника и камыша и добывали ненадежное пропитание рыбной ловлей и дикой птицей, которая часто водилась в водах, а также выращиванием таких простых овощей, какие они могли выращивать на своих плавучих огородах. Это место называлось Теночтитлан, в знак его чудесного происхождения, хотя европейцам известно только под другим названием Мексики, [\[32\]](#) в честь их бога войны Мехитли. [\[33\]](#) Легенда о его основании еще более увековечена изображением орла и кактуса, которые образуют герб современной мексиканской республики. Таково было скромное начало Западной Венеции. [\[34\]](#) [\[35\]](#)

Жалкое положение новых поселенцев усугублялось еще и внутренними распрями. Часть горожан отделилась от основной массы и образовала отдельное сообщество на соседних болотах.

Разделенные таким образом, они долго не могли претендовать на приобретение территории на основной земле. Однако их численность постепенно увеличивалась, и они еще больше укрепились благодаря различным усовершенствованиям в своей политике и военной дисциплине, в то время как они завоевали репутацию храбрецов, а также жестокости на войне, которые сделали их имя ужасным по всей Долине. В начале пятнадцатого века, почти через сто лет после основания города, произошло событие, которое произвело целую революцию в обстоятельствах и, в некоторой степени, в характере ацтеков. Это было уже замеченное ниспровержение тецкуканской монархии тепанеками. Когда жестокое поведение победителей, наконец, пробудило дух сопротивления, их принцу Несаяулькойотлю удалось, после невероятных опасностей и побегов, собрать такие силы, которые с помощью мексиканцев поставили его на один уровень со своими врагами. В двух последовательных битвах они потерпели сокрушительное поражение, их вождь был убит, а их территория в результате одного из тех внезапных поражений, которые характеризуют войны мелких государств, перешла в руки победителей. Он был вручен Мексике в обмен на ее важные услуги. [\[36\]](#)

Тогда была образована та замечательная лига, которая, действительно, не имеет аналогов в истории. Между штатами Мексика, Тецкоко и соседним маленьким королевством Тлакопан было достигнуто соглашение о том, что они должны взаимно поддерживать друг друга в своих войнах, наступательных и оборонительных, и что при распределении добычи пятая часть должна быть отведена Тлакопану, а остальное будет разделено, в каких пропорциях, неизвестно, между другими державами. Тецкуканские писатели претендуют на равную долю своей нации с ацтеками. Но это, по-видимому, не оправдывается огромным увеличением территории, впоследствии присвоенной последними. И мы можем объяснить любое преимущество, предоставленное им договором, исходя из предположения, что, какими бы неполноценными они ни были изначально, на момент его заключения они находились в более благополучном положении, чем их союзники, сломленные и удрученные длительным угнетением. Однако что еще более необычно, чем сам договор, так это верность, с которой он соблюдался. В течение последовавшего столетия непрерывных войн не было ни одного случая, когда стороны ссорились бы из-за раздела добычи, что так часто приводит к кораблекрушению подобных конфедераций среди цивилизованных государств. [\[37\]](#)

Союзники на некоторое время нашли достаточное занятие для своего оружия в своей собственной долине; но вскоре они преодолели ее скалистые укрепления и к середине XV века, при первом Монтесуме, распространились по склонам плоскогорья до границ Мексиканского залива. Теночтитлан, столица ацтеков, свидетельствовал об общественном процветании. Его хрупкие многоквартирные дома были вытеснены прочными строениями из камня и извести. Его население быстро увеличивалось. Его старая вражда была излечена. Отделившиеся граждане были снова подчинены общему правительству с основной массой населения, и квартал, который они занимали, был постоянно связан с материнским городом; размеры которого, занимавшие ту же территорию, были намного больше, чем у современной столицы Мексики. [\[38\]](#)[\[39\]](#)

К счастью, трон занял ряд способных принцев, которые знали, как извлечь выгоду из своих возросших ресурсов и военного энтузиазма нации. Год за годом они возвращались, нагруженные добычей из завоеванных городов и толпами преданных пленников, в свою столицу. Ни одно государство не могло долго противостоять накопленной силе конфедератов. В начале шестнадцатого века, незадолго до прихода испанцев, владычество ацтеков простиралось по всему континенту, от Атлантики до Тихого океана, и под руководством смелого и кровавого Ауицотля их оружие распространилось далеко за пределы, уже отмеченные как определяющие их постоянную территорию, в самые отдаленные уголки Гватемалы и Никарагуа. Такая протяженность империи, какой бы ограниченной она ни была по сравнению со многими другими государствами, поистине удивительна, если рассматривать ее как приобретение народа, все население и ресурсы которого совсем недавно заключались в стенах их собственного маленького

городка, и, кроме того, учитывая, что завоеванная территория была густо заселена различными расами, воспитанными на оружии, как мексиканцы, и немногим уступающими им в социальной организации. История ацтеков обнаруживает некоторые сильные черты сходства с историей древних римлян не только в их военных успехах, но и в политике, которая привела к ним. ^[40]

Наиболее важным вкладом последних лет в раннюю историю Мексики является *Historia antigua* от Lic. Don. Мариано Вейтия, опубликованный в городе Мехико в 1836 году. Этот ученый родился в древней и весьма уважаемой семье в Пуэбло в 1718 году. Закончив академическое образование, он отправился в Испанию, где был любезно принят при дворе. Впоследствии он посетил несколько других стран Европы, познакомился с их языками и вернулся домой хорошо вооруженный плодами проницательного наблюдения и прилежного изучения. Остаток своей жизни он посвятил письмам, особенно иллюстрированию национальной истории и древностей. Как душеприказчик несчастного Ботурини, с которым он сблизился в Мадриде, он получил доступ к его ценной коллекции рукописей в Мексике, и из них, а также из всех других источников, которые открывали ему его положение в обществе и выдающаяся личность, он написал различные произведения, ни одно из которых, однако, за исключением того, что находится перед нами, не было удостоено почестей прессы. Время его смерти не указано его редактором, но, вероятно, это было не позднее 1780 года.

История Вейтии охватывает весь период от первого заселения Анауака до середины пятнадцатого века, после чего его труды, к сожалению, были прекращены его смертью. В первой части он попытался проследить миграционные движения и исторические анналы основных рас, вторгшихся в страну. Каждая страница свидетельствует о масштабах и точности его исследований; и, если мы испытываем лишь умеренную уверенность в результатах, вина вменяется не столько ему, сколько темной и сомнительной природе предмета. Переходя к более поздним эпохам, он больше озабочен судьбой тецкукан, чем судьбой династии ацтеков, о которой много говорили другие его соотечественники. Преждевременное завершение его трудов, вероятно, помешало ему уделить то внимание домашним институтам народа, которые он описывает, на которое они имеют право как на самый важный предмет исследования историка. Этот недостаток был восполнен его рассудительным редактором Ортеагой из других источников. В ранней части своей работы Вейтия объяснил хронологическую систему ацтеков, но, как и большинство авторов, предшествовавших точной Гаме, без особого успеха. Как критик, он, безусловно, занимает гораздо более высокое положение, чем предшествовавшие ему летописцы, и, когда речь не идет о его собственной религии, высказывает проницательное суждение. Когда это происходит, он в полной мере проявляет доверчивость, которая все еще сохраняет свою власть над слишком многими даже из хорошо информированных его соотечественников. Редактор этого труда привел очень интересное письмо аббата Клавиджера Вейтии, написанное, когда первый был бедным и смиренным изгнанником, и в тоне человека, обращающегося к человеку высокого положения и выдающегося литературного деятеля. Оба работали над одним и тем же предметом. Сочинения бедного аббата, публикуемые снова и снова и переведенные на разные языки, распространили его славу по всей Европе; в то время как имя Вейтии, чьи труды были запечатаны в примитивных рукописях, едва ли известно за пределами Мексики.

[Мнения, изложенные г-ном Прескоттом относительно мексиканской империи, были подвергнуты яростной критике Льюисом Х. Морганом. Г-н Морган убедительно продемонстрировал, что многие из этих мнений были ошибочными. Но, как говорит Пейн в своей "Истории Нового Света под названием Америка", том i, стр. 306, "его результаты нельзя рассматривать как удовлетворительные, а тем более как окончательные". Испанские хронисты, к которым обращался Прескотт, обычно были правы в изложении фактов, но вводили в заблуждение в своих выводах из-за своей неспособности понять институты ацтеков.

О пуэбло как единице истории аборигенов см. Пейн, том i, стр. 36-47.

В своей книге "Древнее общество", стр. 186, м-р Морган говорит: "Истории Испанской Америки можно доверять во всем, что касается действий испанцев, а также действий и личных характеристик индейцев; во всем, что касается их оружия, орудий труда и утвари, тканей, продуктов питания и одежды и вещей подобного характера. Но во всем, что касается индийского общества и правительства, их социальных отношений и образа жизни, они почти бесполезны, потому что они ничему не научились и ничего не знали ни о том, ни о другом. Мы имеем полное право отвергнуть их в этих отношениях и начать заново, используя любые факты, которые они могут содержать и которые согласуются с тем, что известно об индийском обществе". Однако он не всегда соблюдает свои собственные правила, если кажется, что эти правила противоречат тезису, который он пытается установить. Более того, он настолько догматичен в своих утверждениях и настолько уверен в непогрешимости собственного суждения, что читатель, стремящийся просто установить истину обо всем этом, часто испытывает на него сильное раздражение. Это особенно верно в отношении знаменитого эссе "Ужин Монтесумы", где он пишет почти так, как если бы был гостем на банкете и отведал яств, которые там подавались. Поскольку мистера Моргана по праву можно считать основателем школы, нелишне подробно изложить его взгляды.

Тогда, по его словам, не существовало королевства или империи Мексика. Существовала просто конфедерация трех племен, и эта конфедерация была военной демократией. Правительственные полномочия были переданы совету вождей во главе с главнокомандующим. Совет осуществлял всю гражданскую власть, военная власть оставалась в руках военного вождя. Не было феодальных замков, населенных незаконными лордами. Были только большие общественные дома, арендуемые кланами.

В своей блестящей работе о древнем обществе мистер Морган ставит ниже цивилизации две стадии развития — дикость и варварство. Изобретение керамики отмечает разницу между этими двумя стадиями. Дикари не делают керамики. Когда женщины диких племен использовали для варки пищи сосуды из закаленной на огне глины, они перешли на первую стадию варварства. В других местах существовали скотоводческие стадии развития. В Северной Америке их не было. Единственным домашним животным, которым обладали ее обитатели, когда европейцы высадились на континент, была собака. Первая стадия варварства в Северной Америке была отмечена выращиванием кукурузы, или индийской кукурузы. Это зерно выращивать легче, чем любое другое злаковое. Ни одно другое не дает такой огромной отдачи. На целине необходимо только заронить семя в землю. Природа заботится о его полном развитии. Но целина истощается через несколько лет. Поскольку население становится более плотным и миграции становятся практически невозможными, землю необходимо более тщательно обрабатывать, а там, где дожди сравнительно редки, — орошать. Орошение и использование самана (высушенного на солнце кирпича) и камня в строительстве знаменуют начало второго периода варварства. В этот период каменные орудия труда также уступают место металлическим, металлом, используемым в Америке, была медь. Ацтеки, майя и, в Южной Америке, перуанцы находились во втором периоде. Но до третьего периода, когда была изобретена выплавка железной руды, эти люди так и не дошли.

Изобретение фонетического алфавита и использование письменных источников, по мнению мистера Моргана, знаменуют начало цивилизации. Но, как указывает Джон Фiske, не стоит слишком ограничиваться фонетическим алфавитом. Иероглифы увековечили многие исторические записи в Египте и Китае. Хотя мексиканцы и жители Центральной Америки не плавил железную руду, они все же обладали историческими записями в своих иероглифах (иероглифы, которые все еще можно прочесть). Тогда они наслаждались цивилизацией чрезвычайно грубого типа в сочетании с удивительно развитым варварством. Ибо, хотя их варварство было отмечено человеческими жертвоприношениями и канибализмом, все же, согласно свидетельству, которое, по словам м-ра Моргана, можно принять за чистую монету, у этих варваров были сады для удовольствий и фонтаны, бани, зверинцы, изделия из перьев, которые были удивительно красивы, керамика, демонстрировавшая восхитительный вкус, сосуды из золота и серебра и многие другие принадлежности развитой цивилизации.

Мистер Морган был принят в племя североамериканских индейцев Сенека и смог изучить индейские институты изнутри. Несомненно, он обладал более глубокими знаниями об этих институтах, чем любой другой ученый его времени. Но он зашел слишком далеко, когда ограничил ацтеков теми узкими рамками развития, которых достигли сенеки. Более того, он не принимает во внимание должным образом изменения в развитии, вызванные более благоприятным климатом мексиканского плоскогорья. “Длинный дом” ирокезов, возможно, был построен по тому же общему плану, но его вряд ли можно было принять за здание, в котором Монтесума расквартировал Кортеса и его союзников. Единственное блюдо, свежеприготовленное и съеденное около полудня, мало походило на банкеты в Мексике, которые с такой скупой оценкой описывают испанские хронисты. (Морган признает, что этим же хронистам можно доверять, когда они пишут о еде и других подобных осязаемых вещах.)

Но мистер Морган, несомненно, прав, говоря, что так называемая “империя” Монтесумы на самом деле была конфедерацией племен, живущих в пуэбло, управляемых советом вождей и взимающих дань с других пуэбло. Конфедерация ацтеков доминировала на мексиканской земле, в то время как конфедерация ирокезов доминировала в регионе между Коннектикутом и Миссисипи. Утверждать, что в остальном две нации были похожи как в своих институтах, так и в своем развитии, так же необоснованно, как утверждать, что правительственные институты и политическое развитие Соединенных Штатов и Венесуэлы идентичны.

Как возникла эта конфедерация?

Самой ранней семейной группой был клан. Как указывает сэр Генри Мэн в своем “Древнем законе”, индивид был ничем в древнем обществе, государство было ничем, семья была всем. Это утверждение справедливо везде, как для Америки, так и для Индии. Группа кланов составляла фратрию или братство; группа фратрий составляла племя. Эта тройственная группировка была универсальной. Греческая фратрия, римская курия, тевтонская сотня были аналогичными институтами. В кланах родство всегда происходило по женской линии. *Повсюду преобладал муттеррехт.* {*}

{*} [Эту тему мистер Морган по-хозяйски рассматривает в своих книгах “Дома и домашняя жизнь американских аборигенов”.]

μήτηρ μεύ τ' ἐμέ ψησι Του ἐμμεναι αὐτὰρ ἐγώ γε

οὐκ οἶδ, οὐ γὰρ πῶ τις ἐόν γόνον αὐτὸς ἀνέγνω

Одиссея, I, 215-6.

На той средней стадии варварства, когда люди начали приобретать собственность, когда доблестные воины использовали в своих целях то, что когда-то было общим достоянием, — стада крупного рогатого скота, жен и т.д., — когда полигамия стала обычаем, родство стало исчисляться по мужской линии. Таким образом, взаимоотношения сильно изменились. Но в аборигенной Америке, где одомашненные животные были неизвестны, это изменение произошло не так рано, как в других местах. В Мексике перемены, вероятно, произошли незадолго до столетия Завоевания. Родство было только по женской линии. Экзогамный клан (система, которая требовала, чтобы супруг был взят из другого клана) был ячейкой социальной структуры, а не семьей.

Домашняя жизнь нашла выражение в архитектуре. Повсюду был очевиден один основополагающий принцип, а именно адаптация к жизни в обществе. Градации в культуре были очевидны по зданиям. Таким образом, “длинный дом” ирокезов, длиной от пятидесяти до ста футов, разделенный на отсеки через каждые шесть-восемь футов и грубо построенный из дерева и коры, свидетельствовал о совершенно иных условиях, чем те, которые преобладали в пуэбло индейцев зуни с их огромными строениями из самана и камня.

{*} [Эту тему мистер Морган по-хозяйски рассматривает в своих книгах "Дома и домашняя жизнь американских аборигенов".]

В общинном доме правила женщина. Ей принадлежала личная собственность. Поскольку она была получена через нее, эта собственность всегда оставалась за экзогамным кланом. Таким образом, брак очень мало влиял на содержание женщины. Если пришедший в дом муж оказывался ленивым и в остальном никчемным, развод давался легко, и его отправляли обратно к своим.

Из числа своих членов клан избирал сахема для решения гражданских вопросов и вождя для руководства военными делами.

Сын не мог наследовать отцу на этих должностях, но брат мог наследовать брату. (Это относилось к индейскому племени, к которому принадлежал Поухатан. Если бы английский король Яков I знал об этом факте, он не смотрел бы с такой ревностью на своего подданного Рольфа, женившегося на индийской принцессе Покахонтас.) Клан всегда был известен под каким-нибудь отличительным названием, обычно в честь какого-нибудь животного — бобра, лисы, волка и т.д.

Когда клан стал настолько большим, что стал громоздким, он разделился на фратрии. Сначала “фратрия” была религиозной и социальной организацией, и одной из ее главных обязанностей было преследование преступников. (Тевтонская сотня всегда была готова потребовать “вергельда”). “Племя” обычно было высшим достижением в организации, на которое были способны аборигены Америки. Мексиканская конфедерация была самой интересной и важной из их постоянных организаций. Испанцы не понимали принципов, на которых была основана эта конфедерация, потому что это было совершенно непохоже ни на что, с чем они были знакомы. —М.]

ГЛАВА II

НАСЛЕДОВАНИЕ КОРОНЫ—АЦТЕКСКАЯ ЗНАТЬ—СУДЕБНАЯ СИСТЕМА—ЗАКОНЫ И ДОХОДЫ—ВОЕННЫЕ ИНСТИТУТЫ

ТФорма правления отличалась в разных штатах Анауака. У ацтеков и тецкуканцев она была монархической и почти абсолютной. Эти две нации настолько походили друг на друга в своих политических институтах, что один из их историков заметил, действительно, слишком неконкретно, что то, что говорится об одной, всегда может быть понято как относящееся к другой. [\[41\]](#) Я направлю свои запросы к мексиканскому государственному устройству, иногда заимствуя иллюстрацию из конкурирующего королевства. [\[42\]](#)

Правительство представляло собой выборную монархию. Четверо из главных дворян, которые были избраны своими собственными членами в предыдущее царствование, заняли должность выборщиков, к которым, однако, были добавлены лишь почетные звания двух королевских союзников Тецкоко и Тлакопана. Суверен был отделен от братьев умершего принца или, за

неимением таковых, от его племянников. Таким образом, выборы всегда ограничивались одной и той же семьей. Предпочтительный кандидат должен был отличиться на войне, хотя, как и в случае с последним Монтесумой, он был представителем духовенства.^[43] Этот особый способ снабжения трона имел некоторые преимущества. Кандидаты получали образование, которое соответствовало их королевскому достоинству, в то время как возраст, в котором они были выбраны, не только защищал нацию от зла меньшинства, но и предоставлял достаточно средств для оценки их квалификации для этой должности. Результат, во всяком случае, был благоприятным, поскольку трон, как уже отмечалось, был занят чередой способных принцев, вполне пригодных для правления воинственным и амбициозным народом. Схема выборов, какой бы несовершенной она ни была, предполагает более утонченную и расчетливую политику, чем можно было ожидать от варварской нации.^[44]

Новый монарх^[45] был возведен в царское достоинство с большим парадом религиозных церемоний, но только после того, как в результате победоносной кампании он получил достаточное количество пленников, чтобы украсить свой триумфальный въезд в столицу и предоставить жертвы для мрачных и кровавых обрядов, которые запятнали суеверия ацтеков. Среди этой помпезности человеческих жертвоприношений он был коронован. Корона, напоминающая по форме митру и причудливо украшенная золотом, драгоценными камнями и перьями, была возложена на его голову владыкой Тецкоко, самым могущественным из его царственных союзников. Титул *короля*, которым испанские авторы выделяют ранних ацтекских принцев, в более поздние царствования заменяется титулом *императора*, что, возможно, указывает на его превосходство над объединенными монархиями Тлакопан и Тецкоко.^[46]

Ацтекские принцы, особенно к концу правления династии, жили с варварской пышностью, поистине орийской. Их просторные дворцы^[47] были оборудованы залами для различных советов, которые помогали монарху в ведении дел. Главой их был своего рода тайный совет, частично состоявший, вероятно, из четырех выборщиков, выбранных знатью после восшествия на престол, чьи места, когда они становились вакантными в связи со смертью, немедленно замещались, как и прежде. В обязанности этого органа, насколько можно судить по весьма поверхностным сведениям о нем, входило консультировать короля в отношении управления провинциями, управления доходами и, действительно, по всем важным вопросам, представляющим общественный интерес.^[48]

В королевских зданиях также находились помещения для многочисленной личной охраны^[49] государя, состоящей из высшей знати. В этих варварских правительствах нелегко с точностью определить границы нескольких порядков. Несомненно, существовал особый класс дворян с большими земельными владениями, которые занимали самые важные должности при особе князя и занимались управлением провинциями и городами.^[50] Многие из них могли вести свое происхождение от основателей монархии ацтеков. Согласно некоторым авторитетным источникам, существовало тридцать великих *касиков*, которые по крайней мере часть года проживали в столице и каждый мог собрать в своих поместьях по сто тысяч вассалов.^[51] Не полагаясь на такие дикие заявления, из свидетельств Завоевателей ясно, что страна была оккупирована многочисленными могущественными вождями, которые жили как независимые князья в своих владениях. Если верно, что короли поощряли или даже требовали проживания этой знати в столице и требовали заложников в их отсутствие, очевидно, что их власть должна была быть очень огромной.^[52]

Их поместья, по-видимому, находились во владении различных владельцев и подвергались различным ограничениям. Некоторые из них, заработанные собственными добрыми мечами или полученные в качестве вознаграждения за общественные услуги, находились во владении без каких-либо ограничений, за исключением того, что владельцы не могли передать их плебею.^[53] Другие были наследниками по старшему мужскому потомству и, за неимением такового, возвращались к короне. Большинство из них, по-видимому, были обременены обязанностью

проходить военную службу. Главные вожди Тецкоко, согласно его хронисту, были прямо обязаны поддерживать своего князя своими вооруженными вассалами, присутствовать при его дворе и помогать ему в совете. Некоторые, вместо этих услуг, должны были обеспечивать ремонт его зданий и поддерживать в порядке королевские владения, ежегодно принося в жертву в знак почтения фрукты и цветы. Если верить историкам, было обычным делом, когда новый король при вступлении на престол подтверждал инвеституру поместий, полученных от короны. [\[54\]](#)

Нельзя отрицать, что мы распознаем во всем этом несколько черт феодальной системы, [\[55\]](#) которые, без сомнения, ничуть не теряют своего эффекта в руках испанских авторов, которые любят проводить аналогии с европейскими институтами. Но такие аналогии иногда приводят к очень ошибочным выводам. Например, обязательность военной службы, важнейший принцип феода, по-видимому, естественно требуется каждым правительством от своих подданных. Что касается незначительных моментов сходства, то они далеки от той гармоничной системы взаимного обслуживания и защиты, которая охватывала, в приятной градации, все порядки феодальной монархии. Королевства Анауак были по своей природе деспотичными, сопровождаемыми, действительно, многими смягчающими обстоятельствами, неизвестными восточным деспотизмам; но нелепо искать много общего — помимо нескольких случайных форм и церемоний — с теми аристократическими институтами средневековья, которые делали двор каждого мелкого барона точным изображением в миниатюре двора его суверена.

Законодательная власть как в Мексике, так и в Тецкоко полностью принадлежала монарху. [\[56\]](#) Этой черте деспотизма, однако, в какой—то мере противодействовала конституция судебных трибуналов, имеющая для грубого народа большее значение, чем законодательная, поскольку для такого сообщества легче издавать хорошие законы, чем обеспечивать их соблюдение, а лучшие законы при плохом исполнении - всего лишь насмешка. Над каждым из главных городов с его зависимыми территориями был назначен верховный судья, назначаемый короной, обладавший первоначальной и окончательной юрисдикцией как по гражданским, так и по уголовным делам. Его приговор не был обжалован ни в каком другом суде, ни даже у короля. Он занимал свой пост при жизни, и любой, кто узурпировал его знаки отличия, был наказан смертью. [\[57\]](#)

Ниже этого магистрата находился суд, учрежденный в каждой провинции и состоящий из трех членов. Он обладал параллельной юрисдикцией с верховным судьей по гражданским искам, но в уголовных делах апелляция подавалась в его трибунал. Помимо этих судов, существовал орган магистратов низшего звена, распределенный по стране и избираемый самими жителями в их нескольких округах. Их полномочия были ограничены более мелкими делами, в то время как более важные передавались в вышестоящие суды. Существовал еще один класс подчиненных офицеров, также назначаемых народом, каждый из которых должен был следить за поведением определенного числа семей и сообщать о любых беспорядках или нарушении законов вышестоящим властям. [\[58\]](#)

В Тецкоко судебные порядки носили более утонченный характер; [\[59\]](#) и градация трибуналов, наконец, завершалась общим собранием или парламентом, состоящим из всех судей, крупных и мелких, по всему королевству, проводившимся каждые восемьдесят дней в столице, на котором лично председательствовал король. Этот орган вынес решения по всем искам, которые в силу их важности или сложности были зарезервированы для его рассмотрения судами низшей инстанции. Более того, он выполнял функции государственного совета, помогая монарху в ведении государственных дел. [\[60\]](#)

Таковы расплывчатые и несовершенные указания, касающиеся судов ацтеков, которые можно почерпнуть из сохранившихся до сих пор иероглифических рисунков и у наиболее авторитетных испанских авторов. Они, как правило, священнослужители, проявляли гораздо меньший интерес к этому предмету, чем к вопросам, связанным с религией. Они, конечно, находят некоторое оправдание в раннем уничтожении большинства индийских картин, из которых частично была почерпнута их информация.

Однако в целом следует сделать вывод, что ацтеки были достаточно цивилизованны, чтобы проявлять заботу о правах как собственности, так и личности. Закон, разрешающий апелляцию в высшую судебную инстанцию только по уголовным делам, демонстрирует внимание к личной безопасности, которое становится еще более обязательным из-за чрезвычайной строгости их уголовного кодекса, что, естественно, заставило бы их более остерегаться ошибочного осуждения. Существование ряда скоординированных судов без центрального, наделенного верховной властью для контроля над всем процессом, должно быть, привело к весьма противоречивым толкованиям закона в разных округах. Но это зло, которое они разделяли вместе с большинством народов Европы.

Положение о полной независимости высших судей от короны было достойно просвещенного народа. Оно представляло собой сильнейший барьер, который простая конституция могла поставить против тирании. В самом деле, не следует предполагать, что при столь деспотическом правительстве, которое в остальном было столь же деспотичным, нельзя было найти средств для воздействия на магистрат. Но это был великий шаг - оградить свою власть санкцией закона; и, насколько мне известно, никто из монархов ацтеков не обвиняется в попытке нарушить его.

Получать подарки или взятку, быть виновным в каком-либо сговоре с поклонником, по мнению судьи, каралось смертью. Кто или какой трибунал вынес решение о его виновности, не указано. В Тецкоко это было сделано остальными членами суда. Но король председательствовал в этом органе. Тецкуканский принц Несауальпилли, который редко сочетал правосудие с милосердием, приговорил одного судью к смертной казни за получение взятки, а другого — за рассмотрение судебных дел в его собственном доме, что также является тяжким преступлением по закону.^[61]

Судьи высших судов содержались за счет продукции части земель короны, зарезервированных для этой цели. Они, как и верховный судья, занимали свои должности пожизненно. Разбирательство в судах велось пристойно и в порядке. Судьи были одеты соответствующим образом и занимались делами в обе части дня, обедая всегда, ради конспирации, в помещении того же здания, где они проводили свои заседания; метод судопроизводства, получивший высокую оценку испанских хронистов, которым "конспирация" была не очень знакома в их собственных судах. Полицейские следили за порядком, а другие вызывали стороны и представляли их в суде. Адвокат не был нанят; стороны изложили свою собственную позицию и поддержали ее своими свидетелями. Присяга обвиняемого также была принята в качестве доказательства.^[62] Изложение дела, свидетельские показания и ход судебного разбирательства были все изложено секретарем иероглифическими рисунками и передано суду. Картины были выполнены с такой точностью, что во всех исках, касающихся недвижимости, им разрешалось предъявляться в качестве авторитетных в испанских судах очень долго после завоевания; и в 1553 году в Мексике была учреждена кафедра для их изучения и интерпретации, которая с тех пор разделила судьбу большинства других учебных заведений в этой несчастной стране.^[63]

Смертный приговор был обозначен линией, проведенной стрелкой поперек портрета обвиняемого. В Тецкоко, где король председательствовал при дворе, это, по словам национального хрониста, было сделано с необычайной торжественностью. Его описание, которое носит скорее поэтический характер, я привожу его собственными словами. "В королевском дворце Тецкоко был внутренний двор, на противоположных сторонах которого находились два зала правосудия. В главном зале, называемом 'божьем трибуналом', находился трон из чистого золота, инкрустированный бирюзой и другими драгоценными камнями. На табурете перед ним был помещен человеческий череп, увенчанный огромным изумрудом пирамидальной формы и украшенный эгреткой из блестящих перьев и драгоценных камней. Череп лежал на куче боевого оружия, щитов, колчанов, луков и стрел. Стены были увешаны гобеленами, сделанными из шерсти различных диких животных, насыщенных и разнообразных цветов, украшенных золотыми кольцами и расшитыми фигурками птиц и цветов. Над троном был балдахин из пестрого

плюмажа, из центра которого исходили сверкающие лучи золота и драгоценных камней. Другой трибунал, называемый 'Королевским', также был увенчан великолепным балдахином из перьев, на котором был изображен королевский герб. Здесь государь давал публичную аудиенцию и передавал свои депеши. Но когда он решал важные дела или утверждал смертный приговор, он переходил к 'суду Божьему', в котором участвовали четырнадцать великих лордов королевства, распределенных в соответствии с их рангом. Затем, надев свою корону в митре, инкрустированную драгоценными камнями, и держа в левой руке золотую стрелу вместо скипетра, он возложил правую руку на череп и вынес приговор".^[64] Все это выглядит довольно хорошо для суда, им должны владеть. Но несомненно, что тецкуканцы, как мы увидим ниже, обладали как материалами, так и мастерством, необходимыми для их изготовления таким образом. Если бы они немного продвинулись в утонченности, можно было бы усомниться в том, что у них для этого достаточно дурного вкуса.

Законы ацтеков были зарегистрированы и представлены народу в виде их иероглифических рисунков. Гораздо большая их часть, как и в любой недостаточно цивилизованной стране, связана скорее с безопасностью людей, чем с безопасностью собственности.^[65] великие преступления против общества были признаны тяжкими. Даже убийство раба каралось смертью. Прелюбодеи, как и среди евреев, забивали камнями до смерти. Воровство, в зависимости от степени проступка, каралось рабством или смертью. Однако мексиканцы, возможно, не испытывали особых опасений по поводу этого преступления, поскольку входы в их жилища не были заперты какими-либо засовами или скобами. Нарушение границ чужих земель, изменение установленных мер и неспособность опекуна дать надлежащий отчет об имуществе своего подопечного считались тяжким преступлением. Эти правила демонстрируют уважение к равенству в отношениях и правам частной жизни, что свидетельствует о значительном прогрессе цивилизации. Расточители, растратившие свое достояние, были наказаны подобным же образом; суровый приговор, поскольку преступление влекло за собой соответствующее наказание. Невоздержанность, которая, кроме того, была бременем их религиозных проповедей, каралась самыми суровыми наказаниями; как будто они предвидели, что это повлечет за собой всепоглощающую язву как для них самих, так и для других индийских рас в более поздние времена. У молодых это каралось смертью, а у пожилых - потерей звания и конфискацией имущества. Тем не менее, приличное веселье не должно было быть запрещено на их фестивалях, и у них были средства побаловать себя этим напитком слабого брожения, называемым *лукке*, который до сих пор популярен не только среди индийского, но и среди европейского населения страны.^[66]

Брачные обряды совершались с такой же формальностью, как и в любой христианской стране; и к этому институту относились с таким почтением, что был учрежден трибунал с единственной целью решения вопросов, связанных с ним. Развод не мог быть произведен до тех пор, пока не будет санкционирован приговором этого суда после терпеливого слушания сторон.

Но самой замечательной частью кодекса ацтеков была та, которая касалась рабства. Было несколько описаний рабов: пленные, взятые на войне, которых почти всегда приберегали для ужасной участи жертвоприношения; преступники, государственные должники, лица, которые из-за крайней бедности добровольно отказались от своей свободы, и дети, проданные собственными родителями. В последнем случае, обычно также вызванном бедностью, родители с согласия хозяина поочередно заменяли других своих детей по мере их взросления, распределяя таким образом бремя как можно более равномерно между разными членами семьи. Готовность свободных людей понести наказание за это условие объясняется мягкой формой, в которой оно существовало. Договор купли-продажи был заключен в присутствии не менее четырех свидетелей. Услуги, которые требовались, были ограничены с большой точностью. Рабу разрешалось иметь собственную семью, владеть имуществом и даже другими рабами. Его дети были свободны. Никто не мог родиться в рабстве в Мексике;^[67] почетное отличие, не известное, я полагаю, ни в одном цивилизованном сообществе, где рабство было санкционировано.^[68] Рабы не продавались своими

хозяевами, за исключением случаев, когда их к этому подталкивала бедность. Они часто освобождали их после смерти, а иногда, поскольку не было естественного отвращения, основанного на различии крови и расы, выходили за них замуж. Тем не менее, упрямого или порочного раба могли вывести на рынок с ошейником на шее,^[69] который указывал на его плохой характер, и там публично продать, а при повторной продаже зарезервировать для жертвоприношения.^[70]

Таковы некоторые из наиболее ярких черт кодекса ацтеков, с которым тецукан имел большое сходство.^[71] За некоторыми исключениями, на нем печать суровости, даже свирепости грубого народа, закаленного знакомством со сценами крови и полагающегося на физические, а не моральные средства для исправления зла.^[72] Тем не менее, это свидетельствует о глубоком уважении к великим принципам морали и столь же ясном восприятии этих принципов, какое можно найти в наиболее культурных нациях.

Королевские доходы поступали из различных источников. Земли короны,^[73] которые, по-видимому, были обширными, вернули их натурой. Города по соседству со столицей должны были поставлять рабочих и материалы для строительства королевских дворцов и поддержания их в исправном состоянии. Они также должны были поставлять топливо, провизию и все необходимое для его обычных домашних расходов, которые, безусловно, не были скудными.^[74] Основные города, в которых было множество деревень и большая территория, зависящая от них, были распределены по округам, каждому из которых была выделена доля земель для его поддержки. Жители отдавали короне оговоренную часть произведенной продукции. Вассалы великих вождей также вносили часть своих доходов в государственную казну, что было совсем не в духе феодальных институтов.^[75]

В дополнение к этому налогу на всю сельскохозяйственную продукцию королевства, существовал еще один налог на ее производителей. Характер и разнообразие подношений будет лучше всего продемонстрировано перечислением некоторых основных статей. Это были хлопчатобумажные платья и мантии, искусно вышитые перьями; украшенные доспехи; вазы и тарелки из золота; золотая пыль, ленты и браслеты; хрустальные, позолоченные и лакированные кувшины и кубки; колокольчики, оружие и посуда из меди; пачки бумаги; зерно, фрукты, копал, янтарь, кошениль, какао, дикие животные и птицы, древесина, известь, циновки и т.д.^[76] В этой любопытной смеси самых обычных товаров и элегантных излишеств роскоши странно, что не упоминается серебро, основной продукт питания страны в более поздние времена, использование которого, несомненно, было известно ацтекам.^[77]

В крупных городах, вероятно, расположенных на расстоянии и недавно завоеванных, были расставлены гарнизоны, чтобы подавить восстание и обеспечить уплату дани.^{[78] [79]} Сборщики налогов также были распределены по всему королевству, их узнавали по официальным значкам, и их пугала беспощадная строгость их поборов. По суровому закону каждый неплательщик подлежал захвату и продаже в рабство. В столице были просторные зернохранилища и склады для приема дани. Во дворце был расквартирован главный сборщик пожертвований, который давал точный отчет о различных пожертвованиях и наблюдал за поведением нижестоящих агентов, малейшее злоупотребление которыми подвергалось суровому наказанию. Этот чиновник был снабжен картой всей империи с подробным указанием налогов, взимаемых в каждой ее части. Эти подати, умеренные при правлении первых князей, стали настолько обременительными при правителях, находившихся на закате династии, и стали еще более угнетающими из-за способа взимания, что вызвали недовольство по всей стране и подготовили путь для ее завоевания испанцами.^[80]

Связь поддерживалась с самыми отдаленными частями страны с помощью курьеров. Почтовые станции были расположены на больших дорогах, примерно в двух лье друг от друга. Курьер, неся свои депеши в виде иероглифического рисунка, бежал с ними до первой станции, где их забирал другой курьер и переправлял к следующему, и так далее, пока они не достигали столицы. Эти

курьеры, обученные с детства, путешествовали с невероятной быстротой — не четыре или пять лье в час, как уверял нас старый хронист, а с такой скоростью, что депеши доставлялись от одной до двухсот миль в день.^[81] Свежая рыба часто подавалась к столу Монтесумы через двадцать четыре часа после того, как ее поймали в Мексиканском заливе, в двухстах милях от столицы. Таким образом, сведения о передвижениях королевских армий быстро доходили до двора, а одежда гонца, цветом указывавшая на характер его известий, сеяла радость или ужас в городах, через которые он проезжал.^[82]

Но великой целью ацтекских институтов, на достижение которых были одинаково направлены как личная дисциплина, так и общественные почести, было владение оружием. В Мексике, как и в Египте, солдат разделял со священником высочайшее уважение. Король, как мы видели, должен быть опытным воином. Божеством-покровителем ацтеков был бог войны. Главной целью их военных экспедиций было собрать гекатомбы пленников для своих алтарей. Солдат, павший в бою, сразу же переносился в область невыразимого блаженства, в яркие обители Солнца.^[83] Таким образом, каждая война становилась крестовым походом; и воин, воодушевленный религиозным энтузиазмом, подобным энтузиазму ранних сарацин или христианских крестоносцев, не только привык презирать опасность, но и искал ее ради нетленного венца мученичества. Таким образом, мы обнаруживаем один и тот же импульс, действующий в самых противоположных частях земного шара, и в Азии, и в Европе, и в Америке, каждый из которых искренне призывает святое имя религии при совершении человеческой резни.

Вопрос о войне обсуждался на совете короля и его высшей знати.^[84] До его объявления были отправлены послы, чтобы потребовать от враждебного государства принять мексиканских богов и выплатить обычную дань уважения. Личности послов считались священными по всему Анауаку. Их селили и принимали в больших городах за общественный счет, и везде их принимали с учтивостью, пока они не отклонялись от больших дорог на своем пути. Когда они это сделали, они лишились своих привилегий. Если посольство оказывалось безуспешным, отправлялся вызов или открытое объявление войны; из завоеванных провинций отбирались квоты, которые всегда требовали военной службы, а также уплаты налогов; и королевская армия, обычно с монархом во главе, начинала свой марш.^[85]

Ацтекские принцы использовали стимулы, применяемые европейскими монархами для возбуждения амбиций своих последователей. Они учредили различные военные ордена, каждый из которых имел свои привилегии и особые знаки отличия. По-видимому, также существовало своего рода рыцарство низшей степени.^[86] Это была самая дешевая награда за воинскую доблесть, и тому, кто ее не достигал, запрещалось носить украшения на руках или на себе и его обязывали носить грубую белую одежду, сделанную из нитей алоэ, называемую *некуэн*. Даже члены королевской семьи не были исключены из этого закона, который напоминает о случайной практике христианских рыцарей носить простые доспехи или щиты без каких-либо украшений, пока они не совершат какой-нибудь доблестный рыцарский подвиг. Хотя военные приказы были открыты для всех, вполне вероятно, что они были заполнены в основном высокопоставленными лицами, которые благодаря своей предыдущей подготовке и связям смогли выступить на поле боя с особыми преимуществами.^[87]

Одежда высших воинов была живописной и часто великолепной. Их тела были прикрыты тесными жилетами из стеганого хлопка, такими толстыми, что были непроницаемы для легких снарядов индейской войны. Эта одежда была настолько легкой и удобной, что ее переняли испанцы. Более состоятельные вожди иногда носили вместо хлопчатобумажной кольчуги кирасу, сделанную из тонких золотых или серебряных пластин. Поверх него был наброшен плащ великолепной работы из перьев, в которой они преуспели.^[88] Их шлемы иногда были деревянными, по форме напоминающими головы диких животных, а иногда серебряными, на верхушке которых развевались *щегольские* пестрые перья, усыпанные драгоценными камнями и

золотыми украшениями. Они носили также ошейники, браслеты и серьги из тех же богатых материалов.[\[89\]](#)

Их армии были разделены на отряды по восемь тысяч человек, а эти, опять же, на роты по триста или четыреста человек, каждая со своим командиром. Национальный штандарт, который сравнивали с древнеримским, демонстрировал в своей вышивке золотом и перьями гербовые знаки государства. Это было важно для его названия, которое, поскольку названия как людей, так и мест были заимствованы у какого-то материального объекта, легко выражалось иероглифическими символами. У отрядов и великих вождей также были соответствующие знамена и эмблемы, а яркие оттенки их разноцветных плюмажей придавали зрелищу ослепительное великолепие.

Их тактика была такова, как подобает нации, у которой война, хотя и является ремеслом, не возведена в ранг науки. Они продвигались вперед, распевая и выкрикивая свои боевые кличи, стремительно атакуя врага, так же быстро отступая и используя засады, внезапные сюрпризы и легкие перестрелки партизанской войны. И все же их дисциплина была такова, что вызвала похвалы испанских завоевателей. “Прекрасное это было зрелище, - говорит один из них, - видеть, как они выступили в поход, все двигались вперед так весело и в таком замечательном порядке!”^[90] В битве они стремились не столько убивать своих врагов, сколько брать их в плен;^[91] и они никогда не снимали скальпы, как другие североамериканские племена. Доблесть воина оценивалась по количеству его пленников, и никакой выкуп не был достаточно велик, чтобы спасти преданного пленника.^[92]

Их военный кодекс имел те же суровые черты, что и другие законы. Неподчинение приказам каралось смертью. Кроме того, для солдата было равносильно смерти покинуть свои знамена, напасть на врага до подачи сигнала или разграбить чужую добычу или пленных. Один из последних князей Тецукана, в духе древнего римлянина, предал смерти двух сыновей — после того, как вылечил их раны — за нарушение последнего упомянутого закона.^[93]

Я не должен упускать из виду здесь институт, введение которого в Старом Свете причисляется к благодетельным плодам христианства. В главных городах были созданы больницы для лечения больных и постоянного убежища солдата-инвалида;^[94] и над ними были поставлены хирурги, “которые были настолько лучше, чем в Европе, - говорит старый хронист, - что они не затягивали лечение, чтобы увеличить жалованье”.^[95]

Таков краткий очерк гражданского и военного устройства древних мексиканцев; менее совершенный, чем можно было бы желать в отношении первого, из-за несовершенства источников, из которых оно почерпнуто. Любой, у кого была возможность изучить раннюю историю современной Европы, обнаружил, насколько расплывчатой и неудовлетворительной является политическая информация, которую можно почерпнуть из сплетен монашеских летописцев. Насколько возросла трудность в настоящем случае, когда эта информация, впервые записанная на сомнительном языке иероглифов, была истолкована на другом языке, с которым испанские хронисты были плохо знакомы, в то время как она относилась к институтам, о которых их прошлый опыт не позволил им составить адекватного представления! Среди такого неопределенного освещения напрасно ожидать приятной точности деталей. Все, что можно сделать, - это попытаться обрисовать наиболее заметные черты, чтобы в уме читателя могло сложиться правильное впечатление, насколько это возможно.

Однако было сказано достаточно, чтобы показать, что расы ацтеков и тецукан были развиты в цивилизации гораздо дальше, чем кочующие племена Северной Америки.^[96] Уровень цивилизации, которого они достигли, судя по их политическим институтам, можно считать, пожалуй, немногим ниже того, которым обладали наши саксонские предки при Альфреде. По своей природе их можно лучше сравнить с египтянами, а изучение их социальных отношений и культуры может выявить еще более сильные черты сходства с этим древним народом.

Тем, кто знаком с современными мексиканцами, будет трудно представить, что нация когда-либо была способна создать просвещенное государственное устройство, которое мы рассматривали. Но они должны помнить, что в мексиканцах наших дней они видят только

побежденную расу; они так же отличаются от своих предков, как современные египтяне от тех, кто строил, — я не скажу, безвкусные пирамиды, — но храмы и дворцы, великолепные обломки которых усеивают берега Нила, в Луксоре и Карнаке. Разница не так велика, как между древним греком и его выродившимся потомком, бездельничающим среди шедевров искусства, которыми у него едва хватает вкуса восхищаться, говорящим на языке тех еще более нетленных памятников литературы, которые он едва ли способен понять. И все же он дышит той же атмосферой, согрет тем же солнцем, взращен теми же сценами, что и те, кто пал на марафоне и завоевал трофеи Олимпийской Пизы. В его жилах течет та же кровь, что и в их собственных. Но века тирании миновали; он принадлежит к покоренной расе.

В натуре американского индейца есть что-то особенно чувствительное. Он инстинктивно уклоняется от грубого прикосновения чужой руки. Даже когда это иностранное влияние проявляется в форме цивилизации, он, кажется, тонет и чахнет под ним. Так было и с мексиканцами. Под испанским господством их численность тихо таяла. Их энергия сломлена. Они больше не ступают по своим горным равнинам с сознательной независимостью своих предков. В их неуверенном шаге и кротком и меланхоличном облике мы читаем печальные характеры покоренной расы. Дело человечества, действительно, выиграло. Они живут при лучшей системе законов, более надежном спокойствии, более чистой вере. Но все это бесполезно. Их цивилизация обладала выносливым характером, присущим дикой природе. Свирепые добродетели ацтеков были его собственными. Они отказались подчиниться европейской культуре, быть привитыми к иностранному происхождению. Его внешняя форма, цвет лица, черты лица, по существу, остались теми же; но моральные характеристики нации, все, что составляло ее индивидуальность как расы, стерто навсегда.

Двумя главными авторитетами в этой главе являются Торквемада и Клавиджеро. Первый, провинциал францисканского ордена, прибыл в Новый Свет примерно в середине шестнадцатого века. Поскольку поколение Завоевателей тогда еще не ушло из жизни, у него было достаточно возможностей узнать подробности их предприятия из их собственных уст. Пятьдесят лет, в течение которых он оставался в стране, дали ему возможность познакомиться с традициями и обычаями местных жителей и позволили ему собрать их историю от первых миссионеров, а также по таким памятникам, которые фанатизм его соотечественников тогда еще не успел уничтожить. На основе этих обширных источников он составил свои объемистые тома, начав, по общепринятой моде древних кастильских хронистов, с сотворения мира и охватив весь круг мексиканских институтов, политических, религиозных и социальных, с древнейшего периода до его собственного времени. Обращаясь к этим плодотворным темам, достойный отец в полной мере проявил фанатизм, который был присущ его ордену в тот период. Каждая страница также заполнена иллюстрациями из Священного Писания или мирской истории, которые составляют причудливый контраст с варварской основой его рассказа; и иногда он допускал серьезные ошибки из-за своего неправильного представления о хронологической системе ацтеков. Но, несмотря на эти вопиющие недостатки в композиции произведения, исследователь, знающий о слабостях его автора, не найдет лучшего проводника, чем Торквемада, в проследживании потока исторической правды вплоть до истоков; такова его очевидная честность и так велики были его возможности для получения информации о самых любопытных моментах мексиканской древности. Соответственно, ни одна работа не подвергалась более широкому консультированию и копированию, даже теми, кто, подобно Эррере, не придавал большого значения источникам, из которых была почерпнута информация. (История. генерал, 6 декабря, библиотека 6, глава 19.) *"Монархия Индианы"* была впервые опубликована в Севилье в 1615 году (Nic. Antonio, Bibliotheca Nova (Matriti, 1783), том ii, стр. 787), и с тех пор, в лучшем стиле, в трех томах folio, в Мадриде, в 1723 году.

Другим авторитетным источником, часто цитируемым на предыдущих страницах, является *"История античной мессии"* аббата Клавиджеро. Первоначально она была напечатана в конце прошлого столетия на итальянском языке и в Италии, куда автор, уроженец Вера-Крус и член ордена иезуитов, удалился после изгнания этой организации из Испанской Америки в 1767 году. За тридцать пять лет пребывания в своей стране Клавиджеро близко познакомился с ее древностями, тщательно изучив картины, рукописи и другие останки, которые можно было найти в его время. План его работы почти такой же всеобъемлющий, как у его предшественника Торквемады; но более поздний и образованный период, в который он писал, виден по тому превосходному обращению, с которым он справился со своей сложной темой. В подробных исследованиях, приведенных в его заключительном томе, он многое сделал для исправления хронологии и различных неточностей предыдущих авторов. Действительно, общепризнанной целью его работы было защитить своих соотечественников от того, что, по его мнению, было искажениями Робертсона, Рейналя и Де По. В отношении последних двух он был совершенно успешен. Такой мнимый замысел, естественно, мог

бы натолкнуть на неблагоприятные представления о его беспристрастности. Но, в целом, он, по-видимому, вел дискуссию добросовестно; и если национальное рвение побудило его перегружать картину яркими красками, то в этом отношении его можно найти гораздо более умеренным, чем тех, кто был до него, хотя он применял здравые принципы критики, на которые они были неспособны. Одним словом, усердие его исследований собрало в одном фокусе разрозненные огоньки традиций и антикварных знаний, в значительной степени очищенных от тумана суеверий, который затемняет лучшие произведения более раннего периода. По этим причинам работа, несмотря на ее временную растянутость и неприятный аспект, придаваемый ей обилием грубых имен в мексиканской орфографии, которые пестрят на каждой странице, нашла заслуженную симпатию публики и вызвала нечто вроде народного интереса к предмету. Вскоре после ее публикации в Чезене, в 1780 году, она была переведена на английский, а совсем недавно на испанский и немецкий языки.

ГЛАВА III

МЕКСИКАНСКАЯ МИФОЛОГИЯ—ЖРЕЧЕСКИЙ ОРДЕН—ХРАМЫ—ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ

Гражданское устройство ацтеков настолько тесно связано с их религией, что без понимания последней невозможно составить правильное представление об их правительстве или социальных институтах. Я пока опущу некоторые замечательные предания, имеющие странное сходство с теми, что содержатся в Священных Писаниях, и попытаюсь дать краткий очерк их мифологии и тщательно продуманных положений, необходимых для поддержания национального культа.

Мифологию можно рассматривать как поэзию религии, или, скорее, как поэтическое развитие религиозного принципа в первобытную эпоху. Это попытка необразованного человека объяснить тайны существования и тайные силы, с помощью которых осуществляются действия природы. Хотя общественные условия развития сходны, их характер должен отличаться от характера грубых племен, в которых они возникли; и свирепый гот, пьющий мед из черепов своих убитых врагов, должен иметь мифологию, совершенно отличную от мифологии женоподобного уроженца Эспаньолы, бездельничающего, коротающего часы в праздных развлечениях под сенью своих бананов.

В более поздний и утонченный период мы иногда находим эти примитивные легенды, объединенные руками поэта в правильную систему, а грубые очертания вылеплены в формы идеальной красоты, которые являются предметом обожания в легковверный век и восхищения всех последующих. Таковы были прекрасные изобретения Гесиода и Гомера, “которые, - говорит Отец истории, - создали греческую теогонию”; это утверждение не следует понимать слишком буквально, поскольку вряд ли возможно, чтобы какой-либо человек создал религиозную систему для своего народа.^[97] Они лишь дополняли темные очертания традиции яркими штрихами своего собственного воображения, пока не облекли их в красоту, которая воспламенила воображение других. Сила поэта, действительно, может ощущаться подобным образом в гораздо более зрелый период жизни общества. Не говоря уже о “Божественной комедии”, кто там поднимется после прочтения “Потерянного рая”, не почувствовав, что его собственные представления об ангельской иерархии оживлены представлениями вдохновенного художника и как бы обретают новую и осмысленную форму образы, которые прежде плавали перед ним смутно и неопределенно?

За последним упомянутым периодом следует период философии; которая, отвергая как легенды первобытной эпохи, так и поэтические приукрашивания следующего периода, стремится защититься от обвинения в нечестии, давая аллегорическое толкование популярной мифологии и, таким образом, примиряя последнюю с подлинными выводами науки.

Мексиканская религия возникла из первой из школ, которые мы рассматривали, и, хотя на нее мало повлияло поэтическое влияние, она приобрела особый оттенок благодаря священникам, которые усвоили самый тщательный и обременительный церемониал, какой когда-либо существовал у какой-либо нации. Более того, они набросили завесу аллегории на раннюю традицию и наделили своих божеств атрибутами, в гораздо большей степени напоминающими

гротескные представления восточных народов Старого Света, чем более легкие вымыслы греческой мифологии, в которой черты человечности, какими бы преувеличенными они ни были, никогда не были полностью отброшены. [\[98\]](#)

При рассмотрении религиозной системы ацтеков поражаешься ее очевидной несообразности, как будто какая-то ее часть исходила от сравнительно утонченного народа, открытого мягким влияниям, в то время как остальная часть дышит духом абсолютной свирепости. Это, естественно, наводит на мысль о двух различных источниках и подтверждает веру в то, что ацтеки унаследовали от своих предшественников более мягкую веру, на которой впоследствии была привита их собственная мифология. Последнее вскоре стало доминирующим и придало мрачную окраску верованиям покоренных народов, которые мексиканцы, подобно древним римлянам, по-видимому, охотно включили в свои собственные, пока то же самое похоронное суеверие не распространилось на самых дальних границах Анауака.

Ацтеки признавали существование верховного Творца и Владыки вселенной. Они обращались к нему в своих молитвах как к “Богу, которым мы живем”, “вездесущему, знающему все мысли и дающему все дары”, “без которого человек - ничто”, “невидимому, бестелесному, единому Богу, совершенному и чистому”, “под крыльями которого мы находим покой и надежную защиту”. Эти возвышенные атрибуты не предполагают неадекватного представления об истинном Боге. Но идея единства — существа, для которого воля — это действие, которому не нужны низшие служители для достижения своих целей, - была слишком простой или слишком обширной для их понимания; и они, как обычно, искали утешения во множестве божеств, которые управляли стихиями, сменой времен года и различными занятиями человека. [\[99\]](#) Из них было тринадцать главных божеств и более двухсот низших; каждому из них был посвящен какой-то особый день или соответствующий праздник. [\[100\]](#)

Во главе всего стоял ужасный Уицилопочтли, мексиканский Марс; хотя было бы несправедливо по отношению к героическому богу войны древности отождествлять его с этим кровожадным чудовищем. Это было божество-покровитель нации. Его фантастическое изображение было украшено дорогими украшениями. Его храмы были самыми величественными из общественных зданий, и его алтари благоухали кровью человеческих гекатомбов в каждом городе империи. Поистине катастрофическим, должно быть, было влияние такого суеверия на характер народа. [\[101\]](#)

Гораздо более интересным персонажем в их мифологии был Кецалькоатль, бог воздуха, божество, которое во время своего пребывания на земле обучало туземцев использованию металлов, сельскому хозяйству и искусству управления. Несомненно, он был одним из тех благодетелей своего вида, которые были обожествлены благодарностью потомков. При нем земля изобиловала фруктами и цветами, не обремененная заботами о культуре. Початок индийской кукурузы - это все, что мог унести один человек. Хлопок по мере роста сам по себе впитывал богатые краски человеческого искусства. Воздух был наполнен опьяняющими ароматами и сладким пением птиц. Короче говоря, это были безмятежные дни, которые находят место в мифических системах многих народов Старого Света. Это был *золотой век* Анауака. [\[102\]](#)

По какой-то причине, не объясненной, Кецалькоатль навлек на себя гнев одного из главных богов и был вынужден покинуть страну. По пути он остановился в городе Чолула, где для его поклонения был посвящен храм, массивные руины которого до сих пор являются одной из интересных реликвий древности в Мексике. Достигнув берегов Мексиканского залива, он попрощался со своими последователями, пообещав, что он и его потомки вновь посетят их в будущем, а затем, сев в свою волшебную лодку, сделанную из змеиных шкур, отправился по великому океану в легендарную страну Тлапаллан. Говорили, что он был высокого роста, с белой кожей, длинными темными волосами и ниспадающей бородой. Мексиканцы с уверенностью ожидали возвращения благожелательного божества, и эта замечательная традиция, глубоко

сохраненная в их сердцах, подготовила, как мы увидим ниже, путь к будущему успеху испанцев. [\[103\]](#)

У нас нет места для дальнейших подробностей о мексиканских божествах, атрибуты многих из которых были тщательно определены, поскольку они нисходили, в правильной градации, к *пенатам*, или домашним богам, маленькие изображения которых можно было найти в самом скромном жилище.

Ацтеки испытывали любопытство, присущее человеку почти на всех этапах развития цивилизации, - желание приоткрыть завесу, скрывающую таинственное прошлое и еще более ужасное будущее. Подобно народам Старого Континента, они искали избавления от гнетущей идеи вечности, разбивая ее на отдельные циклы, или периоды времени, каждый продолжительностью в несколько тысяч лет. Таких циклов было четыре, и в конце каждого, благодаря действию одной из стихий, человеческая семья была сметена с лица земли, а солнце скрылось с небес, чтобы снова зажечься. [\[104\]](#)

Они представляли себе три отдельных состояния существования в будущей жизни. Нечестивые, охватывающие большую часть человечества, должны были искупить свои грехи в месте вечной тьмы. Другой класс, не имевший никаких других достоинств, кроме того, что умер от определенных болезней, по прихоти избранных, должен был наслаждаться негативным существованием в праздном довольстве. Самое высокое место было отведено, как и у большинства воинственных народов, героям, павшим в битве или принесенным в жертву. Они сразу же оказались в присутствии Солнца, которому они сопровождали песнями и хоровыми танцами его яркое шествие по небесам; и через несколько лет их души отправились оживать облака и певчих птиц с прекрасным оперением, а также упиваться пышными цветами и ароматами райских садов. [\[105\]](#) Таковы были небеса ацтеков; более утонченные по своему характеру, чем у более утонченных язычников, чей элизиум отражал только боевые виды спорта или чувственные наслаждения этой жизни. [\[106\]](#) В судьбе, которую они назначили нечестивым, мы различаем схожие следы утонченности; поскольку отсутствие каких-либо физических пыток составляет разительный контраст со схемами страданий, столь изобретательно придуманными фантазиями самых просвещенных наций. [\[107\]](#) Во всем этом, столь противоречащем естественным представлениям свирепых ацтеков, мы видим свидетельства более высокой цивилизации, [\[108\]](#) унаследованные от их предшественников на земле.

Наши ограничения позволяют сделать лишь краткий намек на одну или две из их наиболее интересных церемоний. После смерти человека его труп облачался в особые одеяния его божества-покровителя. Она была усыпана листками бумаги, которые действовали как обереги от опасностей темной дороги, по которой ему предстояло идти. Толпа рабов, если он был богат, приносилась в жертву при его погребении. Его тело было сожжено, а пепел, собранный в вазу, хранился в одной из комнат его дома. Здесь мы последовательно сталкиваемся с обычаями римско-католическими, мусульманскими, татарскими, древнегреческими и римскими; любопытные совпадения, которые могут показать, насколько осторожными нам следует быть в принятии выводов, основанных на аналогии. [\[109\]](#)

Более необычное совпадение можно проследить с христианскими обрядами, в церемонии наречения имен своим детям. Губы и грудь младенца были окроплены водой, и “Господа умоляли позволить святым каплям смыть грех, который был дан ему до основания мира, чтобы ребенок мог родиться заново”. [\[110\]](#) Нам напоминают о христианской морали более чем в одной из их молитв, в которых они использовали обычные формы. “Неужели ты изгладишь нас, о Господь, навсегда? Предназначено ли это наказание не для нашего исправления, а для нашего уничтожения?” И снова: “Даруй нам, по твоей великой милости, свои дары, которые мы недостойны получить по нашим собственным заслугам”. “Сохраняйте мир со всеми, - говорится в другом прошении, - переносите обиды со смирением; Бог, который видит, отомстит за вас”. Но самая поразительная параллель с Писанием содержится в замечательном заявлении о том, что “тот, кто смотрит на

женщину с излишним любопытством, совершает прелюбодеяние глазами”.^[111] Эти чистые и возвышенные максимы, это правда, перемешаны с другими, имеющими ребяческий и даже жестокий характер, что свидетельствует о той путанице моральных представлений, которая естественна на закате цивилизации. Однако при таком состоянии общества нельзя было бы ожидать встретить доктрины, столь же возвышенные, как те, что были заложены просвещенными кодексами древней философии.^[112]

Но, хотя мифология ацтеков ничего не почерпнула из прекрасных выдумок поэта или утонченности философии, она была во многом обязана, как я заметил, жрецам, которые пытались поразить воображение людей самым формальным и помпезным церемониалом. Влияние духовенства должно быть наибольшим в условиях несовершенного состояния цивилизации, когда оно вбирает в себя всю скудную науку того времени. Это особенно актуально, когда наука носит тот ложный характер, который меньше связан с реальными явлениями природы, чем с причудливыми химерами человеческих суеверий. Таковы науки астрологии и прорицания, в которые ацтекские жрецы были хорошо посвящены; и, хотя они, казалось, держали ключи от будущего в своих собственных руках, они внушали невежественным людям чувство суеверного благоговения, превосходящее то, которое, вероятно, существовало в любой другой стране, даже в древнем Египте.

Жреческий орден был очень многочисленным; как можно заключить из заявления, что пять тысяч священников так или иначе были прикреплены к главному храму столицы. Различные звания и функции этого многочисленного коллектива были определены с большой точностью. Те, кто лучше всех разбирался в музыке, взяли на себя управление хорами. Другие организовывали фестивали в соответствии с календарем. Одни следили за образованием молодежи, а другие отвечали за иероглифические рисунки и устные традиции; в то время как мрачные обряды жертвоприношения были зарезервированы для высших сановников ордена. Во главе всего учреждения стояли два первосвященника, избранных из ордена, как представляется, королем и высшей знатью, без привязки к рождению, а исключительно за их квалификацию, о чем свидетельствует их предыдущее поведение на низшем посту. Они были равны по достоинству и уступали только государю, который редко действовал без их совета в важных вопросах, представляющих общественный интерес.^[113]

Каждый из жрецов был посвящен служению какому-то определенному божеству, и им были предоставлены помещения в просторных пределах их храма; по крайней мере, пока они были заняты непосредственным присутствием там, поскольку им было разрешено вступать в брак и заводить собственные семьи. В этой монашеской резиденции они жили со всей суровой строгостью монастырской дисциплины. Трижды в течение дня и один раз ночью их призывали к молитвам. Они часто совершали омовения и бдения и умерщвляли плоть постом и жестокими покаяниями, выпуская кровь из своих тел бичеванием или протыкая их шипами алоэ; короче говоря, совершая все те аскезы, к которым прибегал фанатизм (позаимствуя сильный язык поэта) во все века мира,

“В надежде заслужить рай, превратив землю в ад”.^[114]

Крупные города были разделены на округа, находившиеся в ведении своего рода приходского духовенства, которое регулировало каждый религиозный акт в своих пределах. Примечательно, что они проводили обряды исповеди и отпущения грехов. Секреты исповеди считались неприкосновенными, и налагались епитимьи во многом того же рода, что и в Римско-католической церкви. В ацтекской церемонии были две замечательные особенности. Первое заключалось в том, что, поскольку повторение однажды искупленного проступка считалось непоправимым, исповедь делалась только один раз в жизни человека и обычно откладывалась на

более поздний период, когда кающийся облегчал свою совесть и сразу же расплачивался с долгими долгами за беззаконие.^[115] Другой особенностью было то, что священническое отпущение грехов было получено вместо законного наказания за преступления и санкционировало оправдательный приговор в случае ареста. Долгое время после Завоевания простые туземцы, попав под руку закона, пытались спастись бегством, предъявляя свидетельство о своем признании.^[116]

Одной из важнейших обязанностей священства была образовательная деятельность, для которой были отведены определенные здания на территории главного храма. Сюда помещалась молодежь обоих полов, высшего и среднего звена, в очень нежном возрасте. Девочек поручали заботам жриц, поскольку женщинам разрешалось выполнять жреческие функции, за исключением жертвоприношений.^[117] В этих учебных заведениях мальчиков обучали монашеской дисциплине; они украшали святилища богов цветами, разжигали священный огонь и принимали участие в религиозных песнопениях и фестивалях. Те, кто учился в высшей школе — *Кальмекаке*, как ее называли, — были посвящены в свои традиционные знания, тайны иероглифов, принципы управления и такие отрасли астрономии и естествознания, которые были в пределах компетенции духовенства. Девочки обучались различным женским занятиям, особенно ткачеству и вышивке богатых покрывал для алтарей богов. Большое внимание уделялось моральной дисциплине обоих полов. Царили самые строгие приличия, и проступки карались с особой строгостью, в некоторых случаях даже смертью. Источником образования у ацтеков был ужас, а не любовь.^[118]

В возрасте, подходящем для вступления в брак или вступления в мир, учениц с большими церемониями отпускали из монастыря, и по рекомендации директора школы наиболее компетентные из них часто попадали в ответственные ситуации общественной жизни. Такова была хитрая политика мексиканских священников, которые, оставляя за собой дело обучения, получили возможность формировать молодой и пластичный ум в соответствии со своей собственной волей и рано приучать его к безоговорочному почтению к религии и ее служителям; почтение, которое все еще сохраняло свою власть над железной натурой воина еще долго после того, как все остальные следы образования были стерты грубым ремеслом, которому он был предан.

К каждому из главных храмов были присоединены земли для содержания жрецов. Эти владения увеличивались благодаря политике или преданности сменявших друг друга князей, пока при последнем Монтесуме они не разрослись до огромных размеров и не охватили все округа империи. Священники взяли управление своей собственностью в свои руки; и они, по-видимому, относились к своим арендаторам с либеральностью и снисходительностью, характерными для монастырских корпораций. Помимо больших запасов, черпаемых из этого источника, религиозный орден обогащался первыми плодами и другими подношениями, которые диктовались благочестием или суевериями. Излишки сверх того, что требовалось для поддержания национального культа, распределялись в виде милостыни среди бедных; обязанность, строго предписанная их моральным кодексом. Таким образом, мы обнаруживаем, что одна и та же религия преподает уроки чистой филантропии, с одной стороны, и безжалостного истребления, как мы вскоре увидим, с другой. Это несоответствие не покажется невероятным тем, кто знаком с историей Римской Католической церкви в ранние века инквизиции.^[119]

Мексиканские храмы — *теокаллис*, “дома Бога”, как их называли^[120] — были очень многочисленными. В каждом из главных городов их было по несколько сотен, многие из них, несомненно, были очень скромными зданиями. Они представляли собой твердые массы земли, облицованные кирпичом или камнем, и по своей форме чем-то напоминали пирамидальные сооружения древнего Египта. Основания многих из них были более ста квадратных футов, и они возвышались на еще большую высоту. Они были разделены на четыре или пять этажей, каждый из которых имел меньшие размеры, чем тот, что находится внизу. Подъем осуществлялся по лестнице, расположенной под углом к пирамиде с внешней стороны. Она вела к своего рода

террасе, или галерее, в основании второго этажа, которая проходила полностью вокруг здания к другому лестничному пролету, начинавшемуся также под тем же углом, что и предыдущий, и прямо над ним, и ведущему на аналогичную террасу; так что приходилось несколько раз обходить храм, прежде чем достичь вершины. В некоторых случаях лестница вела прямо по центру западного фасада здания. Вершина представляла собой обширную площадку, на которой были возведены одна или две башни высотой в сорок или пятьдесят футов - святилища, в которых стояли священные изображения верховных божеств. Перед этими башнями стоял ужасный жертвенный камень и два высоких алтаря, на которых поддерживался огонь, такой же неугасимый, как в храме Весты. Говорили, что таких алтарей было шестьсот в небольших зданиях внутри ограды великого храма Мексики, которые, как и алтари в священных зданиях в других частях города, освещали его улицы даже самой темной ночью. [\[121\]](#) [\[122\]](#)

С момента строительства их храмов все религиозные службы были публичными. Длинные процессии жрецов, огибающие их массивные бока по мере того, как они поднимались все выше и выше к вершине, и совершаемые там мрачные обряды жертвоприношения - все это было видно из самых отдаленных уголков столицы, вызывая в сознании зрителя чрезмерное благоговейное преклонение перед тайнами его религии и перед грозными служителями, которые их толковали.

Это впечатление в полной мере сохранялось благодаря их многочисленным фестивалям. Каждый месяц был посвящен какому-нибудь божеству-покровителю; и каждая неделя, нет, почти каждый день, была отмечена в их календаре для какого-нибудь соответствующего празднования; так что трудно понять, как обычные жизненные дела могли быть совместимы с требованиями религии. Многие из их церемоний были легкими и жизнерадостными и состояли из национальных песен и танцев, в которых участвовали представители обоих полов. Процессии состояли из женщин и детей, увенчанных гирляндами, которые приносили в жертву фрукты, спелую кукурузу или сладкие благовония из копала и других пахучих камедей, в то время как алтари божества не были запятнаны кровью, кроме крови животных. [\[123\]](#) Это были мирные обряды, унаследованные от их предшественников-толтеков, которым свирепые ацтеки привили суеверие, слишком отвратительное, чтобы выставлять его напоказ во всей его наготы, и на которое я бы с радостью совсем опустил завесу, но это оставило бы читателя в неведении об их самом поразительном институте, оказавшем наибольшее влияние на формирование национального характера.

Человеческие жертвоприношения были приняты ацтеками в начале четырнадцатого века, примерно за двести лет до Завоевания. [\[124\]](#) Поначалу редкие, они становились все более частыми по мере расширения их империи; пока, наконец, почти каждый фестиваль не закрывался этой жестокой мерзостью. Эти религиозные церемонии, как правило, устраивались таким образом, чтобы дать представление о наиболее выдающихся обстоятельствах в характере или истории божества, которое было их объектом. Будет достаточно одного примера.

Одним из их самых важных праздников был праздник в честь бога Тецкатлипоки, [\[125\]](#) ранг которого уступал только рангу Высшего Существа. Его называли "душой мира" и предполагали, что он был его создателем. Его изображали красивым мужчиной, наделенным вечной молодостью. За год до предполагаемого жертвоприношения пленник, отличавшийся личной красотой и без единого изъяна на теле, был выбран для представления этого божества. Определенные наставники взяли на себя заботу о нем и научили его, как исполнять свою новую роль с подобающим изяществом и достоинством. Он был одет в великолепное платье, его угощали благовониями и обилием душистых цветов, которые древние мексиканцы любили так же, как и их потомки в наши дни. Когда он выезжал за границу, его сопровождала свита королевских пажей, и, когда он останавливался на улицах, чтобы сыграть какую-нибудь любимую мелодию, толпа падала ниц перед ним и воздавала ему почести как представителю своего доброго божества. Таким образом, он вел легкую, роскошную жизнь до тех пор, пока не прошел месяц после его жертвоприношения. Четыре прекрасные девушки, носившие имена главных богинь, были затем выбраны, чтобы

разделить с ним почести постели; и с ними он продолжал жить в праздных развлечениях, пировал на пирах у знатных особ, которые воздавали ему все почести божества.

Наконец настал роковой день жертвоприношения. Срок его недолгой славы подошел к концу. С него сняли его безвкусный наряд, и он попрощался с прекрасными участницами своих кутежей. Одна из царских барж перевезла его через озеро к храму, возвышавшемуся на берегу, примерно в лиге от города. Сюда стекались жители столицы, чтобы засвидетельствовать завершение церемонии. Когда печальная процессия поднималась по склонам пирамиды, несчастная жертва выбросила свои веселые венки из цветов и разломала на куски музыкальные инструменты, которыми он утешался в часы заточения. На вершине его встретили шесть жрецов, чьи длинные и спутанные локоны в беспорядке ниспадали на их соболиные одежды, покрытые иероглифическими свитками мистического значения. Они подвели его к жертвенному камню, огромной глыбе яшмы, верхняя поверхность которой была несколько выпуклой. На нем пленника растянули. Пятеро жрецов закрепили его голову и конечности, в то время как шестой, одетый в алую мантию, символизирующую его кровавую должность, ловко вскрыл грудь несчастной жертвы острой бритвой из *ицтли*— вулканического вещества, твердого, как кремнь, - и, засунув руку в рану, вырвал трепещущее сердце. Служитель смерти, сначала подняв его к солнцу, предмету поклонения во всем Анауаке, бросил его к ногам божества, которому был посвящен храм, в то время как толпы внизу пали ниц в смиренном поклонении. Трагическая история этого узника была изложена священниками как тип человеческой судьбы, которая, блестяще начавшись, слишком часто заканчивается горем и катастрофой. [\[126\]](#)

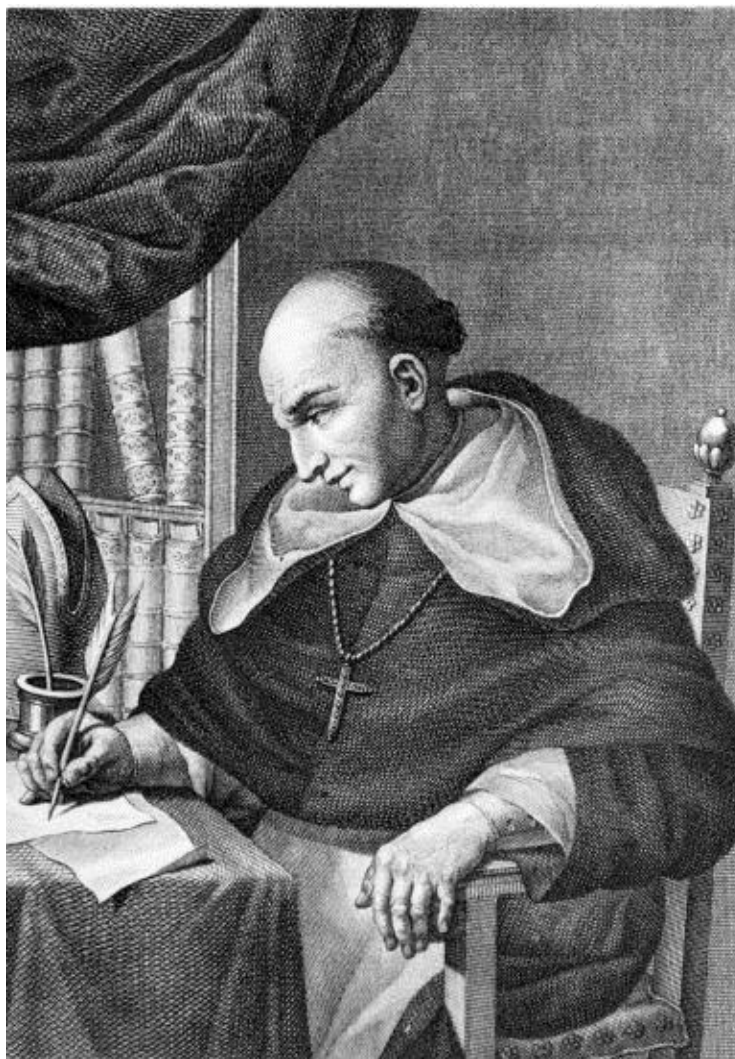
Такова была форма человеческого жертвоприношения, обычно практиковавшаяся ацтеками. Это было то же самое, что часто попадалось на глаза возмущенным европейцам, когда они продвигались по стране, и от ужасной участи, от которой они сами не были избавлены. Действительно, были случаи, когда применялись предварительные пытки самого изысканного рода, — которыми нет необходимости шокировать читателя, — но они всегда заканчивались описанной выше кровавой церемонией. Следует, однако, отметить, что такие пытки не были спонтанным проявлением жестокости, как у североамериканских индейцев, но все они были строго предписаны ацтекским ритуалом и, несомненно, часто сопровождалась теми же угрызениями совести, которые иногда мог испытывать набожный служитель Святой Канцелярии при исполнении ее суровых постановлений. [\[127\]](#) Женщин, как и представителей другого пола, иногда приносили в жертву. В некоторых случаях, особенно в засушливые сезоны, на празднике ненасытного Тлалока, бога дождя, приносились в жертву дети, по большей части младенцы. Когда их несли в открытых носилках, одетых в праздничные одежды и украшенных свежими весенними цветами, они вызвали жалость в самых черствых сердцах, хотя их крики тонули в неистовом пении жрецов, которые читали в их слезах благоприятное предзнаменование для их прошения. Эти невинные жертвы обычно покупались священниками, родители которых были бедны, но которые заглушали голос природы, вероятно, не столько из-за бедности, сколько из-за жалкого суеверия. [\[128\]](#)

Самая отвратительная часть истории — способ, которым было избавлено от тела принесенного в жертву пленника, — еще предстоит рассказать. Он был доставлен воину, который взял его в плен в битве, и им же, после того как он был одет, был подан на угощение его друзьям. Это была не грубая трапеза изголодавшихся каннибалов, а пир, изобилующий изысканными напитками и яствами, приготовленный с искусством, на котором присутствовали представители обоих полов, которые, как мы увидим ниже, вели себя со всеми приличиями цивилизованной жизни. Несомненно, никогда утонченность и крайность варварства не соприкасались так тесно друг с другом. [\[129\]](#)

Человеческие жертвоприношения практиковались многими народами, не исключая самые утонченные нации древности; [\[130\]](#) но никогда ни у кого, в масштабах, которые можно было бы сравнить таковыми в Анауаке. Количество жертв, принесенных в жертву на его проклятых

алтарях, поколебало бы веру наименее щепетильного верующего. Едва ли какой-нибудь автор претендует на то, чтобы оценить ежегодные жертвоприношения по всей империи менее чем в двадцать тысяч, а некоторые называют цифру до пятидесяти тысяч! [\[131\]](#)

В таких важных случаях, как коронация короля или освящение храма, это число становится еще более ужасающим. Во время освящения великого храма Уицилопочтли в 1486 году заключенные, которые в течение нескольких лет были зарезервированы для этой цели, были собраны отовсюду в столицу. Они выстроились в шеренги, образовав процессию длиной почти в две мили. Церемония заняла несколько дней, и, как говорят, семьдесят тысяч пленников погибли в святилище этого ужасного божества! Но кто может поверить, что столь многочисленные тела позволили бы безропотно вести себя, как овец на бойню? Или как могли их останки, слишком большие для употребления в

FRA BARTOLOMÉ DE LAS CASAS

Goupin & Co. Париж

обычным способом избавиться, не разводя чуму в столице? Однако это событие произошло совсем недавно и недвусмысленно подтверждено наиболее информированными историками. [\[132\]](#) Один факт можно считать несомненным. Было принято хранить черепа принесенных в жертву в зданиях, приспособленных для этой цели. Спутники Кортеса насчитали сто тридцать шесть тысяч человек в одном из этих зданий! [\[133\]](#) Таким образом, не прибегая к точным подсчетам, можно с уверенностью заключить, что ежегодно в разных городах Анауака тысячи людей приносились в жертву на кровавых алтарях мексиканских божеств. [\[134\]](#)

Действительно, главной целью войны с ацтеками было как сбор жертв для их жертвоприношений, так и расширение их империи. Следовательно, враг никогда не погибал в бою, если был шанс взять его живым. Этому обстоятельству испанцы неоднократно были обязаны своим спасением. Когда Монтесуму спросили, “почему он позволил республике Тласкала сохранять свою независимость на его границах”, он ответил: “чтобы она могла доставить ему жертвы для его богов”! Когда запасы начали иссякать, священники-доминиканцы Нового Света громко требовали добавки и подстегивали своего суеверного монарха угрозами небесного гнева. Подобно воинствующим церковникам христианского мира в Средние века, они смешались с рядами и были заметны в самой гуще сражения своим отвратительным видом и неистовыми жестами. Странно, что в каждой стране самые дьявольские страсти человеческого сердца разжигались во имя религии! [\[135\]](#)

Влияние этих обычаев на характер ацтеков было настолько катастрофическим, насколько можно было предположить. Знакомство с кровавыми обрядами жертвоприношения закаляло сердце против человеческого сочувствия и порождало жажду резни, подобную той, что возбуждали в римлянах представления в цирке. Постоянное повторение церемоний, в которых принимали участие люди, связывало религию с их самыми сокровенными заботами и распространяло мрак суеверия над домашним очагом, пока характер нации не приобрел серьезный и даже меланхолический оттенок, который и по сей день присущ их потомкам. Влияние священства, конечно, стало безграничным. Монарх считал для себя честью то, что ему было разрешено помогать в богослужениях храма. Далекий от того, чтобы ограничивать власть священников духовными вопросами, он часто уступал им свое мнение там, где они были наименее компетентны его высказать. Именно их противодействие предотвратило окончательную капитуляцию, которая спасла бы столицу. Вся нация, от крестьянина до принца, склонилась перед худшим видом тирании, перед слепым фанатизмом.

Размышляя об отвратительных обычаях, описанных на предыдущих страницах, трудно согласовать их существование с чем-либо похожим на обычную форму правления или прогресс цивилизации. ^[136] Тем не менее, мексиканцы предъявляли много претензий к характеру цивилизованного сообщества. Возможно, можно лучше понять эту аномалию, поразмыслив о состоянии некоторых из наиболее цивилизованных стран Европы в шестнадцатом веке, после учреждения современной инквизиции — института, который ежегодно уничтожал тысячи своих членов смертью более мучительной, чем жертвоприношения ацтеков; который поднял руку брата на брата и, наложив свою горящую печать на уста, сделал для остановки движения к улучшению больше, чем любой другой план, когда-либо изобретенный человеческой хитростью.

Человеческое жертвоприношение, каким бы жестоким оно ни было, не имеет в себе ничего унижающего для жертвы. Скорее можно сказать, что оно облагораживает человека, посвящая его богам. Хотя ацтеки были так ужасны, иногда они добровольно принимали эту смерть как самую славную и открывающую верный проход в рай. ^[137] Инквизиция, с другой стороны, клеймила своих жертв позором в этом мире и обрек их на вечную погибель в следующем.

Однако одна отвратительная черта суеверий ацтеков ставила их намного ниже христианских. Это был их каннибализм, ^[138] хотя, по правде говоря, мексиканцы не были каннибалами в самом грубом понимании этого термина. Они питались человеческим мясом не только для удовлетворения звериного аппетита, но и в соответствии со своей религией. Их трапезы состояли из жертв, кровь которых была пролита на жертвенный алтарь. Это различие заслуживает внимания. ^[139] Тем не менее, каннибализм в любой форме и с любой санкцией не может не оказывать фатального влияния на нацию, пристрастившуюся к нему. Она внушает идеи, настолько отвратительные, настолько унижающие человека, его духовную и бессмертную природу, что люди, практикующие ее, не могут добиться какого-либо значительного прогресса в моральной или интеллектуальной культуре. Мексиканцы не являются исключением из этого правила. Цивилизация, которой они обладали, произошла от толтеков, расы, которая никогда не обгаляла свои алтари, а тем более пиршества, кровью человека. ^[140] Все, что заслуживало названия науки в Мексике, происходило из этого источника; и разрушающиеся руины приписываемых им зданий, все еще сохранившихся в различных частях Новой Испании, демонстрируют решительное превосходство их архитектуры над архитектурой более поздних рас анауака. Это правда, мексиканцы достигли большого мастерства во многих общественных и механических искусствах, в той материальной культуре, — если можно так выразиться, — естественном росте все большего богатства, которое служит удовлетворению чувств. В чисто интеллектуальном прогрессе они отставали от тецуканцев, чьи мудрые правители с неохотой участвовали в отвратительных обрядах своих соседей и практиковали их в гораздо более умеренных масштабах. ^[141]

При таком положении вещей Провидение благосклонно распорядилось передать землю другой расе, которая избавила бы ее от жестоких суеверий, которые с каждым днем распространялись все

шире и шире по мере расширения империи.^[142] Унизительные институты ацтеков являются лучшим извинением за их завоевание. Это правда, завоеватели принесли с собой инквизицию. Но они также принесли христианство, чье благостное сияние все еще сохранится, когда погаснет яростное пламя фанатизма; рассеяв те темные формы ужаса, которые так долго витали над прекрасным регионом Анауак.

Самым важным авторитетом в предыдущей главе, да и вообще во всем, что касается религии ацтеков, является Бернардино де Саагун, францисканский монах, современник Конкисты. Недавно был впервые напечатан его великий труд *"Всеобщая история Новой Испании"*. Обстоятельства, сопутствовавшие его составлению, и последующая судьба составляют один из самых замечательных отрывков в истории литературы.

Саагун родился в местечке с одноименным названием, в старой Испании. Он получил образование в Саламанке и, приняв обеты святого Франциска, в 1529 году прибыл миссионером в Мексику. Здесь он отличился своим усердием, чистотой своей жизни и неустанными усилиями по распространению великих истин религии среди туземцев. Он был попечителем нескольких монастырских домов подряд, пока не оставил эти заботы, чтобы более безоговорочно посвятить себя проповедническому делу и составлению различных работ, призванных проиллюстрировать древности ацтеков. Для этих литературных трудов он находил некоторые преимущества в положении, которое продолжал занимать в качестве читателя или лектора в колледже Санта-Крус в столице.

"Всеобщая история" была состряпана необычным образом. Чтобы закрепить за собой как можно больший авторитет, он провел несколько лет в тецуканском городке, где ежедневно беседовал с несколькими уважаемыми туземцами, не знакомыми с кастильским языком. Он задавал им вопросы, на которые они, поразмыслив, отвечали своим обычным способом письма - иероглифическими рисунками. Он передал их другим туземцам, которые получили образование под его руководством в колледже Санта-Крус; и последние, посоветовавшись между собой, представили письменную версию иероглифов на мексиканском языке. Этот процесс он повторил в другом месте, в какой-то части Мексики, и подверг все это еще большему пересмотру третьим органом в другом квартале. В конце концов он объединил полученные результаты в регулярную историю в том виде, в каком она существует сейчас; составив ее на мексиканском языке, на котором он мог и писать, и говорить с большой точностью и элегантностью, — действительно, лучше, чем любой испанец того времени.

Эта работа содержала массу любопытной информации, которая привлекла большое внимание его собратьев. Но они опасались, что его влияние сохранит в туземцах слишком живую память о тех самых суевериях, искоренить которые было великой целью христианского духовенства. У Саагуна были взгляды более либеральные, чем у членов его ордена, чье слепое рвение охотно уничтожило бы любой памятник искусства и человеческой изобретательности, который не был создан под влиянием христианства. Они отказались предоставить ему необходимую помощь для расшифровки его документов, которые он готовил столько лет, под предлогом того, что расходы были слишком велики для их ордена. Это привело к дальнейшей задержке на несколько лет. Что было еще хуже, его провинциал завладел его рукописями, которые вскоре были разбросаны по разным религиозным домам страны.

В таком плачевном состоянии своих дел Саагун составил краткое изложение характера и содержания своей работы и переслал его в Мадрид. Она попала в руки дона Хуана де Овандо, президента Совета по делам Индии, который был настолько заинтересован в ней, что приказал вернуть рукописи их автору с просьбой немедленно приступить к переводу их на кастильский. Это было сделано соответствующим образом. Его бумаги были возвращены, хотя и не без угрозы церковного порицания, и восьмидесятилетний автор приступил к переводу с мексиканского, в котором они были первоначально написаны им тридцать лет назад. Он с удовлетворением выполнил задание, расположив испанскую версию в параллельную колонку с оригиналом и добавив словарь, объясняющий сложные ацтекские термины и фразы; при этом текст был подкреплён многочисленными рисунками, на которых он был основан. В таком виде, составив два объемистых тома in folio, он был отправлен в Мадрид. Теперь, по-видимому, больше не было причин откладывать его публикацию, важность которой не вызывала сомнений. Но с этого момента она исчезает; и больше мы ничего о ней не слышим более двух столетий, разве что как о ценном труде, который когда-то существовал и, вероятно, был похоронен на каком-нибудь из многочисленных кладбищ учености, которыми изобилует Испания.

Наконец, к концу прошлого столетия неутомимому Муньосу удалось извлечь давно утерянную рукопись из места, отведенного ей традицией, — библиотеки монастыря в Толосе, в Наварре, на северной оконечности Испании. Со свойственным ему рвением он переписал все произведение собственными руками и добавил его к бесценному собранию, из которого, увы! ему не суждено было самому извлечь всю пользу. Эта расшифровка позволила лорду Кингсборо раздобыть копию, которая была опубликована в 1830 году в шестом томе его великолепного сборника. В нем он выражает искреннее удовлетворение тем, что был первым, кто представил работы Саагуна миру. Но в этом предположении он ошибся. Годом ранее в Мексике вышло его издание с

аннотациями в трех томах октаво. Она была подготовлена Бустаманте, ученым, редакторской деятельности которого во многом обязана его страна, на основе копии рукописи Муньоса, попавшей в его распоряжение. Таким образом, это замечательное произведение, которому при жизни автора было отказано в почестях прессы, после того как оно кануло в лету, появилось вновь, спустя почти три столетия, не в его собственной стране, а в других странах, значительно удаленных друг от друга, и это почти одновременно. История экстраординарная, хотя, к сожалению, в Испании она была бы не такой экстраординарной, как в других местах.

Саагун разделил свою историю на двенадцать книг. Первые одиннадцать посвящены социальным институтам Мексики, а последняя - Завоеванию. О религии страны он особенно полон. Его главной целью, очевидно, было дать ясное представление о ее мифологии и о связанных с ней обременительных ритуалах. Религия настолько глубоко вошла в самые частные заботы и обычаи ацтеков, что работа Саагуна должна стать учебником для каждого изучающего их древности. Торквемада воспользовался рукописным экземпляром, который попал к нему в руки перед отправкой в Испанию, чтобы обогатить свои собственные страницы, — обстоятельство, более благоприятное для его читателей, чем для репутации Саагуна, чья работа теперь, когда она опубликована, теряет большую часть оригинальности и интереса, которые в противном случае придавали бы ей значение. В одном отношении она бесценна: она представляет собой полное собрание различных форм молитвы, приспособленных ко всем возможным чрезвычайным ситуациям и используемых мексиканцами. Они часто облечены в достойные и красивые формулировки, показывающие, что возвышенные умозрительные догматы вполне совместимы с самыми унижительными практиками суеверия. Вызывает большое сожаление, что у нас нет восемнадцати гимнов, вставленных автором в его книгу, которые представляли бы особый интерес как единственный образец религиозной поэзии, сохранившийся у ацтеков. Иероглифические рисунки, сопровождавшие текст, также отсутствуют. Если они ускользнули от рук фанатиков, то оба могут появиться когда-нибудь в будущем.

Саагун создал несколько других работ религиозного или филологического характера. Некоторые из них были объемными, но ни одна из них не была напечатана. Он дожил до очень преклонного возраста, завершив активную и приносящую пользу жизнь в 1590 году в столице Мексики. За его останками последовала в могилу многочисленная толпа его соотечественников и местных жителей, которые оплакивали потерю им искреннего благочестия, доброжелательности и учености.

ГЛАВА IV

МЕКСИКАНСКИЕ ИЕРОГЛИФЫ—РУКОПИСИ—АРИФМЕТИКА—ХРОНОЛОГИЯ—АСТРОНОМИЯ

Яс облегчением переворачиваю мрачные страницы предыдущей главы к более светлой стороне картины и созерцаю ту же самую нацию в ее благородной борьбе за то, чтобы подняться из состояния варварства и занять достойное место на шкале цивилизации. Не менее интересно, что эти усилия были предприняты на совершенно новом театре действий, отдельно от тех влияний, которые действуют в Старом Свете; жители которого, образуя одно великое братство народов, объединены симпатиями, благодаря которым малейшая искра знания, зажженная в одном квартале, постепенно распространяется все шире и шире, пока не разольет ободряющий свет по самым отдаленным уголкам. Любопытно наблюдать, как человеческий разум в этом новом положении подчиняется тем же законам, что и на древнем континенте, и принимает сходное направление в своих первых поисках истины, — настолько сходное, что, хотя, возможно, и не оправдывает идею подражания, предполагает, по крайней мере, общее происхождение.

В Восточном полушарии мы видим у некоторых народов, как греки, например, в начале вспыхнули такой любовью к прекрасному, как не хотят, чтобы в ДисПенсу с ней даже в самых серьезных производствах науки; и других народов, опять же, предлагает более Конец себя, что даже воображение и изящные искусства были подчинены. Произведения такого народа должны подвергаться критике не по обычным правилам вкуса, а по их приспособлению к особой цели, для которой они были задуманы. Такими были египтяне в Старом Свете, ^[143] и мексиканцы в Новом. Мы уже имели случай заметить сходство последней нации с первой в их религиозной экономике. Нас еще больше поразит это в их научной культуре, особенно в их иероглифической письменности и астрономии.

Описывать действия и события, очерчивая видимые объекты, кажется естественным предположением, и в определенной степени это практикуется самыми грубыми дикарями. Североамериканский индеец вырезает стрелу на коре деревьев, чтобы показать своим последователям направление своего похода, и какой-нибудь другой знак, свидетельствующий об успехе его экспедиций. Но чтобы доходчиво изобразить последовательную серию этих действий — образующих то, что Уорбертон удачно назвал *рисованием*^[144] — требуется комбинация идей, что равносильно интеллектуальному усилию. Более того, когда цель художника, вместо того чтобы ограничиваться настоящим, состоит в том, чтобы проникнуть в прошлое и извлечь из его темных закоулков уроки для грядущих поколений, мы видим зарождение литературной культуры и признаем доказательство решительной цивилизации в самой попытке, какой бы несовершенной она ни была выполнена. Буквальная имитация объектов не подойдет для этого более сложного и протяженного плана. Это заняло бы слишком много места, а также времени при исполнении. Затем возникает необходимость сократить рисунки, ограничить рисунок контурами или такими выступающими частями очерченных тел, которые могут легко представить целое. Это *репрезентативное* или *образное* письмо, которое образует низшую ступень иероглифики.

Но есть вещи, которые не имеют типа в материальном мире; абстрактные идеи, которые могут быть представлены только видимыми объектами, предположительно обладающими каким-то качеством, аналогичным задуманной идее. Это представляет собой *символическое* письмо, наиболее сложное из всех для переводчика, поскольку аналогия между материальным и нематериальным объектом часто носит чисто причудливый или локальный характер в своем применении. Кто, например, мог заподозрить ассоциацию, которая заставляла жука олицетворять вселенную, как у египтян, или змею олицетворять время, как у ацтеков?

Третий и последний раздел — это *фонетический*, в котором используются знаки для обозначения звуков, либо целых слов, либо их частей. Это ближайшее приближение иероглифического ряда к тому прекрасному изобретению, алфавиту, с помощью которого язык разделяется на его элементарные звуки, и аппарат, предназначенный для легкого и точного выражения самых тонких оттенков мысли.

Египтяне были хорошо знакомы со всеми тремя видами иероглифов. Но, хотя их общественные памятники демонстрируют первоклассный уровень, в их обычном общении и письменных записях теперь несомненно, что они почти полностью полагались на фонетический характер. Странно, что, разрушив таким образом тонкую перегородку, отделявшую их от алфавита, их позднейшие памятники не приближаются к нему ближе, чем самые ранние.^[145] Ацтеки также были знакомы с несколькими разновидностями иероглифов. Но они полагались на образное выражение бесконечно больше, чем на другие. Египтяне были на вершине шкалы, ацтеки — в самом низу.

При взгляде на мексиканский манускрипт, или карту, как его еще называют, поражаешься гротескным карикатурам на человеческие фигуры, которые на нем представлены: чудовищные, заросшие головы на тщедушных, бесформенных телах, которые сами по себе жесткие и угловатые по своим очертаниям и без малейшего мастерства композиции. Однако при ближайшем рассмотрении становится очевидным, что это не столько грубая попытка очертить природу, сколько условный символ, выражающий идею наиболее ясным и убедительным образом; точно так же, как фигуры одинаковой ценности на шахматной доске, хотя они соответствуют друг другу по форме, обычно имеют мало сходства с объектами, которые они представляют. Наиболее отчетливо прорисованы те части рисунка, которые являются наиболее важными. Точно так же и окраска, вместо тонких оттенков природы, демонстрирует только безвкусные и резкие контрасты, которые могут произвести наиболее яркое впечатление. “Ибо даже цвета, — как замечает Гама, — говорят ацтекскими иероглифами”.^[146]

Но в исполнении всего этого мексиканцы значительно уступали египтянам. Рисунки последних, действительно, чрезвычайно несовершенны, если критиковать их по правилам

искусства; ибо они были так же невежественны в перспективе, как и китайцы, и изображали голову только в профиль, с глазом в центре и с полным отсутствием выражения. Но они обращались с карандашом более изящно, чем ацтеки, были более верны естественным формам объектов и, прежде всего, продемонстрировали большое превосходство в сокращении первоначальной фигуры, придав только контур или какую-то характерную или существенную черту. Это упростило процесс и облегчило передачу мыслей. Египетский текст имеет вид алфавитного письма, состоящего из правильных линий с мелкими цифрами. Мексиканский текст обычно выглядит как набор картинок, каждая из которых является предметом отдельного исследования. Это особенно верно в отношении очертаний мифологии, в которой история рассказывается с помощью нагромождения символов, которые могут напоминать скорее таинственные анаглифы, изваянные на храмах египтян, чем их письменные свидетельства.

У ацтеков были различные эмблемы для выражения таких вещей, которые по своей природе не могли быть непосредственно представлены художником; как, например, годы, месяцы, дни, времена года, стихии, небеса и тому подобное. “Язык” означал говорение; “след ноги” - путешествие; “человек, сидящий на земле” - землетрясение. Эти символы часто были очень произвольными, меняясь в зависимости от прихоти автора; и для их интерпретации требуется хорошая разборчивость, поскольку небольшое изменение формы или положения фигуры намекало на совсем другое значение.^[147] Гениальный писатель утверждает, что священники изобрели секретные символические знаки для записи своих религиозных мистерий. Это возможно. Но исследования Шампольона приводят к выводу, что подобное мнение, которого раньше придерживались относительно египетских иероглифов, лишено оснований.^[148]

Наконец, они использовали, как указывалось выше, фонетические знаки, хотя они в основном ограничивались названиями людей и мест; которые, будучи производными от некоторых обстоятельств или характерных качеств, были приспособлены к иероглифической системе. Таким образом, город *Чиматлан* состоял из *чиматл*, “корня”, который рос рядом с ним, и *тлан*, что означает “рядом”; “*Тлашкалан*” означало “хлебное место” из-за его богатых кукурузных полей; *Уэхоцинко* - “место, окруженное ивами”. Имена людей часто были знаменательны в связи с их приключениями и достижениями. Имя великого тецкуканского принца Несауалькойотля означало “голодный лис”, намекая на его пронизательность и невзгоды в молодости.^[149] Едва увидев эмблемы этих имен, каждый мексиканец сразу же понял, о ком идет речь, и, будучи нарисованным на их щитах или вышитым на знаменах, стал гербом, по которому отличались города и вожди, как в Европе в эпоху рыцарства.^[150]

Но, хотя ацтеки были обучены всем разновидностям иероглифической живописи, они в основном прибегали к неуклюжему методу прямого изображения. Если бы их империя просуществовала, как египетская, несколько тысяч лет, а не короткий промежуток в двести, они, несомненно, подобно им, перешли бы к более частому использованию фонетического письма. Но прежде чем они смогли познакомиться с возможностями своей собственной системы, испанское завоевание, введя европейский алфавит, снабдило их ученых более совершенным средством выражения мыслей, которое вскоре вытеснило древние графические символы.^[151]

Однако, несмотря на всю свою неуклюжесть, ацтекское изобразительное письмо, по видимому, соответствовало требованиям нации, находящейся на несовершенном уровне цивилизации. С его помощью были записаны все их законы и даже правила ведения домашнего хозяйства; их списки податей, в которых указывались подати различных городов; их мифология, календари и ритуалы; их политические анналы, относящиеся к периоду, задолго до основания города. Они усвоили полную систему хронологии и могли с точностью указывать даты наиболее важных событий в своей истории; год был проставлен на полях напротив конкретного зафиксированного обстоятельства. Это правда, история, изложенная таким образом, обязательно должна быть расплывчатой и фрагментарной. Можно было бы привести лишь несколько основных случаев. Но в этом она мало отличалась от монашеских хроник темных веков, которые часто

описывают годы в нескольких кратких эпизодах, — вполне достаточных для "анналов варваров".
[\[152\]](#)

Чтобы правильно оценить изобразительную письменность ацтеков, нужно рассматривать ее в связи с устной традицией, по отношению к которой она была вспомогательной. В колледжах жрецов молодежь обучалась астрономии, истории, мифологии и т.д.; а тех, кто должен был овладеть профессией иероглифической живописи, обучали нанесению символов, соответствующих каждой из этих отраслей. В исторической работе один отвечал за хронологию, другой - за события. Таким образом, каждая часть работы распределялась механически.
[\[153\]](#) Ученики, обученные всему, что прежде было известно в их нескольких отделениях, были готовы еще больше расширить границы своей несовершенной науки. Иероглифы служили своего рода стенографией, собранием заметок, предлагавших посвященному гораздо больше, чем могло быть передано буквальным толкованием. Это сочетание письменного и устного стало основой того, что можно назвать литературой ацтеков.
[\[154\]](#)

Их рукописи были сделаны из разных материалов — из хлопчатобумажной ткани или хорошо выделанных кож, из смеси шелка и камеди, но по большей части из тонкой ткани из листьев алоэ, *agave Americana*, называемого туземцами *магуэй*, которое в изобилии произрастает на равнинах Мексики. Из него изготавливали бумагу, чем-то напоминающую египетский *папирус*,
[\[155\]](#) которая, как говорят, при надлежащей обработке и полировке была более мягкой и красивой, чем пергамент. Некоторые из сохранившихся до сих пор образцов демонстрируют свою первоначальную свежесть, а росписи на них сохраняют яркость красок. Иногда они сворачивались в рулоны, но чаще в тома среднего размера, в которых бумага была закрыта, как складная ширма, с листом или деревянной табличкой на каждом конце, что придавало всему в закрытом виде вид книги. Длина полос определялась исключительно удобством. Поскольку страницы можно было читать и ссылаться на них по отдельности, эта форма имела очевидные преимущества перед свитками древних.
[\[156\]](#)

Ко времени прибытия испанцев в стране хранилось огромное количество этих рукописей. Множество людей было занято живописью, и ловкость их действий вызывала изумление Завоевателей. К сожалению, к этому примешивались другие, недостойные чувства. Станные, неизвестные символы, начертанные на них, вызывали подозрение. На них смотрели как на магические свитки и рассматривали в одном свете с идолами и храмами, как символы пагубного суеверия, которое должно быть искоренено. Первый архиепископ Мексики дон Хуан де Сумаррага — имя, которое должно быть таким же бессмертным, как имя Омара, — собирал эти картины со всех концов, особенно из Тецкоко, самой культурной столицы Анауака и крупнейшего хранилища национальных архивов. Затем он приказал свалить их в "горную кучу" — как ее называют сами испанские писатели — на рыночной площади Тлателолко и превратил все в пепел!
[\[157\]](#) Его более великий соотечественник, архиепископ Хименес, примерно за двадцать лет до этого провел аналогичное *аутодафе* с арабскими рукописями в Гранаде. Никогда фанатизм не достигал двух более значительных триумфов, чем уничтожением стольких любопытных памятников человеческой изобретательности и образованности!
[\[158\]](#)

Неграмотные солдаты не замедлили последовать примеру своего прелата. Каждая карта и том, попадавшие к ним в руки, были бессмысленно уничтожены; так что, когда ученые более поздней и просвещенной эпохи с тревогой попытались восстановить некоторые из этих памятников цивилизации, почти все они погибли, а немногие уцелевшие были ревниво спрятаны местными жителями.
[\[159\]](#) Однако, благодаря неустанным трудам частного лица, значительная коллекция в конечном итоге была передана на хранение в архивы Мексики,
[\[160\]](#) но там так мало обращали внимания, что некоторые были разграблены, другие сгнили по частям от сырости и плесени, а третьи, опять же, были использованы как макулатура!
[\[161\]](#) Мы с негодованием созерцаем жестокость, творимую первыми завоевателями. Но возмущение сменяется презрением, когда мы видим, как они таким образом безжалостно затаптывают искру знания, общее благо и достояние

всего человечества. Мы вполне можем усомниться в том, кто имеет больше прав на цивилизацию - победитель или побежденный.

Время от времени некоторые мексиканские рукописи попадали в Европу и бережно хранятся в публичных библиотеках ее столиц. Они собраны воедино в великолепной работе лорда Кингсборо, но там нет ни одной работы из Испании. Наиболее важным из них, поскольку он проливает свет на институты ацтеков, является Кодекс Мендосы, который после своего таинственного исчезновения более века назад, наконец, вновь появился в Бодлианской библиотеке в Оксфорде. На нем несколько раз была выгравирована надпись.^[162] Самой яркой по окраске, вероятно, является коллекция Борджиа в Риме.^[163] Однако наиболее любопытным является Дрезденский кодекс, который привлек к себе меньше внимания, чем он того заслуживает. Хотя обычно его относят к мексиканским рукописям, по своему исполнению он мало похож на них; фигуры предметов нарисованы более изящно, а символы, в отличие от мексиканских, кажутся чисто произвольными и, возможно, фонетическими.^[164] Их обычное расположение вполне соответствует египетскому. Все это указывает на гораздо более высокую цивилизацию, чем ацтекская, и дает обильную пищу для любопытных предположений.^[165]

К некоторым из этих карт прилагаются толкования, полученные от индейцев после завоевания.^[166] Большая часть из них вообще не имеет таковых и теперь не может быть разгадана. Если бы мексиканцы свободно пользовались фонетическим алфавитом, изначально было бы легко, освоив сравнительно небольшое количество знаков, используемых в этом виде общения, получить постоянный ключ ко всему.^[167] Краткая надпись дала ключ к обширному лабиринту египетских иероглифов. Но ацтекские иероглифы, представляющие отдельных людей или, самое большее, виды, требуют отдельного изображения; безнадежная задача, для решения которой мало что можно ожидать от расплывчатого и общего характера немногих существующих в настоящее время интерпретаций. Как уже упоминалось, до конца прошлого века в Мексиканском университете был профессор, особенно посвятивший себя изучению национальной изобразительной письменности. Но, поскольку это было сделано с целью судебного разбирательства, его информация, вероятно, ограничивалась расшифровкой названий. Менее чем за сто лет после Завоевания знание иероглифов настолько снизилось, что прилежный тецкуканский писатель жалуется, что смог найти в стране только двух человек, оба очень пожилых, которые были бы хоть сколько-нибудь компетентны в их толковании.^[168]

Поэтому маловероятно, что искусство чтения этих рисунков когда-либо будет восстановлено; обстоятельство, о котором, безусловно, следует сожалеть. Не то чтобы записи полумцивилизованного народа могли содержать какую-либо новую истину или открытие, важные для человеческого комфорта или прогресса; но они вряд ли могли не пролить некоторый дополнительный свет на предыдущую историю нации и на историю более образованных людей, которые раньше населяли страну.^[169] Это было бы еще более вероятно, если бы сохранились какие-либо литературные реликвии их предшественников-толтеков, и, если верить сообщениям, важная компиляция из этого источника существовала на момент вторжения и, возможно, способствовала увеличению холокоста в Зумарраге.^[170] Не будет большой натяжкой предположить, что такие записи могли бы раскрыть последовательные звенья в могучей цепи переселений примитивных рас и, перенеся нас назад, к месту их владений в Старом Свете, разрешить тайну, которая так долго ставила в тупик ученых в отношении заселения и цивилизации Нового Мира.^[171]

Помимо иероглифических карт, традиции страны были воплощены в песнях и гимнах, которые, как уже упоминалось, тщательно изучались в государственных школах. Они были самыми разными и включали в себя мифические легенды о героической эпохе, их собственные военные подвиги или более мягкие рассказы о любви и удовольствиях.^[172] Многие из них были составлены учеными и высокопоставленными лицами и цитируются как наиболее достоверные свидетельства событий.^[173] Мексиканский диалект был богатым и выразительным, хотя и уступал

тецкуканскому, самому изысканному из идиом анауака. Ни одно из сочинений ацтеков не сохранилось, но мы можем составить некоторое представление об общем состоянии поэтической культуры по одам, дошедшим до нас из королевского дома Тецкоко.^[174] Саагун предоставил нам переводы их более сложной прозы, состоящей из молитв и публичных выступлений, которые дают благоприятное представление об их красноречии и показывают, что они уделяли большое внимание риторическому эффекту. Говорят, что у них также было что-то вроде театральных представлений пантомимического толка, в которых лица исполнителей были закрыты масками, и часто изображались фигуры птиц или животных; имитация, к которой их, возможно, подтолкнуло знакомое обозначение таких объектов их иероглифами.^[175] Во всем этом мы видим зарождение литературной культуры, превзойденной, однако, их достижениями в более суровых областях математической науки.

Они изобрели достаточно простую систему счисления в своей арифметике. Первые двадцать чисел были выражены соответствующим количеством точек. Первые пять имели конкретные названия; после чего они были представлены путем объединения пятого с одним из четырех предыдущих; как пять и один для шести, пять и два для семи и так далее. У каждого из десяти и пятнадцати было отдельное название, которое также было объединено с первыми четырьмя, чтобы выразить большее количество. Эти четыре, следовательно, были основными символами их устной арифметики, точно так же, как у древних римлян они были основными символами письменной арифметики; вероятно, более простая схема, чем любая из существующих у европейцев.^[176] Двадцать было выражено отдельным иероглифом, — флагом. Более крупные суммы исчислялись двадцатками, а в письменном виде - повторением количества флажков. Квадрат в двадцать четыреста имел отдельный знак - перо, так же как и куб в двадцать или восемь тысяч, который обозначался кошельком или мешком. Таков был весь арифметический аппарат мексиканцев, с помощью комбинации которого они могли обозначать любую величину. Для большей наглядности они использовали для обозначения долей от более крупных сумм, рисуя только часть объекта. Таким образом, половина или три четверти плюмажа или кошелька представляли собой эту долю их соответствующих сумм и так далее.^[177] При всем этом механизм покажется очень неудобным нам, которые с такой легкостью выполняют свои операции с помощью арабских или, скорее, индийских шифров. Однако это не намного более неудобно, чем система, которой придерживались великие математики древности, не знакомые с блестящим изобретением, придавшим математической науке новый аспект, - определять величину в значительной степени по взаимному расположению цифр.

При измерении времени ацтеки корректировали свой гражданский год по солнечной системе. Они разделили его на восемнадцать месяцев по двадцать дней в каждом. И месяцы, и дни обозначались своеобразными иероглифами, причем первые часто обозначали время года, подобно французским месяцам периода Революции. Было добавлено пять дополнительных дней, как в Египте,^[178] чтобы составить полное число в триста шестьдесят пять. Они не принадлежали ни к одному месяцу и считались особенно несчастливыми. Месяц делился на четыре недели по пять дней в каждой, в последнюю из которых проводилась общественная ярмарка, или базарный день.^[179] Это расположение, отличающееся от такового у народов Старого Континента, будь то Европа или Азия,^[180] имеет то преимущество, что каждому месяцу дается равное количество дней и охватываются целые недели, без дробей, как в месяцах, так и в году.^[181]

Поскольку год состоит почти из шести часов, более трехсот шестидесяти пяти дней, все еще оставался избыток, который, подобно другим народам, создавшим календарь, они обеспечивали путем интеркаляции; на самом деле, не каждый четвертый год, как европейцы,^[182] но с более длительными интервалами, как у некоторых азиатов.^[183] Они ждали до истечения пятидесяти двух неопределенных лет, когда у них был перерыв в тринадцать дней, или, скорее, в двенадцать с половиной, таково было число просроченных платежей. Если бы они включили тринадцать, это было бы слишком много, поскольку ежегодное превышение трехсот шестидесяти пяти составляет

примерно на одиннадцать минут меньше, чем шесть часов. Но, поскольку было установлено, что их календарь на момент Завоевания соответствовал европейскому (с учетом последующей григорианской реформы), они, по-видимому, приняли более короткий период в двенадцать с половиной дней,^[184] который привел их, с почти незаметной долей, к точной продолжительности тропического года, установленной наиболее точными наблюдениями.^[185] Действительно, включение двадцати пяти дней в каждые сто четыре года показывает более точную привязку гражданского времени к солнечному, чем представлено в любом европейском календаре; поскольку должно пройти более пяти столетий, прежде чем потеряется целый день.^[186] Такова была поразительная точность, продемонстрированная ацтеками или, возможно, их более утонченными предшественниками-толтеками в этих вычислениях, столь сложных, что до сравнительно недавнего времени ставили в тупик самые просвещенные нации христианского мира!^[187]

Хронологическая система мексиканцев, с помощью которой они определяли дату любого конкретного события, также была весьма примечательной. Эпоха, от которой они вели отсчет, соответствовала 1091 году христианской эры. Это был период реформы их календаря, вскоре после их миграции из Ацтлана. Они разделили годы, как уже было замечено, на большие циклы по пятьдесят два в каждом, которые они называли “снопами” или “связками” и представляли собой некоторое количество тростника, связанного вместе бечевкой. Как бы часто этот иероглиф ни встречался на их картах, он показывает количество полувеков. Чтобы они могли указать какой-либо конкретный год, они разделили великий цикл на четыре меньших цикла, или индиктиона, по тринадцать лет в каждом. Затем они приняли две периодические серии знаков, одна из которых состояла из их числовых точек до тринадцати, другая - из четырех иероглифов, обозначающих годы.^[188] Эти последние они повторяли в правильной последовательности, ставя напротив каждой цифры соответствующую серию точек, продолжая также в правильной последовательности до тринадцати. Та же система применялась и к четырем знакам, которые, таким образом, как будет замечено, всегда начинались с иероглифа года, отличного от предыдущего; и таким образом, каждый из иероглифов должен был последовательно сочетаться с каждым из числовых знаков, но никогда дважды с одним и тем же; поскольку четыре и тринадцать множителей пятидесяти двух — количество лет в цикле - должны допускать ровно столько комбинаций, сколько равно их произведению. Таким образом, каждый год имел свой соответствующий символ, по которому его сразу узнавали. И этот символ, которому предшествовало соответствующее количество “связок”, указывающих на полвека, показывал точное время, прошедшее с национальной эпохи 1091 года.^[189] Остроумное изобретение периодических рядов вместо громоздкой системы иероглифических обозначений иероне характерно для ацтеков и встречается у различных народов Азиатского континента — в принципе одно и то же, хотя и существенно различающееся по устройству.^[190]

Описанный выше солнечный календарь мог бы соответствовать всем целям народа, но жрецы предпочли создать для себя другой. Это называлось “лунным расчетом”, хотя и не учитывало оборотов Луны.^[191] Он состоял также из двух периодических серий, одна из которых состояла из тринадцати числовых знаков, или точек, другая - из двадцати иероглифов, обозначающих дни. Но поскольку произведение этих комбинаций составило бы всего 260 и поскольку из-за повторения одних и тех же терминов в течение оставшихся 105 дней в году могла возникнуть некоторая путаница, они изобрели третий ряд, состоящий из девяти дополнительных иероглифов, которые, чередуясь с двумя предыдущими рядами, делали невозможным, чтобы эти три символа совпали дважды в одном и том же году или даже менее чем за 2340 дней; поскольку $20 \times 13 \times 9 = 2340$.^[192] Тринадцать было мистическим числом, часто использовавшимся в их таблицах.^[193] Почему в данном случае они прибегли к помощи девяти, не так ясно.^[194]

Этот второй календарь вызывает священное негодование у первых испанских миссионеров, и отец Саагун громогласно осуждает его как “крайне неосвященный, поскольку он не основан ни на естественном разуме, ни на влиянии планет, ни на истинном течении года; но явно является

работой некромантии и плодом соглашения с дьяволом!” [\[195\]](#) Можно усомниться в том, что суеверия тех, кто изобрел схему, были больше, чем у тех, кто таким образом ставил ее под сомнение. Во всяком случае, мы можем, не прибегая к сверхъестественному вмешательству, найти в человеческом сердце достаточное объяснение его происхождения; в той любви к власти, которая побудила священнослужителей многих конфессий раскрыть тайну, ключ к которой находился у них самих.

С помощью этого календаря ацтекские жрецы вели свои собственные записи, регулировали праздники и сезоны жертвоприношений и производили все свои астрологические расчеты. [\[196\]](#) Ложная наука астрология естественна для частично цивилизованного общества, где разум, нетерпеливый к медленному и осторожному исследованию, с помощью которого только и можно прийти к истине, сразу же бросается в область спекуляций и опрометчиво пытается приподнять завесу — непроницаемую завесу, — которая окутывает тайны природы. Отличительной чертой истинной науки является различие непроходимых, но не очень очевидных границ, которые отделяют область разума от области умозрения. Такое знание приходит с опозданием. Сколько веков прошло с тех пор, когда силы, которые при правильном руководстве могли бы раскрыть великие законы природы, были растрачены впустую в блестящих, но бесплодных мечтаниях об алхимии и астрологии!

Последнее, в частности, относится к примитивной эпохе; когда разум, неспособный осознать колоссальный факт, что мириады мельчайших огоньков, сияющих на небесном своде, являются центрами систем, столь же великолепных, как наша собственная, естественно, вынужден размышлять об их возможном использовании и так или иначе связывать их с человеком, для удобства которого, по-видимому, был создан каждый другой объект во вселенной. Когда глаз простого дитя природы долгими ночами наблюдает за величественным шествием небесных тел и видит, как яркие сонмы восходят одно за другим и меняются в зависимости от смены времен года, он естественным образом связывает их с этими временами года, как с периодами, на которые они оказывают таинственное влияние. Точно так же он связывает их появление с любым интересным событием того времени и исследует в их пламенных характерах судьбы новорожденного младенца. [\[197\]](#) Таково происхождение астрологии, ложный свет которой с самых ранних веков продолжал ослеплять и сбивать с толку человечество, пока не померк в превосходном освещении сравнительно недавнего периода.

Астрологическая схема ацтеков была основана не столько на влияниях планет, сколько на произвольных знаках, которые они использовали для обозначения месяцев и дней. Характер ведущего знака в каждом тринадцатидневном лунном цикле придавал цвет лицу в целом; хотя это в некоторой степени определялось знаками последующих дней, а также знаками часов. Именно в регулировании этих конфликтующих сил проявлялось великое искусство прорицателя. Ни в одной стране, даже в Древнем Египте, сны астролога не исполнялись так безоговорочно. При рождении ребенка его немедленно вызвали. Время события было точно установлено, и семья замерла в трепетном ожидании, пока небесный служитель составлял гороскоп младенца и разворачивал темный том "Судьбы". Мексиканец признал влияние священника с первого же вдоха, который он сделал. [\[198\]](#)

Мы мало что знаем об астрономических достижениях ацтеков. То, что они были знакомы с причиной затмений, очевидно из изображения на их картах диска Луны, спроецированного на диск Солнца. [\[199\]](#) Неизвестно, организовали ли они систему созвездий; хотя то, что они признавали некоторые из наиболее очевидных, такие как Плеяды, например, очевидно из того факта, что они регулировали свои праздники с их помощью. Мы не знаем ни о каких астрономических инструментах, которыми они пользовались, кроме циферблата. [\[200\]](#) Огромная круглая глыба резного камня, найденная в 1790 году на большой площади Мексики, предоставила проницательному и образованному ученому возможность установить некоторые интересные факты в отношении мексиканской науки. [\[201\]](#) Этот колоссальный фрагмент, на котором

выгравирован календарь^[202], показывает, что у них были средства для точного определения часов дня, периодов солнцестояний и равноденствий, а также прохождения солнца через зенит в Мексике.^[203]

Мы не можем без удивления созерцать астрономическую науку мексиканцев, столь несоразмерную их прогрессу в других областях цивилизации. Знакомство с некоторыми из наиболее очевидных принципов астрономии доступно самым грубым людям. При некоторой осторожности они могут научиться связывать регулярную смену времен года с местом восхода и захода солнца. Они могут следить за шествием великого светила по небесам, наблюдая за звездами, которые первыми загораются на его вечернем пути или тускнеют в его утренних лучах. Они могут измерить оборот Луны, отметив ее фазы, и даже составить общее представление о количестве таких оборотов за солнечный год. Но то, что они были способны точно определять свои праздники в соответствии с движением небесных тел и устанавливать истинную продолжительность тропического года с точностью, неизвестной великим философам древности, могло быть результатом только долгого ряда приятных и терпеливых наблюдений, свидетельствующих о немалом прогрессе цивилизации.^[204] Но откуда грубые жители этих горных регионов могли почерпнуть такую любопытную эрудицию? Ни от варварских орд, кочевавших в более высоких широтах Севера, ни от более утонченных рас Южного континента, с которыми, очевидно, они не имели никаких сношений. Если мы в замешательстве, подобно величайшему астроному нашего времени, будем вынуждены искать решение среди цивилизованных сообществ Азии, мы все равно будем сбиты с толку, обнаружив при общем сходстве очертаний достаточное расхождение в деталях, чтобы подтвердить, по мнению многих, претензию ацтеков на оригинальность.^[205]

Я завершу рассказ о мексиканской науке рассказом о замечательном празднике, отмечаемом туземцами по окончании великого пятидесятидвухлетнего цикла. В предыдущей главе мы познакомились с их традицией разрушения мира в четыре последовательные эпохи. Они с уверенностью ожидали новой подобной катастрофы, которая должна была произойти, подобно предыдущей, в конце цикла, когда солнце должно было исчезнуть с небес, человеческая раса - с земли, и когда тьма хаоса должна была опуститься на обитаемый земной шар. Цикл должен был закончиться во второй половине декабря, и по мере приближения унылого сезона зимнего солнцестояния, а тусклый свет дня давал печальное предзнаменование его скорого исчезновения, их опасения усилились; и с наступлением пяти "несчастливых" дней, завершавших год, они предалися отчаянию.^[206] Они разбили вдребезги маленькие изображения своих домашних богов, в которых они больше не верили. Священным огням в храмах было позволено погаснуть, и ни один из них не был зажжен в их собственных жилищах. Их мебель и домашняя утварь были уничтожены; их одежда разорвана в клочья; и все было разбросано в беспорядке в ожидании прихода злых духов, которые должны были спуститься на опустошенную землю.

Вечером последнего дня процессия жрецов, надев одежды и украшения своих богов, двинулась из столицы к высокой горе, расположенной примерно в двух лигах от нее. Они несли с собой благородную жертву, цветок своих пленников, и приспособление для разжигания *нового огня*, успех которого был предзнаменованием возобновления цикла. Достигнув вершины горы, процессия остановилась до полуночи; когда созвездие Плеяд приблизилось к зениту,^[207] от трения палок, положенных на израненную грудь жертвы, разгорелся *новый костер*.^[208] Вскоре пламя перекинулось на погребальную кучу, на которую было брошено тело зарезанного пленника. Когда свет устремился к небесам, крики радости и триумфа вырвались из бесчисленных толп, которые покрывали холмы, террасы храмов и крыши домов, с тревогой устремив взгляды на гору жертвоприношений. Курьеры с факелами, зажженными от пылающего маяка, быстро разносили их по всей стране; и было видно, как ликующий элемент загорается на алтарях и камнях очага, ибо объезд на много лиг задолго до того, как солнце встало на своем обычном пути, давал уверенность в том, что начался новый цикл и что законы природы для ацтеков не должны быть отменены.

Следующие тринадцать дней были посвящены празднествам. Дома очистили и побелили. Разбитые сосуды заменили новыми. Люди, одетые в свои самые яркие одежды и увенчанные гирляндами и венками из цветов, толпились в радостной процессии, чтобы принести свои жертвы и возблагодарить бога в храмах. Были учреждены танцы и игры, символизирующие возрождение мира. Это был карнавал ацтеков; или, скорее, национальный юбилей, великий светский праздник, подобный празднику римлян или древних этрусков, который мало кто из ныне живущих видел раньше или мог ожидать увидеть снова. [\[209\]](#)

Много лет назад М. де Гумбольдт заметил: “Хотелось бы, чтобы какое-нибудь правительство опубликовало за свой счет останки древней американской цивилизации; ибо только путем сравнения нескольких памятников мы можем преуспеть в раскрытии значения этих аллегорий, которые частично астрономичны, а частично мистичны”. Это просвещенное желание теперь реализовано не каким-либо правительством, а частным лицом, лордом Кингсборо. Великий труд, опубликованный под его руководством и так часто цитируемый в этом Введении, появился в Лондоне в 1830 году. По завершении он достигнет девяти томов, семь из которых сейчас представлены публике. Некоторое представление о его великолепии могут составить те, кто его не видел, исходя из того факта, что его копии с цветными пластинками первоначально продавались за 175 фунтов стерлингов, а с неокрашенными - за 120 фунтов стерлингов. С тех пор цена была значительно снижена. Он предназначен для того, чтобы показать полное представление о древних рукописях ацтеков с теми немногими интерпретациями, которые существуют; прекрасные рисунки Кастанеды, относящиеся к Центральной Америке, с комментариями Дюпэ; неопубликованную историю отца Саагуна; и, наконец, что не менее важно, обширные примечания его светлости.

Нельзя сказать слишком много о механическом исполнении книги — ее великолепном типографике, кажущейся точности и изяществе рисунков, а также великолепном качестве материалов. И все же покупатель был бы избавлен от некоторых излишних расходов, а читатель - от многих неудобств, если бы печатный станок был в томах обычного размера. Но в работах по этому великолепному плану нередко обнаруживается, что полезность в какой-то мере приносится в жертву зрелищности.

Собрание рукописей ацтеков, если и не совсем полное, то очень обширное и отражает большую заслугу усердия и исследований составителя. Однако кажется странным, что ни один документ не был составлен из Испании. Питер Мартир говорит о том, что в его время туда было привезено несколько таких документов. (*De Insulis nuper Inventis*, p. 368.) Маркиз Спинето исследовал один из них в Эскориале, совпадающий с Кодексом Мендосы, и, возможно, оригинал, поскольку Оксфордский кодекс - всего лишь копия. (Лекции, Лект. 7.) Мистер Уоддила, капеллан посольства Великобритании в Испании, рассказал доктору Робертсону об одном из них, который он увидел в той же библиотеке и счел календарем ацтеков. В самом деле, едва ли возможно, чтобы частые путешествия в Новый Свет не снабдили метрополию многочисленными образцами этой наиболее интересной черты цивилизации ацтеков. Нам также не следует опасаться, что нынешнее либеральное правительство скроет эти сокровища от осмотра учеными.

Многое нельзя сказать в пользу расположения этих кодексов. В некоторых из них, как, например, в Кодексе Мендосы, листы даже не пронумерованы, и тот, кто хотел бы изучить их с помощью соответствующей интерпретации, часто должен запутываться в лабиринте иероглифов, не имея ключа, которым можно было бы руководствоваться. Также нет никакой попытки просветить нас относительно положительной ценности и подлинности соответствующих документов или даже их предыдущей истории, за исключением пустой ссылки на конкретную библиотеку, из которой они были заимствованы. Действительно, можно ожидать, что в этих вопросах будет мало света; но у нас его не так уж и мало. Недостаток компоновки относится к другим частям работы. Так, например, шестая книга “Саагуна” перенесена из основной части истории, к которой она относится, в предыдущий том; в то время как великая гипотеза о его светлости, ради которой и был придуман этот труд, сведена к примечаниям, привязанным к случайным отрывкам текста, с гораздо меньшей связью, чем истории королевы Шехерезады в “Тысяча и одной ночи”, и не столь занимательна.

Суть рассуждений лорда Кингсборо заключается в том, чтобы обосновать колонизацию Мексики израильтянами. На это направлена вся батарея его логики и знаний. Для этого разгадываются иероглифы, сравниваются рукописи, очерчиваются памятники. Однако его теория, каковы бы ни были ее достоинства, вряд ли станет популярной, поскольку вместо того, чтобы быть изложенной в ясной и всеобъемлющей форме, легко воспринимаемой умом, она растекается по бесконечному количеству заметок, густо пересыпанных цитатами с древних и современных языков, так что усталый читатель, барахтающийся в океане фрагментов, без путеводного света, чувствует себя мильтоновским дьяволом, прокладывающим себе путь сквозь хаос, —

“ни море,

Ни хорошей суши; едва не затонувший, он продолжает путь”.

Было бы несправедливо, однако, не признать, что благородный автор, если его логика не всегда убедительна, проявляет большую проницательность в поиске аналогий; что он демонстрирует знакомство со своим предметом и запас эрудиции, хотя она часто и растрачивается впустую; что, какими бы ни были недостатки компоновки, он собрал богатейшую коллекцию неопубликованных материалов для иллюстрации ацтекских и, в более широком смысле, американских древностей; и что благодаря

этому щедрому начинанию, которое, вероятно, не осуществило бы ни одно правительство и мало кто смог бы осуществить, он добился успеха. заслужил вечную благодарность всех друзей науки.

Еще один писатель, к работам которого должен прилежно обращаться каждый, изучающий мексиканские древности, - Антонио Гама. В его жизни так же мало событий, как и в жизни большинства ученых. Он родился в Мексике в 1735 году в уважаемой семье и был воспитан в соответствии с законом. Он рано проявил предпочтение математическим исследованиям, сознавая, что в этой карьере его сила. В 1771 году он сообщил о своих наблюдениях за затмением того года французскому астроному М. де Лаланду, который опубликовал их в Париже с высокой оценкой автора. Растущая репутация Гамы привлекла внимание правительства, и оно привлекло его к различным важным научным работам. Однако его большой страстью было изучение индийских древностей. Он познакомился с историей коренных народов, их традициями, языками и, насколько это было возможно, с их иероглифами. У него была возможность продемонстрировать плоды этой подготовительной подготовки и свое мастерство антиквара при открытии великого календарного камня в 1790 году. Он написал виртуозный трактат об этом и другом памятнике ацтеков, объяснив объекты, которым они были посвящены, и пролив поток света на астрономическую науку аборигенов, их мифологию и астрологическую систему. Впоследствии он продолжил свои исследования в том же направлении и написал трактаты о циферблате, иероглифах и индийской арифметике. Они, однако, были представлены миру лишь несколько лет спустя, когда были опубликованы вместе с перепечаткой предыдущей работы под руководством трудолюбивого Бустаманте. Гама умер в 1802 году, оставив после себя репутацию очень ценного человека в частной жизни, в которой фанатизм, который, кажется, слишком часто проявляется в характере испано—мексиканца, был смягчен либеральными чувствами человека науки. Его репутация писателя высоко ценится за терпеливый подход, точность и остроту изложения. Его выводы не искажены ни любовью к теории, столь свойственной философу, ни легкой доверчивостью, столь естественной для антиквара. Он нащупывает свой путь с осторожностью математика, чьи шаги являются демонстрациями. М. де Гумбольдт был в значительной степени обязан своей первой работе, как он сам решительно признавал. Но, несмотря на восхваления этого популярного писателя и его собственные заслуги, трактаты Гамы редко встречаются за пределами Новой Испании, и вряд ли можно сказать, что его имя имеет заокеанскую репутацию.

ГЛАВА V

АЦТЕКОВ СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО—МЕХАНИЧЕСКИХ ИСКУССТВ—КУПЦЫ—ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ НРАВЫ

Едва ли возможно, чтобы нация, столь далеко продвинувшаяся в математической науке, как ацтеки, не добилась значительного прогресса в механических искусствах, которые так тесно с ней связаны. Действительно, интеллектуальный прогресс любого рода подразумевает определенную степень утонченности, которая требует определенного совершенствования как полезного, так и элегантного искусства. Дикарь, бродящий по бескрайнему лесу, без укрытия для головы и одежды для спины, не знает никаких других потребностей, кроме потребностей животного аппетита, и, когда они удовлетворены, ему кажется, что он достиг единственной цели существования. Но человек в обществе испытывает множество желаний, и возникают искусственные вкусы, приспособленные к различным отношениям, в которые он поставлен, и постоянно стимулирующие его изобретательность к изобретению новых способов их удовлетворения.

Существует большая разница в механическом мастерстве разных наций; но еще большая разница в изобретательской силе, которая направляет это мастерство и делает его доступным. Некоторые народы, по-видимому, не обладают никакой силой, кроме способности к подражанию, или, если они и обладают изобретательностью, то в такой низкой степени, что они постоянно повторяют одну и ту же идею без тени изменения или улучшения; подобно тому, как птица вьет точно такое же гнездо, какое ее собратья строили в начале мира. Таковы, например, китайцы, которые, вероятно, веками были знакомы с зародышами некоторых открытий, [\[210\]](#) не принесших им самой большой практической пользы, но которые под влиянием европейского гения достигли такой степени совершенства, которая вызвала важные изменения в устройстве общества.

Европейский интеллект далек от того, чтобы оглядываться назад и рабски ориентироваться на прошлое, для него характерно постоянно идти вперед. Старые открытия становятся основой

новых. Она переходит от истины к истине, соединяя целое, так сказать, последовательностью звеньев, в великую научную цепь, которая должна опоясать и связать воедино вселенную. Свет познания проливается на произведения искусства. Открываются новые пути для общения как личности, так и мысли. Создаются новые условия для существования. Личные удобства любого рода невообразимо умножаются и становятся доступными для самых бедных. Уверенные в этом, мысли проникают в более благородную область, чем область чувств, а средства искусства созданы для того, чтобы соответствовать требованиям элегантного вкуса и более высокой моральной культуры.

Тот же просвещенный дух, применяемый к сельскому хозяйству, превращает его из простой механической рутины или бесплодной формулы традиционных предписаний в достоинство науки. По мере анализа состава земли человек узнает о возможностях почвы, которую он возделывает; и по мере того, как его власть постепенно распространяется на элементы природы, он обретает силу стимулировать ее к наиболее обильному и разнообразному производству. С удовлетворением мы можем обратиться к стране наших отцов, как к стране, в которой эксперимент был проведен в самых широких масштабах и привел к результатам, которых мир никогда прежде не видел. С равной достоверностью мы можем указать на англосаксонскую расу в обоих полушариях, как на ту, чей предприимчивый гений внес наиболее существенный вклад в великие интересы человечества, применив науку к полезным искусствам.

Земледелие, действительно, в очень ограниченной степени практиковалось большинством грубых племен Северной Америки. Где бы ни попадалась им на глаза естественная прогалина в лесу или богатая полоса *промежутка* между деревьями, или зеленый склон вдоль рек, они засеивали его бобами и индийской кукурузой. ^[211] Земледелие было крайне неряшливым и не могло уберечь рачительных туземцев от частых повторений опустошающего голода. Тем не менее, то, что они вообще возделывали землю, было особенностью, которая с честью отличала их от других племен охотников и поднимала их на одну ступень выше по шкале цивилизации.

Сельское хозяйство в Мексике находилось в таком же развитом состоянии, как и другие сферы общественной жизни. Действительно, мало в каких странах оно пользовалось большим уважением. Он был тесно переплетен с гражданскими и религиозными институтами нации. Им руководили особые божества; названия месяцев и религиозных праздников имели к нему более или менее отношение. Государственные налоги, как мы видели, часто уплачивались сельскохозяйственной продукцией. Все, кроме солдат и знати, даже жители городов, обрабатывали землю. Эту работу выполняли в основном мужчины; женщины разбрасывали семена, лущили кукурузу и принимали участие только в более легких полевых работах. ^[212] В этом они представляли достойный контраст с другими племенами континента, которые возлагали на своих женщин бремя ведения сельского хозяйства, каким бы суровым оно ни было на Севере. ^[213] Действительно, к сексу ацтеки относились в этом вопросе так же трепетно, как и в большинстве частей Европы в наши дни.

В управлении их землей не было недостатка в рассудительности. Когда она была несколько истощена, ей разрешалось восстанавливаться, оставаясь под паром. Ее чрезвычайная засушливость смягчалась благодаря каналам, которыми земля частично орошалась; и той же цели способствовали суровые наказания за уничтожение лесов, которыми страна, как уже отмечалось, была хорошо покрыта до Завоевания. Наконец, они обеспечивали свои урожаи просторными зернохранилищами, которые, по признанию Завоевателей, были великолепной конструкции. В этом обеспечении мы видим прогноз цивилизованного человека. ^[214]

Среди наиболее важных предметов земледелия мы можем отметить банан, легкость выращивания и обильная отдача которого столь пагубны для привычек к систематическому и выносливому трудолюбию. ^[215] Другим знаменитым растением было какао, из плодов которого изготавливали шоколад — от мексиканского *chocolatl*, — ныне столь распространенный напиток по всей Европе. ^[216] Ваниль, произрастающая в небольшом районе морского побережья,

использовалась для тех же целей, для ароматизации их еды и напитков, что и у нас.^[217] Основным продуктом питания в стране, как, впрочем, и на американском континенте, была кукуруза, или индийская кукуруза,^[218] которая свободно произрастала вдоль долин и по крутым склонам Кордильер до высокого уровня плоскогорья. Ацтеки были так же любопытны в приготовлении этого блюда и так же хорошо обучены его разнообразному применению, как и самые опытные домохозяйки Новой Англии. Его гигантские стебли в этих равноденственных областях содержат сахаристое вещество, которого нет в таком количестве в северных широтах, и снабжали туземцев сахаром, немногим уступающим сахару самого тростника, который появился у них только после Завоевания.^[219] Но чудом природы было большое мексиканское алоэ, или *магуэй*, чьи пирамиды цветов, возвышающиеся над темными коронами листьев, были разбросаны по многим обширным акрам плоскогорья. Как мы уже заметили, из его измельченных листьев получалась паста, из которой изготавливали бумагу;^[220] его сок сбраживался в опьяняющий напиток, *пульке*, который туземцы и по сей день чрезмерно любят;^[221] из его листьев также делали непромокаемую солому для более скромных жилищ; нити, из которых изготавливали из его жестких и скрученных волокон делали грубую пищу и тянули прочные шнуры; из шипов на концах его листьев делали булавки и иголки; а корень, должным образом приготовленный, превращался во вкусную и питательную пищу. *Агава*,^[222] короче говоря, для ацтеков это были мясо, питье, одежда и письменные принадлежности! Конечно, никогда Природа не заключала в столь компактную форму столько элементов человеческого комфорта и цивилизации!^[223]

Было бы явно неуместно перечислять на этих страницах все разновидности растений, многие из которых обладают лечебными свойствами, которые были завезены в Европу из Мексики. Тем более я не могу пытаться составить каталог его цветов, которые своими пестрыми и безвкусными красками составляют самую большую достопримечательность наших оранжерей. Противоположный климат, характерный для узких широт Новой Испании, дал ей, вероятно, самую богатую и разнообразную флору, которую можно найти в любой стране земного шара. Эти различные продукты были систематизированы ацтеками, которые понимали их свойства и собирали их в питомники, более обширные, чем какие-либо существовавшие в то время в Старом Свете. Не исключено, что они предложили идею тех “садов растений”, которые были завезены в Европу вскоре после Завоевания.^[224]

Мексиканцы были так же хорошо знакомы с этим минералом, как и с растительными сокровищами своего королевства. Серебро, свинец и олово они добывали в рудниках Таско; медь - в горах Сакотоллана. Они были взяты не только из грубых масс на поверхности, но и из жил, пробитых в твердой породе, в которые они вели обширные галереи. На самом деле, следы их трудов лучше всего указывали на первых испанских шахтеров.^[225] Золото, найденное на поверхности или извлеченное из русел рек, отливалось в слитки или в виде пыли составляло часть регулярной дани южных провинций империи. Использование железа, которым была пропитана почва, было им неизвестно. Несмотря на свое изобилие, для подготовки его к использованию требуется так много процессов, что он обычно был одним из последних металлов, поступивших на службу человеку. Железный век последовал за медным, как на самом деле, так и в художественной литературе.^[226]

Они нашли замену в сплаве олова и меди и с помощью инструментов, изготовленных из этой бронзы, могли резать не только металлы, но и, с помощью кремнистой пыли, самые твердые вещества, такие как базальт, порфир, аметисты и изумруды.^[227] Они придали этим последним, которые оказались очень большими, множество любопытных и фантастических форм. Они также отливали сосуды из золота и серебра, очень изящно вырезая их своими металлическими резцами. Некоторые из серебряных ваз были такими большими, что человек не мог обхватить их руками. Они очень красиво имитировали фигурки животных и, что было удивительно, умели смешивать металлы таким образом, что перья птицы или чешуя рыбы были попеременно из золота и серебра.

Испанские ювелиры признали свое превосходство над самими собой в этих хитроумных работах. [\[228\]](#)

Они использовали другой инструмент, сделанный из *ицтли*, или обсидиана, темного прозрачного минерала, чрезвычайно твердого, в изобилии встречающегося на их холмах. Они делали из него ножи, бритвы и свои зазубренные мечи. Для этого требовалось острое лезвие, которое вскоре затуплялось. С его помощью они обрабатывали различные камни и алебастры, использовавшиеся при строительстве их общественных сооружений и основных жилищ. Я отложу более подробный рассказ о них до основной части повествования и только добавлю здесь, что входы и углы зданий были обильно украшены изображениями, иногда их фантастических божеств, а часто и животных. [\[229\]](#) Последние были выполнены с большой точностью. “Первые, ” согласно Торквемаде, “ были отвратительным отражением их собственных душ. И только после того, как они были обращены в христианство, они смогли смоделировать истинный облик человека”. [\[230\]](#) Факты старого хрониста хорошо обоснованы, что бы мы ни думали о его доводах. Аллегорические фантазии его религии, без сомнения, задали направление ацтекскому художнику в его изображении человеческой фигуры, придав ему воображаемую красоту в олицетворении самого божества. Когда эти суеверия утратили свою власть над его разумом, он открылся влиянию более чистого вкуса; и после завоевания мексиканцы представили много примеров правильной, а иногда и красивой портретной живописи.

Скульптурных изображений было так много, что, как говорят, фундамент собора на *пласа майор*, главной площади Мексики, полностью состоит из них. [\[231\]](#) Это место действительно можно рассматривать как форум ацтеков — великое хранилище сокровищ древней скульптуры, которые сейчас спрятаны в его недрах. Однако такие памятники разбросаны по всей столице, и вряд ли можно выкопать новый погреб или заложить фундамент, не обнаружив некоторых истлевающих реликвий варварского искусства. Но на них мало обращают внимания, и, если их сразу не разбивают на куски, они обычно встраиваются в поднимающуюся стену или опоры нового здания. [\[232\]](#) Два знаменитых барельефа последнего Монтесумы и его отца, высеченных в цельной скале в прекрасных рощах Чаполтепека, были намеренно уничтожены еще в восемнадцатом веке по приказу правительства! — [\[233\]](#) Памятники варвара вызывают у цивилизованного человека так же мало уважения, как памятники цивилизованного человека у варвара. [\[234\]](#)

Самая замечательная скульптура, которую еще не нашли, - это большой календарный камень, о котором говорилось в предыдущей главе. Он состоит из темного порфира и в своих первоначальных размерах, взятых из каменоломни, по расчетам, весил почти пятьдесят тонн. Его доставили с гор за озером Чалко, на расстояние многих лиг, по пересеченной местности, пересеченной водотоками и каналами. При переходе по мосту, который пересекал один из таких последних в столице, опоры подломились, и огромная масса обрушилась в воду, откуда ее с трудом извлекли. Тот факт, что столь огромный кусок порфира можно было безопасно перевозить на протяжении многих лиг, несмотря на такие препятствия, и без помощи крупного рогатого скота, — поскольку у ацтеков, как уже упоминалось, не было тягловых животных, — не наводит нас на скудные представления об их механическом мастерстве и механизмах, и подразумевает степень культивирования, немногим уступающую той, которая требовалась для геометрической и астрономической науки, представленной в надписях на этом самом камне. [\[235\]](#) [\[236\]](#)

Древние мексиканцы изготавливали глиняную посуду для обычных бытовых нужд, многочисленные образцы которой сохранились до сих пор. [\[237\]](#) Они делали чашки и вазы из лакированного или окрашенного дерева, непроницаемого для влаги и ярко окрашенного. Их красители получали как из минеральных, так и из растительных веществ. Среди них был насыщенный малиновый цвет кошенили, современного конкурента знаменитого тирского пурпура. Он был завезен в Европу из Мексики, где любопытное маленькое насекомое с особой тщательностью выращивалось на плантациях кактусов, с тех пор пришедших в запустение. [\[238\]](#)

Таким образом, туземцы получили возможность придавать блестящую окраску тканям, которые изготавливались любой степени тонкости из хлопка, в изобилии выращиваемого в более теплых регионах страны. Они владели также искусством вплетать в них нежную шерсть кроликов и других животных, что делало ткань очень теплой и красивой, совершенно оригинальной; и на нее они часто наносили богатую вышивку, изображавшую птиц, цветы или какой-нибудь другой причудливый орнамент. [\[239\]](#)

Но искусство, которым они восхищались больше всего, было их *плюмажем*, или работой из перьев. Таким образом, они могли бы создать эффект красивой мозаики. Великолепное оперение тропических птиц, особенно из племени попугаев, придавало картине всевозможное разнообразие окраски, а тонкий пух колибри, которые стаями резвились в зарослях жимолости в Мексике, придавал им мягкие воздушные оттенки, придававшие картине изысканную завершенность. Из перьев, наклеенных на тонкую хлопчатобумажную ткань, делали платья для богатых, драпировки для квартир и украшения для храмов. Ни одна из американских тканей не вызывала такого восхищения в Европе, куда Завоеватели прислали многочисленные образцы. Следует сожалеть, что столь изящное искусство пришло в упадок. [\[240\]](#)

В Мексике не было магазинов, но различные мануфактуры и сельскохозяйственные продукты были собраны вместе для продажи на больших рынках главных городов. Ярмарки проводились там каждый пятый день, и их заполняло многочисленное сборище людей, которые приезжали покупать или продавать со всей соседней страны. На каждый вид товара отводился определенный квартал. Многочисленные сделки проводились без путаницы и со всем уважением к справедливости под контролем магистратов, назначенных для этой цели. Торговля осуществлялась частично по бартеру, а частично с помощью регулируемой валюты различной ценности. Он состоял из прозрачных перьев из золотой пыли; кусочков олова, нарезанных в форме **буквы "Т"**; и пакетиков какао, содержащих определенное количество зерен. “Благословенные деньги, - восклицает Питер Мученик, - которые освобождают своих владельцев от алчности, поскольку их нельзя ни долго копить, ни прятать под землей!” [\[241\]](#)

В Мексике не существовало того разделения на касты, которое существует среди египетских и азиатских народов. Однако обычно сын следовал роду занятий своего отца. Различные профессии были организованы в нечто вроде гильдий; за каждой из них был закреплен определенный район города, со своим вождем, своим божеством-покровителем, своими особыми празднествами и тому подобное. Торговля у ацтеков была в почете. “Займись, сын мой, ” таков был совет пожилого вождя, “ сельским хозяйством, или обработкой перьев, или каким-нибудь другим почетным занятием. Так поступали ваши предки до вас. Иначе как бы они обеспечивали себя и свои семьи? Никогда не было слышно, чтобы только дворянство могло содержать своего владельца ”. [\[242\]](#) Проницательные сентенции, которые, должно быть, звучали несколько странно в ушах испанского *идальго*! [\[243\]](#)

Но особенно уважаемым занятием было занятие торговцев. Оно стало настолько важной и необычной чертой их социальной экономики, что заслуживает гораздо более пристального внимания, чем это было сделано историками. Ацтекский купец был своего рода странствующим торговцем, который совершал свои путешествия к самым отдаленным границам Анауака и в страны за его пределами, везя с собой товары из богатых тканей, драгоценности, рабов и другие ценные товары. Рабов приобретали на большом рынке Аскапосалько, расположенном недалеко от столицы, где регулярно проводились ярмарки для продажи этих несчастных существ. Хозяева приводили их туда, наряжали в самые яркие наряды и учили петь, танцевать и демонстрировать свои скромные личные достижения, чтобы зарекомендовать себя покупателю. Торговля рабами была почетным занятием у ацтеков. [\[244\]](#)

С этим богатым грузом купец посещал различные провинции, всегда привозя их вождям какие-нибудь ценные подарки от своего собственного государя и обычно получая взамен другие с разрешением торговать. Если бы ему в этом было отказано, или если бы он столкнулся с

унижением или насилием, в его власти были средства сопротивления. Он совершал свои путешествия с несколькими товарищами своего ранга и большим отрядом низших слуг, которые были наняты для перевозки грузов. Пятьдесят или шестьдесят фунтов были обычным грузом для человека. Весь караван был вооружен и так хорошо подготовлен на случай внезапных военных действий, что при необходимости они могли надежно обороняться до тех пор, пока не прибудет подкрепление из дома. В одном случае отряд этих воинственных торговцев выдержал четырехлетнюю осаду города Айотлан, который они в конце концов отбили у врага.^[245] Их собственное правительство, однако, всегда стремилось начать войну на этой почве, находя это очень удобным предлогом для расширения мексиканской империи. Не было ничего необычного в том, что торговцы сами взимали поборы, которые были переданы в их подчинение. Более того, для принца было обычным делом использовать купцов в качестве своего рода шпионов, чтобы они сообщали ему информацию о состоянии стран, через которые они проезжали, и о настроении жителей по отношению к нему самому.^[246]

Таким образом, сфера их деятельности значительно расширилась за пределы сферы деятельности скромного торговца, и они приобрели высокий авторитет в политических кругах. Им было разрешено носить собственные знаки отличия и устройства. Некоторые из них составляли то, что испанские писатели называют финансовым советом; по крайней мере, так было в Тецкоко.^[247] Монарх часто советовался с ними, некоторые из них постоянно находились при нем, обращаясь к ним титулом “дядя”, который может напомнить титул *primo*, или “кузен”, которым гранд Испании приветствует своего суверена. Им было позволено иметь свои собственные суды, в которых решались гражданские и уголовные дела, не исключая капиталовложений; так что они образовали как бы самостоятельное сообщество. И поскольку разнообразная торговля обеспечивала их обильными запасами богатства, они пользовались многими наиболее существенными преимуществами наследственной аристократии.^[248]

То, что торговля должна указывать на путь к выдающемуся политическому положению в стране, хотя и частично цивилизованной, где имена солдат и священников обычно являются единственными титулами, заслуживающими уважения, безусловно, является аномалией в истории. Это создает некоторый контраст со стандартами более утонченных монархий Старого Света, в которых ранг, как предполагается, меньше позорится праздной жизнью или фривольными удовольствиями, чем теми активными занятиями, которые в равной степени способствуют процветанию государства и личности. Если цивилизация исправляет многие предрассудки, то нужно допустить, что она создает другие.

Мы сможем составить лучшее представление о действительной утонченности туземцев, проникнув в их домашнюю жизнь и понаблюдав за общением между полами. К счастью, у нас есть средства для этого. Там мы обнаружим, что свирепый ацтек часто проявляет всю чувствительность культурной натуры; утешая своих друзей в беде или поздравляя их с удачей, например, по случаю женитьбы, рождения или крещения ребенка, когда он был пунктуален в своих визитах, принося в подарок дорогие платья и украшения или более простое подношение цветов, в равной степени свидетельствующее о его сочувствии. Визиты в это время, хотя и регламентировались со всей точностью восточной вежливости, сопровождалась выражениями самого сердечного и нежного отношения.^[249]

Дисциплина детей, особенно в государственных школах, как указывалось в предыдущей главе, была чрезвычайно суровой.^[250] Но после того, как она достигла зрелого возраста, родители относились к ацтекской девушке с нежностью, из которой, казалось, исчезла всякая сдержанность. В советах дочери, которая вот-вот вступит в жизнь, они призывали ее сохранять простоту в манерах и разговоре, неизменную опрятность в одежде, уделяя особое внимание личной чистоте. Они прививали скромность как главное украшение женщины и безоговорочное почтение к ее мужу, смягчая свои увещания такими ласковыми эпитетами, которые свидетельствовали о полноте родительской любви.^[251]

Многоженство было разрешено среди мексиканцев, хотя, вероятно, в основном ограничивалось самыми состоятельными слоями населения.^[252] И обязательства брачного обета, который был дан со всей формальностью религиозной церемонии, были полностью признаны и произвели впечатление на обе стороны. Испанцы описывают этих женщин как хорошеньких, в отличие от их несчастных потомков наших дней, хотя и с таким же серьезным и довольно меланхоличным выражением лица. Их длинные черные волосы, покрытые в некоторых частях страны вуалью из тонкой паутины *питы*, обычно можно было увидеть увитыми цветами, а у более богатых людей - нитками драгоценных камней и жемчуга из Калифорнийского залива. Судя по всему, их мужья относились к ним с большим вниманием, и они проводили время в праздном спокойствии или за такими женскими занятиями, как прядение, вышивание и тому подобное, в то время как их служанки коротали часы за повторением традиционных сказок и баллад.^[253]

Женщины наравне с мужчинами участвовали в общественных празднествах и развлечениях. Они часто проводились с большим размахом, как с точки зрения количества гостей, так и дороговизны приготовлений. На банкете присутствовало множество слуг обоего пола. Залы благоухали духами, а дворы были усыпаны благоухающими травами и цветами, которые в изобилии раздавались гостям по мере их прибытия. Хлопчатобумажные салфетки и кувшины с водой были расставлены перед ними, когда они занимали свои места за столом; ибо почтенная церемония омовения^[254] до и после еды тщательно соблюдалась ацтеками.^[255] Тогда компании предлагался табак в трубках, смешанный с ароматическими веществами, или в виде сигар, вставленных в трубки из панциря черепахи или серебра. Они зажимали пальцами ноздри, вдыхая дым, который часто глотали. Разрешалось ли женщинам, сидевшим отдельно от мужчин за столом, употреблять душистую траву, как в наиболее политизированных кругах современной Мексики, нам не сообщается. Любопытно, что ацтеки также употребляли высушенный лист в измельченном виде для нюхательного табака.^[256]

На столе было много вкусного мяса, особенно дичи; среди которых наиболее заметной была индейка, ошибочно предполагаемая, как следует из ее импортного названия, родом с Востока.^[257] По бокам от этих более солидных блюд стояли другие блюда из овощей и фруктов, самых разнообразных деликатесов, встречающихся на североамериканском континенте. Различные яства готовились различными способами, с нежными соусами и приправами, которые очень любили мексиканцы. Их вкус был еще более насыщен кондитерскими изделиями, для которых в изобилии использовались кукурузная мука и сахар. Иногда к застолью добавлялось еще одно отвратительное блюдо, особенно когда празднование носило религиозный характер. В таких случаях в жертву приносили раба, и его тщательно обработанная плоть служила одним из главных украшений пиршества. Канныализм, прикрывающийся эпикурейской наукой, становится еще более отвратительным.^[258]

Мясо сохранялось теплым при помощи жарочных приборов. Стол был украшен серебряными, а иногда и золотыми вазами тонкой работы. Чашки и ложки для питья были из тех же дорогих материалов, что и черепаховый панцирь. Любимым напитком был *чоколатль*, приправленный ванилью и различными специями. У них был способ приготовить из него пену, чтобы сделать его почти достаточно твердым для употребления в пищу, и употребляли его холодным.^[259] Из перебродившего сока магуи, смешанного со сладостями и кислотами, также получались различные приятные напитки разной степени крепости, и это был главный напиток старшей части компании.^[260]

Как только они закончили трапезу, молодые люди встали из-за стола, чтобы завершить праздник танцами. Они грациозно танцевали под звуки различных инструментов, сопровождая свои движения песнопениями приятного, хотя и несколько жалобного характера.^[261] Пожилые гости продолжали сидеть за столом, потягивая *пулькеи* сплетничая о других временах, пока достоинства бодрящего напитка не привели их в хорошее расположение духа. Опыянение не было редкостью в этой части компании, и, что удивительно, у них это находило оправдание, хотя у

более молодых оно сурово наказывалось. Развлечение завершилось щедрой раздачей богатых платьев и украшений гостям, когда они разошлись после полуночи, “одни восхваляя пир, а другие осуждая дурной вкус или расточительность хозяина; точно так же, - говорит старый испанский писатель, - как и у нас”. [\[262\]](#) Человеческая природа, действительно, во многом одинакова во всем мире.

В этой замечательной картине нравов, которую я точно скопировал из записей самого раннего периода после Завоевания, мы не находим никакого сходства с другими расами североамериканских индейцев. Некоторое сходство мы можем проследить с общим стилем азиатской помпезности и роскоши. Но в Азии женщина, далекая от того, чтобы быть допущенной к неограниченным сношениям с другим полом, слишком часто ревниво замурована в стенах гарема. Европейская цивилизация, которая придает этой прекраснейшей части творения должное место на социальной лестнице, еще более далека от некоторых грубых обычаев ацтеков. То, что такие обычаи должны были существовать при той степени утонченности, которую они демонстрировали в других вещах, почти непостижимо. Это может быть объяснено только как результат религиозного суеверия; суеверия, которое затуманивает моральное восприятие и извращает даже естественные чувства, пока человек, цивилизованный

БОГОМАТЕРЬ ГВАДЕЛУПСКАЯ

Гутиль и Др. Париж

человек примиряется с теми самыми вещами, которые наиболее отвратительны человечеству. Привычки и мнения, основанные на религии, не следует воспринимать как неоспоримое доказательство действительной утонченности народа.

Характер ацтеков был совершенно оригинальным и неповторимым. Он состоял из несовместимостей, которые казались непримиримыми. В нем слились воедино заметные особенности различных наций, не только принадлежащих к одной и той же фазе цивилизации, но и столь же далеких друг от друга, как крайности варварства и утонченности. Она может найти подходящую параллель в их собственном чудесном климате, способном произвести на площади в несколько квадратных лье безграничное разнообразие растительных форм, которые принадлежат замерзшим областям Севера, умеренному поясу Европы и пылающему небу Аравии и Индостана.

Одна из работ, к которой неоднократно обращались и на которую ссылались в этом Введении, - это *"Идея общей новой истории Центральной Америки" Ботурини*. Необычные преследования, которым подвергся ее автор, даже в большей степени, чем достоинства его книги, неразрывно связали его имя с историей литературы Мексики. Шевалье Лоренцо Ботурини Бенадучи был миланцем по происхождению, происходил из старинного рода и обладал большой образованностью. Из Мадрида, где он проживал, он переехал в Новую Испанию в 1735 году по какому-то делу графини Сантибаньес, прямого потомка Монтезумы. Работая над этим, он посетил знаменитое святилище Богоматери Гваделупской и, будучи человеком набожным и восторженным, был преисполнен желания собрать свидетельства, чтобы установить чудесный факт ее явления. В ходе своих экскурсий, предпринятых с этой целью, он наткнулся на множество реликвий ацтекской древности и задумался — что, по крайней мере, протестанту показалось бы гораздо более рациональным — над идеей собрать воедино все памятники первобытной цивилизации, с которыми он мог встретиться на этой земле.

Преследуя эту двойную цель, он проник в самые отдаленные уголки страны, много живя с туземцами, проводя ночи иногда в их хижинах, иногда в пещерах и в глубине безлюдных лесов. Часто проходили месяцы, а он не мог ничего добавить к своей коллекции, потому что индейцы слишком много страдали, чтобы не стесняться европейцев. Однако его долгое общение с ними дало ему широкую возможность изучить их язык и народные традиции и, в конце концов, накопить большой запас материалов, состоящий из иероглифических рисунков на хлопке, шкурах и волокнах магуи; помимо значительного количества индийских рукописей, написанных после завоевания. Ко всему этому следует добавить драгоценные документы, позволяющие сделать неоспоримым чудесное явление Девы Марии. С этим сокровищем он вернулся в столицу после восьмилетнего паломничества.

Тем временем его усердие побудило его раздобыть в Риме буллу, санкционирующую коронацию священного образа в Гваделупе. Однако булла, хотя и была одобрена Аудиторией Новой Испании, никогда не была одобрена Советом Индии. Вследствие этой неофициальности Ботурини был арестован в разгар судебного разбирательства, у него отобрали документы, и, поскольку он отказался предоставить их опись, его бросили в тюрьму и поместили в одной квартире с двумя преступниками! Вскоре после этого его отправили в Испанию. Там он представил Совету Индии меморандум, в котором изложил свои многочисленные жалобы и потребовал возмещения ущерба. В то же время он разработал свою "Идею", упомянутую выше, в которой он продемонстрировал каталог своего музея в Новой Испании, заявив с трогательной серьезностью, что "он не променял бы эти сокровища на все золото и серебро, бриллианты и жемчуга Нового Света".

После некоторой задержки Совет вынес решение в его пользу, оправдав его за любое преднамеренное нарушение закона и воздав высокую хвалу его заслугам. Его бумаги, однако, не были восстановлены. Но его величеству было милостиво угодно назначить его генеральным историографом Индии с жалованьем в тысячу долларов в год. Стипендия была слишком мала, чтобы позволить ему вернуться в Мексику. Он остался в Мадриде и закончил там первый том "Всеобщей истории Северной Америки" в 1749 году. Вскоре после этого события, и до публикации работы, он умер. Та же несправедливость продолжалась по отношению к его наследникам; и, несмотря на неоднократные ходатайства в их пользу, они не были ни переданы во владение коллекцией своего несчастного родственника, ни получили за нее вознаграждение. Что было еще хуже, — что касалось общественности, — сама коллекция была помещена в покои вице-королевского дворца в Мехико, в такой сырости, что они постепенно разваливались на куски, а немногие оставшиеся были еще более уничтожены в результате воровства *любопытных*. Когда барон Гумбольдт посетил Мексику, там не было и восьмой части этого бесценного сокровища!

Таким образом, я уделю особое внимание рассказу о несчастном Ботурини, поскольку он представляет собой в целом самый замечательный пример серьезных препятствий и преследований, которым по той или иной причине подвергалось литературное предприятие, направленное на защиту национальных древностей в Новой Испании.

Рукописный том Ботурини так и не был напечатан и, вероятно, никогда не будет, если он действительно существует. Вряд ли это нанесет большой ущерб науке или его собственной репутации. Он был человеком ревностного нрава, сильно склонным к чудесному, не обладавшим ни той проницательностью, которая необходима для проникновения в запутанные лабиринты древности, ни философским духом, пригодным для спокойного взвешивания ее сомнений и трудностей. Его "Идея" дает образец

его своеобразного ума. При обильной учености, плохо подобранная и плохо перевариваемая, она представляет собой мешанину фактов и ребяческой фантастики, интересных деталей, безумных мечтаний и фантастических теорий. Но вряд ли справедливо судить по строгим правилам критики произведение, которое, составленное наспех, как каталог литературных сокровищ, было задумано автором скорее для того, чтобы показать, что можно сделать, чем для того, чтобы он мог сделать это сам. Редко бывает, чтобы таланты к действию и созерцанию сочетались в одном человеке. Ботурини благодаря своему энтузиазму и настойчивости обладал исключительной квалификацией в сборе материалов, необходимых для иллюстрации древностей страны. Требуется более одаренный ум, чтобы воспользоваться ими.

ГЛАВА VI [\[263\]](#)

Т Читатель получит лишь неполное представление о цивилизации анауака, не имея сведений об аколуанах, или тецкуканах, как их обычно называют; народе из той же великой семьи, что и ацтеки, которых они соперничали в могуществе и превосходили в интеллектуальной культуре и искусстве социальной утонченности. К счастью, у нас есть достаточно материалов для этого в записях, оставленных Икстлильшочитлем, прямым потомком королевского рода Тецкоко, который процветал в век Завоевания. При каждой возможности получить информацию он сочетал в себе много трудолюбия и таланта, и, если его повествование носит высокий колорит того, кто хотел бы возродить поблекшую славу древнего, но обветшалого дома, его неизменно хвалили за справедливость и неподкупность, и за ним без опасений следили те испанские писатели, которые могли иметь доступ к его рукописям.^[264] Я ограничусь описанием характерных черт двух царствований, которые, можно сказать, охватывают золотой век Тецкоко, не пытаясь взвесить вероятность деталей, которые я оставляю на усмотрение читателя, в соответствии с мерой его веры.

Аколхуаны пришли в Долину, как мы видели, примерно в конце XII века и построили свою столицу Тецкоко на восточных границах озера, напротив Мексики. С этого момента они постепенно распространились по северной части Анауака, когда их карьере помешало вторжение родственной расы тепанеков, которым после отчаянной борьбы удалось захватить их город, убить их монарха и полностью подчинить себе его королевство.^[265] Это событие произошло около 1418 года; и юный принц Несауалькойотль, наследник короны, которому тогда было пятнадцать лет, видел, как на его глазах зарубили его отца, в то время как сам он лежал, укрытый среди дружелюбных ветвей дерева, которое осеняло это место.^[266] Его последующая история так же полна романтической смелости и опасных побегов, как история знаменитого Скандербега или “молодого шевалье”.^[267]

Вскоре после своего бегства с поля, залитого кровью его отца, тецкуканский принц попал в руки своего врага, был с триумфом уведен в свой город и брошен в темницу. Однако ему удалось сбежать при попустительстве коменданта крепости, старого слуги его семьи, который занял место королевского беглеца и заплатил за свою верность жизнью. В конце концов, благодаря заступничеству правящей семьи Мексики, которая была с ним в союзе, ему было разрешено удалиться в эту столицу, а затем и в свою собственную, где он нашел приют во дворце своих предков. Здесь он оставался в безопасности в течение восьми лет, продолжая свое обучение под руководством старого наставника, который заботился о нем с ранней юности и который обучал его различным обязанностям, приличествующим его княжескому положению.^[268]

В конце этого периода тепанекский узурпатор умер, завещав свою империю своему сыну Макстле, человеку свирепого и подозрительного нрава. Несауалькойотль поспешил выразить ему свое почтение по случаю его восшествия на престол. Но тиран отказался принять маленький подарок в виде цветов, которые тот положил к его ногам, и повернулся к нему спиной в присутствии его вождей. Один из его приближенных, дружелюбно относившийся к молодому принцу, посоветовал ему позаботиться о своей собственной безопасности, как можно скорее покинув дворец, где его жизнь была в опасности. Следовательно, он, не теряя времени, покинул негостеприимный двор и вернулся в Тецкоко. Макстла, однако, был настроен на его уничтожение. Он ревниво наблюдал за открывающимися талантами и популярными манерами своего соперника, а также за благосклонностью, которую тот ежедневно завоевывал у своих древних подданных.^[269]

Соответственно, он разработал план, как разделаться с ним на вечернем представлении. Она была побеждена бдительностью наставника принца, который ухитрился ввести убийц в заблуждение и подставить вместо своего ученика другую жертву.^[270] Сбитый с толку тиран теперь сбросил всю маскировку и послал сильный отряд солдат в Тецкоко с приказом войти во дворец, схватить Несауалькойотля и убить его на месте. Принц, который узнал о заговоре благодаря бдительности своего наставника, вместо того чтобы бежать, как ему советовали, решил

дождаться своих врагов. Прибыв на место, они застали его играющим в бал во дворе его дворца. Он учтиво принял их и пригласил зайти перекусить после путешествия. Пока они были заняты таким образом, он прошел в соседний салон, который не вызвал никаких подозрений, так как его все еще было видно через открытые двери, через которые покои сообщались друг с другом. В коридоре стояла горящая курильница, и, когда служители подносили к ней дым, она выбрасывала такие облака благовоний, что скрывала его движения от солдат. Под этой дружественной завесой ему удалось скрыться через потайной ход, который сообщался с большой глиняной трубой, ранее использовавшейся для подачи воды во дворец. [\[271\]](#) Здесь он оставался до наступления темноты, когда, воспользовавшись темнотой, пробрался в пригород и нашел убежище в коттедже одного из вассалов своего отца.

Тепанекский монарх, разгневанный этим неоднократным разочарованием, приказал немедленно преследовать его. За голову королевского беглеца была назначена награда. Тому, кто возьмет его, живым или мертвым, была обещана, каким бы скромным ни было его положение, рука благородной дамы и обширные владения вместе с ней. Отрядам вооруженных людей было приказано прочесывать страну во всех направлениях. В ходе обыска в коттедж, в котором укрылся принц, проникли. Но он, к счастью, избежал обнаружения, поскольку был спрятан под кучей волокон магуэя, используемых для изготовления ткани. Поскольку это больше не было подходящим местом для укрытия, он искал убежища в гористой и лесистой местности, лежащей между границами его собственного штата и Тлашкалы. [\[272\]](#)

Здесь он вел жалкую бродячую жизнь, подвергаясь всем неблагоприятным погодным условиям, прячась в глубоких зарослях и пещерах и крадучись по ночам, чтобы утолить жажду; в то время как его постоянно тревожила активность преследователей, постоянно следовавших по его следу. Однажды он нашел убежище от них среди небольшого отряда солдат, которые отнеслись к нему дружелюбно и спрятали его в большом барабане, вокруг которого они танцевали. В другой раз он едва успел обогнуть гребень холма, когда его враги взбирались на него с другой стороны, как наткнулся на девушку, которая собирала *чиа*- мексиканское растение, семена которого широко использовались в напитках страны. Он убедил ее прикрыть его стеблями, которые она срезала. Когда его преследователи подошли и спросили, видела ли она беглеца, девушка хладнокровно ответила, что видела, и указала тропинку, похожую на ту, по которой он пошел. Несмотря на предложенную высокую награду, Несауалькойотлю, по-видимому, не грозило никакой опасности из-за предательства, такова была всеобщая привязанность к нему и его дому. “Разве вы не выдали бы принца, если бы он встал у вас на пути?” он спросил молодого крестьянина, который не был знаком с ним лично. “Не я”, - ответил другой. “Что, не ради руки прекрасной дамы, да еще с богатым приданым?” возразил принц. На что тот только покачал головой и рассмеялся. [\[273\]](#) Не раз его верные люди подвергались пыткам и даже лишались жизни, лишь бы не раскрыть место его убежища. [\[274\]](#)

Какими бы приятными для его чувств ни были такие доказательства верности, положение принца в этих горных уединениях с каждым днем становилось все более удручающим. Его собственные страдания становились еще острее, когда он видел тех верных последователей, которые решили сопровождать его в его странствиях. “Оставьте меня, ” говорил он им, “ на произвол судьбы! Почему вы должны жертвовать своими жизнями ради того, кого фортуна никогда не устает преследовать?” Большинство великих вождей тецукана руководствовались своими интересами, своевременно примкнув к узурпатору. Но некоторые все еще цеплялись за своего принца, предпочитая проскрипцию и саму смерть, чем покинуть его в безвыходной ситуации. [\[275\]](#)

Тем временем его друзья на расстоянии принимали активные меры по оказанию ему помощи. Притеснения Макстлы и его растущей империи вызвали всеобщую тревогу в соседних штатах, которые помнили мягкое правление тецуканских князей. Была сформирована коалиция, согласован план операций, и в день, назначенный для всеобщего восстания, Несауалькойотль

оказался во главе войск, достаточно сильных, чтобы противостоять своим тепанекским противникам. Завязалась битва, в которой последние потерпели полное поражение; и принц-победитель, повсюду на своем пути встречавший почтение своих радостных подданных, вступил в свою столицу не как изгнанник, а как законный наследник, и увидел себя снова восседающим на троне в чертогах своих отцов.

Вскоре после этого он объединил свои силы с мексиканцами, давно испытывавшими отвращение к произволу Макстлы. Союзные державы после серии кровавых столкновений с узурпатором разгромили его под стенами его собственной столицы. Он бежал в бани, откуда его вытащили и принесли в жертву с обычными жестокими церемониями ацтеков; королевский город Аскапосалько был стерт с лица земли, а опустошенная территория отныне была отведена под большой рынок рабов для народов Анауака.^[276]

За этими событиями последовал замечательный союз трех держав Тецкоко, Мексики и Тлакопана, о котором был дан некоторый отчет в предыдущей главе.^[277] Историки не пришли к единому мнению относительно точных терминов этого; писатели двух бывших наций, каждый из которых настаивает на своем собственном верховенстве в коалиции. Все согласны с подчиненным положением Тлакопана, штата, как и другие, граничащего с озером. Несомненно, что в своих последующих операциях, будь то в мирное или военное время, три государства советовались друг с другом, участвовали в предприятиях друг друга и действовали совершенно согласованно вплоть до самого прихода испанцев.

Первой мерой Несауалькойотля по возвращении в свои владения была всеобщая амнистия. Это была его максима, “что монарх может наказывать, но месть недостойна его”.^[278] В данном случае он не желал даже наказывать и не только добровольно простил своих мятежных дворян, но и наделил некоторых, наиболее глубоко оскорбленных, почетными должностями и доверием. Такое поведение, несомненно, было политичным, тем более что их отчуждение объяснялось, вероятно, гораздо больше страхом перед узурпатором, чем каким-либо недовольством по отношению к нему самому. Но есть некоторые политические акты, которые может осуществить только великодушный дух.

Затем восстановленный монарх приступил к возмещению ущерба, нанесенного при недавнем неправильном правлении, и возрождению, или, скорее, реконструкции, различных правительственных ведомств. Он составил краткий, но всеобъемлющий свод законов, который, как считалось, настолько хорошо соответствовал требованиям времени, что два других члена тройственного союза приняли его как свой собственный. Она была написана кровью и давала автору право называться Драконом, а не “Солоном из Анауака”, как его любовно величают его поклонники.^[279] Человечество - один из лучших плодов утонченности. Только с ростом цивилизации законодатель учится экономить человеческие страдания, даже для виновных; придумывать наказания не столько для наказания за прошлое, сколько для исправления будущего.^[280]

Он разделил бремя управления между рядом ведомств, таких как военный совет, финансовый совет, совет юстиции. Этот последний был судом высшей инстанции как по гражданским, так и по уголовным делам, принимавшим апелляции от нижестоящих судов провинций, которые были обязаны каждые четыре месяца, или восемьдесят дней, представлять полный отчет о своих собственных разбирательствах в эту высшую судебную инстанцию. Во всех этих органах определенному числу граждан было разрешено занимать места рядом с дворянами и профессиональными сановниками. Существовал, однако, другой орган, государственный совет, для оказания помощи королю в ведении дел и консультирования его в важных вопросах, который полностью состоял из высшего сословия вождей. Он состоял из четырнадцати членов, и для них были предусмотрены места за королевским столом.^[281]

Наконец, существовал чрезвычайный трибунал, называвшийся музыкальным советом, но который, несмотря на смысл своего названия, был посвящен поощрению науки и искусства.

Работы по астрономии, хронологии, истории или любой другой науке должны были быть представлены на его суд, прежде чем они могли быть обнародованы. Эта цензурная власть имела какое-то значение, по крайней мере, в отношении исторического отдела, где умышленное искажение истины было объявлено уголовным преступлением в соответствии с кровавым кодексом Несауалькойотля. И все же тецкуканский автор, должно быть, был растяпой, который не мог избежать осуждения под мутной завесой иероглифов. Этот орган, набравшийся из наиболее образованных людей королевства, без особого отношения к рангу, надзирал за всемирными произведениями искусства и за самыми красивыми тканями. Он определял квалификацию профессоров в различных областях науки, верность их наставлений своим ученикам, недостаток которых строго наказывался, и учреждал экзамены для этих последних. Короче говоря, это был главный совет по образованию страны. В установленные дни их авторы декламировали перед ним исторические сочинения и стихи на моральные или традиционные темы. Были предоставлены места для трех коронованных глав империи, которые вместе с другими участниками обсуждали достоинства представленных произведений и раздавали ценные призы победителям соревнований. [\[282\]](#)

Таковы дошедшие до нас удивительные рассказы об этом учреждении, которого, безусловно, нельзя было ожидать от аборигенов Америки. Это рассчитано на то, чтобы дать нам более высокое представление об утонченности людей, чем даже благородные архитектурные остатки, которые все еще покрывают некоторые части континента. Архитектура - это, в определенной степени, чувственное удовлетворение. Он привлекает внимание и предоставляет наилучший простор для парада варварской помпезности и великолепия. Это форма, в которой, скорее всего, будут расточаться доходы полумодернизированного народа. Самые яркие и показушные его образцы, а иногда и самые грандиозные, были выращены такими руками. Это один из первых шагов на великом пути цивилизации. Но учреждение, о котором идет речь, было свидетельством еще более высокой утонченности. Это была литературная роскошь, свидетельствовавшая о существовании у нации вкуса, который для своего удовлетворения полагался на удовольствия чисто интеллектуального характера.

Влияние этой академии, должно быть, было наиболее благоприятным для столицы, которая стала рассадником не только тех наук, которые могли быть дополнены ученостью того периода, но и различных полезных и декоративных искусств. Его историки, ораторы и поэты были прославлены по всей стране. [\[283\]](#) В его архивах, для которых было предоставлено помещение в королевском дворце, хранились записи первобытных эпох. [\[284\]](#) Его идиом, более утонченный, чем мексиканский, был, действительно, чистейшим из всех диалектов науатлаков, и еще долго после Завоевания оставался тем, на котором были написаны лучшие произведения коренных народов. Тецкоко претендовал на славу Афин западного мира. [\[285\]](#)

Среди самых прославленных ее бардов был сам император, ибо тецкуканские писатели присваивают этот титул своему вождю как главе имперского союза. Он, несомненно, выступал в качестве конкурента перед той самой академией, где он так часто выступал в качестве критика. Многие из его од дошли до позднего поколения и, возможно, до сих пор хранятся в каких-нибудь пыльных хранилищах Мексики или Испании. [\[286\]](#) Историк Икстлильшочитль оставил перевод на кастильский язык одного из стихотворений своего царственного предка. Нелегко перевести его версию в соответствующую английскую рифму без того, чтобы аромат оригинала не ускользнул при этой двойной фильтрации. [\[287\]](#) Они напоминают о богатом дыхании испано-арабской поэзии, в которой пылкое воображение смягчается приятной нравственной меланхолией. [\[288\]](#) Но, несмотря на достаточно витиеватую дикцию, они, как правило, свободны от вычурных украшений и гипербола, которыми обычно запятнаны восточные менестрели. Они затрагивают суету и изменчивость человеческой жизни — тему, очень естественную для монарха, который сам испытал на себе самые странные превращения судьбы. Однако к плачу тецкуканского барда примешивается эпикурейская философия, которая ищет избавления от страхов будущего в

радостях настоящего. “Отбрось заботы, ” говорит он. “ Если есть границы удовольствию, то и самая печальная жизнь должна иметь конец. Тогда сплети венок из цветов и пой свои песни во славу всемогущего Бога, ибо слава этого мира скоро угаснет. Радуйся зеленой свежести твоей весны; ибо настанет день, когда ты будешь напрасно вздыхать об этих радостях; когда скипетр выйдет из твоих рук, твои слуги будут одиноко бродить по твоим дворам, твои сыновья и сыновья твоей знати испьют остатки горя, и все великолепие твоих побед и триумфов будет жить только в их воспоминаниях. И все же память о праведных не исчезнет из памяти народов, и добро, которое ты сделал, всегда будет почитаться. Блага этой жизни, ее слава и богатства всего лишь даны нам взаймы, ее сущность - всего лишь иллюзорная тень, и сегодняшние события изменятся с наступлением следующего дня. Тогда собери самые красивые цветы из своих садов, обвяжи свое чело и наслаждайся радостями настоящего, пока они не исчезли”.^[289]

Но не все часы правления тецуканского монарха проходили в праздном общении с Музой или в трезвых философских размышлениях, как в более поздний период. В расцвете юности и ранней зрелости он возглавлял армии союзников в их ежегодных экспедициях, которые, несомненно, должны были привести к расширению территории империи.^[290] В периоды мира он поощрял те созидательные искусства, которые являются самыми надежными источниками общественного процветания. Прежде всего он поощрял земледелие; и едва ли было такое грубое место или такой неприступный обрыв, которые не признавали бы могущества земледелия. Земля была покрыта оживленным населением, и большие города возникали в местах, которые с тех пор опустели или превратились в жалкие деревушки.^[291]

Из ресурсов, увеличенных таким образом в результате завоеваний и домашней промышленности, монарх черпал средства для большого потребления своего собственного многочисленного домашнего хозяйства,^[292] и для дорогостоящих работ, которые он выполнял для удобства и украшения столицы. Он наполнил его величественными зданиями для своей знати, чье постоянное присутствие он стремился обеспечить при своем дворе.^[293] Он возвел великолепное нагромождение зданий, которые могли бы служить как для королевской резиденции, так и для государственных учреждений. Она простиралась с востока на запад на тысячу двести тридцать четыре ярда, а с севера на юг - на девятьсот семьдесят восемь.^[294] Он был окружен стеной из необожженного кирпича и цемента шириной шесть футов и высотой девять футов для одной половины окружности и высотой пятнадцать футов для другой половины. Внутри этого ограждения находились два двора. Внешний из них использовался как главная рыночная площадь города и оставался таковым еще долгое время после Завоевания, если, конечно, это не так сейчас. Внутренний двор был окружен палатами совета и залами правосудия. Там также были помещения для иностранных послов и просторный салон с выходящими в него комнатами для ученых и поэтов, которые занимались своими исследованиями в этом уединенном месте или собирались вместе, чтобы побеседовать под его мраморными портиками. В этом квартале также хранились государственные архивы, которые при индийской династии жили лучше, чем при их европейских преемниках.^[295]

К этому двору примыкали покои короля, в том числе и для королевского гарема, столь же щедро снабженного красавицами, как и у восточного султана. Их стены были инкрустированы алебастром и богато окрашенной штукатуркой или увешаны великолепными гобеленами, украшенными разноцветными перьями.^[296] Они вели через длинные аркады и запутанные лабиринты кустарника в сады, где купальни и сверкающие фонтаны были затенены высокими кедровыми и кипарисовыми рощами. Водоемы были полны рыбы различных видов, а вольеры с птицами сияли всем ярким тропическим оперением. Многие птицы и животные, которых невозможно было добыть живыми, были изображены в золоте и серебре так искусно, что великий натуралист Эрнандес получил модели для своей работы.^[297]

Монархам Мексики и Тлакопана, когда они посещали двор, были предоставлены помещения королевского масштаба. Вся эта величественная груда состояла из трехсот квартир, некоторые из

которых имели площадь в пятьдесят ярдов.^[298] Высота здания не указана. Вероятно, он был невелик, но благодаря огромной площади, которую он занимал, в нем хватало места. Интерьер, несомненно, был выполнен из легких материалов, особенно из ценных пород дерева, которые в этой стране при полировке отличаются яркостью и разнообразием своих цветов. О том, что более прочные материалы - камень и штукатурка - также широко использовались, свидетельствуют сохранившиеся до наших дней руины; руины, которые послужили неисчерпаемой добычей для церквей и других сооружений, возведенных испанцами на месте древнего города.^[299]

Нам не сообщается, сколько времени ушло на строительство этого дворца. Но говорят, что на нем было занято двести тысяч рабочих.^[300] Как бы то ни было, несомненно, что монархи Тецукана, подобно монархам Азии и древнего Египта, контролировали огромные массы мужчин и иногда обращали все население завоеванного города, включая женщин, на общественные работы.^[301] Самые гигантские памятники архитектуры, которые когда-либо видел мир, никогда бы не были возведены руками свободных людей.

К дворцу примыкали здания для детей короля, у которых от разных жен было не менее шестидесяти сыновей и пятидесяти дочерей.^[302] Здесь их обучали всем упражнениям и достижениям, соответствующим их положению; постигали то, чему вряд ли нашлось бы место в королевском образовании по другую сторону Атлантики, - искусство работы с металлом, ювелирное дело и мозаику из перьев. Раз в четыре месяца вся семья, не исключая самых младших, включая всех офицеров и приближенных короля, собиралась в большом зале дворца, чтобы послушать речь оратора, вероятно, одного из священнослужителей. По этому случаю все принцы были одеты в *некуэн*, самую грубую одежду в стране. Проповедник начал с того, что подробно остановился на обязательствах морали и уважения к богам, особенно важных для людей, чей ранг придавал такой дополнительный вес примеру. Время от времени он приправлял свою проповедь уместным обращением к своей аудитории, если кто-либо из ее участников был виновен в заведомом правонарушении. От этого полезного предостережения не был освобожден и сам монарх, и оратор смело напомнил ему о его первостепенном долге проявлять уважение к своим собственным законам. Король, далекий от того, чтобы обидеться, воспринял этот урок со смирением; и мы уверены, что слушатели часто заливались слезами от красноречия проповедника.^[303] Эта любопытная сцена может напомнить о подобных обычаях азиатских и египетских деспотий, когда государь иногда снисходил до того, чтобы сойти со своего почетного места и позволить освежить свою память убеждением в собственной смертности.^[304] Подданный успокоился, обнаружив, что таким образом оказался, хотя бы на мгновение, на одном уровне со своим королем; в то время как последнему это ничего не стоило, поскольку он был слишком далеко от своего народа, чтобы пострадать от этой недолгой фамильярности. Вполне вероятно, что такой акт публичного унижения нашел бы меньшую благосклонность у менее абсолютного правителя.

Любовь Несауалькойотля к великолепию проявилась в его многочисленных виллах, которые были украшены всем, что могло сделать сельский отдых восхитительным. Его любимой резиденцией был Тескотцинко, конический холм примерно в двух лье от столицы.^[305] Он был разбит террасами, или висячими садами, с лестничным пролетом в пятьсот двадцать ступеней, многие из которых были высечены из натурального порфира.^[306] В саду на вершине находился резервуар с водой, питавшийся по акведуку, который проходил через холмы и долины на протяжении нескольких миль на огромных каменных опорах. Посреди этой впадины возвышался большой камень, покрытый иероглифами, обозначающими годы правления Несауалькойотля и его основные достижения в каждом из них.^[307] На более низком уровне находились три других резервуара, в каждом из которых стояло мраморное изваяние женщины, символизирующее три государства империи.^[308] В другом резервуаре находился крылатый лев, (?) вырезанный из цельной скалы, несущий в пасти портрет императора.^[309] Его портрет был выполнен золотом, деревом, пером и камнем; но это было единственное, что ему понравилось.

Из этих обширных бассейнов вода распределялась по многочисленным каналам через ущелья и каскадами низвергалась со скал, проливая освежающую росу на цветы и пахучие кустарники внизу. В глубине этой благоухающей дикой местности были возведены мраморные портики и павильоны, а в твердом порфире вырыты ванны, которые невежественные туземцы до сих пор называют “Ваннами Монтесумы”!^[310] Посетитель спустился по ступеням, вырубленным в живом камне и отполированным так ярко, что они отражались, как зеркала.^[311] У подножия холма, посреди кедровых рощ, чьи гигантские ветви в самые знойные сезоны года окутывали зелень освежающей прохладой,^[312] возвышалась королевская вилла с ее светлыми аркадами и просторными залами, вдыхающими сладкие ароматы садов. Здесь монарх часто уединялся, чтобы сбросить с себя государственное бремя и освежить свой усталый дух в обществе своих любимых жен, отдыхая во время полуденной жары в ободрающих тенях своего рая или участвуя в вечерней прохладе в их праздничных забавах и танцах. Здесь он развлекал своих братьев-императоров Мексики и Тлакопана и предавался более суровым удовольствиям охоты в благородных лесах, которые простирались на многие мили вокруг его виллы, цветя во всем своем первозданном величии. Сюда же он часто возвращался в последние дни своей жизни, когда возраст умерил честолюбие и охладил пыл его крови, чтобы в уединении заняться изучением философии и почерпнуть мудрость в медитации.

Необычные рассказы об архитектуре Тецукана подтверждаются, в основном, реликвиями, которые до сих пор покрывают холм Тецкотцинко или наполовину погребены под его поверхностью. Действительно, они привлекают мало внимания в стране, где их истинная история давным-давно канула в лету;^[313] в то время как путешественник, чье любопытство приводит его к этому месту, размышляет об их вероятном происхождении и, натываясь на огромные фрагменты скульптуры из порфира и гранита, относит их к примитивным расам, которые распространили свою колоссальную архитектуру по стране задолго до прихода аколуюанов и ацтеков.^[314]

Тецуканские принцы имели обыкновение развлекать огромное количество наложниц. У них была только одна законная жена, к потомку которой перешла корона.^[315] Несаялькойотль оставался неженатым до позднего периода. Он был разочарован ранней привязанностью, поскольку принцесса, получившая образование в уединении, чтобы стать спутницей его трона, отдала свою руку другому. Оскорбленный монарх передал дело в соответствующий трибунал. Однако было доказано, что стороны не знали о предназначении леди, и суд с независимостью, отражающей равное уважение к судьям, которые могли вынести приговор, и монарху, который мог принять его, оправдал молодую пару. Эта история печально контрастирует со следующей.^[316]

Король скрывал свое огорчение в уединении своей прекрасной виллы в Тецкоцинко или пытался отвлечь его путешествиями. Во время одного из своих путешествий он был гостеприимно принят могущественным вассалом, старым лордом Тепечпана, который, чтобы оказать своему государю больше чести, пригласил на пир благородную девушку, обрученную с ним и которая, по обычаю страны, получила образование под его собственной крышей. В ее жилах текла королевская кровь Мексики, и, более того, она была в близком родстве с тецуканским монархом. Последний, обладавший всем любовным темпераментом Юга, был пленен грацией и личным обаянием юной Геби и воспылил к ней неистовой страстью. Однако он никому не рассказал об этом, но, вернувшись домой, решил удовлетворить это желание, хотя и в ущерб собственной чести, уничтожив единственное препятствие, стоявшее на его пути.

Соответственно, он отправил приказ вождю Тепечпана принять командование пешим походом против тлашкаланцев. В то же время он приказал двум вождям племени тецукан держаться поближе к старому лорду и привести его в самую гущу сражения, где он мог расстаться с жизнью. Он заверил их, что этого было лишено великое преступление, но что из уважения к прошлым заслугам своего вассала он готов покрыть свой позор почетной смертью.

Ветеран, долгое время живший в уединении в своих поместьях, с удивлением увидел, что его так внезапно и без необходимости призвали к действию, к которому так много молодых людей

были лучше приспособлены. Он подозревал причину и, угощая своих друзей на прощание, высказал предчувствие своей печальной судьбы. Его предсказания подтвердились слишком скоро; и через несколько недель рука его непорочной невесты была предоставлена в ее собственное распоряжение.

Несауалькойотль не считал благоразумным публично признаваться принцессе в своей страсти так скоро после смерти своей жертвы. Он начал переписку с ней через родственницу и выразил свое глубокое сочувствие в связи с ее потерей. В то же время он предложил лучшее утешение, на какое был способен, предложив свое сердце и руку. Ее бывший возлюбленный был слишком тяжело ранен за прошедшие годы, чтобы девушка могла долго оставаться безутешной. Она не знала о вероломном заговоре против его жизни и по прошествии приличного времени была готова исполнить свой долг, предоставив себя в распоряжение своего царственного родственника.

Чтобы придать этому делу более естественный вид и предотвратить всякие подозрения в недостойной роли, которую он сыграл, король устроил так, что принцесса прибыла на его территорию в Тескотцинко, чтобы присутствовать там на какой-то публичной церемонии. Несауалькойотль стоял на балконе дворца, когда она появилась, и спросил, словно впервые пораженный ее красотой, “кто это прелестное юное создание в его садах”. Когда придворные сообщили ему ее имя и ранг, он приказал отвести ее во дворец, чтобы она могла получить знаки внимания, подобающие ее положению. За этой встречей вскоре последовало публичное признание в страсти, и вскоре после этого с большой помпой была отпразднована свадьба в присутствии его двора и его братьев - монархов Мексики и Тлакопана.^[317]

Эта история, которая так явно перекликается с историей Давида и Урии, рассказана с большими подробностями как сыном, так и внуком царя, из рассказов которых ее почерпнул Икстлильшочитль.^[318] Они клеймят этот поступок как самый низменный в жизни их великого предка. Это действительно слишком низко, чтобы не оставить несмываемого пятна на любом характере, каким бы чистым и возвышенным он ни был в других отношениях.

Король был строг в исполнении своих законов, хотя его природный нрав побуждал его сочетать правосудие с милосердием. Рассказывается много анекдотов о доброжелательном интересе, который он проявлял к заботам своих подданных, и о его стремлении выявлять и вознаграждать заслуги, даже самые скромные. Для него было обычным делом бродить среди них переодетым, подобно знаменитому халифу из “Тысячи и одной ночи”, свободно вмешиваясь в разговор и собственными глазами убеждаясь в их действительном состоянии.^[319]

В одном из таких случаев, когда его сопровождал только один лорд, он встретился с мальчиком, который собирал хворост в поле для топлива. Он спросил его, “почему он не пошел в соседний лес, где он нашел бы их в изобилии”. На что юноша ответил: “Это был королевский лес, и он накажет его смертью, если он вторгнется туда”. Королевские леса в Тецкоко были очень обширны и охранялись законами, такими же суровыми, как законы нормандских тиранов в Англии. “Что за человек ваш король?” - спросил монарх, желая узнать, как эти запреты повлияют на его собственную популярность. “Очень жестокий человек, - ответил мальчик, - который отказывает своему народу в том, что дал им Бог”.^[320] Несауалькойотль убеждал его не обращать внимания на такие произвольные законы, а собирать хворост в лесу, поскольку поблизости не было никого, кто мог бы его предать. Но мальчик решительно отказался, в то же время прямо обвинив переодетого короля в предательстве и в желании навлечь на него неприятности.

Вернувшись во дворец, Несауалькойотль приказал позвать к себе ребенка и его родителей. Они с удивлением выслушали приказ, но, войдя в зал, мальчик сразу узнал человека, с которым он так бесцеремонно беседовал, и его охватил ужас. Добродушный монарх, однако, развеял его опасения, поблагодарив за преподанный ему урок, и в то же время похвалил его уважение к законам, а также его родителей за то, как они воспитали своего сына. Затем он распустил стороны с большой щедростью, а впоследствии смягчил суровость лесных законов, разрешив людям

собирать любую древесину, которую они могли найти на земле, если они не трогали стоячую древесину. [\[321\]](#)

Рассказывается о другом его приключении с бедным дровосеком и его женой, которые привезли свой небольшой груз заготовок для продажи на рыночную площадь Тецкоко. Этот человек горько жаловался на свою тяжелую долю и на то, с каким трудом он зарабатывал на жалкое существование, в то время как хозяин дворца, перед которым они стояли, жил праздной жизнью, без тяжелого труда, и в его распоряжении была вся роскошь мира.

Он продолжал жаловаться, когда добрая женщина остановила его, напомнив, что его могут подслушать. Таковым он был благодаря самому Несауалькойотлю, который, стоя у зарешеченного окна, выходящего на рынок, развлекался, по своему обыкновению, наблюдением за простыми людьми, болтающими на площади. Он немедленно приказал привести к нему сварливую пару. Они предстали перед ним дрожащие и мучимые угрызениями совести. Король серьезно поинтересовался, что они сказали. Когда они ответили ему правдиво, он сказал им, что они должны подумать о том, что, если в его распоряжении есть большие сокровища, у него есть еще большие потребности в них; что он далек от того, чтобы вести легкую жизнь, он был подавлен всем бременем правления; и в заключение предостерег их “быть более осторожными в будущем, поскольку у стен есть уши”. [\[322\]](#) Затем он приказал своим офицерам принести некоторое количество ткани и щедрый запас какао (национальной монеты) и отпустил их. “Иди, - сказал он. - С тем немногим, что у тебя сейчас есть, ты будешь богат, в то время как со всем моим богатством я все еще буду беден”. [\[323\]](#)

Накопительство не было его страстью. Он щедро распределял свои доходы, выискивая бедных, но достойных людей, которым можно было бы их раздать. Он особенно заботился о солдатах-инвалидах и тех, кто каким-либо образом понес потери на государственной службе, и в случае их смерти оказывал помощь их оставшимся в живых семьям. Открытая нищенство была вещью, которую он никогда бы не потерпел, но наказывал ее с образцовой строгостью. [\[324\]](#)

Было бы невероятно, чтобы человек с таким широким умом и дарованиями, как у Несауалькойотля, соглашался с грязными суевериями своих соотечественников, а тем более с кровавыми обрядами, заимствованными ими у ацтеков. По правде говоря, его гуманный нрав претил этим жестоким церемониям, и он усиленно пытался вернуть свой народ к более чистому и простому богослужению древних толтеков. Одно обстоятельство привело к временной перемене в его поведении.

Он был женат несколько лет на жене, которую получил таким несправедливым путем, но не был благословлен потомством. Жрецы утверждали, что это произошло из-за его пренебрежения к богам своей страны и что его единственным средством было умиловить их человеческим жертвоприношением. Король неохотно согласился, и алтари снова задымились от крови зарезанных пленников. Но все было напрасно, и он с негодованием воскликнул: “Эти идолы из дерева и камня не могут ни слышать, ни чувствовать; тем более они не могли сотворить небеса, землю и человека, владыку этого. Это, должно быть, работа всемогущего, неведомого Бога, Создателя вселенной, на которого одного я должен полагаться в утешении и поддержке”.....” [\[325\]](#)

Затем он удалился в свой сельский дворец в Тескоцинко, где оставался сорок дней, постясь и молясь в установленные часы и не принося никаких других жертв, кроме сладких благовоний из копала, ароматических трав и камеди. Говорят, что по истечении этого времени он был утешен видением, заверившим его в успехе его прошения. Во всяком случае, таков был факт; и за этим последовало радостное известие о триумфе его оружия в квартале, где он недавно потерпел несколько унижительных поражений. [\[326\]](#)

Значительно укрепившись в своих прежних религиозных убеждениях, он теперь открыто исповедовал свою веру и был более усерден в том, чтобы отучить своих подданных от их унижительных суеверий и заменить их более благородными и духовными представлениями о

Божестве. Он построил храм обычной пирамидальной формы, а на вершине - башню высотой в девять этажей, символизирующую девять небес; десятый был увенчан крышей, выкрашенной в черный цвет и обильно позолоченной звездами снаружи, а внутри инкрустированной металлами и драгоценными камнями. Он посвятил это *“неизвестному Богу, Причине причин”* ^[327] Судя по эмблеме на башне, а также по характеру его стихов, как мы увидим, кажется вероятным, что он смешивал со своим почитанием Всевышнего астральное поклонение, существовавшее среди толтеков. ^[328] На вершине башни были установлены различные музыкальные инструменты, и их звук, сопровождаемый звонким ударом молотка по металлу, регулярно призывал верующих к молитвам. ^[329] В здании не допускалось никаких изображений, как неподходящих для “невидимого Бога”; и людям было категорически запрещено осквернять алтари кровью или любыми другими жертвоприношениями, кроме благоухания цветов и душистой камеди.

Остаток своих дней он провел в основном в своем восхитительном уединении в Тескотцинко, где посвятил себя астрономическим и, вероятно, астрологическим исследованиям, а также размышлениям о своем бессмертном предназначении, выражая свои чувства в песнях, или, скорее, гимнах, исполненных особой торжественности и пафоса. Отрывок из одного из них даст некоторое представление о его религиозных рассуждениях. Задумчивая нежность стихов, процитированных на предыдущей странице, углубляется здесь в скорбную и даже мрачную окраску; в то время как израненный дух, вместо того чтобы искать облегчения в дружеских выходках молодого и жизнерадостного темперамента, обращается за утешением к загробному миру:

“Все вещи на земле имеют свой срок, и на самом радостном поприще их тщеславия и великолепия их силы иссякают, и они обращаются в прах. Весь круглый мир - всего лишь могила; и нет ничего живущего на его поверхности, что не было бы скрыто и погребено под ним. Реки, потоки и речушки движутся вперед к своей цели. Ни одна не возвращается к своему приятному источнику. Они устремляются вперед, спеша погрузиться в глубокое лоно океана. Вчерашнего дня больше нет сегодня; и сегодняшнее, возможно, прекратится завтра. ^[330] Кладбище полно отвратительной пыли от тел, когда-то оживленных живыми душами, которые занимали троны, председательствовали на ассамблеях, командовали армиями, покоряли провинции, присваивали себе культ, кичились тщеславной pompой, властью и империей.

Но вся эта слава миновала, подобно ужасному дыму, который выходит из горла Попокатепетля, и нет другого свидетельства их существования, кроме записи на странице хрониста.

“Великие, мудрые, доблестные, прекрасные — увы! где они сейчас? Все они смешались с землей; и то, что с ними случилось, случится и с нами, и с теми, кто придет после нас. И все же давайте наберемся мужества, прославленные вельможи и вожди, верные друзья и верноподданные, — *давайте устремимся к тем небесам, где все вечно и тление не может наступить.* ^[331] Ужасы гробницы - всего лишь колыбель Солнца, а темные тени смерти - яркий свет для звезд”. ^[332] Мистический смысл последнего предложения, по-видимому, указывает на то суеверие, связанное с обителями Солнца, которое так красиво контрастирует с мрачными чертами мифологии ацтеков.

Подробно, примерно в 1470 году, ^[333] Несауалькойотль, преисполненный лет и почестей, чувствовал, что приближается к своему концу. Прошло почти полвека с тех пор, как он взойшел на трон Тецкоко. Он обнаружил, что его королевство расчленено фракцией и повергнуто в прах под игом иностранного тирана. Он сбросил это ярмо; вдохнул новую жизнь в нацию, обновил ее древние институты, расширил ее владения; видел, как она процветает во всех сферах деятельности, связанных с торговлей и сельским хозяйством, черпая силу из своих возросших ресурсов и с каждым днем продвигаясь все выше и выше в великом марше цивилизации. Все это он видел и мог справедливо приписать немалую часть этого своему собственному мудрому и благотворному правлению. Его долгий и славный день теперь подходил к концу; и он созерцал это

событие с той же безмятежностью, которую демонстрировал под утренними облаками в их меридиональном великолепии.

Незадолго до своей смерти он собрал вокруг себя тех из своих детей, которым больше всего доверял, своих главных советников, послов Мексики и Тлакопана, и своего маленького сына, наследника короны, своего единственного отпрыска от королевы. Ему тогда не было и восьми лет, но он уже дал, насколько это возможно для столь нежного цветка, богатые обещания будущего совершенства.^[334]

Нежно обняв ребенка, умирающий монарх набросил на него одежды суверена. Затем он дал аудиенцию послам и, когда они удалились, заставил мальчика повторить суть разговора. Вслед за этим он дал такие советы, которые соответствовали его пониманию и которые, если их помнить на протяжении долгих последующих лет, послужат ему путеводными огнями в управлении королевством. Он умолял его не пренебрегать поклонением “неведомому Богу”, сожалея, что сам он был недостойн познать его, и выражая свою убежденность в том, что придет время, когда его будут знать и ему будут поклоняться по всей стране.^[335]

Затем он обратился к одному из своих сыновей, которому он больше всего доверял и которого избрал хранителем королевства. “С этого часа, ” сказал он ему, “ ты займешь место, которое занял я, отца этого ребенка; ты научишь его жить так, как он должен; и по твоим советам он будет править империей. Встань на его место и будь его проводником, пока он не достигнет совершеннолетия, чтобы управлять самостоятельно”. Затем, повернувшись к другим своим детям, он увещевал их жить дружно и проявлять всю преданность своему принцу, который, хотя и был ребенком, уже проявил благоразумие, намного превышающее его возраст. “Будьте верны ему, - добавил он, - и он поддержит вас в ваших правах и достоинстве”.^[336]

Чувствуя приближение своего конца, он воскликнул: “Не оплакивай меня пустыми причитаниями. Но пойте песню радости и проявляйте мужество, чтобы покоренные мною народы не поверили, что вы впали в уныние, но почувствовали, что каждый из вас достаточно силен, чтобы держать их в повиновении!” Неустрашимый дух монарха сиял даже в предсмертных муках. Однако это мужественное сердце растаяло, когда он прощался со своими детьми и друзьями, нежно оплакивая их и прощаясь с каждым в последний раз. Когда они удалились, он приказал служащим дворца больше никому не позволять входить в него. Вскоре после этого он скончался на семьдесят втором году своего совершеннолетия и сорок третьем году своего правления.^[337]

Так умер величайший монарх и, если можно стереть хоть одно грязное пятно, возможно, лучший из тех, кто когда-либо восседал на индийском троне. Его родственник, хронист Тецкукана, с достаточной беспристрастностью описывает его характер: “Он был мудрым, доблестным, либеральным; и, когда мы рассматриваем великодушие его души, величие и успех его предприятий, его глубокую политику, а также смелость, мы должны признать, что он намного превзошел любого другого принца и военачальника этого Нового Мира. У него самого было мало недостатков, и он строго наказывал за них других. Он предпочитал общественные интересы своим частным интересам; был в высшей степени милосерден по своей натуре, часто покупая вещи вдвое дороже у бедных и честных людей и снова раздавая их больным и немощным. В периоды дефицита он был особенно щедр, перечисляя налоги своим вассалам и удовлетворяя их нужды из королевских закромов. Он не верил в идолопоклонничество страны. Он был хорошо обучен науке морали и прежде всего стремился обрести свет для познания истинного Бога. Он верил только в одного Бога, Творца неба и земли, благодаря которому мы существуем, который никогда не открывал себя нам ни в человеческом облике, ни в каком другом; с которым души добродетельных будут обитать после смерти, в то время как нечестивые будут испытывать невыразимые муки. Он взывал к Всевышнему как к “Тому, кем мы живем” и “Кто имеет все в себе”. Он признал Солнце своим отцом, а Землю - своей матерью. Он учил своих детей не доверять идолам и только внешне поклоняться им из уважения к общественному мнению.”^[338] Если он и не

мог полностью отменить человеческие жертвоприношения, унаследованные от ацтеков, то, по крайней мере, ограничил их рамками рабов и пленников”.^[339]

Я уделил этому прославленному принцу так много места, что для его сына и преемника, Несауальпилли, почти ничего не осталось. Я подумал, что в наших узких рамках будет лучше представить полный обзор одной эпохи, наиболее интересной в летописях Тецкукана, чем распространять исследования на более широкое, но сравнительно бесплодное поле. И все же Несауальпилли, наследник короны, был замечательной личностью, и в его правлении есть многомоментов, о которых я, к сожалению, вынужден умолчать.^[340]

У него был во многих отношениях вкус, сходный со вкусом его отца, и, как и он, он демонстрировал обильное величие в своем образе жизни и в своих общественных зданиях. Он был более строг в своих моральных устоях и при исполнении правосудия суров даже к жертвам естественной привязанности. Рассказывается о нескольких замечательных примерах этого; один, среди прочих, касается его старшего сына, наследника короны, принца с большими перспективами. Молодой человек вступил в поэтическую переписку с одной из наложниц своего отца, леди из Тулы, как ее называли, женщиной скромного происхождения, но с незаурядными способностями. Она с легкостью сочиняла стихи и могла обсуждать более серьезные вопросы с королем и его министрами. У нее было отдельное заведение, где она жила на широкую ногу и благодаря своей красоте и достижениям приобрела большое влияние над своим царственным возлюбленным.^[341] С этой фавориткой принц вел переписку в стихах, — амурного ли характера, не уточняется. Во всяком случае, преступление было тяжким. Дело было передано на рассмотрение обычного трибунала, который вынес смертный приговор несчастному юноше, и король, укрепив свое сердце вопреки всем мольбам и голосу природы, позволил привести жестокий приговор в исполнение. В данном случае мы могли бы заподозрить влияние низменных страстей на его разум, но это был не единственный пример его неумолимой справедливости по отношению к самым близким ему людям. Он обладал суровой добродетелью древнего римлянина, лишённого более мягкой грации, которая делает добродетель привлекательной. Когда приговор был приведен в исполнение, он на много недель заперся в своем дворце и приказал замуровать двери и окна резиденции своего сына, чтобы в ней никогда больше не могли жить.^[342]

Несауальпилли был похож на своего отца в его страсти к астрономическим исследованиям, и, как говорят, в одном из его дворцов была обсерватория.^[343] В юности он был предан войне, но с возрастом смирился с более праздным образом жизни и искал своего главного развлечения в занятиях любимой наукой или в мягких удовольствиях уединенных садов Тескотцинко. Эта тихая жизнь плохо соответствовала бурному нраву того времени и его мексиканскому сопернику Монтесуме. Отдаленные провинции перестали им подчиняться; армия ослабила дисциплину; в ее ряды закралось недовольство; и коварный Монтесума, частично с помощью насилия, а частично с помощью хитростей, недостойных короля, преуспел в разграблении у своего брата-монарха некоторых из его наиболее ценных владений. Именно тогда он присвоил себе титул и верховенство императора, которые до сих пор носили тецкуканские принцы как главы альянса. Таково описание, данное историками этого народа, которые таким образом объясняют признанное превосходство ацтекского государя, как в территории, так и во внимании, при высадке испанцев.^[344]

Эти несчастья тяжело сказались на настроении Несауальпилли. Их эффект усиливался некоторыми мрачными прогнозами о близком бедствии, которое должно было захлестнуть страну.^[345] Он удалился в свое убежище, чтобы в тайне размышлять о своих печалях. Его здоровье быстро ухудшалось; и в 1515 году, в возрасте пятидесяти двух лет, он сошел в могилу;^[346] счастлив, по крайней мере, что благодаря этой своевременной смерти он избежал стать свидетелем исполнения своих собственных предсказаний, разорения своей страны и исчезновения индийских династий навсегда.^[347]

Рассматривая представленный здесь краткий очерк монархии Тецукана, на нас произвело сильное впечатление убеждение в ее превосходстве во всех замечательных чертах цивилизации над остальным Анауаком. Мексиканцы, без сомнения, проявили такое же мастерство в механическом искусстве и даже в математических науках. Но в науке управления, в законодательстве, в спекулятивных доктринах религиозного характера, в более изящных занятиях поэзией, красноречием и во всем, что зависело от утонченности вкуса и отточенной идиомы, они признавали себя неполноценными, прибегая к наставлениям своих соперников и цитируя их произведения как шедевры своего языка. Лучшим историям, лучшим стихотворениям, лучшему своду законов, самому чистому диалекту было позволено быть тецуканским. Ацтеки соперничали со своими соседями в роскоши жизни и даже в великолепии своих построек. Они демонстрировали поистине азиатскую помпезность и показушное зрелище. Но это было развитие материального, а не интеллектуального принципа. Они хотели утонченности манер, необходимой для непрерывного прогресса цивилизации. Непреодолимый предел был положен им этой кровавой мифологией, которая бросала свой иссушающий отпечаток на сам воздух, которым они дышали.

Превосходство тецуканцев, несомненно, было в значительной степени обусловлено превосходством двух государей, правление которых мы описывали. Нет положения, которое давало бы такой простор для улучшения положения человека, как положение, занимаемое абсолютным правителем несовершенной цивилизованной нации. Со своего высокого положения, располагая всеми ресурсами своего времени, в его власти распространить их повсюду среди своего народа. Он может быть обильным резервуаром на вершине горы, пьющим небесную росу, чтобы посылать ее питательными потоками по нижним склонам и долинам, украшая красотой даже дикую местность. Таковы были Несауалькойотль и его прославленный преемник, чья просвещенная политика, продолжавшаяся почти столетие, произвела самую благотворную революцию в состоянии их страны. Примечательно, что мы, жители одного континента, лучше знакомы с историей многих варварских вождей как в Старом, так и в Новом Свете, чем с историей этих поистине великих людей, чьи имена связаны с самым славным периодом в летописях индейских народов.

Какова была фактическая численность цивилизации тецукан, определить нелегко из-за несовершенного освещения, предоставляемого нам. Это, безусловно, было намного ниже всего, что передает это слово, измеряемое по европейским стандартам. В некоторых искусствах и в любой области науки они могли бы только положить, так сказать, начало. Но они начали с правильного пути и уже продемонстрировали утонченность чувств и манер, способность воспринимать наставления, которые при хорошем содействии могли бы привести их к неопределенному совершенствованию. К несчастью, они быстро попадали под власть воинственных ацтеков. И этот народ отплатил за блага, полученные от своих более утонченных соседей, передав им свои собственные свирепые суеверия, которые, падая на землю подобно плесени, вскоре погубили бы ее богатые обещания и превратили бы даже ее плоды в пыль и пепел.

Фернандо де Альва Икстлильшочитль, процветавший в начале шестнадцатого века, ^[348] был уроженцем Тецкоко и происходил по прямой линии от правителей этого королевства. Королевское потомство стало настолько многочисленным за несколько поколений, что было обычным явлением видеть, как они впали в крайнюю нищету и с трудом добывали средства к существованию самыми скромными занятиями. Икстлильшочитль, происходивший от главной жены или королевы Несауальпилли, занимал очень почетное положение. Он занимал должность переводчика при вице-короле, которому его порекомендовали благодаря его знакомству с древними иероглифами и знанию мексиканского и испанского языков. Его рождение дало ему доступ к лицам самого высокого ранга в его собственной стране, некоторые из которых занимали важные гражданские посты при новом правительстве, и, таким образом, позволило составить большие коллекции индийских рукописей, которые были ему щедро предоставлены. Кроме того, у него была собственная обширная библиотека, и с помощью этих средств он усердно занимался изучением древностей тецукана. Он расшифровал иероглифы, овладел песнями и традициями и подкрепил свое повествование устными свидетельствами нескольких очень пожилых людей, которые сами были знакомы с Завоевателями. На основе таких достоверных источников он написал различные труды на кастильском языке, посвященные первобытной истории тольтеков и рас тецукан, продолжив их вплоть до свержения империи Кортесом. Эти различные отчеты, составленные под названием *Relaciones*, являются, в большей или меньшей степени, повторениями и сокращениями друг друга; и нелегко понять, почему они были составлены таким образом. "*История чичимеков*" является лучше всего переваренной и наиболее полной из всей серии, и поэтому к ней чаще всего обращались на предыдущих страницах.

В произведениях Икстлильшочитля много недостатков, присущих его эпохе. Он часто заполняет страницу случаями тривиального, а иногда и невероятного характера. Невероятность возрастает с расстоянием периода, ибо расстояние, которое уменьшает объекты для естественного глаза, преувеличивает их для ментального. Его хронология, как я уже не раз замечал, неразрывно связана. Он часто слишком охотно прислушивался к традициям и сообщениям, которые поразили бы более скептическую критику настоящего времени. И все же в его трудах присутствует видимость добросовестности и простоты, которая может убедить читателя в том, что если он ошибается, то не по худшей причине, чем национальные пристрастия. И, конечно, такая пристрастность прощательна потому, что гордого рода, лишенного своего древнего великолепия, которое для его собственных чувств было утешением возродить снова — хотя и с чем — то большим, чем их законный блеск, — на холсте истории. Следует также учитывать, что, хотя его повествование иногда поражает, его исследования проникают в таинственные глубины древности, где свет и тьма встречаются и растворяются друг в друге, и где все еще подвержено искажениям, если смотреть сквозь туманную среду иероглифов. ^[349]

С учетом этих допущений окажется, что историк из Тецукана по праву может претендовать на наше восхищение широтой охвата его исследований и проницательностью, с которой они были проведены. Он познакомил нас со знаниями самых образованных людей Анауака, чьи записи, если бы они и сохранились, не могли быть поняты в гораздо более поздний период; и таким образом он предоставил стандарт для сравнения, который значительно повышает наши представления об американской цивилизации. Его язык прост, а иногда красноречив и трогателен. Его описания в высшей степени живописны. Он изобилует известными анекдотами; и естественное изящество его манер, когда он подробно описывает наиболее поразительные события истории и личные приключения своих героев, дает ему право называться Ливием Анауакским.

Впоследствии я буду вынужден остановиться на его литературных достоинствах в связи с повествованием о Завоевании, в котором он является выдающимся авторитетом. Его ранние летописи — хотя ни одна из его рукописей не была напечатана — были прилежно изучены испанскими писателями в Мексике и щедро перенесены на их страницы; и его репутация, как и репутация Саагуна, несомненно, пострадала в результате этого процесса. Его "*История чичимеков*" переведена на французский язык М. Терно-Компансом и является частью той бесценной серии переводов неопубликованных документов, которые так расширили наше знакомство с ранней американской историей. У меня было достаточно возможностей доказать достоинства его версии Ixtlilxochitl, и я счастлив засвидетельствовать точность и элегантность, с которыми она выполнена.

ПРИМЕЧАНИЕ. В примечании, которое ранее появлялось в конце этой первой книги, мистер Прескотт утверждает, что он намеревался завершить вводную часть работы исследованием происхождения мексиканской цивилизации. Но поскольку он был согласен с Гумбольдтом в том, что "общий вопрос о происхождении жителей континента выходит за рамки, предписанные историей", и с Ливием в том, что "для большинства читателей происхождение и отдаленные древности нации могут представлять сравнительно небольшой интерес", он решил, после дальнейшего рассмотрения, включить свои наблюдения по этой теме в Приложение. Человек необычайной скромности, он опасался, что читатель настолько устанет от его изложения истории ранней

цивилизации в первой книге, что у него не останется достаточно сил для надлежащего рассмотрения истории Завоевания, с такой добросовестной тщательностью изложенной в последующих главах. Эссе взято из Приложения и помещено на свое место.—М.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МЕКСИКАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ

Т Следующее эссе изначально задумывалось как завершение вводной книги, к которой оно по праву относится. Она была написана три года назад, одновременно с этой частью работы. Я не знаю ни одной важной работы, имеющей отношение к общему предмету обсуждения, которая появилась бы с того периода, за исключением ценного трактата мистера Брэдфорда об *американских древностях*. Но в отношении той части обсуждения, которая касается американской архитектуры, наиболее важный вклад внесли две работы мистера Стивенса, содержащие отчет о его поездках в Центральную Америку и на Юкатан, и особенно последняя из этих публикаций. Действительно, местность, ранее столь мало изученная, теперь так тщательно исследована, что у нас есть весь свет, который, как мы можем разумно ожидать, поможет нам составить наше мнение относительно таинственных памятников Юкатана. Остается только опубликовать изысканные иллюстрации мистера Катервуда в большем масштабе, подобно великим работам на эту тему во Франции и Англии, чтобы представить взору более адекватное изображение этих великолепных руин, чем это может быть дано в ограниченном объеме страницы в октаво.

Но, несмотря на важность исследований мистера Стивенса, я не воспользовался ими для внесения каких-либо дополнений в первоначальный проект этого Эссе и ни в коем случае не основывал свои выводы на его авторитете. Эти выводы были сделаны на основе тщательного изучения рассказов Дюпэ и Вальдека, а также их великолепных иллюстраций остатков Паленке и Ушмаля, двух основных мест, исследованных мистером Стивенсом; и дополнительные факты, собранные им на обширном поле, которое он обследовал, не только не поколебали моих предыдущих выводов, но и послужили их подтверждением. Единственной целью моих собственных размышлений об этих останках было установить их вероятное происхождение или, скорее, увидеть, какой свет, если таковой вообще есть, они могли бы пролить на происхождение цивилизации ацтеков. Читатель, сравнив мои размышления с размышлениями мистера Стивенса в заключительных главах его двух работ, увидит, что я пришел к выводам относительно происхождения и вероятной древности этих сооружений, точно таким же, как у него. Выводы, сделанные при таких разных обстоятельствах, служат подтверждением друг друга; и, хотя читатель найдет здесь некоторые вещи, которые были бы иными, если бы я руководствовался светом, проливаемым сейчас на путь, все же я предпочитаю не нарушать основы, на которых стоит аргумент, и не умалять его ценности — если она вообще есть — как отдельного и независимого свидетельства.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МЕКСИКАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ —АНАЛОГИИ СО СТАРЫМ СВЕТОМ

Когда европейцы впервые коснулись берегов Америки, им показалось, что они высадились на другой планете - настолько все там отличалось от того, что они видели раньше. Они познакомились с новыми разновидностями растений и неизвестными расами животных; в то время как человек, повелитель всего сущего, был столь же странным по цвету лица, языку и установлениям. ^[350] Это было то, как они выразительно называли это, — Новый Мир. Наученные своей верой извлекать все сотворенные существа из одного источника, они испытывали естественное недоумение относительно того, каким образом эти отдаленные и изолированные регионы могли заполучить своих обитателей. Такое же любопытство испытывали их соотечественники на родине, и европейские ученые озадачивали их умы рассуждениями о наилучшем способе решения этой интересной проблемы.

Объясняя присутствие там животных, некоторые предположили, что два полушария, возможно, когда-то соединялись на крайнем севере, чтобы обеспечить легкое сообщение.^[351] Другие, смущенные трудностью транспортировки жителей тропиков через арктические регионы, возродили старую историю об Атлантиде Платона, этом огромном острове, ныне затопленном, который, возможно, простирался от берегов Африки до восточных границ нового континента;^[352] в то время как они видели следы аналогичного потрясения природы на зеленых островах, разбросанные по Тихому океану, некогда горные вершины огромного континента, ныне погребенные под водой.^[353] Некоторые, не доверяя существованию революций, о которых не сохранилось никаких записей, предположили, что животные могли пересечь океан различными способами; птицы с более сильными крыльями могли перелетать через самые узкие пространства; в то время как более ручные виды четвероногих могли быть легко перевезены людьми на лодках, и даже более свирепые, такие как тигры, медведи и тому подобное, были доставлены таким же образом, когда были молодыми, “для развлечения и удовольствия народа”. погоня”!^[354] Другие, опять же, придерживались не менее вероятного мнения, что ангелы, которые, несомненно, заботились о них в ковчеге, также следили за их распространением впоследствии по разным частям земного шара.^[355] До каких пределов были доведены даже мыслящие умы в своем стремлении согласовать буквальное толкование Священного Писания с явлениями природы! Философия более позднего времени полагает, что не является отступлением от этого священного авторитета следовать предложениям науки, относя новые племена животных к творению, возникшему после всемирного потопа, в тех местах, для которых они были явно предназначены по своему строению и привычкам.^[356]

Человек, по-видимому, не создает таких затруднений в дискуссии, как представители низших сословий. Он создан природой для любого климата, для палящего солнца тропиков и ледяной атмосферы Севера. Он равнодушно бредет по пескам пустыни, пустоши полярных снегов и бескрайнему океану. Ни горы, ни моря не пугают его, и с помощью механических приспособлений он совершает путешествия, при попытке совершить которые погибли бы самые смелые птицы. Не поднимаясь в высокие северные широты, где континенты Азия и Америка сближаются на расстоянии пятидесяти миль друг от друга, жителю Восточной Татарии или Японии было бы легко вести свое каноэ от острова к острову, прямо к американскому берегу, никогда не задерживаясь в океане более двух дней кряду.^[357] На атлантической стороне связь несколько сложнее. Но даже там Исландия была заселена колониями европейцев за много сотен лет до открытия ее Колумбом; и транзит из Исландии в Америку сравнительно легок.^[358] Независимо от этих каналов в Южном полушарии были открыты другие с помощью многочисленных островов в Тихом океане. Население Америки и близко не является такой сложной проблемой, как население этих маленьких местечек. Но опыт показывает, насколько осуществимой могла быть коммуникация даже в таких изолированных местах.^[359] Дикарь был подобран в своем каноэ после того, как проплыл сотни лиг в открытом океане и в течение нескольких месяцев поддерживал жизнь дождем с небес и той рыбой, которую ему удалось поймать.^[360] Случаи не очень редки; и было бы странно, если бы эти блуждающие крики иногда не перехватывались огромным континентом, который протянулся через весь земной шар, в непрерывной последовательности, почти от полюса до полюса. Без сомнения, история могла бы показать нам не один пример людей, которые, оказавшись таким образом вытесненными на американские берега, смешали свою кровь с кровью первобытных рас, населявших их.

Настоящая трудность заключается не в том, чтобы, как в случае с животными, объяснить, как человек мог достичь Америки, а в том, откуда он на самом деле достиг ее. При обследовании всего Нового Света было обнаружено, что в нем обитают две великие семьи, одна из которых находится на низшей ступени цивилизации и состоит из охотников, а другая почти так же продвинулась в утонченности, как полумодернизированные империи Азии. Более утонченные расы, вероятно, не были знакомы с существованием друг друга на разных континентах Америки и так же мало

общались с окружавшими их варварскими племенами. И все же у них было кое-что общее как с этими последними, так и друг с другом, что замечательно отличало их от обитателей Старого Света. У них был общий цвет лица и физическая организация — по крайней мере, более однородный характер, чем у народов любой другой четверти земного шара. У них были некоторые общие обычаи и институты, и они говорили на языках схожей конструкции, любопытным образом отличающихся от языков Восточного полушария.

Откуда взялась утонченность этих более утонченных рас? Было ли это всего лишь более высоким развитием того же индийского характера, который мы наблюдаем в более северных широтах, бросая вызов любой попытке постоянной цивилизации? Была ли она изначально привита расе более высокого порядка по шкале, но самоучкой, прокладывая себе путь наверх собственными силами? Короче говоря, была ли это местная цивилизация? или он был в какой-то степени заимствован у народов Восточного мира? Если он коренной, то как нам объяснить странное совпадение с Востоком в институтах и взглядах? Если восточные, то как мы объясним огромное различие в языках и незнание некоторых из самых простых и полезных искусств, которые, будучи однажды известными, казалось бы, едва ли могли быть забыты? Это загадка Сфинкса, которую Ноэдику еще не хватило изобретательности разгадать. Однако этот вопрос представляет глубокий интерес для каждого любознательного и умного наблюдателя его вида. И, соответственно, это занимало мысли людей с момента первого открытия этой страны до настоящего времени; когда необычные памятники, обнаруженные в Центральной Америке, дали новый импульс исследованиям, предполагая вероятность — вернее, возможность, — что могут быть предоставлены более достоверные свидетельства, чем какие-либо до сих пор известные, для установления факта надежного сообщения с другим полушарием.

В мои намерения не входит добавлять много страниц к томам, уже написанным по этой неисчерпаемой теме. Предмет, как заметил сам писатель философского склада ума, который больше, чем кто-либо другой, сделал для разгадки тайны, носит слишком спекулятивный характер для истории, почти для философии.^[361] Но эта работа была бы неполной без предоставления читателю возможности самому судить об истинных источниках уже описанной своеобразной цивилизации, демонстрируя ему предполагаемые черты сходства с древним континентом. Делая это, я ограничусь моей собственной темой, мексиканцами, или тем, что так или иначе может иметь отношение к этой теме; предполагая указать только реальные моменты сходства, поскольку они подтверждаются доказательствами и, насколько это возможно, лишены иллюзий, в которые их облекла благочестивая доверчивость одной стороны и дальновидное построение системы другой.

Очевидная аналогия обнаруживается в *космогонических традициях* и *религиозных обычаях*. Читатель уже познакомился с ацтекской системой четырех великих циклов, в конце каждого из которых мир разрушался, чтобы вновь возродиться.^[362] Вера в эти периодические потрясения природы, вызванные действием того или иного элемента, была знакома многим странам Восточного полушария; и, хотя детали различаются, общее сходство очертаний дает аргумент в пользу общего происхождения.^[363]

Ни одно предание не было так широко распространено среди народов, как предание о Всемирном потопе. Действительно, независимо от традиций, это, по-видимому, естественным образом вытекает из внутреннего строения земли и возвышенных мест, на которых обнаружены отложения морских веществ. Это было общепринятое представление, в той или иной форме, о самых цивилизованных людях Старого Света и о варварах Нового.^[364] Ацтеки соединили с этим некоторые особые обстоятельства более произвольного характера, напоминающие рассказы Востока. Они верили, что два человека пережили Всемирный потоп — мужчина по имени Кокскокс и его жена. Их головы изображены на древних картинах вместе с лодкой, плывущей по воде у подножия горы. Также изображен голубь с иероглифической эмблемой языков во рту, которую он раздает детям Кокскокса, которые родились немymi.^[365] У соседнего народа

Мичоакан, населяющего те же высокие равнины Анд, была еще одна традиция, согласно которой лодка, в которой спасся Тезпи, их Ной, была наполнена различными видами животных и птиц. Через некоторое время из него вылетел стервятник, но остался питаться мертвыми телами великанов, которые остались на земле, когда вода спала. Затем маленькая колибри, *уицицилин*, была отправлена в полет и вернулась с веточкой во рту. Совпадение обоих этих рассказов с еврейскими и халдейскими повествованиями очевидно. Хотелось бы, чтобы авторитетность мичоаканской версии была более удовлетворительной. [\[366\]](#)

На пути между Веракрусом и столицей, недалеко от современного города Пуэбла, стоит почтенная реликвия, с которой читатель познакомится по ходу повествования, — храм Чолулы. Это пирамидальный курган, построенный или, скорее, облицованный необожженным кирпичом, возвышающийся на высоту почти ста восьмидесяти футов. Популярное предание местных жителей гласит, что она была возведена семьей великанов, спасшихся от великого наводнения и задумавших вознести здание до облаков; но боги, оскорбленные их самонадеянностью, послали на пирамиду огонь с небес и вынудили их отказаться от этой попытки. [\[367\]](#) Нельзя отрицать частичного совпадения этой легенды с еврейским рассказом о Вавилонской башне, полученным также другими народами Востока. [\[368\]](#) Но тот, кто не изучал предмет, вряд ли поверит, какие смелые гипотезы были выдвинуты на этой хрупкой основе.

Еще одно совпадение обнаруживается в богине Чоакоатль, “нашей леди и матери”; “первой богине, которая произвела на свет”; “которая завещала женщинам родовые муки как дань смерти”; “через которую грех пришел в мир”. Таков был замечательный язык, применяемый ацтеками к этому почитаемому божеству. Ее обычно изображали рядом со змеей; и ее имя означало “женщина-змея”. Во всем этом мы видим многое, напоминающее нам о матери человеческого рода, прародительнице еврейского и сирийского народов. [\[369\]](#)

Но ни одно из божеств страны не наводило на такие удивительные аналогии со Священным Писанием, как Кецалькоатль, с которым читатель уже познакомился. [\[370\]](#) Он был белым человеком с длинной бородой, пришедшим с Востока и который, возглавив золотой век Анауака, исчез так же таинственно, как и появился, в великом Атлантическом океане. Поскольку он обещал вернуться когда-нибудь в будущем, каждое последующее поколение ожидало его появления с уверенностью. В этих обстоятельствах мало что напоминает о христианстве. Но любознательные исследователи древностей Мексики выяснили, что к этому богу следует отнести институт церковных сообществ, напоминающий одно из монашеских обществ Старого Света; институт исповеди и покаяния; и даже знание великих доктрин о Троице и Воплощении! [\[371\]](#) Одна сторона с благочестивым усердием собрала доказательства, чтобы установить его идентичность апостолу Святому Фоме; [\[372\]](#) [\[373\]](#) в то время как другая, с менее скрупулезной верой, увидела в его ожидаемом пришествии для возрождения нации смутно завуалированный прообраз Мессии! [\[374\]](#)

И все же мы должны проявить милосердие к миссионерам, которые впервые попали в этот мир чудес, где, хотя человек и природа имели такой странный вид, они были поражены случайными проблесками обрядов и церемоний, которые напоминали им о более чистой вере. В своем изумлении они не задумались, не были ли эти вещи естественным выражением религиозного чувства, общего для всех народов, достигших хотя бы умеренной цивилизации. Они не спрашивали, не практикуют ли то же самое другие идолопоклонники. Они не могли подавить своего изумления, когда увидели Крест, [\[375\]](#) священная эмблема их собственной веры, воздвигнутая как объект поклонения в храмах Анауака. Они встречались с ним в разных местах; и изображение креста, выполненное в виде барельефа, можно увидеть и по сей день на стенах одного из зданий Паленке, в то время как фигура, имеющая некоторое сходство с фигурой ребенка, прижата к нему, словно в знак обожания. [\[376\]](#)

Их удивление возросло еще больше, когда они стали свидетелями религиозного обряда, напомнившего им христианское причастие. В этих случаях изображение божества-покровителя ацтеков изготавливалось из кукурузной муки, смешанной с кровью, и после освящения

священниками раздавалось среди людей, которые, поедая его, “проявляли признаки унижения и печали, заявляя, что это плоть божества!”^[377] Как могли римско-католики не признавать ужасную церемонию Евхаристии?

С теми же чувствами они стали свидетелями другой церемонии, крещения ацтеков; в которой после торжественного воззвания к голове и губам младенца прикасались водой и давали ему имя; в то время как богиню Чоакоатль, которая руководила родами, умоляли “о том, чтобы грех, который был дан нам до начала мира, не посетил ребенка, но чтобы, очищенное этими водами, оно могло ожить и родиться заново!”^[378]

Это правда, что на этих нескольких обрядах присутствовало много особенностей, очень непохожих ни на какие христианские церкви. Но отцы церкви обратили свое внимание исключительно на моменты сходства. Они не знали, что Крест был символом богослужения высочайшей древности в Египте и Сирии,^[379] и что обряды, напоминающие обряд причастия^[380] и крещение практиковались языческими народами, на которые никогда не падал свет христианства.^[381] В своем изумлении они не только преувеличивали то, что видели, но и постоянно обманывались иллюзиями своего собственного разгоряченного воображения. В этом им замечательно помогли их новообращенные мексиканцы, гордящиеся тем, что установили — и сами наполовину верящие в это — соответствие между своей собственной верой и верой их завоевателей.^[382]

Изобретательность хрониста была задействована в поиске аналогий между историями ацтеков и Священными Писаниями, как старыми, так и новыми. Миграция из Ацтлана в Анауак была типичной для еврейского исхода.^[383] Места, где мексиканцы останавливались во время марша, были идентифицированы с местами в “Путешествии израильтян”;^[384] а само название Мексики оказалось почти идентичным еврейскому названию Мессии.^[385] Мексиканские иероглифы открывали безграничное поле для проявления этой критической остроты. Самые замечательные отрывки из Ветхого и Нового Заветов читались в их таинственных письменах; и око веры могло проследить в них всю историю Страстей Христовых, Спасителя, висящего на кресте, и Деву Марию с сопровождающими ее ангелами!^[386]

Иудейские и христианские замыслы странным образом перемешались, и умы добрых отцов были еще более сбиты с толку смесью языческих мерзостей, которые были так тесно переплетены с самыми ортодоксальными обрядами. В своем недоумении они рассматривали все это в целом как наваждение дьявола, который подделал обряды христианства и традиции избранного народа, чтобы заманить свои несчастные жертвы на их собственную погибель.^[387]

Но, хотя нет необходимости прибегать к этому поразительному предположению или даже вызывать апостола из мертвых или какого-либо более позднего миссионера для объяснения совпадений с христианством, все же следует допустить, что эти совпадения служат аргументом в пользу некой примитивной связи с этим великим братством народов на старом континенте, среди которых подобные идеи были так широко распространены.^[388] Вероятность такой связи, особенно с Восточной Азией, значительно усиливается сходством жреческих институтов и некоторых религиозных обрядов, таких как бракосочетание,^[389] и погребение мертвых;^[390] практикой человеческих жертвоприношений и даже каннибализма, следы которого заметны в монгольские расы;^[391] и, наконец, соответствие социальных обычаев и манер, настолько поразительное, что описание двора Монтесумы вполне может сойти за двор Великого хана, как это изображено Мондевилем и Марко Поло.^[392] Было бы слишком много места для того, чтобы вдаваться в подробности по этому вопросу, без которых, однако, невозможно ни прочувствовать силу аргументации, ни полностью установить ее. Это было сделано другими; и в предыдущих главах упоминалось о случайных совпадениях.

Это правда, нам следует очень медленно делать выводы об идентичности или даже соответствии между нациями на основе частичного сходства привычек и институтов. Там, где это относится к манерам и основано на капризе, это не более убедительно, чем когда это вытекает из

спонтанных предложений природы, общих для всех. Сходство, в одном случае, может быть отнесено к случайности, в другом - к строению человека. Но есть определенные произвольные особенности, которые, будучи обнаруженными у разных народов, разумно наводят на мысль о какой-то предшествующей связи между ними. Кто может сомневаться в существовании родства или, по крайней мере, общения между племенами, которые имели тот же странный обычай хоронить мертвых в сидячей позе, что в той или иной степени практиковалось большинством, если не всеми, аборигенов от Канады до Патагонии? [\[393\]](#) Обычай сжигать мертвых, знакомый как монголам, так и ацтекам, сам по себе является лишь слабым доказательством общего происхождения. От тела нужно каким-то образом избавиться; и это, возможно, так же естественно, как и любое другое. Но если к этому добавить то обстоятельство, что пепел собрали в вазу и положили вместе с ним единственное изделие из драгоценного камня, совпадение становится поразительным. [\[394\]](#) Такие незначительные совпадения нередки; в то время как совокупность совпадений более общего характера, хотя по отдельности они не имеют большого значения, значительно повышает вероятность сообщения с Востоком.

Доказательство более высокого рода можно найти в аналогиях *науки*. Мы видели своеобразную хронологическую систему ацтеков; их метод распределения лет по циклам и счета с помощью периодических рядов вместо чисел. Аналогичный процесс использовался различными азиатскими народами монгольской семьи, от Индии до Японии. Их циклы, действительно, состояли из шестидесяти, а не из пятидесяти двух лет; и в качестве терминов своих периодических рядов они использовали названия элементов и знаков зодиака, о которых мексиканцы, вероятно, ничего не знали. Но принцип был точно таким же. [\[395\]](#)

Столь же необычное соответствие обнаруживается между иероглифами, которыми ацтеки обозначали дни, и теми зодиакальными знаками, которые жители Восточной Азии использовали в качестве одного из терминов своей серии. Символы в монгольском календаре заимствованы у животных. Четыре из двенадцати совпадают с ацтекскими. Три других настолько близки друг к другу, насколько это позволяют различные виды животных в двух полушариях. Остальные пять не относятся ни к одному существу, обитавшему в то время в Анауаке. [\[396\]](#) Сходство простиралось настолько далеко, насколько это было возможно. [\[397\]](#) Сходство этих условных символов у нескольких народов Востока едва ли может не свидетельствовать об общем происхождении системы, касающейся их. Почему бы не сделать аналогичный вывод к календарю ацтеков, который, хотя и относился к дням, а не годам, был, как и азиатский, в равной степени приспособлен для хронологического использования и для гадания? [\[398\]](#)

Я опушу дальнейшее сходство с персами, проявляющееся в регулировании времени с помощью аналогичной системы пересчета; [\[399\]](#) и с египтянами в праздновании замечательного праздника зимнего солнцестояния; [\[400\]](#) поскольку, хотя совпадения и достаточно любопытны, они могут быть случайными и мало что добавляют к весомости предлагаемых доказательств. по соглашению в комбинациях столь сложного и искусственного характера, как те, что были указаны выше.

Среди этих интеллектуальных аналогий можно было бы ожидать встречи с *языком*, [\[401\]](#) средством интеллектуальной коммуникации, которое обычно обнаруживает следы своего происхождения, даже когда наука и литература, воплощенные в нем, сильно разошлись. Ни одно исследование, однако, не привело к удовлетворительным результатам. Языки, распространенные на Западном континенте, намного превосходят по количеству языки, встречающиеся у любого равного населения на Восточном. [\[402\]](#) Они демонстрируют замечательную аномалию, заключающуюся в том, что они так же сильно различаются по этимологии, как и сходятся по организации; и, с другой стороны, хотя в первом случае они имеют некоторое небольшое сходство с языками Старого Света, во втором они не имеют с ними никакого сходства. [\[403\]](#) На мексиканском говорили на протяжении трехсот лет. Но в пределах Новой Испании было обнаружено более двадцати языков; не просто диалекты, а во многих случаях радикально

отличающиеся друг от друга.^[404] Однако все эти идиомы, за одним исключением, соответствуют той своеобразной синтетической структуре, с помощью которой, по-видимому, сформировались все индейские диалекты, от страны эскимосов до Огненной земли;^[405] система, которая, объединяя наибольшее количество идей в минимально возможном объеме, сводит целые предложения в одно слово,^[406] демонстрирует любопытный механизм, в котором одни видят руку философа, а другие - только спонтанные усилия дикаря.^[407]

Обнаруженные этимологические сходства с древним континентом не очень многочисленны, и они взяты без разбора у всех племен, разбросанных по Америке. В целом, с идиомами Азии было обнаружено больше аналогий, чем с идиомами любого другого региона. Но их количество слишком незначительно, чтобы уравновесить противоположный вывод, вытекающий из полного различия структуры.^[408] Замечательное исключение можно найти в языке отоми, который охватывает более широкую территорию, чем любой другой, кроме мексиканского языка в Новой Испании,^[409] и который, как по своему односложному составу, так и по своему словарному запасу, демонстрирует исключительную близость к китайскому.^[410] Существование этого изолированного idioma в сердце этого огромного континента предлагает любопытную тему для размышлений, полностью выходящую за рамки истории.

Американские языки, столь многочисленные и широко разнообразные, представляют собой огромную область исследований, которая, несмотря на труды нескольких выдающихся филологов, еще предстоит изучить. Выводам, основанным на аналогии, можно доверять только после широкого сопоставления примеров. Трудность проведения таких сравнений возрастает со временем из-за легкости, которую особая структура индийских языков предоставляет для новых сочетаний; в то время как незаметное влияние контакта с цивилизованным человеком на их создание должно привести к еще большему недоверию к нашим выводам.

Теория азиатского происхождения цивилизации ацтеков находит более убедительное подтверждение в свете *традиции*, который, постоянно сияя с далекого Северо-запада, пробивается сквозь темные тени, которые история и мифология наложили на традиции страны. Традиции западного или северо-западного происхождения были обнаружены среди более варварских племен,^[411] и мексиканцами были сохранены как устно, так и на их иероглифических картах, где тщательно отмечены различные этапы их миграции. Но кто в наши дни будет их читать?^[412] Однако они, по общему признанию, согласны с представлением густонаселенного Севера как плодovitого улья американских рас.^[413] В этом квартале были расположены их Ацтлан и Уэуэлапаллан — светлые обители их предков, чьи воинственные подвиги соперничали с теми, которые тевтонские народы описали об Одине и мифических героях Скандинавии. Из этого района толтеки, чичимеки и родственные им расы науатлаков последовательно поднялись на огромное плато Анд, распространившись по его холмам и долинам вплоть до Мексиканского залива.^[414]

Антиквары усердно пытались обнаружить некоторые все еще сохранившиеся следы этих миграций. В северо-западных районах Новой Испании, на расстоянии тысячи миль от столицы, были обнаружены диалекты, свидетельствующие о близком родстве с мексиканским.^[415] Вдоль Рио-Хила можно увидеть остатки густонаселенных городов, вполне достойных ацтеков по своему стилю архитектуры.^[416] Местность к северу от великого Рио-Колорадо исследована недостаточно; но в более высоких широтах, в окрестностях Нутки, все еще существуют племена, диалекты которых, как по окончанию, так и по общему звучанию слов, имеют значительное сходство с мексиканским.^[417] Таковы остатки, действительно немногочисленные и слабые, которые все еще существуют, чтобы подтвердить истинность традиций, которые сами по себе оставались устойчивыми и последовательными на протяжении веков и миграций сменяющих друг друга рас.

Выводы, сделанные на основе интеллектуальных и моральных аналогий с Восточной Азией, в значительной степени подтверждаются выводами *физической природы*. Аборигены Западного мира отличались определенными особенностями организации, которые заставили физиологов

рассматривать их как отдельную расу. Эти особенности проявляются в их красноватом цвете лица, приближающемся к цвету корицы; в их прямых, черных и чрезвычайно блестящих волосах; в их тонкой бороде, обычно подстриженной; [\[418\]](#) у них высокие скулы, глаза, косо направленные к вискам, выдающиеся носы и узкие лбы, откидывающиеся назад с большим наклоном, чем у представителей любой другой расы, кроме африканской. [\[419\]](#) Однако от этого общего стандарта имеются отклонения таким же образом, если не в той же степени, что и в других частях земного шара, хотя на эти отклонения, по-видимому, не влияют те же законы местного положения. [\[420\]](#) Анатомы также обнаружили в черепах, извлеченных из курганов, и у жителей высокогорных равнин Кордильер, очевидное отличие от черепов более варварских племен. Особенно это заметно по более выпуклому лбу, указывающему на решительное интеллектуальное превосходство. [\[421\]](#) Установлено, что эти характеристики имеют близкое сходство с характеристиками монгольской семьи и особенно с народами Восточной Татарии; [\[422\]](#) так что, несмотря на определенные различия, признанные физиологами, черепа двух рас обычному наблюдателю было нелегко отличить друг от друга. Однако ни один вывод не может быть сделан с уверенностью без широкого спектра сравнений. Сделанные до сих пор были в основном основаны на образцах из варварских племен. [\[423\]](#) Возможно, более близкое сравнение с более цивилизованными может предоставить еще более убедительные доказательства близости. [\[424\]](#)

В поисках аналогий со Старым Светом мы не должны обходить молчанием *архитектурные остатки* этой страны, которые, действительно, благодаря своему сходству с пирамидальными сооружениями Востока, наводили не одного антиквара на мысль об общем происхождении. [\[425\]](#) Испанцы ввейдерсе, это правда, нападали на индейские постройки, особенно религиозного характера, со всей яростью фанатизма. Тот же дух сохранился и в поколениях, пришедших на смену. Война с памятниками страны никогда не прекращалась; и те немногие, которые пощадил фанатизм, почти все были снесены в служебных целях. От всех величественных зданий, столь превозносимых испанцами, впервые посетившими страну, в наши дни сохранилось едва ли больше следов, чем в некоторых из тех регионов Европы и Азии, которые когда-то изобиловали густонаселенными городами, великими рынками роскоши и торговли. [\[426\]](#) Тем не менее, некоторые из этих руин, такие как храм Хочикалько, [\[427\]](#) дворцы Тескотацинко, [\[428\]](#) колоссальный календарный камень в столице, имеют достаточную величину и выполнены с достаточным искусством. мастерство, свидетельствующее о механических способностях ацтеков, достойно сравнения с мастерством древних египтян.

Но если останки на мексиканской земле столь скудны, они множатся по мере того, как мы спускаемся по юго-восточному склону Кордильер, пересекаем богатую долину Оахака и проникаем в леса Чьяпы и Юкатана. Посреди этих пустынных регионов мы встречаемся с недавно обнаруженными руинами нескольких древних городов, Митлы, Паленке и Ицаланы или Ушмаля, [\[429\]](#) которые свидетельствуют о более высокой цивилизации, которая превосходит все, что было найдено на американском континенте; и, хотя эти города построили не мексиканцы, тем не менее, поскольку они, вероятно, являются работой родственных рас, настоящее исследование было бы неполным без некоторой попытки выяснить, какой свет они могут пролить на историю развития цивилизации. происхождение индейской, а следовательно, и ацтекской цивилизации. [\[430\]](#)

По соседству с руинами было найдено всего несколько произведений искусства. [\[431\]](#) Некоторые из них, состоящие из глиняных или мраморных ваз, фрагментов статуй и т.п., фантастичны и даже отвратительны; другие демонстрируют большое изящество и красоту дизайна, и, по-видимому, хорошо выполнены. [\[432\]](#) Может показаться странным, что в самих зданиях не было обнаружено ни железа, ни железных инструментов, учитывая, что использовались в основном гранитные материалы, очень твердые, тщательно обтесанные и отполированные. Зубила и топоры из красной меди были найдены среди больших гранитных блоков с фрагментами колонн и архитравов в каменоломнях недалеко от Митлы. [\[433\]](#) Орудия подобного рода были обнаружены также в каменоломнях близ Фив; и трудность, нет,

невозможность вырезания таких масс из живой породы любыми имеющимися у нас инструментами, кроме железных, утвердила изобретательного автора в предположении, что этот металл, должно быть, использовался египтянами, но что его склонность к разложению, особенно в азотистой почве, не позволила сохранить какие-либо его образцы.^[434] Однако по прошествии нескольких тысяч лет в остатках древности было найдено железо; и несомненно, что мексиканцы вплоть до Завоевания использовали только медные инструменты со сплавом олова и кремнистого порошка для обработки самых твердых камней, некоторые из которых имели огромные размеры.^[435] Этот факт с дополнительным обстоятельством, что только аналогичные инструменты были найдены в Центральной Америке, укрепляет вывод о том, что железо не было известно ни там, ни в Древнем Египте.

Но какие народы Старого Континента больше всего похожи по стилю архитектуры на замечательные памятники Чиапы и Юкатана? Точек сходства, вероятно, не будет ни многочисленных, ни решающих. Действительно, есть некоторая аналогия как с египетским, так и с азиатским стилем архитектуры в пирамидальных, террасообразных основаниях, на которых покоятся здания, напоминающие также тольтекские и мексиканские *теокалли*. Аналогичная забота наблюдается и у жителей обоих полушарий о том, чтобы скорректировать расположение своих зданий по сторонам света. Стены в обоих покрыты цифрами и иероглифами, которые, как на американском, так и на египетском языке, возможно, предназначены для записи законов и исторических анналов нации. Обнаружено, что эти фигуры, как и сами здания, были окрашены различными красителями, в основном киноварью;^[436] также любимый цвет египтян, которые расписывали свои колоссальные статуи и храмы из гранита.^[437] Несмотря на эти моменты сходства, архитектура Паленке мало что напоминает нам египетскую или восточную. Действительно, по перпендикулярному расположению стен, умеренному размеру камней и общему расположению частей он больше соответствует европейскому. Однако следует признать, что он обладает свойственным только ему самому характером оригинальности.

Более убедительные доказательства связи с Востоком можно было бы искать в их скульптуре и в общепринятых формах их иероглифов. Но скульптуры на зданиях Паленке выполнены рельефно, в отличие от египетских, которые обычно выполнены в *глубокой печати*. Египтяне были не очень успешны в изображении человеческой фигуры, которые выполнены на одной и той же неизменной модели, всегда в профиль, из-за большей простоты исполнения, которую представляет вид спереди; полный глаз расположен сбоку головы, в то время как лицо во всем похоже и совершенно лишено выражения.^[438] Художники Паленке были столь же неуклюжи в изображении различных положений тела, которые они также изображали в профиль. Но роли исполнены с большой точностью, а иногда и изящно; костюм богат и разнообразен; а украшенный орнаментом головной убор, типичный, возможно, как и у ацтеков, соответствует имени и положению изображаемого лица и по своему великолепию соответствует восточному вкусу. Выражение лица разнообразно и часто выразительно. Контур головы, всамом деле, самый необычный: она описывает почти полукруг ото лба к кончику носа и сужается к макушке, то ли из-за искусственного надавливания, практикуемого многими аборигенами, то ли из-за какого-то нелепого представления об идеальной красоте.^[439] Но, несмотря на превосходство в исполнении деталей, художник из Паленке намного уступал египтянину по количеству и разнообразию выставленных им предметов, которые в фиванских храмах изображают животных так же, как людей, и почти все мыслимые предметы обихода или изящного искусства.

На американских зданиях слишком мало иероглифов, чтобы можно было сделать какой-либо решающий вывод. Однако, сравнивая их с изображениями из Дрезденского кодекса, вероятно, из той же части страны,^[440] с изображениями на памятнике Хочикалько и с более грубым изобразительным письмом ацтеков, нелегко различить что-либо, указывающее на общую систему. Еще менее очевидно сходство с египетскими иероглифами, чьи изысканные сокращения почти приближаются к простоте алфавита. И все же письменность Паленке демонстрирует продвинутую

стадию развития искусства и, хотя и несколько неуклюжая, по общепринятым и произвольным формам иероглифов дает понять, что она была символической и, возможно, фонетической по своему характеру.^[441] Вряд ли стоит ожидать, что ее таинственный смысл когда-либо будет расшифрован. Язык расы, использовавшей его, и сама раса неизвестны. И маловероятно, что будет найден еще один розеттский камень с надписью на трех языках, который послужит поводом для сравнения и укажет американцу Шампольону путь открытий.

Невозможно созерцать эти таинственные памятники исчезнувшей цивилизации без сильного чувства любопытства относительно того, кто были их архитекторами и каков их вероятный возраст. Данные, на которых основываются наши предположения об их возрасте, не очень существенны; хотя некоторые находят в них подтверждение тысячелетней древности, ровесницы архитектуре Египта и Индостана.^[442] Но интерпретация иероглифов и кажущаяся продолжительность деревьев расплывчаты и неудовлетворительны.^[443] И насколько далеко мы можем зайти в аргументации из-за обесцвечивания и ветхого состояния руин, когда мы находим так много средневековых сооружений темными и трухлявыми от разложения, в то время как мрамор Акрополя и серый камень Пестума все еще сияют в своем первобытном великолепии?

Однако там можно найти несомненные доказательства значительного возраста. Посреди зданий выросли деревья, которые, как говорят, достигают более девяти футов в диаметре.^[444] Еще более поразительным фактом является скопление растительной плесени в одном из дворов на глубине девяти футов над тротуаром.^[445] Это на наших широтах свидетельствовало бы об очень глубокой древности. Но на богатой почве Юкатана и под палящим солнцем тропиков растительность разрастается с неудержимым изобилием, и поколения растений сменяют друг друга без перерыва, оставляя после себя отложения, которые погибли бы при северной зиме. Еще одним свидетельством их возраста является то обстоятельство, что в одном из дворов Ушмаля гранитная мостовая,^[446] на которой рельефно изображены фигуры черепах, почти гладко истерта ногами проходивших по ней толп;^[447] любопытный факт, наводящий на выводы как в отношении возраста, так и численности населения этого места. Наконец, у нас есть основания отнести датировку многих из этих руин к определенному периоду, поскольку они были найдены в заброшенном и, вероятно, полуразрушенном состоянии первыми испанцами, вторгшимися в страну. Их упоминания, действительно, кратки и случайны, поскольку древние завоеватели мало уважали произведения искусства;^[448] и этим сооружениям повезло, что они перестали быть живыми храмами богов, поскольку никакие архитектурные достоинства, вероятно, не спасли бы их от общей гибели памятников Мексики.

Если нам так трудно установить возраст этих зданий, что мы можем надеяться узнать об их архитекторах? Мало что можно узнать от грубых людей, которыми они окружены. Старый тецуканский хронист, которого я так часто цитирую, лучший авторитет в области традиций своей страны, сообщает, что тольтеки после распада своей империи, который он относит раньше, чем большинство авторитетных источников, к середине десятого века, мигрировав из Анауака, расселились по Гватемале, Теуантепеку, Кампичи, побережьям и соседним скучным островам по обе стороны Перешейка.^[449] Это утверждение, важное, учитывая его источник, подтверждается тем фактом, что несколько народов в этом квартале приняли системы астрономии и хронологии, а также жреческие институты, очень похожие на ацтекские,^[450] которые, как мы видели, также, вероятно, были заимствованы у тольтеков, их более утонченных предшественников на земле.

Если столь недавняя дата строительства американских зданий считается несовместимой с таким забвением их происхождения, то следует помнить, насколько ненадежной штукой является традиция и как легко разрываются звенья этой цепи. Строители пирамид были забыты еще до появления первых греческих историков.^[451] Антиквар до сих пор спорит, был ли ужасающий наклон этого архитектурного чуда, Пизанской башни, стоящей в самом центре густонаселенного города, результатом несчастного случая или преднамеренного замысла. И мы видели, как вскоре тецуканцы, жившие среди руин своих королевских дворцов, построенных незадолго до

Завоевания, забыли свою историю, в то время как более любознательный путешественник относит их строительство к какому-то отдаленному периоду до появления ацтеков.^[452]

Теперь читатель увидел основные моменты совпадения, на которых настаивали цивилизации древней Мексики и Восточного полушария. Представляя их ему, я постарался ограничиться теми, которые опираются на надежные исторические основания, и не столько высказать свое собственное мнение, сколько дать ему возможность составить его для себя. Однако на пути к этому есть некоторые материальные затруднения, о которых нельзя умалчивать. Они состоят не в объяснении того факта, что, хотя мифическая система и наука ацтеков дают некоторые поразительные аналогии с азиатскими, они должны отличаться гораздо большим; ибо то же самое явление наблюдается у народов Старого Света, которые, по-видимому, заимствовали друг у друга только те идеи, которые наилучшим образом соответствовали их особому гению и институтам. Трудность также не заключается в объяснении большого различия американских языков с языками другого полушария; ибо разница между ними не больше, чем между ними самими; и никто не будет утверждать об отдельном происхождении каждого из аборигенных племен.^[453] Но вряд ли возможно примирить знание восточной науки с полным незнанием некоторых наиболее полезных и привычных искусств, таких, например, как употребление молока и железа; искусств настолько простых, но столь важных для домашнего уюта, что однажды приобретенные они вряд ли могут быть утрачены.

У ацтеков не было полезных домашних животных. И мы видели, что они использовали бронзу в качестве замены железа для всех механических целей. Однако бизон, или дикая корова Америки, которая бесчисленными стадами бродит по великолепным прериям запада, дает молоко, как ручные животные того же вида в Азии и Европе;^[454] и железо было большими массами разбросано по поверхности плоскогорья. Тем не менее, в Восточной Азии были люди, достаточно цивилизованные, которые почти так же не привыкли к употреблению молока.^[455] Ареал обитания бизонов располагался не столько на западном побережье, сколько на восточных склонах Скалистых гор;^[456] и мигрирующий ацтек вполне мог сомневаться в том, что дикие, неотесанные монстры, которых он иногда видел с такой яростью скачущими по далеким равнинам, были способны к одомашниванию, подобно кротким животным, которых он оставил пастись на зеленых пастбищах из Азии. Железо тоже, хотя и встречалось на поверхности земли, было более прочным и более трудным в обработке, чем медь, которую он также находил в гораздо больших количествах на своем пути. Более того, возможно, что его миграция произошла до того времени, когда его народ использовал железо; поскольку мы видели не один народ в Старом Свете, использующий бронзу и медь при полном незнании, по-видимому, какого-либо более полезного металла.^[457] таково объяснение, действительно неудовлетворительное, но лучшее, что напрашивается само собой, этой любопытной аномалии.

Рассмотрение этих и подобных трудностей привело некоторых авторов к тому, что они считают древнюю американскую цивилизацию исключительно местной. В какую бы сторону мы ни повернулись, тема полна затруднений. Действительно, легко, сосредоточив внимание на одной его части, прийти к выводу. Таким образом, в то время как некоторые испытывают небольшие колебания, объявляя американскую цивилизацию изначальной, другие, с не меньшей уверенностью, усматривают в ней еврейское, или египетское, или китайское, или татарское происхождение, поскольку их глаза привлекает свет аналогии, слишком характерной исключительно для той или иной стороны. Количество противоречивых источников света само по себе затрудняет суждение и мешает нам прийти к точному и позитивному выводу. Действительно, притворство в столь сомнительном вопросе приводит в замешательство самый нефилософский ум. Однако там, где больше всего сомнений, часто больше всего догматизма.

Читатель предыдущих страниц, возможно, согласится с общими выводами, не поражающими своей новизной,

Во-первых, совпадения достаточно убедительны, чтобы обосновать предположение о том, что цивилизация Анауака находилась в некоторой степени под влиянием цивилизации Восточной Азии.

И, во-вторых, что расхождения таковы, что переносят общение в очень отдаленный период; настолько отдаленный, что это иностранное влияние было слишком слабым, чтобы существенно помешать росту того, что в своих существенных чертах можно рассматривать как своеобразную коренную цивилизацию. [\[458\]](#)

КНИГА II

ОТКРЫТИЕ МЕКСИКИ

ПОРТРЕТ Карла V.

Гутиль и Др. Париж

КНИГА II

ОТКРЫТИЕ МЕКСИКИ

ГЛАВА I

ИСПАНИЯ ПРИ КАРЛЕ V—ПРОГРЕСС ОТКРЫТИЙ—КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА—ЗАВОЕВАНИЕ КУБЫ—ЭКСПЕДИЦИИ
На ЮКАТАН

1516-1518

В начале шестнадцатого века Испания занимала, пожалуй, самое заметное положение на европейском театре военных действий. Многочисленные государства, на которые она так долго была разделена, были объединены в единую монархию. Мусульманский полумесяц, правивший там восемь веков, больше не появлялся на ее границах. Власть короны не затмевала, как в более поздние времена, низшие слои государства. Народ пользовался неоценимой привилегией политического представительства и пользовался ею с мужественной независимостью. Нация в целом могла похвастаться такой же высокой степенью конституционной свободы, как и любая другая в то время в христианском мире. При системе благотворных законов и справедливой администрации было обеспечено внутреннее спокойствие, установлен общественный кредит, начали процветать торговля, мануфактуры и даже более изящные искусства; в то время как высшее образование дало первые плоды той литературе, которой предстояло собрать столь богатый урожай до конца столетия. Вооружение за границей шло в ногу с искусством внутри страны. Испания обнаружила, что ее империя внезапно расширилась за счет важных приобретений как в Европе, так и в Африке, в то время как Новый Мир за океаном излил в ее руки несметные богатства и открыл безграничное поле для благородных начинаний.

Таково было состояние королевства в конце долгого и славного правления Фердинанда и Изабеллы, когда 23 января 1516 года скипетр перешел в руки их дочери Иоанны, или, скорее, их внука, ^[459] Карла Пятого, который единолично правил монархией в течение долгого и идиотского существования своей несчастной матери. В течение двух лет после смерти Фердинанда регентство в отсутствие Карла осуществлял кардинал Хименес, человек, чья бесстрашность, экстраординарные таланты и способность к великим предприятиям сопровождалась надменным духом, который делал его слишком безразличным к средствам их осуществления. Таким образом, его администрация, несмотря на прямоту его намерений, из-за его полного пренебрежения формами, была неблагоприятна для конституционной свободы, поскольку уважение к формам является существенным элементом свободы. Однако, при всех своих недостатках, Хименес был испанцем, и целью его сердца было благо его страны.

Иначе обстояло дело с прибытием Карла, который после долгого отсутствия прибыл чужеземцем в страну своих отцов. (Ноябрь 1517 г.) Его манеры, симпатии, даже его язык были иностранными, поскольку он с трудом говорил по-кастильски. Он мало знал о своей родной стране, о характере людей или их учреждениях. Казалось, он заботился о них еще меньше, в то время как его природная сдержанность препятствовала той свободе общения, которая могла бы, по крайней мере, в какой-то степени, компенсировать ошибки воспитания. Короче говоря, во всем он был иностранцем и подчинялся указаниям своих фламандских советников с покорностью, которая мало предвещала его будущего величия.

При въезде в Кастилию молодого монарха сопровождал рой придворных подхалимов, которые, как саранча, облепили все прибыльные и почетные места по всему королевству. Фламандец был назначен великим канцлером Кастилии; другой фламандец был назначен архиепископом Толедо. Они даже осмелились осквернить святость кортесов, вмешавшись в их

обсуждения. Тем не менее, эта организация не подчинилась покорно этим узурпациям, а дала выход своему возмущению, став представителями свободного народа. [\[460\]](#)

Поведение Карла, столь отличное от того, к которому привыкли испанцы при мягком правлении Фердинанда и Изабеллы, настроило против него сердца всех; и по мере того, как выяснялся его характер, вместо спонтанных проявлений лояльности, которые обычно приветствуют восшествие на престол нового и юного государя, он повсюду встречал противодействие и отвращение. В Кастилии, а затем в Арагоне, Каталонии и Валенсии палата общин не решалась присвоить ему титул *короля* при жизни его матери; и, хотя в конце концов они уступили этому пункту и объединили его имя с ее именем в суверенитете, все же они неохотно предоставили необходимые ему припасы, а когда сделали это, следили за их присвоением с бдительностью, которая мало что оставляла для удовлетворения алчности фламандцев. Язык законодательной власти в этих случаях, хотя и сдержанный и уважительный, дышит духом решительной независимости, которого, вероятно, не найти в парламентских отчетах какой-либо другой страны того периода. Неудивительно, что Карл рано проникся отвращением к этим народным собраниям — единственным органам, откуда столь неприятные истины могли дойти до ушей государя! [\[461\]](#) К сожалению, они не оказали никакого влияния на его поведение; пока недовольство, которому долгое время позволяли тлеть в тайне, не вылилось в ту печальную войну *коммунидадов*, которая потрясла государство до основания и закончилась подрывом его свобод. [\[462\]](#)

Такое же пагубное иностранное влияние ощущалось, хотя и гораздо менее ощутимо, в колониальной администрации. В предыдущее царствование это было передано в непосредственное ведение двух великих трибуналов, Совета Индии и *Каса де Контратакион*, или Индийского дома, в Севилье. Их делом было способствовать прогрессу открытий, наблюдать за зарождающимися поселениями и улаживать возникшие в них споры. Но лицензии, выданные частным искателям приключений, принесли больше пользы делу открытий, чем покровительство короны или ее должностных лиц. Длительный мир, которым Испания с небольшими перерывами пользовалась в начале шестнадцатого века, был самым благоприятным для этого; и неугомонный кавалер, который больше не мог снискивать лавры на полях Африки или Европы, с рвением обратился к блестящей карьере, открывавшейся перед ним за океаном.

Людям нашего времени, с детства знакомым как с самыми отдаленными местами на земном шаре, так и с теми, кто живет по соседству, трудно представить себе чувства людей, живших в шестнадцатом веке. Страшная тайна, которая так долго висела над великой пучиной, действительно была развеяна. Она больше не была окружена теми же неопределенными ужасами, что и тогда, когда Колумб пустил свой отважный барк по ее темным и неизвестным водам. Открылся новый и великолепный мир. Но что касается точного места, где находился этот мир, его протяженности, его истории, будь то остров или континент, — обо всем этом у них были очень смутные представления. Многие в своем невежестве слепо приняли ошибочный вывод, к которому великого адмирала привела его превосходная наука, — что новые страны были частью Азии; и когда моряк бродил среди Багамских островов или вел свою каравеллу по Карибским морям, ему казалось, что он вдыхает насыщенные ароматы островов пряностей в Индийском океане. Таким образом, каждое новое открытие, интерпретированное этим предыдущим заблуждением, подтверждало его ошибку или, по крайней мере, наполняло его разум новыми затруднениями.

Открывшаяся таким образом карьера обладала всеми прелестями отчаянного риска, на который авантюрист возлагал все свои надежды на богатство, славу и саму жизнь. Не часто, правда, ему доставался богатый приз, которого он больше всего желал; но тогда он был уверен, что добьется славы, едва ли менее дорогой его рыцарскому духу; и, если он выживет и вернется домой, у него будет что рассказать: удивительные истории об опасных приключениях среди незнакомых людей, которых он посетил, и о знойных краях, чье плодородие и великолепие растительности намного превосходили все, что он видел на своей родине. Эти сообщения подлили

масла в огонь воображения, уже подогретого изучением рыцарских рассказов, которые были любимым чтением испанцев в тот период. Таким образом, романтика и реальность воздействовали друг на друга, и душа испанца воспряла до той степени энтузиазма, которая позволила ему встретить ужасные испытания, стоявшие на пути первооткрывателя. Действительно, жизнь кавалера того времени была воплощением романтики. История его приключений в Новом Свете составляет одну из самых замечательных страниц в истории человечества.

Под влиянием этого рыцарского духа предприимчивости к началу правления Карла Пятого прогресс открытий распространился от Гондурасского залива, вдоль извилистых берегов Дарьена и южноамериканского континента до Рио-де-ла-Плата. Нуньес де Бальбоа, второй после Колумба в этом доблестном отряде “океанского рыцарства”, преодолел могучий барьер перешейка и открыл Тихий океан. Были исследованы Багамские и Карибские острова, а также полуостров Флорида на северном континенте. Этой последней точки достиг Себастьян Кабот во время своего спуска вдоль побережья Лабрадора в 1497 году. Таким образом, до 1518 года, периода, с которого начинается наше повествование, восточные границы обоих великих континентов были обследованы почти на всем их протяжении. Берега великого Мексиканского залива, однако, широким контуром уходящие далеко вглубь страны, вместе с лежащими за ними богатыми землями оставались по-прежнему скрытыми от глаз мореплавателя. Теперь пришло время для их открытия.

Бизнес колонизации шел в ногу с бизнесом открытий. На нескольких островах, в различных частях Суши и в Дариене были созданы поселения под контролем губернаторов, которые влияли на состояние и власть вице-королей. Колонистам были предоставлены земельные наделы, на которых они выращивали натуральные продукты почвы, но еще больше внимания уделяли сахарному тростнику, завезенному с Канарских островов. Сахар, действительно, вместе с прекрасными местными красильными породами дерева и драгоценными металлами составлял почти единственные статьи экспорта в период зарождения колоний, которые еще не ввезли в страну те другие основные товары вест-индской торговли, которые в наши дни составляют ее главное богатство. И все же драгоценные металлы, с трудом добытые из нескольких скудных источников, принесли бы ничтожную прибыль, если бы не безвозмездный труд индейцев.

Жестокая система *репартиментиос*, или распределения индейцев в качестве рабов среди завоевателей, была подавлена Изабеллой. Хотя впоследствии это было одобрено правительством, оно подверглось самым тщательным ограничениям. Но невозможно допускать преступление наполовину, то есть разрешать несправедливость вообще и надеяться регулировать ее меру. Красноречивые протесты доминиканс, посвятивших себя благу делу обращения в Новом Свете с тем же рвением, с каким они выступали против преследований в Старом, но, прежде всего, протесты Лас Касаса, побудили регента Хименеса направить комиссию со всеми полномочиями для расследования предполагаемых жалоб и их устранения. Кроме того, он обладал полномочиями расследовать поведение государственных служащих и пресекать любые злоупотребления в их администрации. Эта чрезвычайная комиссия состояла из трех монахов-иеронимитов и выдающегося юриста, все люди образованные и безупречно набожные.

Они провели расследование очень беспристрастно, но после долгих размышлений пришли к заключению, крайне неблагоприятному для требований Лас Касаса, который настаивал на полной свободе туземцев. Этот вывод они обосновывали тем, что индейцы не стали бы трудиться без принуждения и что, если бы они не трудились, их нельзя было бы ни ввести в общение с белыми, ни обратить в христианство. Что бы мы ни думали об этом аргументе, его, несомненно, искренне отстаивали его сторонники, чье поведение на протяжении всей их административной деятельности ставит их мотивы выше подозрений. Они сопровождали его множеством тщательных мер по защите туземцев. Но тщетно. Простой народ, привыкший всю свою жизнь к праздности и беззаботности, пал под гнетом своих хозяев, и население истощалось с еще более ужасающей быстротой, чем аборигены в нашей собственной стране под действием других причин. Нет необходимости

вдаваться в дальнейшие подробности, к которым меня привело желание ознакомить читателя с общей политикой и положением дел в Новом Свете в период, с которого начинается настоящее повествование. [\[463\]](#)

Из открытых островов Куба была вторым; но при жизни Колумба не предпринималось попыток основать там колонию, который, действительно, обогнув все ее южное побережье, умер в убеждении, что это часть континента. [\[464\]](#) Наконец, в 1511 году Диего, сын и преемник “адмирала”, который все еще сохранял резиденцию правительства на Эспаньоле, [\[465\]](#) обнаружив, что рудники там сильно истощены, предложил оккупировать соседний остров Кубу, или Фернандина, как его называли в честь испанского монарха. [\[466\]](#) Он подготовил небольшой отряд для завоевания, который отдал под командование дону Диего Веласкесу; человек, описанный современником как “обладающий значительным опытом в военном деле, семнадцать лет прослуживший в европейских войнах; честный, прославленный своим происхождением и репутацией, жадный до славы и несколько более жадный до богатства”. [\[467\]](#) Портрет был набросан не недоброжелательной рукой.

Веласкес, или, скорее, его заместитель Нарваес, взявший на себя прочесывание страны, не встретил серьезного сопротивления со стороны местных жителей, которые были из одной семьи с женоподобными уроженцами Эспаньолы. Завоевание, благодаря милосердному вмешательству Лас Касаса, “защитника индейцев”, сопровождавшего армию в ее походе, было совершено без особого кровопролития. Действительно, один вождь по имени Хатуэй, бежавший первоначально из Сан-Доминго, спасаясь от притеснений захватчиков, оказал отчаянное сопротивление, за что Веласкес приговорил его к сожжению заживо. Именно он произнес тот памятный ответ, более красноречивый, чем целый том ругательств. Когда на костре его убеждали принять христианство, чтобы его душа могла попасть на небеса, он спросил, отправятся ли туда белые люди. Получив утвердительный ответ, он воскликнул: “Тогда я не буду христианином, потому что я не хотел бы снова идти туда, где мне приходится сталкиваться с такими жестокими людьми!” [\[468\]](#)

После завоевания Веласкес, ныне назначенный губернатором, усердно занимался мерами по содействию процветанию острова. Он основал ряд поселений, носящих те же названия, что и современные города, и сделал Сент-Яго, [\[469\]](#) в юго-восточном углу резиденцией правительства. [\[470\]](#) Он пригласил поселенцев, щедро предоставив землю и рабов. Он поощрял их возделывать землю и уделял особое внимание сахарному тростнику, столь прибыльному предмету торговли в более поздние времена. Прежде всего, он был намерен разрабатывать золотые прииски, которые сулили более высокую прибыль, чем на Эспаньоле. Дела его правительства не мешали ему, тем временем, часто с тоской поглядывать на открытия, происходящие на континенте, и он страстно желал получить возможность самому пуститься в эти золотые приключения. Фортуна предоставила ему случай, которого он желал.

Один *идальго* с Кубы по имени Эрнандес де Кордова отправился на трех судах в экспедицию на один из соседних Багамских островов в поисках индейских рабов. [\[471\]](#) (8 февраля 1517 г.) Он столкнулся с чередой сильных штормов, которые сильно сбили его с курса, и по прошествии трех недель он оказался у незнакомого побережья. Когда он сошел на берег и спросил название страны, туземцы ответили: “*Тектетан*”, что означало “Я вас не понимаю”, — но испанцы, неверно истолковав название места, легко извратили его как “Юкатан”. Некоторые авторы приводят иную этимологию. [\[472\]](#) Однако такие ошибки не были редкостью у первых первооткрывателей и послужили источником многих названий на американском континенте. [\[473\]](#)

Кордова высадился на северо-восточной оконечности полуострова, у мыса Каточе. Он был поражен размерами и прочностью материалов зданий, построенных из камня и извести, так непохожих на хрупкие жилища из тростника, которые составляли жилища островитян. Он также был поражен более высокой обработкой почвы и нежной текстурой хлопчатобумажной одежды и золотых украшений туземцев. Все указывало на цивилизацию, намного превосходящую все, что он видел раньше в Новом Свете. Более того, он видел признаки другой расы, в воинственном духе

людей. Слухи об испанцах, возможно, предшествовали им, поскольку их неоднократно спрашивали, не с востока ли они прибыли; и где бы они ни высаживались, их встречали с самой смертельной враждебностью. Сам Кордова в одной из своих стычек с индейцами получил более дюжины ран, и только один человек из его отряда остался невредимым. Наконец, когда он проплыл вдоль побережья полуострова до Кампичи, он вернулся на Кубу, куда добрался после нескольких месяцев отсутствия, претерпев все те крайние страдания, которые иногда приходилось переносить этим первопроходцам океана и которые не смог бы пережить никто, кроме самого отважного духа. Как бы то ни было, половина от первоначального числа, состоявшего из ста десяти человек, погибла, включая их храброго командира, который умер вскоре после своего возвращения. Отчеты, которые он привез из страны, и, что еще важнее, образцы золота необычной обработки убедили Веласкеса в важности этого открытия, и он со всей поспешностью приготовился воспользоваться им. [\[474\]](#)

Соответственно, он снарядил небольшую эскадру из четырех судов для исследования новооткрытых земель и передал ее под командование своего племянника Хуана де Грихальвы, человека, на честность, благоразумие и привязанность к себе которого, как он знал, он мог положиться. Флот покинул порт Сан-Яго-де-Куба 1 мая 1518 года. [\[475\]](#) [\[476\]](#) Он следовал курсом Кордовы, но его отнесло несколько южнее, и первой сушей, которую он достиг, был остров Косумель. Из этого квартала Гриджайва вскоре перешел на континент и обогнул полуостров, остановившись в том же месте, что и его предшественник. Повсюду он, как и он сам, был поражен свидетельствами более высокой цивилизации, особенно в архитектуре; как и вполне могло быть, поскольку именно здесь находились те необычные останки, которые недавно стали предметом стольких спекуляций. Он также был поражен при виде больших каменных крестов, очевидно, предметов поклонения, которые он встречал в разных местах. Напомнив этим обстоятельствам о своей собственной стране, он дал полуострову название “Новая Испания”, которое с тех пор распространилось на гораздо более широкую территорию. [\[477\]](#)

Где бы Грихальва ни приземлялся, он сталкивался с таким же недружелюбным приемом, как и Кордова; хотя он пострадал меньше, будучи лучше подготовленным к встрече с ним. В *Рио-де-Табаско*, или *Грихальве*, как его часто называют в его честь, он провел дружеское совещание с вождем, который подарил ему несколько золотых пластин, выполненных в виде своего рода доспехов. Когда он огибал мексиканское побережье, один из его капитанов, Педро де Альварадо, впоследствии прославившийся в походе, вошел в реку, которой он также оставил свое имя. В соседнем ручье, получившем название *Рио-де-Вандерас*, или “Река знамен”, из-за эмблем, вывешенных местными жителями на его границах, Грихальва впервые пообщался с самими мексиканцами.

Касик, правивший этой провинцией, получил известие о приближении европейцев и об их необычном появлении. Ему не терпелось собрать всю возможную информацию о них и мотивах их визита, чтобы передать ее своему хозяину, императору ацтеков. [\[478\]](#) Дружеское совещание сторон состоялось на берегу, где Грихальва высадился со всеми своими силами, чтобы произвести соответствующее впечатление на вождя варваров. Беседа длилась несколько часов, однако, поскольку ни с одной из сторон не было никого, кто мог бы переводить язык другой, они могли общаться только знаками. Они, однако, обменялись подарками, и испанцы с удовлетворением получили за несколько ничего не стоящих игрушек и безделушек богатое сокровище из драгоценных камней, золотых украшений и сосудов самых фантастических форм и работы. [\[479\]](#)

Теперь Грихальва думал, что в этом успешном движении — успешном, превосходящем его самые оптимистичные ожидания, — он достиг главной цели своей миссии. Он упорно отказывался от просьб своих последователей основать колонию на этом месте, что представляло немалую трудность в такой густонаселенной и могущественной стране, какой казалась эта. Он действительно был склонен к этому, но считал, что это противоречит его инструкциям, которые ограничивали его торговлю с туземцами. Поэтому он отправил Альварадо на одной из каравелл

обратно на Кубу с сокровищами и теми сведениями, которые тот собрал о великой империи во внутренних районах страны, а затем продолжил свое путешествие вдоль побережья.

Он побывал в Сан-Хуан-де-Улуа и на *Острове Жертвоприношений*, названном им так из-за окровавленных останков человеческих жертв, найденных в одном из храмов. Затем он продолжил свой путь до провинции Пануко, где, столкнувшись с некоторыми трудностями при обходе бурного мыса, вернулся по своему следу и после почти шестимесячного отсутствия благополучно достиг Кубы. Грихальва прославился тем, что был первым мореплавателем, ступившим на мексиканскую землю и начавшим общение с ацтеками. [\[480\]](#)

Добравшись до острова, он с удивлением узнал, что для продолжения его собственных открытий было установлено другое, более грозное вооружение, и в то же время получил от губернатора приказ, выраженный не очень вежливым языком, немедленно отправляться в Сен-Яго. Этот человек принял его не просто холодно, но и с упреками в том, что он пренебрег столь прекрасной возможностью основать колонию в стране, которую он посетил. Веласкес был одним из тех придиричивых людей, которые, когда что-то не укладывается у них в голове, обязательно перекладывают ответственность за неудачу со своих собственных плеч, где она и должна лежать, на плечи других. У него была неблагородная натура, говорит старый писатель, легковверный характер, и он легко впадал в подозрительность. [\[481\]](#) В данном случае это было совершенно незаслуженно. Грихальва, от природы скромный человек, действовал, повинаясь инструкциям своего командира, данным перед отплытием, и делал это вопреки своему собственному суждению и назойливости своих последователей. Его поведение заслуживало чего угодно, только не порицания со стороны его работодателя. [\[482\]](#)

Когда Альварado вернулся на Кубу со своим золотым грузом и отчетами о богатой мексиканской империи, которые он собрал у местных жителей, сердце губернатора наполнилось восторгом, когда он увидел, что его мечты о скупости и честолюбии, по всей вероятности, осуществляются. Раздраженный долгим отсутствием Грихальвы, он отправил на его поиски судно под командованием Олида, кавалера, впоследствии сыгравшего важную роль в Завоевании. В конце концов он решил оснастить страну другим вооружением в достаточном количестве, чтобы обеспечить покорение страны.

Ранее он обратился за разрешением на это к комиссии иеронимитов в Сан-Доминго. Затем он отправил своего капеллана в Испанию с королевской долей золота, привезенного из Мексики, и полным отчетом о собранных там разведданных. Он сам оказал многочисленные услуги и потребовал от двора всех полномочий для продолжения завоевания и колонизации новооткрытых регионов. [\[483\]](#) Прежде чем получить ответ, он начал подготовку к вооружению и, прежде всего, попытался найти подходящего человека, который разделит бы расходы на это и принял бы командование. Такого человека он нашел, после некоторых трудностей и задержек, в Эрнандо Кортесе; человек, из всех других лучше всего приспособленный для осуществления этого великого предприятия, — последний человек, которому Веласкес, если бы он мог предвидеть результаты, доверил бы это.

ПОРТРЕТ ЭРНАНДО КОРТЕСА

Гутилья и К° Парижа

ГЛАВА II

ЭРНАНДО КОРТЕС —ЕГО РАННИЕ ГОДЫ —ПОСЕЩЕНИЕ НОВОГО СВЕТА—ЕГО РЕЗИДЕНЦИЯ На КУБЕ—ТРУДНОСТИ С ВЕЛАСКЕСОМ—АРМАДА ДОВЕРЕНА КОРТЕСУ

1518

НЭРНАНДО КОРТЕС родился в Медельине, городке в юго-восточной части эстремадуры, [\[484\]](#) в 1485 году. [\[485\]](#) Он происходил из древнего и уважаемого рода, и историки потакали национальному тщеславию, прослеживая его происхождение до лангобардских королей, потомки которых перешли Пиренеи и обосновались в Арагоне при готской монархии. [\[486\]](#) Эта королевская генеалогия была раскрыта только после того, как Кортес приобрел имя, которое выделяло бы любое происхождение, каким бы благородным оно ни было. Его отец, Мартин Кортес де Монрой, был капитаном пехоты, жил в скромных условиях, но человеком незапятнанной чести; и как он, так и его жена, донья Каталина Писарро Альтамирано, по-видимому, пользовались большим уважением за свои превосходные качества. [\[487\]](#)

Говорят, что в младенчестве у Кортеса было слабое телосложение, которое укреплялось по мере взросления. [\[488\]](#) В четырнадцать лет его отправили в Саламанку, поскольку его отец, возлагавший большие надежды на его быстрые и эффектные роли, предложил обучить его юриспруденции - профессии, которая давала молодому претенденту больше стимулов, чем любая

другая. Сын, однако, не разделял этих взглядов. Он не проявлял особой любви к книгам и, проучившись два года в колледже, вернулся домой, к великому огорчению своих родителей. И все же его время не было потрачено впустую, поскольку он накопил небольшой запас латыни и научился писать хорошую прозу и даже стихи, “заслуживающие некоторой оценки, учитывая”, как остроумно заметил один старый писатель, “Кортеса как автора”.^[489] Теперь он проводил свои дни в праздной, бесполезной манере человека, который, слишком своенравный, чтобы руководствоваться другими, не ставит перед собой никакой цели. Его жизнерадостный настрой постоянно проявлялся в беспокойных шалостях и капризном настроении, что совершенно не соответствовало упорядоченным привычкам в доме его отца. Он проявлял особую склонность к военной профессии, или, скорее, к жизни, полной приключений, к которой в те дни она, несомненно, вела. И когда в возрасте семнадцати лет он предложил записаться под знамена Великого Полководца, его родители, вероятно, считая, что жизнь, полная лишений и опасностей за границей, предпочтительнее безделья дома, не возражали.

Однако юный кавалер колебался, искать ли счастья под началом этого победоносного вождя или в Новом Свете, где можно было завоевать не только славу, но и золото и где сами опасности таили в себе тайну и романтику, невыразимо завораживающую юношеское воображение. Соответственно, именно в этом направлении нашло выход горячее настроение того дня, особенно в той части страны, где жил Кортес, в окрестностях Севильи и Кадиса, где сосредоточились морские предприятия. Он выбрал этот последний путь, и возможность представилась благодаря великолепному вооружению, снаряженному доном Николасом де Овандо, преемником Колумба. Несчастный случай разрушил цель Кортеса.^[490]

Однажды ночью, когда он взбирался на высокую стену, что дало ему доступ в квартиру дамы, с которой он был вовлечен в интригу, камни подались, и он был сброшен вниз с большой силой и погребен под развалинами. Тяжелая контузия, хотя и не сопровождавшаяся другими серьезными последствиями, приковала его к постели до отплытия флота.^[491]

Еще два года он оставался дома, не извлекая, как могло показаться, большой пользы из полученного урока. Наконец он воспользовался другой возможностью, представившейся ему отправлением небольшой эскадры судов к индийским островам. Ему было девятнадцать лет, когда он попрощался со своими родными берегами в 1504 году, в тот самый год, когда Испания потеряла лучшего и величайшего из своей длинной династии принцев, Изабеллу Католичку.

Судном, на котором плыл Кортес, командовал некто Алонсо Кинтеро. Флот зашел на Канарские острова, как это было обычным делом при выходе за границу. В то время как другие суда были задержаны там для перевозки припасов, Кинтеро ночью тайно покинул острова, намереваясь добраться до Эспаньолы и захватить рынок сбыта до прибытия своих спутников. Однако яростный шторм, с которым он столкнулся, сорвал мачты с его корабля, и он был вынужден вернуться в порт и отремонтировать его. Конвой согласился подождать своего недостойного партнера, и после короткого задержания они снова отправились в путь всей компанией. Но вероломный Кинтеро, когда они приблизились к островам, снова воспользовался ночной темнотой, чтобы покинуть эскадру с той же целью, что и раньше. К несчастью для него, он столкнулся с чередой сильных штормов и встречных ветров, которые сбили его с курса, и он полностью сбился со счета. В течение многих дней судно швыряло из стороны в сторону, и все на борту были полны дурных предчувствий и немалого негодования против виновника их бедствий. Наконец однажды утром они обрадовались, увидев белого голубя, который, утомленный своим полетом, сел на топ-мачту. Биографы Кортеса говорят об этом как о чуде.^[492] К счастью, это было не чудо, а вполне естественное явление, неопровержимо свидетельствующее о том, что они находились недалеко от суши. За короткое время, следуя направлению птичьего полета, они достигли острова Эспаньола; и, войдя в порт, достойный капитан с удовлетворением обнаружил, что его товарищи прибыли раньше него, а их груз уже продан.^[493]

Сразу же по прибытии Кортес направился в дом губернатора, которому он был лично известен в Испании. Овандо отсутствовал в экспедиции в глубь страны, но молодой человек был любезно принят секретарем, который заверил его, что не будет никаких сомнений в том, что он получит щедрый грант на землю для поселения. “Но я пришел добывать золото, - ответил Кортес, - а не возделывать землю, как крестьянин”.

По возвращении губернатора Кортес согласился отказаться от своих блуждающих мыслей, по крайней мере на время, поскольку тот пытался убедить его, что у него будет больше шансов реализовать свои желания благодаря медленной, но верной отдаче от земледелия, где земля и работники были бесплатным подарком плантатору, чем рискуя в лотерее приключений, в которой было так много свободных мест для получения приза. Соответственно, он получил земельный надел с *репартименто* индейцев и был назначен нотариусом города или поселения Асуа. Его более серьезные занятия, однако, не помешали ему потакать любовным наклонностям, присущим солнечному климату, в котором он родился; и это часто вовлекало его в дела чести, из-за которых, хотя он и был опытным фехтовальщиком, он унес шрамы, которые сопровождали его до могилы. ^[494] Более того, время от времени он находил способ нарушить монотонность своего образа жизни, участвуя в военных экспедициях, которые под командованием лейтенанта Овандо Диего Веласкеса использовались для подавления восстаний местных жителей. В этой школе молодой искатель приключений впервые изучил дикую тактику индейской войны; он познакомился с тяжелым трудом и опасностью, и с теми жестокими поступками, которые, увы, случались слишком часто! запятнал яркие гербы кастильского рыцарства в Новом Свете. Только болезнь помешала ему — в данном случае весьма удачная — принять участие в экспедиции Никуэссы, которая стала рассказом о горе, не часто встречающемся в анналах испанских открытий. Провидение приберегло его для более высоких целей.

Наконец, в 1511 году, когда Веласкес предпринял завоевание Кубы, Кортес добровольно отказался от своей спокойной жизни ради открывшихся там волнующих сцен и принял участие в экспедиции. На протяжении всего вторжения он проявлял активность и мужество, которые снискали ему одобрение командира; в то время как его свободные и сердечные манеры, хорошее настроение и живые остроумные выпады сделали его любимцем солдат. “Он мало свидетельствовал, - говорит современник, - о тех замечательных качествах, которые проявил впоследствии”. Вероятно, эти качества не были известны ему самому; в то время как обычному наблюдателю его небрежные манеры и шутливые реплики вполне могли показаться несовместимыми с чем-либо серьезным или глубокомысленным; поскольку истинная глубина течения не подозревается под легкой игрой и солнечным сверканием поверхности. ^[495]

После сокращения территории острова Кортес, похоже, пользовался большим расположением Веласкеса, теперь назначенного его губернатором. По словам Лас Касаса, его сделали одним из его секретарей. ^[496] Он все еще сохранял ту же склонность к галантности, которая давала очевидные преимущества его красивой фигуре, но которая не раз доставляла ему неприятности в прежней жизни. Среди семей, поселившихся на Кубе, была одна по фамилии Суарес из Гранады в Старой Испании. Она состояла из брата и четырех сестер, замечательных своей красотой. В одну из них, по имени Каталина, влюбилось восприимчивое сердце молодого солдата. ^[497] Насколько далеко зашла эта близость, не совсем ясно. Но, похоже, он дал свое обещание жениться на ней, — обещание, которое, когда пришло время и разум, возможно, взял верх над страстью, он не проявил желания выполнить. Он действительно сопротивлялся всем увещаниям на этот счет со стороны семьи леди, поддержанным губернатором, и, без сомнения, несколько обострил в последнем особый интерес, который он проявлял к одной из прекрасных сестер, которая, как говорят, не отплатила ему неблагодарностью.

То ли упрек Веласкеса, то ли какая-то другая причина отвращения терзали сердце Кортеса, но теперь он охладил к своему покровителю и примкнул к недовольной партии, довольно многочисленной на острове. У них была привычка собираться в его доме и размышлять о

причинах своего недовольства, основанного, по-видимому, главным образом на том, что они считали плохим вознаграждением за свои услуги по распределению земель и должностей. Нетрудно представить, что для правителя одной из этих колоний, каким бы осмотнительным и благонамеренным он ни был, было нелегкой задачей удовлетворить безграничную жажду спекулянтов и авантюристов, которые, подобно множеству изголодавшихся гарпий, устремились на поиски Нового Света. [\[498\]](#)

Недовольные мужчины решили обратиться со своими жалобами к высшим властям Эспаньолы, от которых Веласкес получил свое назначение. Путешествие было довольно рискованным, поскольку его предстояло совершить в открытой лодке через морской рукав шириной в восемнадцать лиг; и они остановили свой выбор на Кортесе, с бесстрашием которого они были хорошо знакомы, как на самом подходящем человеке для этого. О заговоре пронюхали и дошли до ушей губернатора перед отъездом посланника, которого он немедленно приказал схватить, заковать в кандалы и поместить в строгое заточение. Говорят даже, что он повесил бы его, если бы не вмешательство его друзей. [\[499\]](#) В этом факте нет ничего невероятного. Губернаторы этих маленьких территорий, полностью распоряжавшиеся судьбами своих подданных, пользовались властью гораздо более деспотической, чем у самого государя. Как правило, это были люди высокого ранга и личного уважения; удаленность от метрополии не позволяла их поведению подвергаться тщательному анализу, и, когда это все-таки происходило, в их распоряжении обычно были интересы и средства подкупа, достаточные, чтобы оградить их от наказания. Испанская колониальная история на ее ранних этапах дает поразительные примеры необычайного присвоения и злоупотребления властью этими мелкими властителями; и печальная судьба Васкеса Нуньеса де Бальбоа, прославленного первооткрывателя Тихого океана, хотя и является наиболее показательным, ни в коем случае не является единственным примером того, что величайшие заслуги могут быть вознаграждены преследованиями и позорной смертью.

Однако губернатор Кубы, хотя и вспыльчивый и подозрительный по своей натуре, не кажется ни мстительным, ни особенно жестоким. В данном случае, действительно, вполне можно усомниться в том, что вина не была бы более обоснованно возложена на необоснованные ожидания его последователей, чем на него самого.

Кортес недолго оставался в дюрансе. Он ухитрился откинуть один из болтов своих оков и, освободив свои конечности, сумел с помощью оков открыть окно, чтобы совершить побег. Его поселили на втором этаже здания, и он смог спуститься на тротуар, не пострадав и оставшись незамеченным. Затем он сделал все возможное, чтобы добраться до соседней церкви, где потребовал привилегии убежища.

Веласкес, хотя и был разгневан его побегом, побоялся нарушить святость этого места, применив силу. Но он расставил по соседству стражу с приказом схватить беглеца, если тот забудется настолько, что покинет святилище. Через несколько дней это случилось. Когда Кортес небрежно стоял у стены перед зданием, *альгуасиль* внезапно набросился на него сзади и скрутил ему руки, в то время как другие ворвались и обезопасили его. Этот человек, которого звали Хуан Эскудеро, впоследствии был повешен Кортесом за какое-то преступление в Новой Испании. [\[500\]](#)

На незадачливого узника снова надели кандалы и перенесли на борт судна, которое на следующее утро отплыло на Эспаньолу, чтобы там предстать перед судом. Удача снова была к нему благосклонна. С большим трудом и немалой болью ему удалось просунуть ноги сквозь кольца, которые их сковывали. Затем он осторожно вышел на палубу и, прикрываемый ночной тьмой, тихо прокрался по борту корабля в лодку, которая плавала внизу. Он оттолкнулся от судна как можно тише. По мере того, как он приближался к берегу, течение становилось быстрым и бурным. Он не решался доверить ему свою лодку и, поскольку был превосходным пловцом, приготовился сам взяться за нее и смело нырнул в воду. Течение было сильным, но рука человека, борющегося за жизнь, оказалась сильнее; и после того, как он боролся с волнами почти до изнеможения, ему удалось выбраться на берег; тогда он искал убежища в том же самом

святилище, которое защищало его раньше. Легкость, с которой Кортес во второй раз совершил свой побег, может заставить усомниться в преданности его охранников, которые, возможно, смотрели на него как на жертву преследования и чувствовали влияние тех народных нравов, которые, по-видимому, приобретали ему друзей во всех обществах, в которые он попадал. [\[501\]](#)

По какой-то необъяснимой причине, возможно, из соображений политики, он отказался от своих возражений против брака с Каталиной Суарес. Таким образом, он заручился добрыми услугами ее семьи. Вскоре после этого сам губернатор смягчился и примирился со своим несчастным врагом. В связи с этим событием рассказывается странная история. Говорят, что его гордый дух отказался принять предложения о примирении, сделанные ему Веласкесом; и что однажды вечером, покидая святилище, он неожиданно предстал перед последним в его собственных покоях, когда совершал военную вылазку на некотором расстоянии от столицы. Губернатор, пораженный внезапным появлением перед ним полностью вооруженного врага, с некоторым смятением поинтересовался, что это значит. В ответ Кортес потребовал полного объяснения своего предыдущего поведения. После некоторого горячего обсуждения беседа закончилась мирно; стороны обнялись, и, когда прибыл гонец с известием о побеге Кортеса, он нашел его в апартаментах его превосходительства, где, удалившись на покой, оба фактически спали в одной постели! Этот анекдот без тени недоверия повторяют более чем один биограф Кортеса. [\[502\]](#) Однако не очень вероятно, чтобы такой надменный, вспыльчивый человек, как Веласкес, проявил столь необычные доказательства снисхождения и фамильярности к человеку, стоящему намного ниже его по положению, с которым он так недавно был в смертельной вражде; и, с другой стороны, чтобы у Кортеса хватило глупой безрассудности бросить вызов льву в его логове, где один кивок отправил бы его на виселицу, — и это тоже без малейших угрызений совести или страха перед последствиями, как при казни индейца. рабыня. [\[503\]](#)

Примирение с губернатором, как бы оно ни было достигнуто, было постоянным. Кортес, хотя и не был восстановлен в должности секретаря, получил либеральный *репартимент* индейцев и обширную территорию в окрестностях Сан-Яго, где вскоре после этого он был назначен *алькальдом*. Теперь он почти полностью жил в своем поместье, посвятив себя сельскому хозяйству с большим рвением, чем раньше. Он снабдил свою плантацию различными видами крупного рогатого скота, некоторые из которых были впервые завезены им на Кубу. [\[504\]](#) Он также разрабатывал золотые прииски, которые выпали на его долю и которые на этом острове сулили большую прибыль, чем на Эспаньоле. Благодаря такому прилежанию он через несколько лет стал владельцем примерно двух-трех тысяч *кастельано*, что для человека в его положении было большой суммой. “Бог, который один знает, какой ценой жизнью индейцев это было получено, - восклицает Лас Касас, - ответит за это!” [\[505\]](#) Его дни плавно текли в этих безмятежных занятиях и в обществе его прекрасной жены, которая, хотя и не подходила для связи из-за неполноценности своего положения, по-видимому, соответствовала всем требованиям верного и любящего партнера. Действительно, в то время часто можно было услышать, как он говорил, как замечает процитированный выше добрый епископ, “что он жил с ней так счастливо, как если бы она была дочерью герцогини”. Судьба дала ему возможность в загробной жизни проверить истинность своего утверждения. [\[506\]](#)

Таково было положение вещей, когда Альварадо вернулся с известием об открытиях Грихальвы и богатых плодах его торговли с туземцами. Новость распространилась по острову подобно лесному пожару, ибо все увидели в ней обещание более важных результатов, чем какие-либо до сих пор достигнутые. Губернатор, как уже было замечено, решил пойти по следу открытия с более значительным вооружением; и он огляделся в поисках подходящего человека, который разделит бы расходы на это и принял бы командование.

Явились несколько идальго, которых он одного за другим отвергал из-за отсутствия надлежащей квалификации или из-за своего недоверия к тому, что они предполагают независимость от своего работодателя. В Сан—Яго было два человека, которым он очень доверял,

- Амадор де Ларес, *контадор*, или королевский казначей, [\[507\]](#) и его личный секретарь Андрес де Дуэрро. Кортес также был в тесной близости с обоими этими людьми; и он воспользовался этим, чтобы убедить их рекомендовать его как подходящего человека для участия в экспедиции. Говорят, что он подкрепил это предложение, пообещав щедрую долю доходов от него. Как бы то ни было, стороны настаивали на его избрании губернатором со всем красноречием, на которое были способны. Этот офицер имел достаточный опыт в отношении способностей и мужества кандидата. Он также знал, что приобрел состояние, которое позволит ему оказать материальную помощь в оснащении вооружения. Его популярность на острове быстро привлекла бы последователей его стандарта. [\[508\]](#) Вся прошлая вражда давным-давно была предана забвению, и доверие, которое он теперь питал к нему, гарантировало бы его верность и благодарность. Поэтому он охотно прислушался к рекомендациям своих советников и, послав за Кортесом, объявил о своем намерении назначить его капитан-генералом Армады. [\[509\]](#)

Теперь Кортес достиг цели своих желаний, цели, к которой стремилась его душа с тех пор, как он ступил в Новый Свет. Он больше не был обречен ни на корыстную каторгу, ни на заключение взаперти в пределах маленького острова; но он должен был оказаться на новом и независимом театре действий, и его взору открылись безграничные перспективы, которые могли удовлетворить не только самые дикие позывы алчности, но и, для такого смелого, устремленного духа, как у него, гораздо более настойчивые позывы честолюбия. Он полностью оценил важность последних открытий и прочитал в них о существовании великой империи на дальнем Западе, темные намеки на которую время от времени доходили до Островов и более определенные проблески которой были уловлены теми, кто достиг континента. Это была страна, о которой упоминал “Великий адмирал” во время своего визита в Гондурас в 1502 году, и которой он мог бы достичь, если бы держался северного курса, вместо того чтобы идти на юг в поисках воображаемого пролива. Как бы то ни было, “он всего лишь открыл ворота”, по его собственному горькому выражению, “чтобы другие могли войти”. Наконец пришло время, когда они должны были войти в него; и молодой искатель приключений, чье волшебное копье должно было рассеять чары, которые так долго висели над этими таинственными краями, теперь был готов приступить к этому предприятию.

С этого часа поведение Кортеса, казалось, изменилось. Его мысли, вместо того чтобы растворяться в пустом легкомыслии или праздных вспышках веселья, были полностью сосредоточены на великой цели, которой он был предан. Его жизнерадостный дух проявлялся в подбадривании товарищей по его тяжелым обязанностям, и он был охвачен великодушным энтузиазмом, на который даже те, кто знал его лучше всех, не предполагали, что он способен. Он сразу же потратил все имевшиеся у него деньги на оснащение вооружения. Еще больше он выручил, заложив свои поместья и передав свои обязательства нескольким богатым местным купцам, которые рассчитывали на их возмещение в зависимости от успеха экспедиции; а когда его собственный кредит иссяк, он воспользовался кредитом своих друзей.

Полученные таким образом средства он потратил на покупку судов, провизии и военных припасов, одновременно привлекая новобранцев предложениями помощи тем, кто был слишком беден, чтобы прокормить себя, и дополнительным обещанием щедрой доли ожидаемой прибыли. [\[510\]](#)

Теперь в маленьком городке Сен-Яго царили суета и возбуждение. Одни были заняты переоборудованием судов и подготовкой их к путешествию; другие - снабжением военно-морскими припасами; третьи - обращением собственных состояний в деньги, чтобы экипироваться; каждый, казалось, стремился тем или иным образом внести свой вклад в успех экспедиции. Уже были закуплены шесть кораблей, некоторые из них больших размеров, и в течение нескольких дней триста новобранцев записались в армию, горя желанием попытаться счастья под знаменами этого отважного и популярного вождя.

В какой степени губернатор оплатил расходы на оборудование, не очень ясно. Если верить друзьям Кортеса, почти все бремя легло на него; поскольку, хотя он снабжал эскадру

безвозмездно, губернатор продал многие из своих запасов с непомерной прибылью. [\[511\]](#) Тем не менее, не представляется вероятным, чтобы Веласкес, имея в своем распоряжении такие обширные средства, взвалил на своего заместителя бремя экспедиции, равно как и то, что последний — если бы он это сделал — был бы в состоянии покрыть эти расходы, составляющие, как нам сообщили, более двадцати тысяч золотых дукатов. И все же нельзя отрицать, что такой честолюбивый человек, как Кортес, которому предстояло пожать всю славу предприятия, вполне естественно, был бы менее озабочен подсчетом прибыли от него, чем его работодатель, который, бездейственный дома и не имеющий лавров, которые можно было бы завоевать, должен смотреть на денежную прибыль как на свое единственное вознаграждение. Этот вопрос несколько лет спустя привел к ожесточенной судебной тяжбе между сторонами, которой сейчас нет необходимости смущать читателя.

Веласкесу следует заявить, что данные им инструкции по проведению экспериментане могут быть обвинены в узости или корыстолюбии. Первой целью путешествия было найти Гриджайву, после чего оба командира должны были продолжить путь вместе. По возвращении Кордовы из первого визита на Юкатан поступили сообщения о том, что, по слухам, шестеро христиан находятся в плену в глубине страны. Предполагалось, что они могли принадлежать к партии несчастного Никуэссы, и был отдан приказ найти их, если возможно, и вернуть им свободу. Но главной целью экспедиции был товарообмен с туземцами. Преследуя эту цель, следовало проявлять особую осторожность, чтобы с ними не поступали несправедливо, а обращались с добротой и человечностью. Кортес должен был иметь в виду, прежде всего, что целью, которая была больше всего по сердцу испанскому монарху, было обращение индейцев. Он должен был внушить им величие и доброту своего царственного господина, пригласить их “присягнуть ему на верность и проявить это, преподнеся ему такие приятные подарки из золота, жемчуга и драгоценных камней, которые, проявив их собственную добрую волю, обеспечили бы его благосклонность и защиту”. Он должен был произвести точную съемку побережья, прозондировав его заливы и бухточки в интересах будущих мореплавателей. Он должен был ознакомиться с природными продуктами страны, с характером различных рас, их институтами и прогрессом цивилизации; и он должен был присылать домой подробные отчеты обо всем этом вместе с теми предметами, которые он сможет раздобыть в ходе общения с ними. Наконец, он должен был *самым тщательным образом позаботиться о том, чтобы не упустить ничего, что могло бы послужить Богу или его государю.* [\[512\]](#)

Таков был общий смысл инструкций, данных Кортесу; и следует признать, что они обеспечивали интересы науки и человечества, а также те, которые имели отношение только к коммерческим спекуляциям. Может показаться странным, учитывая недовольство, проявленное Веласкесом своим бывшим капитаном Грихальвой за отказ от колонизации, что здесь не следовало давать никаких указаний на этот счет. Но он еще не получил из Испании ордера на наделение своих агентов такими полномочиями; а то, что было получено от отцов-иеронимитов на Эспаньоле, давало только право на торговлю с туземцами. В то же время комиссия признала авторитет Кортеса как генерального капитана экспедиции. [\[513\]](#)

ГЛАВА III

То значение, которое придавало Кортесу его новое положение и, возможно, несколько более надменная осанка, постепенно ослабило врожденную подозрительность Веласкеса, который стал опасаться, что его офицер, находясь вдали от места, где у него была бы власть, может также иметь склонность полностью избавиться от своей зависимости от него. Случайное обстоятельство, имевшее место в то время, усилило эти подозрения. Безумец, его шут, один из тех чокнутых остряков — наполовину остряков, наполовину дураков, — которые в те дни составляли обычный придаток к заведению любого великого человека, крикнул губернатору, когда он однажды утром совершал свою обычную прогулку с Кортесом по направлению к порту: “Будьте осторожны, мастер Веласкес, или нам когда-нибудь придется отправиться на охоту за этим самым нашим капитаном!” “Ты слышишь, что говорит этот негодяй?” - воскликнул губернатор, обращаясь к своему спутнику. “Не обращайтесь на него внимания, - сказал Кортес. - он дерзкий негодяй и заслуживает хорошей порки.” Однако эти слова глубоко запали в душу Веласкеса, как, впрочем, и пристают искренние шутки.

В окружении его превосходительства не было недостатка в людях, которые раздували тлеющие угли ревности в яркое пламя. Эти достойные джентльмены, некоторые из которых были родственниками Веласкеса, которые, вероятно, чувствовали, что их собственные заслуги несколько отодвинуты в тень растущим состоянием Кортеса, напомнили губернатору о его давней ссоре с этим офицером и о малой вероятности того, что оскорбления, столь остро ощущавшиеся в то время, когда-либо будут забыты. Этими и подобными предложениями, а также неправильным пониманием нынешнего поведения Кортеса они до такой степени разожгли страсти Веласкеса, что он решил доверить экспедицию другим людям. [\[514\]](#)

Он сообщил о своем замысле своим доверенным советникам Ларесу и Дуэро, и эти доверенные лица без промедления доложили о нем Кортесу, хотя “человеку с половиной его проницательности, - говорит Лас Касас, - об этом было бы легко догадаться по изменившемуся поведению губернатора”. [\[515\]](#) Два чиновника посоветовали своему другу ускорить дело настолько, насколько это возможно, и не терять времени на подготовку своего флота к выходу в море, если он хочет сохранить за собой командование им. В этом случае Кортес проявил такое же быстрое решение, которое не раз впоследствии в подобных кризисных ситуациях определяло направление его судьбы.

У него еще не было ни людей, ни судов, и он был крайне скудно обеспечен какими бы то ни было припасами. Но он решил сняться с якоря той же ночью. Он явился к своим офицерам, сообщил им о своей цели и, вероятно, о причине ее; и в полночь, когда город погрузился в сон, все они тихо поднялись на борт, и маленькая эскадра покинула бухту. Однако сначала Кортес посетил человека, в чьи обязанности входило снабжать это место мясом, и забрал у него все имевшиеся в наличии запасы, несмотря на его жалобу на то, что завтра за это пострадает город, оставив ему в качестве оплаты массивную золотую цепь большой ценности, которую он носил на шее. [\[516\]](#)

Велико было изумление добропорядочных граждан Сен-Яго, когда на рассвете они увидели, что флот, который, как они знали, был так плохо подготовлен к плаванью, покинул свои причалы и деловито трогался в путь. Эта весть вскоре дошла до ушей его превосходительства, который, вскочив с постели, поспешно оделся, вскочил на коня и, сопровождаемый своей свитой, поскакал вниз к набережной. Кортес, как только заметил их приближение, сел в вооруженную лодку и подплыл на расстояние разговора к берегу. “И таким образом вы расстаетесь со мной?” - воскликнул Веласкес. “Действительно, учтивый способ попрощаться!” “Прошу прощения, ” ответил Кортес, “ время поджимает, и есть некоторые вещи, которые следует сделать еще до того, как о них подумают. У вашего превосходительства есть какие-либо распоряжения?” Но у

оскорбленного губернатора не было никаких приказаний, и Кортес, вежливо махнув рукой, вернулся на свое судно, и маленькая флотилия немедленно отплыла в порт Макака, расположенный примерно в пятнадцати лигах от него. (18 ноября 1518 года.) Веласкес вернулся к себе домой, чтобы как можно лучше переварить свое огорчение; вероятно, довольный тем, что допустил по меньшей мере две грубые ошибки: одну, назначив Кортеса командующим, другую, попытавшись лишить его этого звания. Ибо, если верно, что, оказывая наше доверие наполовину, мы едва ли можем надеяться обрести друга, то столь же верно и то, что, отказываясь от него, когда оно было оказано, мы наживаем врага. [\[517\]](#)

Этот тайный отъезд Кортеса подвергся суровой критике со стороны некоторых авторов, особенно Лас Касаса. [\[518\]](#) Однако в оправдание его поведения можно призвать многое. Он был назначен командующим добровольным актом губернатора, и это было полностью одобрено властями Эспаньолы. Он сразу же вложил в это предприятие все свои ресурсы, вдобавок влез в большой долг. Теперь его должны были лишить звания, при этом против него не было выдвинуто никаких обвинений или, по крайней мере, доказано какое-либо неправомерное поведение. Такое событие должно было привести его к безвозвратному краху, не говоря уже о друзьях, у которых он так много позаимствовал, и последователях, которые вложили свое состояние в экспедицию, веря, что он ею командует. Вероятно, найдется мало людей, которые при таких обстоятельствах почувствовали бы себя призванными покорно согласиться принести свои надежды в жертву беспочвенной и произвольной прихоти. Самое большее, чего можно было ожидать от Кортеса, - это того, что он должен чувствовать себя обязанным добросовестно обеспечивать интересы своего работодателя при ведении предприятия. Насколько сильно он ощущал силу этого обязательства, станет ясно из продолжения.

Из Макаки, где Кортес запасся всем, что смог раздобыть на королевских фермах, и что, по его словам, он рассматривал как “ссуду от короля”, он направился в Тринидад; более значительный город на южном побережье Кубы. Здесь он высадился и, водрузив свой штандарт перед своей квартирой, выступил с воззванием с щедрыми предложениями всем, кто согласится присоединиться к экспедиции. Ежедневно прибывали добровольцы, и среди них более сотни людей Грихальвы, только что вернувшихся из своего путешествия и готовых продолжить поиски под руководством предприимчивого лидера. Слава Кортеса привлекла также ряд знатных кавалеров, некоторые из которых, сопровождая Грихальву, привезли много информации, ценной для нынешней экспедиции. Среди этих идальго можно упомянуть Педро де Альварадо и его братьев, Кристофеля де Олида, Алонсо де Авилу, Хуана Веласкеса де Леона, близкого родственника губернатора Алонсо Эрнандеса де Пуэртокарреро и Гонсало де Сандовала, — все они приняли самое важное участие в Завоевании. Их присутствие имело большое значение, поскольку они обдумывали предстоящее предприятие; и когда они вошли в маленький лагерь авантюристов, последние, как оказалось, приветствовали их живыми звуками музыки и радостными артиллерийскими залпами.

Тем временем Кортес активно занимался закупкой военных припасов и провизии. Узнав, что торговое судно, груженное зерном и другими товарами для рудников, находится у побережья, он приказал одной из своих каравелл захватить ее и привести в порт. Он оплатил капитану счета как за груз, так и за корабль и даже убедил этого человека по имени Седеньо, [\[519\]](#) который был богат, вложить свое состояние в экспедицию. Он также отправил одного из своих офицеров, Диего де Ордаса, на поиски другого корабля, [\[520\]](#) о котором у него были известия, с инструкциями захватить его таким же образом и встретить его у мыса Сан-Антонио, западной оконечности острова. [\[521\]](#) Этим он достиг другой цели - избавиться от Ордаса, который был одним из приближенных губернатора и неудобным шпионом за его собственными действиями.

Во время этой оккупации командующий Тринидадом получил письма от Веласкеса, в которых требовалось схватить Кортеса лично и задержать его, поскольку он был отстранен от командования флотом, которое было передано другому. Этот чиновник передал свои инструкции

старшим офицерам экспедиции, которые посоветовали ему не предпринимать такой попытки, поскольку это, несомненно, привело бы к волнениям среди солдат, которые могли бы закончиться превращением города в пепелище. Вердуго счел благоразумным последовать этому совету. [\[522\]](#)

Поскольку Кортес был готов усилить себя еще большим подкреплением, он приказал Альварадо с небольшим отрядом людей пройти маршем через страну к Гаване, [\[523\]](#) в то время как он сам проплывет вокруг западной оконечности острова и встретит его там с эскадрой. В этом порту он снова выставил свой штандарт, произнес обычное воззвание. Он приказал перевезти все большие пушки на берег и привести в порядок стрелковое оружие и арбалеты. Поскольку в этих краях выращивали в изобилии хлопок, он приказал солдатам плотно простегать им куртки для защиты от индейских стрел, от которых войска в предыдущих экспедициях сильно пострадали. Он разделил своих людей на одиннадцать рот, каждой из которых командовал опытный офицер; и было замечено, что, хотя несколько кавалеристов на службе были личными друзьями и даже родственниками Веласкеса, он, казалось, относился ко всем им с полным доверием.

Его главный штандарт был из черного бархата, расшитого золотом, с изображением красного креста среди сине-белых языков пламени, а под ним - девиз на латыни: "Друзья, давайте следовать за Крестом; и под этим знаком, если у нас есть вера, мы победим". Теперь он приобрел больше статуса в своей личности и образе жизни, ввел в свой дом большее количество слуг и офицеров и поставил его на ноги, став человеком высокого положения. Это состояние он сохранял до конца своей жизни. [\[524\]](#)

Кортесу в то время было тридцать три или, возможно, тридцать четыре года. Ростом он был несколько выше среднего. Лицо у него было бледное, а большие темные глаза придавали его лицу выражение серьезности, чего нельзя было ожидать от человека с его жизнерадостным темпераментом. Его фигура была стройной, по крайней мере, до более поздних лет; но грудь у него была глубокая, плечи широкие, телосложение мускулистое и хорошо сложенное. Это представляло собой союз ловкости и силы, который позволил ему преуспеть в фехтовании, верховой езде и других благородных упражнениях рыцарства. В своем питании он был умерен, не заботился о том, что ел, и мало пил; в то время как к тяжелому труду и лишениям он казался совершенно равнодушным. Его одежда, поскольку он не пренебрегал впечатлением, производимым подобными случайными аксессуарами, была такова, что выгодно подчеркивала его привлекательность: не безвкусная и не бросающаяся в глаза, но богатая. Украшений на нем было немного, и обычно одно и то же, но они стоили дорого. За его манерами, откровенными и солдатскими, скрывался самый холодный и расчетливый дух. К его самому веселому юмору примешивалась атмосфера твердой решимости, которая заставляла тех, кто приближался к нему, чувствовать, что они должны повиноваться, и которая вселяла нечто похожее на благоговейный трепет в привязанность его самых преданных последователей. Такое сочетание, в котором любовь смягчалась авторитетом, было, вероятно, наилучшим образом рассчитано на то, чтобы внушить преданность грубым и буйным душам, среди которых ему предстояло быть.

Характер Кортеса, по-видимому, претерпел некоторые изменения с изменением обстоятельств; или, правильнее сказать, новые сцены, в которые он попал, пробудили качества, которые до этого дремали в его груди. Есть некоторые выносливые натуры, которым требуется жар возбужденной деятельности, чтобы раскрыть свою энергию; подобно растениям, которые, будучи закрыты от мягкого влияния умеренных широт, достигают своего полного роста и дают свои плоды только в жаркой атмосфере тропиков. Таков портрет, оставленный нам современниками этого замечательного человека; орудие, избранное Провидением для того, чтобы посеять ужас среди варварских монархов Западного мира и обратить в прах их империи. [\[525\]](#)

Прежде чем приготовления в Гаване были полностью завершены, комендант порта дон Педро Барба получил депешу от Веласкеса с приказом задержать Кортеса и предотвратить отплытие его судов; в то время как другое послание из того же источника было доставлено самому Кортесу с просьбой отложить свое путешествие до тех пор, пока губернатор не сможет связаться с ним, как

он предлагал, лично. “Никогда, — восклицает Лас Касас, - я не видел, чтобы Диего Веласкес проявлял так мало осведомленности в делах, как в этом письме, - чтобы он мог вообразить, что человек, который так недавно нанес ему такое оскорбление, отложит свой отъезд по его просьбе!” [\[526\]](#) На самом деле он надеялся словом остановить полет стрелы после того, как она слетела с лука.

Однако капитан-генерал за время своего короткого пребывания полностью заручился доброй волей Барбы. И, если бы у этого офицера была склонность, он знал, что у него не хватит сил выполнить приказ своего начальника перед лицом решительных солдат, разгневанных этим неблагоприятным преследованием их командира, и “все из которых”, по словам честного летописца, принимавшего участие в экспедиции, “офицеры и рядовые с радостью отдали бы свои жизни за него”. [\[527\]](#) Поэтому Барба удовлетворился тем, что сказал: объяснив Веласкесу неосуществимость этой попытки, он в то же время попытался развеять его опасения, заявив о своей уверенности в верности Кортеса. К этому последний добавил свое собственное сообщение, изложенное “в мягких выражениях, которые он так хорошо знал, как использовать”, [\[528\]](#) в котором он умолял его Превосходительство положиться на его преданность своим интересам, и завершил утешительным заверением, что он и весь флот, с Божьей помощью, отплывут на следующее утро.

Соответственно, 10 февраля 1519 года маленькая эскадра снялась с якоря и взяла курс к мысу Сан-Антонио, назначенному месту встречи. Когда все были собраны вместе, оказалось, что судов всего одиннадцать; одно из них, на котором плавал сам Кортес, водоизмещением в сто тонн, три других водоизмещением от семидесяти до восьмидесяти тонн; остальные были каравеллами и открытыми бригантинами. Всем этим руководил Антонио де Аламинос в качестве старшего пилота; мореплаватель-ветеран, который был лоцманом Колумба в его последнем путешествии, а также Кордовы и Грихальвы в предыдущих экспедициях на Юкатан.

Высадившись на мыс и собрав свои силы, Кортес обнаружил, что они насчитывают сто десять моряков, пятьсот пятьдесят три солдата, включая тридцать два арбалетчика и тринадцать аркебузирова, не считая двухсот индейцев с острова и нескольких индианок для выполнения мелких работ. Его снабдили десятью тяжелыми орудиями, четырьмя более легкими, называемыми фальконетами, и хорошим запасом боеприпасов. [\[529\]](#) Кроме того, у него было шестнадцать лошадей. Достать их было нелегко, поскольку трудность транспортировки их через океан на хлипких суденышках того времени делала их редкими и невероятно дорогими на Островах. [\[530\]](#) Но Кортес справедливо оценил важность кавалерии, какой бы малочисленной она ни была, как для ее реальной службы в полевых условиях, так и для того, чтобы наводить ужас на дикарей. С такими ничтожными силами он вступил в завоевание, от которого даже его мужественное сердце, должно быть, содрогнулось бы, если бы он предвидел хотя бы половину его реальных трудностей!

Перед посадкой Кортес обратился к своим солдатам с короткой, но оживленной речью. Он сказал им, что они собираются вступить в благородное предприятие, которое прославит их имя в последующие века. Он вел их в страны, более обширные и богатые, чем те, которые когда-либо посещали европейцы. “Я предлагаю вам великолепную награду, ” продолжал оратор, “ но ее нужно завоевать непрерывным трудом. Великие дела достигаются только большими усилиями, и слава никогда не была наградой за лень. [\[531\]](#) Если я усердно трудился и поставил на карту все, что у меня было, в этом начинании, то это из любви к той славе, которая является самой благородной наградой человеку. Но, если кто-то из вас жаждет богатства больше, будьте верны мне, как я буду верен вам и случаю, и я сделаю вас такими мастерами, о каких наши соотечественники и не мечтали! Вас мало, но вы сильны решимостью; и, если это не поколеблется, не сомневайтесь, что Всемогущий, который никогда не покидал испанцев в их борьбе с инфидель, защитит вас, хотя вас окружает туча врагов; ибо ваше дело - это *правое дело*, и вам предстоит сражаться под знаменем Креста. Тогда идите вперед, - заключил он, - с готовностью и уверенностью и доведите до славного конца работу, столь удачно начатую”. [\[532\]](#)

Грубое красноречие полководца, затронувшее различные струны честолюбия, алчности и религиозного рвения, вызвало трепет в сердцах его слушателей, собравшихся воевать, и, встретив его одобрительными возгласами, они, казалось, горели желанием идти вперед под предводительством вождя, который должен был повести их не столько к битве, сколько к триумфу.

Кортес был вполне удовлетворен, обнаружив, что его собственный энтузиазм в значительной степени разделяют его последователи. Затем была отслужена месса с торжественностью, обычной для испанских мореплавателей, отправлявшихся в свои исследовательские путешествия. Флот был отдан под непосредственную защиту святого Петра, покровителя Кортеса, и, снявшись с якоря, восемнадцатого февраля 1519 года отправился к побережью Юкатана. [\[533\]](#)

ГЛАВА IV

ПУТЕШЕСТВИЕ НА КОСУМЕЛЬ—ОБРАЩЕНИЕ МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ—ХЕРОНИМО ДЕ АГИЛАР—АРМИЯ ПРИБЫВАЕТ В ТАБАСКО—ВЕЛИКАЯ БИТВА С ИНДЕЙЦАМИ—ВВЕДЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА

1519

О ПРИКАЗЫ были даны судам держаться как можно ближе друг к другу и следовать по направлению к *капитании*, или адмиральскому кораблю, на корме которого ночью горел маяк. Но погода, которая была благоприятной, вскоре после их отплытия изменилась, и разразилась одна из тех бурь, которые в это время года часто случаются в широтах Вест-Индии. Он со страшной силой обрушился на маленький флот, разметав его далеко на части, разобрав некоторые корабли и отбросив их все значительно южнее предполагаемого места назначения.

Кортес, который задержался, чтобы сопровождать поврежденное судно, достиг острова Косумель последним. Высадившись на берег, он узнал, что один из его капитанов, Педро де Альварадо, воспользовался тем коротким временем, что пробыл там, чтобы проникнуть в храмы, отобрать у них немногочисленные украшения и своим жестоким поведением так напугать простых туземцев, что они бежали в поисках убежища в глубь острова. Кортес, крайне разгневанный этими опрометчивыми действиями, столь противоречащими предложенной им политике, не смог удержаться от сурового выговора своему офицеру в присутствии армии. Он приказал привести к нему двух пленных индейцев, захваченных Альварадо, и объяснил им мирную цель своего визита. Это он сделал с помощью своего переводчика Мельчорехо, уроженца Юкатана, которого Грихальва привез обратно и который во время своего пребывания на Кубе немного познакомился с кастильцем. Затем он отпустил их, нагруженных подарками, и с приглашением их соотечественникам возвращаться в свои дома, не опасаясь дальнейших неприятностей. Эта гуманная политика увенчалась успехом. Успокоенные беглецы не замедлили вернуться; и установились дружеские отношения, в ходе которых испанские столовые приборы и безделушки были обменены на золотые украшения туземцев; сделка, в ходе которой каждая сторона поздравляла себя — философ мог бы подумать с таким же основанием — с тем, что перехитрила другую.

Первой целью Кортеса было собрать сведения о несчастных христианах, которые, как сообщалось, все еще оставались в плену на соседнем континенте. От некоторых торговцев на острове он получил такое подтверждение этого сообщения, что отправил Диего де Ордаса с двумя бригантинами к противоположному побережью Юкатана с приказом оставаться там восемь дней. Несколько индейцев отправились на судах в качестве посыльных, которые согласились передать пленникам письмо, в котором сообщалось о прибытии их соотечественников на Косумель с щедрым выкупом за их освобождение. Тем временем генерал предложил совершить экскурсию по

различным частям острова, чтобы дать работу беспокойному духу солдат и ознакомиться с ресурсами страны.

Она была бедной и малонаселенной. Но повсюду он узнавал следы более высокой цивилизации, чем та, которую он прежде наблюдал на индийских островах. Некоторые из домов были большими и часто строились из камня и извести. Его особенно поразили храмы, в которых были башни, построенные из тех же твердых материалов и возвышающиеся на несколько этажей в высоту. Во дворе одного из них он был поражен видом креста из камня и извести высотой около десяти ладоней. Это была эмблема бога дождя. Его внешний вид наводил на самые смелые догадки не только неграмотных солдат, но впоследствии и европейских ученых, которые размышляли о характере рас, привнесших сюда священный символ христианства. Но, как мы увидим ниже, такой вывод не может быть оправдан. ^[534] Тем не менее, следует рассматривать как любопытный факт, что Крест почитался как объект религиозного поклонения как в Новом Свете, так и в регионах Старого, где свет христианства никогда не восставал. ^[535]

Следующей целью Кортеса было избавить туземцев от их грубого идолопоклонства и заменить его более чистой формой поклонения. Добиваясь этого, он был готов применить силу, если более мягкие меры окажутся неэффективными. Ничто так серьезно не волновало испанское правительство, как обращение индейцев. Это составляло постоянное бремя их инструкций и придавало военным экспедициям в этом Западном полушарии что-то вроде крестового похода. Кавалер, который садился в них, полностью проникался этими рыцарскими и благочестивыми чувствами. Не возникало сомнений в эффективности обращения, какими бы внезапными ни были перемены или какими бы насильственными ни были средства. Меч был хорошим аргументом, когда язык подводил; а распространение магометанства показало, что семена, посеянные рукой насилия, не только не погибнут в земле, но и дадут всходы и принесут плоды со временем. Если бы это было так в плохом деле, насколько больше это было бы верно в хорошем! Испанский кавалер чувствовал, что у него есть высокая миссия, которую он должен выполнить как солдат Креста. Какой бы несанкционированной или несправедливой ни казалась нам война, в которую он вступил, для него это была священная война. Он был с оружием в руках против неверных. Не заботиться о душе своего невежественного врага означало подвергать опасности свою собственную. Обращение одной души могло покрыть множество грехов. Он заботился не о морали, а о *вере*. Это, хотя и понималось в самом буквальном и ограниченном смысле, охватывало всю схему христианской морали. О том, кто бы ни умер в вере, какой бы безнравственной ни была его жизнь, можно сказать, что он умер в Господе. Таково было кредо кастильского рыцаря того времени, впитанное из проповедей с кафедры, из монастырей и коллегий дома, от монахов и миссионеров за границей - от всех, кроме одного, чья преданность, воспламененная из более чистого источника, не была, увы! ему было позволено излучать свое сияние далеко в густой мрак, которым он был окружен. ^[536]

Никто так полно не испытывал описанных выше чувств, как Эрнан Кортес. По правде говоря, он был самым зеркалом времени, в котором жил, отражая его пестрые черты, его спекулятивную преданность и практическую распущенность, но с присущей ему интенсивностью. Он был сильно шокирован демонстрацией идолопоклоннических обычаев жителей Косумеля, хотя, казалось бы, они не были запятнаны человеческими жертвоприношениями. Он пытался убедить их принять лучшую веру через посредство двух священнослужителей, присутствовавших в экспедиции, — лиценциата Хуана Диаса и отца Бартоломе де Ольмедо. Последний из этих благочестивых людей являл собой редкий пример — редкий в любую эпоху — союза горячего рвения с милосердием, в то время как он прекрасно иллюстрировал своим собственным поведением заповеди, которым он учил. Он оставался с армией на протяжении всего похода, и благодаря своим мудрым и доброжелательным советам ему часто удавалось смягчать жестокость завоевателей и отводить острие меча от несчастных туземцев.

Эти два миссионера тщетно пытались убедить жителей Косумеля отказаться от своих мерзостей и позволить свергнуть индийских идолов, в которых христиане распознали истинные черты сатаны, [\[537\]](#). Простые туземцы, охваченные ужасом от предложенной профанации, воскликнули, что это боги послали им солнечный свет и бурю, и, если будет совершено какое-либо насилие, они обязательно отомстят за это, направив свои молнии на головы виновных.

Кортес, вероятно, был не слишком склонен к полемике. Во всяком случае, в данном случае он предпочел действие аргументации и подумал, что лучший способ убедить индейцев в их ошибке - это доказать ложность предсказания. Соответственно, он без дальнейших церемоний приказал скатить почитаемые изображения вниз по ступеням великого храма под стоны и причитания туземцев. Наспех соорудили алтарь, поместили над ним изображение Богородицы с Младенцем, и отец Ольмедо и его преподобный спутник впервые отслужили мессу в стенах храма в Новой Испании. Терпеливые священники еще раз попытались пролить свет Евангелия на невежественное сознание островитян и разъяснить тайны католической веры. Индийский переводчик, должно быть, предоставил довольно сомнительный канал для передачи таких заумных доктрин. Но в конце концов они снискали расположение своих слушателей, которые, то ли благоговея перед смелостью захватчиков, то ли убедившись в бессилии божеств, которые не могли защитить свои собственные святыни от осквернения, теперь согласились принять христианство. [\[538\]](#)

Пока Кортес был таким образом занят Крестными ходами, он получил известие, что Ордас вернулся с Юкатана без каких-либо известий об испанских пленниках. Несмотря на сильное огорчение, генерал не стал дольше откладывать свой отъезд с Косумеля. Дружелюбные жители хорошо снабдили флот провизией, и, погрузив на борт свои войска, Кортес в начале марта покинул гостеприимные берега. Однако эскадра не успела продвинуться далеко, как течь на одном из судов вынудила их вернуться в тот же порт. Задержание имело важные последствия; действительно, настолько серьезные, что писатель того времени усматривает в нем “великую тайну и чудо”. [\[539\]](#)

Вскоре после высадки на берег было замечено каноэ с несколькими индейцами, плывущее от соседних берегов Юкатана. Добравшись до острова, один из мужчин спросил на ломаном кастильском, “был ли он среди христиан”, и, получив утвердительный ответ, бросился на колени и возблагодарил Небеса за свое избавление. Он был одним из несчастных пленников, к судьбе которых проявляли такой большой интерес. Его звали Херонимо де Агилар, [\[540\]](#) уроженец Эсии, в Старой Испании, где он регулярно получал церковное образование. Он обосновался в колонии в Дариене и во время путешествия оттуда на Эспаньолау восемью годами ранее потерпел крушение у берегов Юкатана. Он бежал с несколькими своими товарищами в шлюпке корабля, где некоторые погибли от голода и холода, в то время как другие были принесены в жертву по прибытии на сушу туземцами-каннибалами с полуострова. Агилар избежал такой же печальной участи, сбежав в глубь страны, где попал в руки могущественного касика, который, хотя и пощадил ему жизнь, поначалу обращался с ним очень сурово. Однако терпение пленника и его необычайное смирение тронули лучшие чувства вождя, который хотел убедить Агилара жениться среди его соплеменников, но священнослужитель упорно отказывался, повинувшись своим обетам. Это восхитительное постоянство возбудило недоверие касика, который подвергал свою добродетель суровому испытанию различными искушениями, во многом такими же, как те, которыми дьявол, как говорят, атаковал святого Антония. [\[541\]](#) Однако из всех этих огненных испытаний, как и его призрачный предшественник, он вышел невредимым. Воздержание - слишком редкая и трудная добродетель у варваров, чтобы не подвергать сомнению их почитание, и практика его создала репутацию не одному святому как в Старом, так и в Новом Свете. Теперь Агилару были доверены заботы о хозяйстве его хозяина и его многочисленных женах. Он был человеком благоразумным и добродетельным, и его советы были признаны настолько полезными, что с ним советовались по всем важным вопросам. Короче говоря, Агилар стал великим человеком среди индейцев.

Поэтому его хозяин с большим сожалением воспринял предложения о его возвращении соотечественникам, на которые ничто, кроме богатых стеклянных бус, ястребиных колокольчиков и других драгоценностей такой же ценности, присланных в качестве выкупа, не заставило бы его согласиться. Когда Агилар достиг побережья, произошла такая большая задержка, что бригантины отплыли; и только благодаря удачному возвращению флота на Косумель он смог присоединиться к нему.

Появившись перед Кортесом, бедняк отсалютовал ему на индейский манер, прикоснувшись рукой к земле и поднеся ее к голове. Командир, подняв его, нежно обнял, прикрыв при этом своим собственным плащом, поскольку Агилар был просто одет в местные одежды, слишком скудные для европейского глаза. Действительно, прошло немало времени, прежде чем вкусы, которые он приобрел на свободе в лесу, смогли примириться с ограничениями в одежде или манерах, налагаемыми искусственными формами цивилизации. Долгое пребывание Агилара в этой стране познакомило его с диалектами майя на Юкатане, и по мере того, как он постепенно восстанавливал свой кастильский, он стал незаменимым переводчиком. Кортес с самого начала увидел преимущество этого, но не мог полностью оценить все последствия, которые должны были из этого вытекать. [\[542\]](#)

Когда ремонт судов был наконец завершен, испанский командующий еще раз попрощался с дружелюбными туземцами Косумеля и четвертого марта отплыл. Держась как можно ближе к побережью Юкатана, он обогнул мыс Каточе и плавными потоками пронесся по широкому заливу Кампичи, окаймленному богатыми красивыми лесами, которые с тех пор служат столь важным предметом торговли в Европе. Он миновал Потончан, где Кордова подверглась грубому приему со стороны туземцев, и вскоре после этого достиг устья *Рио-де-Табаско*, или *Грихальвы*, в которой этот мореплаватель вел столь прибыльный промысел. Хотя он помнил о великой цели своего путешествия — посещении территорий ацтеков, — он желал познакомиться с ресурсами этой страны и решил подняться вверх по реке и посетить большой город на ее границах.

Вода была настолько мелкой из-за скопления песка в устье реки, что генералу пришлось оставить корабли на якоре и пересечь в лодки только с частью своих войск. Берега были густо поросшие мангровыми деревьями, которые своими уходящими ввысь корнями, переплетаясь друг с другом, образовывали своего рода непроницаемый экран или сеть, за которой были видны темные фигуры туземцев, смотревших туда-сюда с самыми угрожающими взглядами и жестами. Кортес, сильно удивленный этими недружелюбными демонстрациями, столь непохожими на то, что у него были основания ожидать, осторожно двинулся вверх по течению. Когда он достиг открытого места, где собралось большое количество индейцев, он попросил через своего переводчика разрешения высадиться, объяснив в то же время свои дружеские намерения. Но индейцы, размахивая своим оружием, отвечали только жестами гневного неповиновения. Несмотря на сильное огорчение, Кортес счел за лучшее не развивать этот вопрос дальше в тот вечер, а удалился на соседний остров, где высадил свои войска, решив произвести высадку на следующее утро.

Когда рассвело, испанцы увидели на противоположном берегу гораздо более многочисленный отряд, чем предыдущим вечером, в то время как каноэ вдоль берега были заполнены отрядами вооруженных воинов. Теперь Кортес начал готовиться к атаке. Сначала он высадил отряд из ста человек под командованием Алонсо де Авила в месте несколько ниже по течению, защищенном густой пальмовой рощей, из которой, как он знал, дорога вела в город Табаско, отдав приказ своему офицеру немедленно выступить на это место, в то время как сам двинулся на штурм с фронта. [\[543\]](#)

Затем, погрузив на борт оставшиеся войска, Кортес переправился через реку перед лицом врага; но, прежде чем начать военные действия, чтобы он мог “действовать со всем уважением к справедливости и в соответствии с инструкциями Королевского совета”, [\[544\]](#) сначала он приказал объявить через переводчика, что желает только свободного прохода для своих людей и что он

предлагает возродить дружеские отношения, которые ранее существовали между его соотечественниками и местными жителями. . Он заверил их, что, если прольется кровь, грех ляжет на их головы и что сопротивление будет бесполезным, поскольку он был полон решимости любой ценой занять свою квартиру в ту ночь в городе Табаско. На это воззвание, произнесенное высокопарным тоном и должным образом зафиксированное нотариусом, индейцы — которые, возможно, поняли бы одно слово из десяти — ответили вызывающими криками и градом стрел. [\[545\]](#)

Кортес, выполнив теперь все требования верного кавалера и переложив ответственность со своих плеч на плечи Королевского совета, подвел свои лодки к индейским каное. Они яростно сцепились, и вскоре обе стороны оказались в воде, которая поднялась выше пояса. Борьба была недолгой, хотя и отчаянной. Превосходящие силы европейцев одержали верх, и они вынудили врага вернуться на сушу. Здесь, однако, их поддерживали их соотечественники, которые осыпали головы захватчиков дротиками и горящими поленьями. Берега были мягкими и скользкими, и солдаты с трудом удерживались на ногах. Кортес потерял сандалию в грязи, но продолжал сражаться босиком, выставляя напоказ свою персону, поскольку индейцы, которые вскоре выделили вождя, кричали друг другу: “Бей вождя!”

Наконец испанцы достигли берега и смогли выстроиться в нечто вроде строя, когда открыли оживленный огонь из своих аркебуз и арбалетов. Враг, ошеломленный грохотом и вспышками огнестрельного оружия, с которым у него не было никакого опыта, отступил и укрылся за бруствером, переброшенным поперек дороги. Разгоряченные преследованием испанцы вскоре разрушили эти грубые укрепления и оттеснили табаскийцев перед ними к городу, где они снова укрылись за своими частоколами.

Тем временем с противоположной стороны подспела Авила, и туземцы, застигнутые врасплох, больше не предпринимали попыток сопротивления, а уступили это место христианам. Ранее они вывезли свои семьи и имущество. В руки победителей попало немного провизии, но мало золота, “что, - говорит Лас Касас, - не принесло им особого удовлетворения”. [\[546\]](#) Это было очень густонаселенное место. Дома были в основном глинобитные, из лучшего сорта камня и извести; это свидетельствовало о том, что жители были более утонченными, чем на Островах, поскольку их стойкое сопротивление свидетельствовало о высшей доблести. [\[547\]](#)

Кортес, сделав себя таким образом хозяином города, официально вступил во владение им для короны Кастилии. Он нанес три удара своим мечом по большому *деревусейба*, которое росло в том месте, и громко провозгласил, что он овладел городом от имени католических монархов, и будет поддерживать и защищать его мечом и щитом от всех, кто будет этому препятствовать. Такое же хвастливое заявление было сделано и солдатами, и все это было должным образом запотоколировано и заверено нотариусом. Это была обычная простая, но рыцарская форма, с помощью которой испанские кавалеры утверждали королевский титул на завоеванных территориях в Новом Свете. Несомненно, это был хороший титул по сравнению с притязаниями любого другого европейского властителя.

В ту ночь генерал расположился во внутреннем дворе главного храма. Он расставил своих часовых и принял все меры предосторожности, практикуемые в войнах с цивилизованным противником. Действительно, для этого были причины. Подозрительная тишина, казалось, царила в этом месте и его окрестностях; и было принесено известие, что переводчик Мельчорехо сбежал, оставив свое испанское платье висеть на дереве. Кортес был встревожен дезертирством этого человека, который не только сообщил своим соотечественникам о малочисленности испанцев, но и рассеял любые иллюзии, которые могли быть у них относительно их превосходства.

На следующее утро, поскольку никаких следов противника видно не было, Кортес приказал одному отряду под командованием Альварадо и другому под командованием Франсиско де Лухо провести разведку. Последний офицер не продвинулся ни на лигу, прежде чем узнал о положении индейцев, поскольку они атаковали его с такой силой, что он был вынужден укрыться в большом

каменном здании, где был плотно осажден. К счастью, громкие вопли нападавших, которые, подобно большинству варварских народов, стремились вселить ужас своими свирепыми криками, достигли ушей Альварадо и его людей, которые, быстро придя на помощь своим товарищам, позволили им пробить проход сквозь ряды врага. Обе стороны отступали, преследуемые по пятам, к городу, когда Кортес, выступивший им на помощь, вынудил табаскийцев отступить.

В этой стычке было взято несколько пленных. Благодаря им подтвердились его худшие опасения. Страна была повсюду с оружием в руках. Из соседних провинций были собраны многотысячные силы, и на следующий день было решено начать генеральное наступление. На вопросы генерала, почему его приняли так непохоже на его предшественника Грихальву, они ответили, что “поведение табаскийцев в то время сильно оскорбило другие индейские племена, которые обвиняли их в предательстве и трусости; поэтому они пообещали при любом возвращении белых людей оказывать им такое же сопротивление, как это делали их соседи”.^[548]

Теперь Кортес вполне мог пожалеть о том, что позволил себе отклониться от прямой цели своего предприятия и оказаться втянутым в сомнительную войну, которая не могла привести ни к какому выгодному результату. Но было слишком поздно раскаиваться. Он сделал этот шаг, и у него не было другого выхода, кроме как идти вперед. Отступление с самого начала обескуражило бы его собственных людей, подорвало бы их доверие к нему как к своему лидеру и укрепило бы высокомерие его врагов, весть о чьем успехе могла бы опередить его в его путешествии и подготовить почву для еще больших унижений и поражений. Он не колебался относительно курса, который ему предстояло избрать, но, созвав своих офицеров, объявил о своем намерении дать сражение на следующее утро.^[549]

Он отправил обратно к кораблям тех, кто был выведен из строя из-за ран, а остальным войскам приказал присоединиться к лагерю. Шесть тяжелых орудий были также сняты с кораблей вместе со всеми лошадьми. Животные окоченели и оцепенели от долгого заключения на борту; но несколько часов физических упражнений вернули им прежнюю силу и бодрость духа. Он передал командование артиллерией — если можно так выразиться — солдату по имени Меза, который приобрел некоторый опыт инженера во время итальянских войн. Пехоту он отдал под командование Диего де Ордаса, а кавалерией командовал сам. Она состояла из нескольких самых доблестных джентльменов из его маленького отряда, среди которых можно упомянуть Альварадо, Веласкеса де Леона, Авилу, Пуэртокарреро, Олида, Монтехо. Сделав таким образом все необходимые приготовления и разработав план сражения, он удалился отдыхать, но не для того, чтобы задремать. Его лихорадочный ум, как легко можно себе представить, был полон беспокойства о завтрашнем дне, который мог решить судьбу его экспедиции; и, по своему обыкновению в таких случаях, его часто наблюдали ночью за обходом и посещением часовых, чтобы убедиться, что никто не спит на его посту.

При первых проблесках света он собрал свою армию и объявил о своем намерении не терпеть, запершись в городе, нападения врага, а немедленно выступить против него. Ибо он хорошо знал, что дух поднимается от действия, и что атакующая сторона черпает уверенность в самом движении, которой не ощущает тот, кто пассивно, возможно, с тревогой, ожидает нападения. Считалось, что индейцы разбили лагерь на ровной местности в нескольких милях от города, называемой равниной Сеутла. Генерал приказал, чтобы Ордас прошел пешим маршем, включая артиллерию, прямо через страну и атаковал их с фронта, в то время как он сам обойдет их с конницей и обойдет с фланга, когда вступит в бой, или ударит им в тыл.

Завершив эти диспозиции, маленькая армия отслужила мессу, а затем выступила из-за деревянных стен Табаско. Это был день Богоматери, двадцать пятое марта, надолго запомнившийся в анналах Новой Испании. Район вокруг города был усеян грядками кукурузы, а на нижнем уровне — плантациями какао, которые обеспечивали страну напитком и, возможно, монетой, как в Мексике. Эти плантации, требовавшие постоянного орошения, питались многочисленными каналами и резервуарами с водой, так что пересечь страну было невозможно

без большого труда. Однако его пересекала узкая тропинка или дамба, по которой можно было протащить пушку.

Войска продвинулись более чем на лигу в своем трудном марше, так и не обнаружив противника. Погода стояла знойная, но мало кого из них смущали тяжелые кольчуги, которые носили европейские кавалеры в то время. Их хлопчатобумажные куртки, толсто простеганные, обеспечивали сносную защиту от стрел индейцев и давали простор для свободы и активности движений, необходимых для жизни, полной бессвязных приключений в дикой местности.

Наконец они увидели широкие равнины Сеутлы и увидели темные линии противника, простиравшиеся, насколько хватало глаз, вдоль края горизонта. Индейцы проявили некоторую проницательность в выборе своей позиции, и, когда усталые испанцы медленно продвигались вперед, с трудом пробираясь по трясине, табаскийцы издали свои отвратительные боевые кличи и выпустили залпы стрел, камней и других метательных предметов, которые, как град, застучали по щитам и шлемам нападавших. Многие были тяжело ранены, прежде чем им удалось выйти на твердую почву, где они вскоре расчистили для себя пространство и открыли шквальный огонь из артиллерии и мушкетов по плотным колоннам противника, что стало фатальной добычей для шаров. При каждом выстреле число людей падало, но отважные варвары, отнюдь не смущенные, поднимали пыль и листья, чтобы скрыть свои потери, и, бряцая боевыми инструментами, выпускали в ответ новые стаи стрел.

Они еще теснее прижались к испанцам, а когда были отброшены энергичной атакой, вскоре снова повернули и, откатываясь назад подобно океанским волнам, казалось, были готовы сокрушить маленький отряд численным превосходством. В такой тесноте у последних едва хватало места для выполнения необходимых эволюций или даже для эффективной стрельбы из своих орудий. [\[550\]](#)

Сражение длилось уже больше часа, и испанцы, оказавшиеся в тяжелом положении, с большой тревогой ожидали прибытия конницы, которую, должно быть, задержали какие-то необъяснимые препятствия, чтобы освободить их из опасного положения. В этот критический момент было видно, что самые дальние колонны индийской армии пришли в волнение и пришли в беспорядок, который быстро распространился по всей массе. Вскоре до ушей христиан донесся радостный боевой клич “Сан-Яго и Сан-Педро!”, и они увидели, как блестящие шлемы и мечи кастильских рыцарей отражали лучи утреннего солнца, когда они прорвались сквозь ряды врага, нанося удары направо и налево и сея смятение вокруг. Око веры, действительно, могло различить самого Святого покровителя Испании, восседающего на своем сером боевом коне, возглавляющего спасательную операцию и попирающего тела павших неверных! [\[551\]](#)

Наступление Кортеса было сильно замедлено из-за пересеченной местности. Когда он подошел, индейцы были так увлечены, что он оказался рядом с ними прежде, чем они заметили его приближение. Он приказал своим людям направить свои копья в лица своих противников, [\[552\]](#) которые, испуганные чудовищным появлением, — поскольку они предположили, что всадник и лошадь, которых они никогда прежде не видели, одно и то же лицо, [\[553\]](#) — были охвачены паникой. Ордас воспользовался этим, чтобы скомандовать общую атаку вдоль линии фронта, и индейцы, многие из которых побросали оружие, бежали, не пытаясь оказывать дальнейшего сопротивления.

Кортес был слишком доволен победой, чтобы вслед за ней окунуть свой меч в кровь беглецов. Он отвел своих людей к пальмовой роще, окаймлявшей это место, и под их широким навесом солдаты вознесли благодарственные молитвы Всевышнему за дарованную им победу. Полем битвы стал город, названный в честь дня, в который произошли боевые действия, *Санта-Мария-де-ла-Виктория*, долгое время спустя ставший столицей провинции. [\[554\]](#) Число тех, кто сражался или пал в сражении, совершенно сомнительно. Действительно, нет ничего более неопределенного, чем численные оценки варваров. И они ничего не выигрывают в вероятности своего прихода, как в данном случае, из сообщений своих врагов. Однако большинство отчетов сходятся на том, что

индийские силы состояли из пяти эскадронов по восемь тысяч человек в каждом. Еще больше расхождений в количестве убитых, варьирующихся от одной до тридцати тысяч! В этом чудовищном диссонансе обычная склонность к преувеличению может привести нас к поиску истины в окрестности наименьшего числа. Потери христиан были незначительными; не превышающими — если мы получаем их собственные отчеты, вероятно, по тем же причинам, сильно преуменьшающим истину, — двух убитых и менее сотни раненых! Мы можем легко понять чувства Победителей, когда они заявили, что “Небеса, должно быть, сражались на их стороне, поскольку их собственные силы никогда не смогли бы одержать верх над таким множеством врагов!” [\[555\]](#)

В бою было взято несколько пленных, в том числе два вождя. Кортес предоставил им свободу и передал через них послание своим соотечественникам, “что он забудет о прошлом, если они немедленно придут и выразят свою покорность”. Иначе он проехал бы по этой земле и предал бы мечу все живое на ней, мужчин, женщин и детей!” С этой грозной угрозой, звеневшей у них в ушах, посланники удалились.

Но табаскийцы не испытывали никакого желания к дальнейшим военным действиям. Группа низших вождей появилась на следующий день, одетая в темные хлопчатобумажные одежды, намекая на свое жалкое положение, и умоляла разрешить похоронить их мертвых. Это было предоставлено генералом со многими заверениями в его дружеском расположении; но в то же время он сказал им, что ожидает их главных касиков, поскольку ни с кем другим он не будет вести переговоры. Вскоре они явились в сопровождении многочисленной свиты вассалов, которые с робким любопытством последовали в лагерь христиан. Среди их умиловительных даров были двадцать рабынь, которые, судя по характеру одной из них, имели бесконечно большее значение, чем ожидали испанцы или табаскийцы. Доверие вскоре было восстановлено, и за ним последовали дружеские отношения и обмен испанских игрушек на обычные товары страны, продукты питания, хлопок и несколько золотых украшений небольшой ценности. Когда их спрашивали, где добывали драгоценный металл, они указывали на запад и отвечали: “Кулхуа”, “Мексика”. Испанцы поняли, что это не то место, где они могли бы передвигаться или задерживаться. И все же здесь они находились всего в нескольких лигах от могущественного и богатого города, или того, что когда-то было им, - древнего Паленке. Но его слава, возможно, уже тогда прошла, и его имя было забыто окружающими народами.

Перед своим отъездом испанский командующий не забыл позаботиться об одной важной цели своей экспедиции - обращении индейцев. Сначала он объяснил касикам, что был послан туда могущественным монархом по ту сторону океана, которому теперь он имел право требовать их верности. Затем Он побудил преподобных отцов Ольмедо и Диаса просветить их умы, насколько это возможно, в отношении великих истин откровения, убеждая их принять их вместо их собственных языческих мерзостей. Табаскийцы, чье восприятие, без сомнения, было существенно обострено дисциплиной, которой они подверглись, оказали лишь слабое сопротивление обоим предложениям. На следующий день было Вербное воскресенье, и генерал решил отпраздновать их обращение одной из тех помпезных церковных церемоний, которые должны были произвести неизгладимое впечатление на их умы.

Вся армия выстроилась в торжественную процессию во главе с духовенством, каждый солдат нес в руке пальмовую ветвь. Толпа была заполнена тысячами индейцев обоего пола, которые с любопытством наблюдали за этим зрелищем. Длинные колонны прокладывали себе путь через цветущие саванны, окаймлявшие поселение, к главному храму, где был воздвигнут алтарь, а изображение главенствующего божества было убрано, чтобы освободить место для изображения Девы с младенцем Спасителем. Мессу отслужил отец Ольмедо, и те солдаты, которые были способны на это, присоединились к торжественному пению. Туземцы слушали в глубоком молчании и, если мы можем верить летописцу события, ставшему его свидетелем, расплакались; в

то время как их сердца были проникнуты благоговейным страхом перед Богом этих ужасных существ, которые, казалось, держали в своих руках гром и молнию.^[556]

Следует признать, что римско-католическое причастие имеет некоторые решительные преимущества перед Протсуществующим в целях прозелитизма. Ослепительная пышность его служения и трогательная апелляция к чувствам воздействуют на воображение грубого дитя природы гораздо сильнее, чем холодные абстракции протестантизма, которые, обращенные к разуму, требуют от слушателей определенной утонченности и ментальной культуры для их понимания. Более того, уважение, проявляемое католиком к материальным представлениям о Божестве, значительно облегчает достижение той же цели. Это правда, что такие представления используются им только как стимулы, а не как объекты поклонения. Но это различие теряется для дикаря, который находит такие формы обожания слишком похожими на его собственные, чтобы подвергать свои чувства какому-либо сильному насилию. От него требуется только перенести свое почтение с образа Кецалькоатля, благожелательного божества, ходившего среди людей, на образ Девы или Искупителя; с Креста, которому он поклонялся как эмблеме бога дождя, на тот же Крест, символ спасения.

Завершив эти торжественные мероприятия, Кортес приготовился вернуться на свои корабли, вполне удовлетворенный впечатлением, произведенным на новообращенных, и завоеваниями, которых он таким образом добился для Кастилии и христианства. Солдаты, простившись со своими друзьями-индейцами, с пальмовыми ветвями в руках сели в лодки и, спустившись по реке, снова взошли на борт своих судов, которые стояли на якоре в ее устье. Дул попутный бриз, и маленький флот, распустив паруса, чтобы встретить его, вскоре снова был на пути к золотым берегам Мексики.

ГЛАВА V

Флот держал курс так близко от берега, что на нем можно было разглядеть жителей; и когда он двигался вдоль извилистых берегов залива, солдаты, участвовавшие в предыдущей экспедиции с Грихальвой, указывали своим товарищам памятные места на побережье. Здесь был *Рио-де-Альварадо*, названный в честь отважного авантюриста, который также участвовал в этой экспедиции; там был *Рио-де-Вандерас*, в котором Грихальва вел столь прибыльную торговлю с мексиканцами; и там был *Исла-де-лос-Сакрисиос*, где испанцы впервые увидели следы человеческих жертвоприношений на побережье. Пуэртокарреро, слушая эти воспоминания моряков, повторил слова старой баллады Монтесиноса: “Вот Франция, вот Париж, а вот воды Дуэро”, ^[557] и т.д. “Но я советую вам, - добавил он, обращаясь к Кортесу, - обращать внимание только на богатые земли и наилучший способ управлять ими”. “Не бойтесь, - ответил его командир. - Если удача будет благосклонна ко мне, как к Орландо, и моими спутниками будут такие доблестные джентльмены, как вы, я прекрасно пойму себя”. ^[558]

К этому времени флот прибыл к берегам Сан-Хуан-де-Улуа, острова, названного так Грихальвой. Погода стояла умеренная и безмятежная, и толпы туземцев собрались на берегу большой земли, глаза на странное явление, в то время как суда скользили под легкими парусами по гладкой глади вод. Это был вечер четверга Страстной недели. С берега приятно дул свежий воздух, и Кортесу понравилось это место, и он подумал, что может безопасно бросить якорь с подветренной стороны острова, которая защитит его от *северных ветров*, которые со смертельной силой проносятся по этим морям зимой, иногда даже поздней весной.

Корабли недолго стояли на якоре, когда от соседнего континента отделилась легкая пирога, наполненная туземцами, и направилась к генеральскому судну, отличавшемуся королевским флагом Кастилии, развевавшимся на мачте. Индейцы взошли на борт с откровенной уверенностью, вдохновленные рассказами об испанцах, распространяемыми их соотечественниками, торговавшими с Грихальвой. Они приносили в дар фрукты и цветы, а также маленькие золотые украшения, которые с радостью обменивали на обычные безделушки. Попытки Кортеса завязать беседу со своими посетителями с помощью переводчика Агилара, который не знал языка; диалекты майя, с которыми он был знаком, имели слишком мало сходства с ацтекским, потерпели неудачу. Туземцы восполняли этот недостаток, насколько это было возможно, необычайной живостью и значительностью своих жестов - иероглифов речи; но испанский командующий с огорчением видел, с какими затруднениями ему придется столкнуться в будущем из-за отсутствия более совершенного средства общения. ^[559] В этой дилемме ему сообщили, что одна из рабынь, предоставленных ему вождами табасков, была коренной мексиканкой и понимала этот язык. Ее имя, данное ей испанцами, было Марина; и, поскольку ей предстояло оказать важнейшее влияние на их судьбу, необходимо познакомить читателя кое с чем из ее характера и истории.

Она родилась в Пайналле, в провинции Коацакуалько, на юго-восточных границах Мексиканской империи. Ее отец, богатый и могущественный касик, умер, когда она была совсем маленькой. Ее мать снова вышла замуж, и, родив сына, ей пришла в голову печально известная идея передать этому отпрыску от ее второго союза законное наследство Марины. Соответственно, она притворилась, что последняя мертва, но тайно передала ее в руки каких-то странствующих торговцев из Ксикальянко. В то же время она воспользовалась смертью ребенка одной из своих рабынь, чтобы заменить труп своей собственной дочери, и совершила погребение с притворной торжественностью. Эти подробности рассказал честный старый солдат Берналь Диас, который знал мать и был свидетелем того, как великодушно впоследствии обошлась с ней Марина. Купцы снова продали индейскую девушку касику Табаско, который, как мы видели, передал ее испанцам.

По месту своего рождения она была хорошо знакома с мексиканским языком, на котором, как говорят, она действительно говорила с большим изяществом. Ее пребывание в Табаско познакомило ее с диалектами этой страны, так что она могла поддерживать разговор с Агиляром, который он, в свою очередь, переводил на кастильский. Таким образом, Кортесу был открыт определенный, хотя и несколько окольный канал связи с ацтеками; обстоятельство, имевшее последнее значение для успеха его предприятия. Однако прошло не так много времени, прежде чем Марина, обладавшая живым гением, настолько овладела кастильским языком, что отпала необходимость в любом другом лингвисте. Она выучила его тем охотнее, что для нее это был язык любви.

Кортес, который с самого начала оценил ценность ее услуг, сделал ее своей переводчицей, затем секретарем и, покоренный ее чарами, своей любовницей. У нее от него был сын, дон Мартин Кортес, *комендадор* военного ордена Святого Иакова, менее выдающийся своим происхождением, чем незаслуженными преследованиями.

Марина была в это время на заре жизни. Говорят, что она обладала необычной личной привлекательностью,^[560] а ее открытые, выразительные черты лица указывали на ее щедрый нрав. Она всегда оставалась верна соотечественникам, которых удочерила; и ее знание языка и обычаев мексиканцев, а часто и их замыслов, позволяло ей не раз выручать испанцев из самых затруднительных и опасных ситуаций. Как мы уже видели, у нее были свои ошибки. Но их скорее следовало бы списать на недостатки раннего воспитания и на дурное влияние того, к кому во тьме своего духа она с простой уверенностью обращалась в поисках света, который вел бы ее. Все согласны с тем, что она была полна превосходных качеств, и важные услуги, которые она оказала испанцам, сделали ее память заслуженно дорогой для них; в то время как имя Малинче^[561] — имя, под которым она до сих пор известна в Мексике, — с добротой приносилось покоренными народами, к несчастьям которых она проявляла неизменное сочувствие.^[562]

С помощью двух своих толковых переводчиков Кортес вступил в беседу со своими индийскими посетителями. Он узнал, что они мексиканцы, или, скорее, подданные великой мексиканской империи, часть которой их собственная провинция была завоевана сравнительно недавно. Страной правил могущественный монарх по имени Моктеузома, или европейцы чаще называют Монтесуму,^[563] который жил на горных равнинах внутренних районов страны, почти в семидесяти лигах от побережья; их собственной провинцией управлял один из его вельмож по имени Теутлиле, чья резиденция находилась в восьми лигах от них. Кортес, в свою очередь, поделился с ними своими дружескими взглядами на посещение их страны и выразил желание побеседовать с правителем ацтеков. Затем он отпустил их, нагруженных подарками, предварительно убедившись, что внутри в изобилии хранится золото, подобное тем образцам, которые они привезли.

Кортес, довольный нравами местных жителей и хорошими отзывами об этой стране, решил пока поселиться здесь. На следующее утро, двадцать первого апреля, в Страстную пятницу, он высадился со всеми своими силами на том самом месте, где сейчас стоит современный город Вера-Крус. Завоеватель и представить себе не мог, что пустынный пляж, на который он впервые ступил, однажды будет покрыт цветущим городом, великим центром европейской и восточной торговли, коммерческой столицей Новой Испании.^[564]

Это была широкая и ровная равнина, за исключением тех мест, где песок был занесен в холмики постоянными *северными ветрами*. На этих песчаных холмах он установил свою маленькую пушечную батарею, чтобы получить в свое распоряжение всю страну. Затем он использовал войска для вырубки небольших деревьев и кустарников, росших поблизости, чтобы обеспечить укрытие от непогоды. В этом ему помогали жители страны, посланные, как оказалось, губернатором округа на помощь испанцам. С их помощью колья были прочно вбиты в землю и покрыты сучьями, циновками и хлопчатобумажными коврами, которые дружелюбные туземцы привезли с собой. Таким образом, за пару дней они обеспечили себе хорошую защиту от палящих

лучей солнца, которые с невыносимой яростью били по пескам. Это место было окружено заросшими оленьими болотами Нанта, испарения которых, превращенные жарой в заразную малярию, стали причиной в более поздние времена большей смертности европейцев, чем все ураганы на побережье. О желчных расстройствах, ставших теперь страшным бичом *огненной земли*, до Завоевания было мало известно. Семена яда, по-видимому, были разбросаны рукой цивилизации, ибо достаточно заселить город и собрать вместе занятое европейское население, чтобы выявить пагубность яда, который прежде безвредно таился в атмосфере. [\[565\]](#)

Пока шли эти приготовления, туземцы стекались сюда из соседнего района, который был довольно густонаселенным в глубине страны, движимые естественным любопытством увидеть удивительных незнакомцев. Они привезли с собой фрукты, овощи, цветы в изобилии, дичь и множество блюд, приготовленных по местной моде, с маленькими золотыми изделиями и другими украшениями. Одни они раздавали в качестве подарков, а другие обменивали на товары испанцев, так что лагерь, переполненный разношерстной толпой всех возрастов и полов, имел вид ярмарки. От некоторых посетителей Кортес узнал о намерении губернатора нанести ему визит на следующий день.

Это была Пасха. Теутлиле прибыл, как и объявил, до полудня. Его сопровождала многочисленная свита, и он был встречен Кортесом, который с большой церемонией проводил его в свою палатку, где собрались его главные офицеры. Вождь ацтеков ответил на их приветствия вежливо, хотя и формально. Мессу первым отслужил отец Ольмедо, и богослужение было выслушано Теутлиле и его сопровождающими с достойным благоговением. Затем было подано угощение, за которым генерал угостил своего гостя испанскими винами и сладостями. Затем были представлены переводчики, и между сторонами завязалась беседа.

Первые расспросы Теутлиле касались страны пришельцев и цели их визита. Кортес сказал ему, что “он был подданным могущественного монарха за морями, который правил огромной империей и имел королей и принцев в качестве своих вассалов; что, зная о величии мексиканского императора, его господин пожелал вступить с ним в сношения и отправил его в качестве своего посланника к Монтесуме с подарком в знак своей доброй воли и посланием, которое он должен передать лично”. В заключение он поинтересовался у Теутлиле, когда тот может быть допущен к своему государю.

На это ацтекский аристократ несколько надменно ответил: “Как получилось, что ты пробыв здесь всего два дня и требуешь встречи с императором?” Затем он добавил с большей вежливостью, что “он был удивлен, узнав, что есть еще один монарх, столь же могущественный, как Монтесума, но что, если бы это было так, он не сомневался, что его хозяин был бы рад пообщаться с ним. Он отправит своих курьеров с королевским подарком, привезенным испанским командующим, и, как только узнает волю Монтесумы, сообщит о ней”.

Затем Теутлиле приказал своим рабам принести подарок, предназначенный испанскому генералу. Он состоял из десяти тюков тонкого хлопка, нескольких накидок из того любопытного материала, вышитого пером, чьи богатые и нежные краски могли соперничать с самой красивой росписью, и плетеной корзины, наполненной украшениями из ковального золота, - все это должно было внушить испанцам высокие представления о богатстве и механической изобретательности мексиканцев.

Кортес принял эти подарки с подобающей благодарностью и приказал своим слугам разложить перед вождем предметы, предназначенные для Монтесумы. Это было кресло, богато украшенное резьбой и росписью, малиновый суконный колпак с золотой медалью, украшенной Святым Георгием и драконом, а также множество ошейников, браслетов и других украшений из граненого стекла, которые в стране, где стекла не было в продаже, могли бы претендовать на ценность настоящих драгоценных камней и, без сомнения, сошли бы за таковые у неопытного мексиканца. Теутлиле заметил в лагере солдата с блестящим позолоченным шлемом на голове, который, по его словам, напомнил ему шлем, который носил бог Кецалькоатль в Мексике; и он выразил желание,

чтобы Монтесума увидел его. Приход испанцев, как вскоре увидит читатель, был связан с некоторыми традициями, посвященными этому же божеству. Кортес выразил свою готовность отправить каску императору, выразив надежду, что она будет возвращена наполненной золотым песком страны, чтобы он мог сравнить ее качество со своим собственным! Далее он сообщил губернатору, как нам сообщил его капеллан, “что испанцев беспокоила болезнь сердца, особым средством от которой было золото”! [\[566\]](#) “Короче говоря, - говорит Лас Касас, - он ухитрился предельно ясно объяснить губернатору свою нехватку золота”. [\[567\]](#)

Пока эти предметы проходили мимо, Кортес заметил, как один из слуг Теутлиле возился с карандашом, очевидно, обрисовывая какой-то предмет. Взглянув на свою работу, он обнаружил, что это был набросок на холсте испанцев, их костюмов, оружия и, короче говоря, различных интересных объектов, придающий каждому соответствующую форму и цвет. Это было знаменитое изобразительное искусство ацтеков, и, как сообщил ему Теутлиле, этот человек был занят изображением различных предметов для глаз Монтесумы, который таким образом получил бы более яркое представление об их внешнем виде, чем из любого словесного описания. Кортесу понравилась эта идея, и, поскольку он знал, насколько усилится эффект, если превратить натюрморт в действие, он приказал высадить кавалерию на пляж, влажный песок которого давал лошадям твердую опору. Смелые и быстрые движения солдат, когда они выполняли свои военные упражнения; очевидная легкость, с которой они управлялись с огненными животными, на которых были верхом; блеск их оружия и пронзительный крик трубы - все это повергло зрителей в изумление; но когда они слышали грохот пушек, которые Кортес приказал стрелять одновременно, и увидели клубы дыма и пламени, вырывающиеся из этих ужасных машин, и свист ядер, когда они проносились сквозь деревья соседнего леса, разнося их ветви на куски. Они были полны ужаса, от которого сам вождь ацтеков не был полностью свободен.

Ничто из всего этого не ускользнуло от художников, которые добросовестно запечатлели, на свой манер, каждую деталь, не обойдя вниманием корабли незнакомцев — “дома на воде”, как они их называли, — которые, с их темными корпусами и белоснежными парусами, отражающимися в воде, лениво покачивались на якоре на спокойной глади залива. Все было изображено с точностью, которая, в свою очередь, вызвала восхищение испанцев, которые, несомненно, не будучи готовыми к такой демонстрации мастерства, сильно переоценили достоинства исполнения. [\[568\]](#)

Покончив с различными делами, Теутлиле со своими приближенными покинул испанские кварталы с той же церемонией, с какой он вошел в них; оставив приказ, чтобы его люди снабдили войска провизией и другими предметами, необходимыми для их размещения, до дальнейших указаний из столицы. [\[569\]](#)

СНОСКИ:

[1] Льюис Х. Морган, Дома и быт американских аборигенов, стр. 222.

[2] Смотрите том i, главу iv, а для Хименеса - “Фердинанд и Изабелла” Прескотта, часть ii. глава vi.

[3] В настоящем издании размещена сразу после Введения.

[4] Действительно обширная, если мы можем доверять архиепископу Лоренцане, который говорит нам: “Сомнительно, чтобы страна Новая Испания не граничила с Татарией и Гренландией; через Калифорнию - с первой, а через Нью-Мексико - со второй”! Historia de Nueva-España (México, 1770), p. 38, nota. {*}

{*} [Границы, установленные историками для территорий Конфедерации ацтеков, разительно различаются. Оценка Прескотта слишком велика. Льюис Х. Морган (Дома и домашняя жизнь американских аборигенов, стр. 223) считает, что площадь его территории была примерно равна площади Род—Айленда — самого маленького штата в Американском союзе -т.е., около 1250 квадратных миль. Medio tutissimus ibis. Термин "Империя" вводит в заблуждение. Штаты Керетаро, Гуанахуато, Мичоакан, Герреро и большая часть Ла-Пуэбла в современной Мексике почти окружают так называемую Империю Монтесумы. Возможно, притоки пуэбло занимали площадь, равную площади штата Массачусетс.—М.]

[5] Я соответствовал ограничениям, установленным Clavigero. Он, вероятно, исследовал этот вопрос с большей тщательностью и верностью, чем большинство его соотечественников, которые отличаются от него и которые придают монархии более либеральное значение. (See his Storia antica del Messico (Cesena, 1780), dissert. 7.) Однако аббат не сообщил своим читателям, на каком хрупком фундаменте покоятся его выводы. О масштабах империи ацтеков можно судить по трудам историков со времен прихода испанцев и по сводкам дани, выплачиваемой завоеванными городами; оба источника крайне расплывчаты и неполноценны. Смотрите рукописи коллекции Мендосы в великолепном издании лорда Кингсборо "Древности Мексики", включающем факсимиле древних рисунков и иероглифов, а также памятники Новой Испании. Лондон, 1830). Трудность расследования значительно возрастает из-за того факта, что завоевания были совершены, как будет видно ниже, объединенными силами трех держав, так что не всегда легко сказать, к какой стороне они в конечном итоге принадлежали. Дело настолько неопределенно, что Клавиджеро, несмотря на позитивные утверждения в своем тексте, не отважился определить на своей карте точные границы империи ни на севере, где она смешивается с империей Тецукукан, ни на юге, где, действительно, он допустил вопиющую ошибку, утверждая, что, хотя территория Мексики простиралась до четырнадцатой степени, она не включала никакой части Гватемалы. (См. Том. i. стр. 29 и том. iv. диссертация. 7.) Тецукуканский хронист Икстлильшочитль выдвигает серьезные претензии на верховную империю своего собственного народа. История чичимеки, ср., главы 39, 53 и др.

[6] От восемнадцати до двадцати тысяч, по словам Гумбольдта, который считает, что территория Мексики была такой же, как та, которую занимали современные интендантства Мехико, Пуэбла, Вера-Крус, Оахака и Вальядолид. (Essai politique sur le Royaume de Nouvelle-Espagne (Paris, 1825), tom. i. p. 196.) Это последнее, однако, было все или почти все включено в состав конкурирующего королевства Мичоакан, как он сам более правильно утверждает в другой части своей работы. Сост. том. ii. с. 164.

[7] [За смертью следует немедленное разложение. Все следы похороненного трупа исчезают через три—четыре года.—М.]

[8] Путешественник, въезжающий в страну через унылые песчаные холмы Вера-Крус, вряд ли признает правдивость приведенного выше описания. Он должен искать его в других частях *огненной земли*. Из недавних туристов никто не дал более великолепной картины впечатления, произведенного на его чувства этими солнечными краями, чем Латроб, сошедший на берег в Тампико ("Рамблер в Мексике" (Нью—Йорк, 1836), глава 1). Можно добавить, что путешественник, чьи описания человека и природы в нашей собственной стране, насколько мы можем судить, отличаются трезвостью и справедливостью, которые дают ему право с уверенностью описывать другие страны.

[9] Высота этого протяженного участка страны варьируется от 5570 до 8856 футов, что равно высоте перевалов горы Сенис или Большого Сенбернара. Плоскогорье простирается еще на триста лиг дальше, прежде чем оно опускается до уровня 2624 футов. Humboldt, Essai politique, tom. i. pp. 157, 255. {*}

{*} [“Континентального хребта Гумбольдта не существует. Андская система заканчивается на севере Колумбии. Система Скалистых гор заканчивается на плато к югу от города Мехико. Промежуточная система лежит поперек тенденции двух других систем и отличается от них по происхождению. Это относится к той же цепочке, которая возникает на Антильских островах, то есть к системе, возникающей на Мартинике и Санта—Люции”. — Роберт Т. Хилл из Геологической службы США, в журнале Century Magazine, июль 1902 г. -М.]

[10] Примерно 62° по Фаренгейту, или 17° Реомюра. (Humboldt, Essai politique, tom. i. p. 273.) Более возвышенные плато плоскогорья, такие как долина Толука, примерно на высоте 8500 футов над уровнем моря, отличаются суровым климатом, при

котором столбик термометра в течение большей части дня редко поднимается выше 45 ° F. Там же (лок. цит.) и Мальтебран (Всеобщая география, англ. пер., книга 83), который, действительно, в этой части своей работы является лишь отголоском прежнего автора.

[111] Высота Кастилии, согласно неоднократно цитируемому источнику, составляет около 350 туазов, или 2100 футов над уровнем океана. (Диссертация Гумбольдта, апуд Лаборд, Описание Испании (Париж, 1827), том i. стр. 5.) В Европе редко можно встретить равнины такой большой высоты.

[112] Архиепископ Лоренцана оценивает протяженность Долины в девяносто лиг, одновременно исправляя утверждение Кортеса, которое оценивает ее в семьдесят, что очень близко к истине, как явствует из результата измерения М. де Гумбольдта, приведенного в тексте. Его длина составляет около восемнадцати лиг, ширина - двенадцать с половиной. (Гумбольдт, "Очерки политики", том ii, стр. 29.—Лоренцана, История. de Nueva-España, p. 101.) Карта долины Мехико Гумбольдта является третьей в его "Географическом и физическом атласе" и, как и все остальные в коллекции, представляет неоценимую ценность для путешественника, геолога и историка.

[113] Гумбольдт, "Очерки политики", том ii. стр. 29, 44-49.—Мальтебран, книга 85. Этот последний географ определяет уровень Долины всего на 6700 футов, противореча самому себе (сост., книга 83), или, скорее, Гумбольдту, страницами которого он пользуется сам *plenis manibus*, действительно, слишком щедро для скудных ссылок внизу его страницы.

[114] Торквемада частично объясняет это уменьшение, предполагая, что, как Бог позволил водам, которые когда-то покрывали всю землю, спасть после того, как человечество было почти истреблено за свои беззакония, так и он позволил водам мексиканского озера спасть, в знак доброй воли и примирения, после того, как идолопоклоннические расы страны были уничтожены испанцами! (Монархия Индианы (Мадрид, 1723), том i. стр. 309.) Столь же вероятное, если не столь ортодоксальное, объяснение можно найти в активном испарении этих верхних областей и в том факте, что при жизни доброго отца был построен огромный дренаж, чтобы уменьшить уровень воды в главном озере и защитить столицу от затопления.

[115] [Возможно, следует пожалеть, что вместо скудного упоминания о тольтеках с мимолетным намеком на более ранние расы автор не посвятил отдельную главу истории страны в эпохи, предшествовавшие Завоеванию. Эта история, это правда, опирающаяся на традиции или сомнительные записи, смешанные с легендарными и мифологическими связями, полна неясности и сомнений. Но какой бы неопределенной она ни была в отношении деталей, в ней представлена масса общих фактов, подкрепленных аналогиями и более убедительными свидетельствами языка и существующих пережитков прошлого. Количество и разнообразие архитектурных и других останков, найденных на земле Мексики и прилегающих регионов, и огромное разнообразие разговорных языков с остатками других, вышедших из употребления, — возможно, все они изначально произошли от общего фонда, но демонстрируют разные стадии развития или упадка и могут быть классифицированы в несколько различных семейств, — указывают на выводы, которые делают этот предмет одной из наиболее привлекательных областей для критического исследования. Эти совпадающие свидетельства не оставляют сомнений в том, что, подобно частям Старого Света, столь же благоприятным с точки зрения климата, почвы и положения, центральные регионы Америки были заселены с очень отдаленного периода народами, добившимися заметных успехов в цивилизации и прошедшими через цикл революций, сравнимых с тем, ареной которого в древности были Долина Евфрата и другие части Азии. Были известны и практиковались полезные искусства, накапливалось богатство, организовывались социальные системы, отличавшиеся определенной утонченностью и особой сложностью, создавались государства, которые процветали, приходили в упадок — либо из—за последствий изоляции, либо из-за врожденной неспособности к продолжению существования, - и, наконец, были свергнуты захватчиками, которые повторяли эксперимент, хотя и не всегда с таким же успехом. Некоторые из этих народов исчезли, не оставив никаких следов, кроме своих имен; другие, сами названия которых неизвестны, оставили таинственные памятники, вмурованные в почву, или записи, которые невозможно расшифровать. Из тех, что все еще сохранились и включают около дюжины различных рас, говорящих на ста двадцати различных диалектах, у нас есть традиции, сохранившиеся либо в их собственных записях, либо в записях испанских первооткрывателей. Задача построения на основе этих материалов истории, лишенной украшений мифологии и басни, была предпринята аббатом Брассером де Бурбургом ("История цивилизаций Мексики и Центральной Америки", "Дюранские приключения предшественников Кристофа Колумба", 4 тома, Париж, 1857-59), и, что бы ни думали о применяемом им методе, его исследования неоспоримы, а его взгляды - сильно отличающиеся от тех, которые он высказал впоследствии — заслуживают внимания. Более практическая попытка была предпринята доном Мануэлем Ороско-и-Берра, чтобы проследить порядок, распространение и взаимоотношения различных рас по различиям, смешению и географическим границам их языков. (Geografía de las Lenguas y Carta etnográfica de México, precedidas de un Ensayo de Clasificación de las mismas Lenguas y de Apuntes para las Inmigraciones de las Tribus, México, 1864.)—K.]

[116] [Неопределенность не уменьшается от того, что нам говорят, что Толлан, Туллан, Тулан или Тула (называемые также Тлапаллан и Уэуэлапаллан) были первоначальным местом проживания этого народа, поскольку у нас все еще остаются сомнения, должна ли страна, обозначенная таким образом, подобно Ацтлану, предполагаемому пункту отправления ацтеков, располагаться в Нью—Мексико, Калифорнии, на северо—западной оконечности Америки, или в Азии. М. Брассер де Бурбур (чьи более поздние предположения, в которых название играет заметную роль, будут опубликованы позже). более уместно подмечено в Приложении), обнаруженном в рукописях Киче, упоминается о четырех толланах, один из них “на востоке, по другую сторону моря”. “Но, ” добавляет он, “ в какой части света это должно быть размещено? *C’est là encore une question bien difficile à résoudre.*” (Хист. des Nations civilisées du Mexique, tom. i. pp. 167, 168.) Этимология нам тоже не очень поможет. Согласно Бушманну, *Толлан* происходит от *толин*, тростник, и означает “место зарослей тростника” — “Орт дер Бинсен, плац мит Бинсен гевачсен, *переход*”. (“Об ацтекском ортснамене”, С. 682.) Однако он ссылается на другое происхождение, предложенное писателем, который положил его в основу одной из тех необычных теорий, которые время от времени выдвигаются для объяснения первого распространения человеческой расы, и, в частности, для объяснения первоначальное поселение Америки. Согласно этой теории, колыбелью человечества были Гималайские горы. “Но собирательное название этих возвышенных регионов очень издревле обозначалось именами, корнями которых были *Тал*, *Тол*, *Тул*, что означает высокий, возвышенный ... как это происходит до сих пор во многих языках, например, в английском, китайском и арабском. Таковыми были *толо*, *тала*, *малаха*, *тулан* и т.д. на древнем санскрите и примитивных языках Азии. Откуда произошел азиатский *Атлас*, а также *Атланты* греков, которые, распространившись по миру на запад, дали эти названия многим другим местам и понятиям.... Таласцы, или атланты, оккупировали или завоевали Европу и Африку, более того, отправились в Америку в очень ранние времена.... В Греции они стали *аталантами*, *талаутианами* Эпира, *этолийцами*.... Они дали название Италии, *Айтала*, что означает выдающаяся земля, ... Атлантическому океану и великой Атлантиде, или Америке, называемой в индуистских книгах *Атала* или *Тала-толо*, четвертому миру, где обитали гиганты или могущественные люди.... Америка также полна их именами и деяниями от Мексики и Каролины до Перу: *Тол-текас*, народ Тола и Ацтлана, *Отолум* близ Паленке, многие города *Тула* и *Толу*; *талас* Мичуакана, *маталаны*, *аталаны*, *тулуки* и т. Д. Северной Америки ”. (К. С. Рафинеск, Atlantic Journal, Филадельфия, 1832-33.) Вряд ли нужно добавлять, что Tula также отождествляется со столь же неизвестной и давно разыскиваемой *ultima Thule*, благодаря упрощающему эффекту объединения двух потоков исследований в одно русло. Между тем, в результате критики иного рода весь вопрос растворяется в воздухе, *Толлан* и *Ацтлан* превращаются в названия, имеющие чисто мифическое значение, а обозначенные таким образом регионы переносятся с земли в светлую область неба, откуда, по-видимому, были заимствованы описания в легендах. См. Бринтон, Мифы Нового Света, стр. 88, 89.—К.]

[117] Анауак, согласно Гумбольдту, охватывал только территорию между четырнадцатым и двадцать первым градусами северной широты. (Essai politique, tom. i. p. 197.) По словам Клавиджеро, она включала в себя почти всю территорию, с тех пор известную как Новая Испания. (Стор. дель Мессико, Том i., стр. 27.) Вейтия также использует его как синоним Новой Испании. (Historia antigua de Méjico (Méjico, 1836), tom. i. cap. 12.) Первый из этих авторов, вероятно, допускает слишком мало, в то время как вторые делают слишком много для его границ. Икстлильшочитль говорит, что он простирался на четыреста лиг к югу от страны отоми. (Hist. Чичимека, ср., загл. 73.) Слово "Анауак" означает "у воды". Вероятно, впервые он был применен к местности вокруг озер в Мексиканской долине и постепенно распространился на более отдаленные регионы, населенные ацтеками и другими полукцивилизованными расами. Или, возможно, это название было задумано, как предполагает Вейтия (Hist. antig., lib. 1, cap. 1), для обозначения суши между водами Атлантического и Тихого океанов. {*}

{*} [Это предположение о Вейтии недостойно внимания, опровергнутое фактическим применением и уместностью названия, а также состоянием географических знаний и идей в тот период, когда оно, должно быть, возникло. Современный путешественник, описывая вид великих равнин с вершины Попокатепетля, замечает: “Даже сейчас, когда озера уменьшились до части своих прежних размеров, мы могли видеть соответствие названия, данного в старые времена долине Мексики, *Анауак*, то есть У воды”. Тайлор, Анауак; или Мексика и мексиканцы, древние и современные (Лондон, 1861), стр. 270.—К.]

[118] Клавиджеро говорит о том, что Ботурини написал “на веру тольтекским историком”. (Стор. del Messico, tom. i. p. 128.) Но этот ученый не претендует на то, что сам когда-либо встречался с рукописью толтеков и слышал только об одной, находящейся во владении Икстлильшочитля. (See his Idea de una nueva Historia general de la América Septentrional (Madrid, 1746), p. 110.) Последний автор сообщает нам, что его рассказ о расах тольтеков и чичимеков был “почерпнут из интерпретации” (вероятно, тецуканских рисунков) “и из преданий древних людей”; слабый авторитет для событий, произошедших столетия назад. Действительно, он признает, что их рассказы были настолько полны абсурда и лжи, что он был вынужден отвергнуть девять десятых из них. (См. Его Relaciones, ср., № 5.) Дело истины, вероятно, не сильно пострадало бы, если бы он отверг девять десятых всего остального. {*}

{*} [Язык Икстлильшочитля не обязательно подразумевает, что он считал какие-либо из полученных им реляций ложными или абсурдными, и он не говорит, что отверг девять десятых из них. То, что он написал, является, по его утверждению, “подлинной историей тольтеков”, хотя она и не составляет девяти десятых от всего (“de lo que ello fué”), т.е. того, что содержалось в первоначальных записях; эти записи исчезли, и он сам сократил те отчеты, которые ему удалось получить об их содержании, как ради краткости, так и из-за удивительного характера связей (“son tan estrañas las cosas y tan peregrinas y nunca oйдас”). Источники его информации также неверно описаны; но дальнейшее упоминание о них можно найти в примечании в конце этой Книги.—К.]

[19] Икстлильшочитль, История. Чич., ср., загл. 2.—Idem, Relaciones, MS., no. 2.—Sahagun, Historia general de las Cosas de Nueva-España (México, 1829), lib. 10, cap. 29.—Вейтия, История. антиг., библиотека. 1, глава. 27.

[20] Саагун, История. новая Испания, библиотека 10, глава 29.

[21] Саагун, уби выше.—Торквемада, монарх. Изд., библиотека 1, глава 14.

[22] Описание Египта (Париж, 1890), Antiquités, том i, загл. 1. Вейтия проследил миграции тольтеков с достаточным усердием, едва ли вознагражденный неизбежно сомнительной достоверностью результатов. История. антиг., библиотека 2, главы 21-33.

[23] Икстлильшочитль, История. Чич., ср., глава 73.

[24] Вейтия, История. антиг., библиотека. 1, глава. 33.—Икстлильшочитль, История. Чич., ср., глава 3.—Там же, Relaciones, ср., № № 4, 5.—Отец Торквемада — возможно, неправильно истолковав иероглифы тецкукана — объяснил это таинственное исчезновение толтеков такими *фантастическими* историями о великанах и демонах, которые показывают, что его тяга к чудесному была полностью равна тяге к любому из его призвания. Посмотрите на его монарха. Ind., lib. 1, cap. 14.

[25] [Это предположение, не принятое и не отвергнутое в тексте, было, как замечает м-р Тайлор, “вполне правдоподобным в то время, когда писал Прескотт”, поскольку основывалось на утверждениях ранних авторов и частично поддерживалось выводами м-ра Стивенса, который считал, что разрушенные города Оахака, Чьяпас, Юкатан и Гватемала относятся к сравнительно недавнему периоду и все еще процветали во время испанского завоевания; и что их жители, предки, как он утверждает, дегенеративной расы, которая сейчас населяет эту землю, были того же происхождения и принадлежали к тому же роду. говорил на том же языке, что и мексиканцы. (Случаи из путешествий по Центральной Америке, Чьяпасу и Юкатану.) Но эти мнения были опровергнуты более поздними исследователями. Ороско-и-Берра в подробном и удовлетворительном исследовании этого вопроса обсуждает все относящиеся к нему свидетельства, сравнивает останки в южных провинциях с останками в долине Мехико, указывает на существенные различия в архитектуре, скульптуре и надписях и приходит к выводу, что между двумя цивилизациями не было “точки соприкосновения или сходства”. Он считает, что создание южных провинций, хотя и гораздо более высокого уровня, задолго до господства тольтеков, — дело рук народа, который исчез под натиском варварства в период, предшествующий всем традициям, не оставив ни имени, ни следа своего существования, кроме тех памятников, которые, забытые их преемниками, стали загадкой для последующих поколений. {*}] Geografia de las Lenguas de México, pp. 122-131. См. также Тайлор, Анауак, стр. 189 и далее.—К.]

{*} [Чарней (“Древние города Нового Света”) считает, что и Митла, и Паленке имеют тольтекское происхождение. У него нет никаких сомнений относительно Паленке. Он считает, что это был Священный город, жители которого рассеялись при первой тревоге о Завоевании (стр. 245). (См. далее, стр. 246.) Доктор Бринтон считает, что отец Дюран, “История индии Новой Испании”, “Тезозомок”, “Мексиканская хроника” и “Кодекс Рамиреса” отождествляют тольтеков с ацтеками. Как выразился Джон Фiske, “однако следует остерегаться слишком большого вмешательства в дела этих толтеков”. М-р Фiske призывает к подобной осторожности в отношении чичимеков. Банделье (“Археологический тур”, стр. 192) указывает, что Икстлильшочитль, историк чичимеков, “писал с заинтересованностью и с целью поддержать племенные притязания в глазах испанского правительства”. —М.]

[26] *Тецкоко* означает “место заключения”; как говорили, несколько племен, которые последовательно занимали Анауак, останавливались на некоторое время на этом месте. Икстлильшочитль, Хист. Чич., ср., загл. 10. {*}]

{*} [“Über die Etymologie lässt sich nichts sicheres sagen,” says Buschmann, “so zuversichtlich auch Prescott, wohl nach Ixtlilxochitl, den Namen durch *place of detention* übersetzt.” Über die aztekischen Ortsnamen, S. 697.—К.]

[27] [Трудно согласовать два утверждения о том, что тольтеки “были истинными истоками цивилизации, которая отличала эту часть континента в более поздние времена”, и что они “исчезли с земли так же тихо и таинственно, как и появились на ней”, оставив промежуток более чем в столетие до появления ацтеков и аколуанов. Если последние получили от первых знания в тех искусствах, в которых они быстро соперничали с ними, это, должно быть, произошло путем более прямого общения и передачи, чем можно заключить из упоминания о небольшой части толтекского населения, оставшейся в стране, — факт, который сам по себе выглядит вымышленным, чтобы преодолеть эту трудность. Ороско-и-Берра сравнивает этот переходный период с тем, который

последовал за падением Римской империи; но если в первом случае, по его собственным словам, “не было завоевания, а только оккупация, не было войны, потому что не с кем было бороться”, то аналогия совершенно несостоятельна. Брассер де Бурбур сокращает интервал между уходом тольтеков и приходом чичимеков до нескольких лет и предполагает, что значительное число прежних жителей оставалось рассеянным по Долине. Если, однако, допустимо заменить сомнительные отношения вероятностями, то более простым решением будет поверить, что никакого интервала не было и что никакой эмиграции не было.—К.]

[128] Историк на одной странице говорит о чичимеках, прячущихся в пещерах или, в лучшем случае, в соломенных хижинах, а на следующей серьезно рассуждает об их *сеньорах, инфантах и кабальеро!*{*} Там же, глава 9 и далее.—Вейтия, История. антиг., библиотека 2, глава 1-10.—Камарго, История Глашкалы, СР.

[129] Икстлильшочитль, История. Чич., ср., гл. 9-20.—Вейтия, История. антиг., либр. 2, гл. 29-54.

[130] [Некоторые недавние авторы утверждали, что Мексика, должно быть, изначально была заселена миграциями с Юга. Ацтекские названия и общины, а также следы поселений тольтеков, существовавших задолго до заселения Анауака тем же народом, обнаружены в нескольких частях Центральной Америки. Самые примитивные традиции, а также остатки древнейшей цивилизации также принадлежат к тому же кварталу. Этот последний факт, однако, рассматривается Ороско-и-Берра как само по себе свидетельство того, что миграции происходили с Севера, причем первых пришельцев естественным образом привлекал на юг более теплый климат и более плодородная почва, или их подталкивали в этом направлении последовательные вторжения сзади. Аналогичным образом противоречивые выводы были сделаны из существования ацтекских останков и поселений в Нью-Мексико и Аризоне. Все, что можно сказать с уверенностью, — это то, что ни одна из противоположных теорий не опирается на надежную и достаточную основу.-К.]

[131] Это были колхуанцы, а не аколхуанцы, с которыми Гумбольдт и большинство писателей с тех пор смешивали их.{*} См. его "Эссе политики", том. i. стр. 414; ii. стр. 37.

{*} [Гумбольдт, строго говоря, не путал колхуанцев с аколхуанцами, но в процитированных местах использовал последнее название для первых. “Letzterer Name,” says Buschmann, “ist der erstere mit dem Zusatz von *atl* Wasser,—Wasser Colhuer.” (Über die aztekischen Ortsnamen, S. 690.) Однако эти два племени, согласно тому же авторитетному источнику, были совершенно разными, и только одно — хотя какое именно, он не в состоянии определить — принадлежало к расе науатлаков. Ороско—и-Берра, однако, относит их обоих к этому роду, аколхуаны являются одной из основных ветвей, колхуаны - просто потомками остатков тольтеков в Анауаке.-К.]

[132] [Это не совсем верно, поскольку форма, используемая в письмах Кортеса и других ранних документах, - *Темикститан*, что объясняется искажением Теночтитлана. Буквы *x* и *ch* являются конвертируемыми и имеют тот же звук, что и английское *sh*. Мексика - это *Mexitl* с обозначением места *co*, окончание опускается перед аффиксом.—К.]

[133] Клавиджеро приводит веские причины предпочесть упомянутую выше этимологию Мексики различным другим. (Смотрите его Историю. del Messico, том. i. p. 168, nota.) Название *Теночтитлан* означает *тунал* (кактус) *на камне*. *Esplicacion de la Col. de Mendoza, apud Antiq. o Мексике*, том iv.

[134] “Datur hæc venia antiquitati,” says Livy, “ut, miscendo humana divinis, primordia urbium augustiora faciat.” История. Преф.—См. приведенный выше абзац, полковник де Мендоса, фото 1, apud Antiq. o Мексике, том i., —Икстлильшочитль, История. Чич., ср., глава 10,—Торибио, История индейцев, СР., Часть 3, глава 8,—Вейтия, История. антиг., lib. 2, cap. 15.—Клавиджеро после тщательного изучения присваивает следующие даты некоторым из заметных событий, отмеченных в тексте. Нет двух авторитетных специалистов, согласных с ними; и это неудивительно, учитывая, что Клавиджеро — самый любознательный из всех — не всегда согласен сам с собой. (Сравните его даты прихода аколхуанов, том i, стр. 147, и том iv, диссертация. 2:)—

н. э.

Тольтеки прибыли в Анауак В 648 г.

Они покинули страну в 1051 г.

Прибыли чичимеки в 1170 г.

Аколхуаны прибыли около 1200 г.

Мексиканцы достигли Тулы В 1196 г.

Они основали Мексику В 1325 г.

См. его диссертацию. 2, с. 12. На последнем свидании, самом важном, его подтверждает ученый Вейтия, который отличается от него во всех остальных. История. антиг., библиотека 2, глава 15.

[35] [Примерно таким же образом была основана итальянская Венеция. Именно страх смерти от рук Аттилы и его гуннов стал причиной заселения островов среди лагун Адриатики. Именно легкое пропитание, которое давали лагуны, стало причиной неуклонного роста итальянской деревни.—М.]

[36] [Эта конфедерация занимала одну из сильнейших оборонительных позиций, когда-либо занимавшихся индейцами. Постепенно она распространила свое влияние на большую часть мексиканской территории. Однако это “господство”, как указывает Фиске, не было военной оккупацией страны. Это была “система грабежа, насаждаемая террором”. — М.]

[37] Лояльный тецуканский хронист претендует на высшее достоинство своего собственного государя, если не на самую большую долю добычи, согласно этому имперскому договору. (История. Чич., глава. 32.) Торквемада, с другой стороны, претендует на половину всех завоеванных земель для Мексики. (Монарх. Ind., lib. 2, cap. 40.) Все согласны с тем, что Тлакопану отводится только одна пятая часть; и Вейтия (Hist. антиг., библиотека 3, загл. 3) and Zurita (Rapport sur les différentes Classes de Chefs de la Nouvelle-Espagne, trad. де Терно (Париж, 1840), стр. 11), оба очень компетентных критика, соглашаются с равным разделением между двумя главными штатами конфедерации. Сохранившаяся до наших дней ода о Несауалькойотле в ее кастильской версии свидетельствует об исключительном союзе трех сил:

“solo se acordarán en las Naciones

lo bien que gobernáron

las tres Cabezas que el Imperio honráron.”

Cantares del Emperador

[38] Смотрите планы древней и современной столицы в “Мексике” Буллока, первое издание. Оригинал древней карты был получен этим путешественником из коллекции несчастного Ботурини; если, как кажется вероятным, это та карта, которая указана на странице 13 его Каталога, я не нахожу оснований для заявления мистера Баллока о том, что она была составлена для Кортеса по приказу Монтесумы.

[39] [Первым человеком, избранным вождем людей (тлакатекутли), или высшим офицером конфедерации, был Акамапичтли. Его избрание состоялось в 1375 году, и европейские писатели иногда называют его “основателем конфедерации”. В переводе его имя было “Пригоршня тростника”. Преемственность “вождей человеческих” была следующей:

1. Акамапичтли (Горсть тростника)	1375
2. Уицилиуитль (Колибри)	1403
3. Чимальпопока (Дымящийся щит)	1414
4. Изкоацин (Обсидиановый змей)	1427
5. Монтесума I (Разгневанный вождь)	1436
6. Аксаякатль (Лицо в воде)	1464
7. Тизок (Раненая нога)	1477
8. Ауицотль (Водяная крыса)	1486
9. Монтесума II	1502
10. Куитлауацин	1520
11. Куитлауацин	1520

[40] Клавиджеро, Стор. del Messico, tom. i. lib. 2.—Торквемада, монарх. Инд., том. и. lib. 2. Ботурини, Idea, стр. 146.—Полковник Мендоса, часть 1, и Codex Telleriano-Remensis, apud Antiq. о Мексике, тома i, vi.—Макиавелли считает одной из главных причин военных успехов римлян то, что “в своих войнах они объединялись с другими государствами в качестве главного”, и выражает свое удивление тем, что подобная политика не должна была быть принята амбициозными республиками в более поздние времена. (См. его "Дискорси sopra" Т. Ливии, часть 2, глава 4, "Апуд Опера" (Женева, 1798).) Именно этого, как мы видели выше, и придерживались мексиканцы.

[41] Икстлильшочитль, История. Чич., ср., глава 36.

[42] [Робертсон в своей "Истории Америки" был первым человеком, который усомнился в правильности суждения, вынесенного испанскими хронистами об ацтекских институтах. Последующие американские авторы более громко выразили его сомнения. Как было сказано в примечаниях к предыдущей главе, г-н Морган убедительно доказал, что так называемая “империя” была вовсе не империей, а всего лишь конфедерацией трех племен. Г-н Морган, однако, иногда допускал неточности и экстравагантные утверждения из-за своего желания поместить всех американских аборигенов на одну институциональную плоскость.

Адольф Банделье, ученик Моргана, настойчивый и точный ученый, исследовал этот предмет совершенно непредвзято и с тщательностью, которая заставляет людей почти безоговорочно доверять его выводам. Здесь уместно резюмировать эти выводы.

Мексиканская конфедерация состояла из трех племен: ацтеков, тецуканцев и тлакопанцев, которые жили в соседних пуэбло.

Из этих племен ацтеки и тецуканы превосходили тлакопанцев. Военные трофеи всегда делились на пять частей. Тлакопанцы захватили одну, их союзники разделили поровну остальные четыре части. Индейские пуэбло, как правило, были рассчитаны на длительную осаду, но мексиканские пуэбло были почти неприступны. Маловероятно, что какие-либо другие индейские племена могли захватить их. Надежно укрывшись в этих огромных общественных домах, которые одновременно были крепостями, конфедерация ацтеков держала в подчинении многие другие племена. Ему было необходимо только послать своих агентов в другие пуэбло, чтобы немедленно получить указанную дань. Неуплата этой дани влекла за собой дисциплинарное взыскание со стороны воинов конфедерации. “Империя” была “всего лишь партнерством, созданным с целью ведения военных действий и предназначенным не для расширения территориальных владений, а только для увеличения средств существования”. Подчиненные народы так и не были включены в конфедерацию. Племя осталось нетронутым. Дома, которые занимало племя, были общей собственностью, как и обрабатываемая земля. Ни земля, ни дома не могли быть проданы, и по мере увеличения численности племени строились новые общинные дома, чтобы приспособиться к этому увеличению. Огромные жилища-крепости на хорошо возделанной для дикарей земле препятствовали разделению племен, которое постоянно происходило в более дикой Северной Америке.

Двадцать кланов, организованных в четыре фратрии, составляли племя ацтеков. Кланов назывались “кальпулли”. Ими управлял совет вождей, “текухтли”, избираемый кланом. Там был официальный глава, “кальпуллак”, чьи обязанности были в основном гражданскими, а также военный лидер, “оакаутин” (“старший брат”). Посвящение этих людей в должность сопровождалось болезненными религиозными испытаниями. Офицеры клана занимали свои места при хорошем поведении. Лекари, или священники, были членами совета клана. К четырем фратриям, на которые был разделен клан, были отнесены четыре квартала города Мехико, каждый под началом своего капитана. Их титулы были “человек из дома дротиков”, “вождь орла и кактуса”, “проливающий кровь” и “рубящий людей”. Из этих капитанов “вождь орла и кактуса” был главным палачом. Их основной обязанностью было поддерживать порядок как внутри, так и за пределами пуэбло. В каждом из этих четырех кварталов находился оружейный склад (“дом дротиков”), в котором хранилось оружие фратрии, когда ее воины не были заняты войной. Фратрия была в Мексике прежде всего военной организацией.

Двадцать членов, по одному от каждого клана, составляли совет племени, который осуществлял высший контроль над племенем ацтеков. Члена, который был выбран представлять клан, звали “тлатоани”, “оратор”, а совет назывался “тлатокан”, “место выступления”. Заседания совета регулярно проводились каждые десять дней, а каждые восемьдесят дней созывалась дополнительная сессия, на которую вызывались двадцать “оакаутинов”, четыре капитана фратрий, два гражданских руководителя племени и некоторые другие. Его решения были окончательными.

Как у клана был свой гражданский глава, или кальпуллак, так и у племени был соответствующий офицер, чихуакоатль, или “женщина-змея”. “Женщина-змея” всегда была мужчиной. Он был главным судьей клана и избирался пожизненно советом племени. “Женщина-змея” была второй по старшинству после “вождей мужчин”, или тлакатекутли, главного военного вождя.

Будучи сначала главным военным вождем ацтеков, примерно в 1430 году тлакатекухтли был назначен главным военным вождем и командующим конфедерацией. Монтесума был “вождем людей”, и испанцы видели, что он окружен таким почетом, что вполне естественно предположили, что он король ацтеков. Положение Монтесумы, однако, вовсе не было королевским, и большая часть королевских функций выпала на долю “женщины-змеи”. Бандельер считает, что “вождь людей” был всего лишь главным военным офицером. Он был избран “старшими братьями” (окакаутинами) кланов, советом племени и главными жрецами, заседавшими в собрании. Принцип наследования, по-видимому, ограничивал право избрания членами особого клана. Более того, из четырех офицеров, а именно, члена жречества, называемого “человеком из дома тьмы”, и капитанов фратрий, именуемых соответственно “человеком из дома дротиков”, “проливающим кровь” и “рубящим людей”, всегда выбирался “вождь людей”. После своего избрания он выполнял определенные священнические функции. Его первым официальным действием было вознесение благоволий богу войны Уицилопочтли. Монтесума был “жрецом-командующим”, а также “вождем людей”.

{*} [Бэнкрофт, "Коренные народы Тихоокеанских штатов", том ii, стр. 145.]

“Вождь людей” занимал должность при условии хорошего поведения. По должности он был членом совета племени, но ему было нечего делать в пределах племени. Его функции выполнялись за пределами конфедерации, и его особой обязанностью было следить за сбором дани. Его агенты, называемые “собирающими урожай” (calpixqui), были назначены советом племени. Их обязанностью было посещать покоренные пуэбло и собирать дань — маис, оружие, керамику, изделия из перьев, рабынь, жертв для жертвоприношения или что-либо еще, что нравилось победителю. Пленников заставляли нести другую дань в текпан, или дом племени, и их сопровождали курьеры, которые следили за тем, чтобы дань была должным образом доставлена в соответствии с указаниями, написанными картинками “собирающими урожай”. Офис кальпикки был самым опасным, будучи практически шпионским. Все эти учреждения испанские историки отмечали, не понимая. Они предполагали, что существует постоянная армия; но каждый мужчина рождался воином, и поэтому народ был армией. В Мексике не было дворянства любого рода. Только заслуги определяли назначение на должность. “Никакая должность, никакое достоинство не передавались мексиканцам по наследству”.

Над простыми воинами клана стояли два высших класса: “выдающиеся храбрецы” и собственно военные вожди. Среди “выдающихся храбрецов” было три класса, распределенных по достижениям, ни один из храбрецов не избирался, но все завоевывали свое место благодаря доблести. Были избраны военные вожди. “Женщина-змея”, или “женщина-змея”, служила сдерживающим фактором для главного военного вождя, или “вождя мужчин”. Эти двое поочередно руководили набегами. Сложные украшения, украшавшие “вождя людей” в его официальном качестве, можно увидеть на скульптурах в Паленке, особенно на “скрижали креста”.

Ацтеки не вели длительных кампаний и не имели успеха в затяжных осадах, в то время как они всегда были в состоянии успешно обороняться от врагов своего собственного класса. Их пирамидальные храмы - теокалли - были замечательными крепостями. В самой Мексике дамбы были по сути военными сооружениями, а не просто дорогами, соединявшими город с материком. Пленники, взятые в набегах, были “в ошейниках”, то есть их удерживали деревянными ошейниками, закрепленными у них на шеях. Если они были особенно неуправляемы и постоянно пытались сбежать, им перерезали сухожилия на ногах.

По мере увеличения численности племен формировались новые “кальпулли” и строились новые общинные дома. Испанцы считали само собой разумеющимся, что племенное правительство, которое осуществляло власть над племенными землями, могло отчуждать эти земли, но это было не так. Частная собственность была установлена только после того, как с общинными землями было покончено.

Г-н Бандельер приходит к следующим выводам:

1. Абстрактная собственность ни государства, ни частного лица была неизвестна.
2. Право владения принадлежало роду. Идея отчуждения никогда не рассматривалась.
3. Физические лица имели право использовать только определенные участки.
4. Никакие права владения не были закреплены за какой-либо должностью или званием вождя.
5. Для ведения племенных дел были выделены определенные земли, независимые от отдельных лиц.
6. За завоеванием последовала не аннексия или распределение, а дань.
7. Феодализм не мог восторжествовать в этих условиях.

Что касается рода, или клана, то следует отметить, что, во-первых, род претендовал на право давать имена своим членам; во-вторых, долгом рода было давать образование своим членам; в-третьих, он привык регулировать браки; в-четвертых, одним из атрибутов рода было право общего погребения; в-пятых, род должен был защищать своих членов; в-шестых, он осуществлял право избирать своих должностных лиц и смещать их. (Монтесума, “вождь людей”, был свергнут перед смертью.) —М.

[43] Это было исключением.—В Египет, и король часто взят из касты воинов, хотя обязан впоследствии быть проинструктированным в тайны священства: $\acute{o} \delta\epsilon \acute{\epsilon} \kappa \mu \alpha \chi \acute{\iota} \omega \nu \acute{\alpha} \rho \theta \epsilon \delta \epsilon \iota \gamma \acute{\epsilon} \nu \omicron \varsigma \epsilon \upsilon \theta \acute{\upsilon} \varsigma \acute{\epsilon} \gamma \acute{\iota} \nu \epsilon \tau \omicron \tau \omicron \nu \acute{\iota} \epsilon \rho \omega \nu$. Plutarch, de Isid. и далее, раздел 9.

[44] Торквемада, монарх. Изд., библиотека. 2, глава 18; библиотека. 11, глава. 27.—Клавиджеро, Рассказ. дель Мессико, Том. ii. стр. 112.—Акоста, Естественная и моральная история Ост- и Вест-Индии, англ. пер. (Лондон, 1604).—Согласно Зурите, выборы знати происходили только при отсутствии наследников умершего монарха. (Раппорт, стр. 15.) Можно позволить подробному историческому исследованию Клавиджеро перевесить это общее утверждение.

[45] [“Вождь людей”.—М.]

[46] Саагун, История. новая Испания, библиотека 6, главы 9, 10, 14; библиотека 8, главы 31, 34. —См. также Зурита, Раппорт, стр. 20-23. —Икстлильшочитль решительно заявляет об этом превосходстве своей собственной нации. (Хист. Чич., ср., загл. 34.) Его утверждения расходятся с фактами, изложенными им самим в других местах, и не поддерживаются ни одним другим автором, с которым я консультировался.

[47] [Просторный дворец, в котором жил “вождь людей”, был главным общинным домом клана. “Тайный совет” состоял из офицеров клана, указанных на стр. 33.—М.]

[48] Саагун, который наделяет выборную власть гораздо большим органом, говорит о четырех сенаторах, которые сформировали государственный совет. (История. de Nueva-España, lib. 8, cap. 30.) Акоста расширяет совет сверх числа выборщиков. (Lib. 6, гл. 26.) Нет двух авторов, согласных друг с другом.

[49] [По словам Банделье, не существовало такого понятия, как “телохранитель”. Охранники были неизвестны. Это стало очевидным, когда Монтесума был схвачен. Ни один “телохранитель” не пытался его спасти. При чтении этой главы следует постоянно помнить о выводах Банделье. “Особый класс знати с большими земельными владениями” составляли лишь высшие должностные лица племени, которые, разумеется, принадлежали к тому же “роду”, что и так называемый ацтекский монарх. Великие касики с тысячами вассалов были племенными офицерами, возглавлявшими племенных воинов. Все “поместья” принадлежали племени и облагались данью.—М.]

[50] Зурита перечисляет четыре категории вождей, все из которых были освобождены от податей и пользовались очень значительными привилегиями. Он не различает несколько рангов с большой точностью. Раппорт, стр. 47, и последующие.

[51] See, in particular, Herrera, Historia general de los Hechos de los Castellanos en las Islas y Tierra firme del Mar Océano (Madrid, 1730), dec. 2, lib. 8, cap. 12.

[52] Карта де Кортес, ап. Лоренцана, История. новая Испания, стр. 110. —Торквемада, монарх. Ind., lib. 2, cap. 89; lib. 14, cap. 6.—Клавиджеро, Стор. дель Мессико, том. ii. стр. 121.—Зурита, Взаимопонимание, стр. 48, 65.—Икстлильшочитль (Хист. Чич., ср., загл. 34) говорит о тридцати великих феодальных вождях, некоторые из них тещуканы и тлакопаны, которых он называет “грандами империи”! Он ничего не говорит об огромном *хвосте* из 100 000 вассалов у каждого, упомянутом Торквемадой и Эррерой.

[53] *Macehual*, — слово, эквивалентное французскому слову *roturier*. Плебеи во Франции также изначально не могли владеть феодальными владениями. См. “Средние века” Халлама (Лондон, 1819), том ii. стр. 207.

[54] Икстлильшочитль, История. Чич., СР., уби выше.—Зурита, Взаимопонимание, уби выше.—Клавиджеро, Стор. дель Мессико, том ii. стр. 122-124. —Торквемада, монарх. Инд., библиотека 14, глава 7.—Гомара, Crónica de Nueva-España, глава 199, ап. Барсия, том ii.—Ботурини (Idea, стр. 165) относит происхождение *феодалов* в Анауаке к двенадцатому веку. Carli says, “Le système politique y étoit féodal.” На следующей странице он сообщает нам: “Только личные заслуги отличали дворянство”! (Lettres Américaines, trad. O. (Париж, 1788), том. i. let. 11.) Карли был писателем с живым воображением.

[55] [У ацтеков не было такого понятия, как феодализм. Там не могло быть коммунизма, который подразумевает клановая система. Феодализм был социально-политической системой, основанной на земле. В соответствии с ним существовала четко определенная градация званий, и каждый низший был связан со следующим более высоким званием защитой, предоставляемой в обмен на оказанную услугу. Более того, там, где господствовал феодализм, право собственности на землю принадлежало одному лицу, в то время как право владения принадлежало другому. Феодализм возвысил личность и гарантировал каждому человеку его *права*. Клан вообще ничего не знал о правах личности. Когда была развита концепция личной собственности и родство перестало быть узами, удерживающими людей вместе, клановая система общинной жизни по необходимости исчезла. Но у ацтеков феодальная концепция личной собственности так и не была развита. Испанцы, не знавшие никакой цивилизации, кроме своей

собственной, естественно, предположили, что институты ацтеков были похожи на испанские, и историки в целом согласились с этой точкой зрения.—М.]

[56] [См. Краткое изложение исследований Банделье, стр. 36.—М.]

[57] Этот магистрат, которого звали *чиуакоатль*, {*} также должен был проверять счета сборщиков налогов в своем округе. (Клавиджеро, История. дель Мессико, том. ii. стр. 127.—Торквемада, монарх. Изд., библиотека. 11, глава. 25.) В коллекции Мендосы хранится картина, изображающая суды при Монтесуме, который внес в них большие изменения. (Antiq. of Mexico, том i, лист 70.) По словам переводчика, в определенных случаях они обращались с апелляцией к королевскому совету. Там же, том vi. стр. 79.

{*} [Это слово, представляющее собой соединение *cihuatl*, женщина, и *coatl*, змея, было именем божества, мифической матери человеческого рода. Его типичное применение, возможно, имело отношение к справедливости, или закону, как источнику социального порядка.—К.]

[58] Клавиджеро, Стор. дель Мессико, том ii. стр. 127, 128. —Торквемада, монарх. Ind., ubi выше. — В этом расположении более скромных магистратов нам вспоминаются англосаксонские сотни и десятины, особенно последние, члены которых должны были следить за поведением семей в своих округах и привлекать нарушителей к ответственности. Мексиканцы не знали сурового наказания в виде круговой поруки.

[59] Зурита, обычно столь сдержанный в выражениях, замечает, что в столице “были учреждены трибуналы, которые по своей организации могли сравниться с королевскими аудиенциями Кастилии”. (Репорт, стр. 93.) Его наблюдения в основном взяты из тецуканских судов, которые по своим процедурным формам, по его словам, были похожи на ацтекские. (Лок. цит.)

[60] Ботурини, Идея, стр. 87.—Торквемада, Монарх. Ind., lib. 11, cap. 26.—Зурита сравнивает это тело с кастильскими кортами. Однако, по его словам, она, по-видимому, состояла всего из двенадцати главных судей, не считая короля. Смысл сказанного несколько сомнителен. (Репорт, стр. 94, 101, 106.) М. де Гумбольдт в своем рассказе об ацтекских дворах смешал их с тецуканскими. Сост. Vues des Cordillères et Monumens des Peuples indigènes de l'Amérique (Paris, 1810), p. 55, and Clavigero, Stor. del Messico, том. ii. pp. 128, 129.

[61] “Если бы это было сделано сейчас, какая это была бы замечательная вещь!” - восклицает мексиканский редактор Саагуна. История. Новая Испания, том ii, стр. 304, примечания.—Зурита, Взаимопонимание, стр. 102.—Торквемада, монарх. Ind., ubi выше.—Икстлильшочитль, Хист. Чич., ср., глава 67.

[62] [Здесь есть намек на “Объединителей” германских племен.—М.]

[63] Зурита, Репорт, стр. 95, 100, 103.—Саагун, История. новая Испания, лок. цит. по. —Гумбольдт, “Вьюи Кордильер”, стр. 55, 56. —Торквемада, монарх. Ind., lib. 11, cap. 25. Клавиджеро говорит, что обвиняемый может освободиться под присягой: “il geo poteva purgarsi col giuramento”. (Стор. del Messico, том. ii. p. 129.) Какой же тогда негодяй мог быть когда-либо осужден?

[64] Икстлильшочитль, История. Чич., ср., загл. 36.—Эти различные предметы имели символическое значение, согласно Ботурини, Идея, стр. 84.

[65] [Сравните “кодексы” германских рас.—М.]

[66] Картины из коллекции Мендосы, стр. 72, и интерпретация, ap. Antiq. Мексики, том vi. стр. 87.—Торквемада, монарх. Изд., библиотека. 12, глава. 7.—Клавиджеро, Рассказ. дель Мессико, том. ii. стр. 130-134. —Камарго, История. де Тласкала, мисс — Вряд ли они могли быть неводержанным народом, когда над ними нависли такие суровые наказания. Действительно, Зурита свидетельствует о том, что те испанцы, которые думали, что они сильно заблуждались. (Rapport, p. 112.) M. Ternaux's translation of a passage of the Anonymous Conqueror, “aucun peuple n'est aussi sobre” (Recueil de Pièces relatives à la Conquête du Mexique, ap. Путешествия и т.д. (Париж, 1838), стр. 54), однако, может произвести более благоприятное впечатление, чем то, на которое рассчитывал его оригинал, замечание которого ограничивается воздержанностью в еде. Смотрите Реляцию, ap. Ramusio, Raccolta delle Navigazioni et Viaggi (Venetia, 1554-1565).

[67] В древнем Египте ребенок рабыни рождался свободным, если отец был свободен. (Диодор, Библия. История., lib. 1, c. 80.) Этот кодекс, хотя и более либеральный, чем кодекс большинства стран, не соответствовал мексиканскому.

[68] В Египте за убийство раба полагалось такое же наказание, как и за убийство свободного человека. (Там же, lib. 1, c. 77.) Робертсон говорит о классе рабов, которые в глазах мексиканского закона считаются настолько дешевыми, что их можно безнаказанно убивать. (История Америки (изд. Лондон, 1776), т. iii. стр. 164.) Это, однако, было не в Мексике, а в Никарагуа (см. Его собственный авторитет, Эррера, Hist. general, dec. 3, lib. 4, cap. 2), далекая страна, не включенная в состав Мексиканской империи, с законами и институтами, сильно отличающимися от законов и институтов последней.

[69] [Раба с “ошейником” привязывали на ночь к стене за его деревянный ошейник.—М.]

[70] Торквемада, монарх. Инд., библиотека. 12, глава. 15; библиотека. 14, главы. 16, 17.—Саагун, История. новая Испания, библиотека. 8, глава. 14.Клавиджеро, Стог. del Messico, том. ii. pp. 134-136.

[71] Икстлильшочитль, История. Чич., ср., глава 38, и Relaciones, CP. —Кодекс тецкукана, действительно, в том виде, в каком он был переработан при великом Несауалькойотле, лег в основу мексиканского языка в последние дни существования империи. Зурита, Раппорт, стр. 95.

[72] По крайней мере, в этом они не походили на римлян, которыми мог похвастаться их соотечественник: “Gloriari licet, nulli gentium mitiores placuisse pœnas”. Ливий, История, глава 1, глава 28.

[73] [Вместо “земель короны” читайте “подвластные племена”; вместо “королевских дворцов” — “общинные дома”.-М.]

[74] Доходы Тецкукана аналогичным образом выплачивались продуктами страны. Различные отрасли королевских расходов оплачивались определенными городами и округами; и в целом порядок действий здесь и в Мексике имел замечательное сходство с финансовыми правилами персидской империи, о чем сообщают греческие авторы (см. Геродот, Клио, с. 192); с той разницей, однако, что города собственно Персии не были обременены данью, как завоеванные города. Там же, Талия, с. 97.

[75] Лоренцана, История. новая Испания, стр. 172. —Торквемада, монарх. Ind., lib. 2, cap. 89; lib. 14, cap. 7.—Ботурини, Идея, стр. 166.—Камарго, История. де Глашкала, г—жа Эррера, История. общие сведения, 2 декабря, библиотека 7, глава. 13. Население провинций было разделено на *кальпулли*, или племена, которые совместно владели соседними землями. Чиновники по собственному назначению распределили эти земли между несколькими семьями *кальпулли*; и при исчезновении или переселении семьи ее земли возвращались в общую собственность, чтобы быть снова распределенными. Индивидуальный владелец не имел права отчуждать их. Законы, регулирующие эти вопросы, были очень точными и существовали с момента оккупации страны ацтеками. Зурита, Взаимопонимание, стр. 51-62.

[76] следующие пункты дань обстановка по разным городам даст более точное представление о его характере:-20 сундуки из молотого шоколада; 40 единиц бронетехники, в частности устройства; 2400 нагрузок большие накидки, переплетенной ткани; 800 множество мелких мантий, богатой носить одеждой; 5 частей брони, богатых перьев; 60 единиц бронетехники, из общего перьев; грудь фасоли; сундук из Хиоса; сундук из кукурузы; 8000 пачек бумаги; а также 2000 буханок очень белой соли, рафинированного в виде плесени, для потребления только господ из Мексики; 8000 кусков нерафинированного копал; 400 корзинки из белого очищенного копала; 100 медные топоры; 80 нагрузок красный шоколад; 800 *xícaros*, из которых они пили шоколад; маленький сосуд из бирюзовых камней; 4 сундука торговля лесоматериалами, полный кукурузы; 4000 возов извести; плитки из золота, от размера устриц, и толщиной в палец; 40 мешков кошенили; 20 мешков золотого песка, самого высокого качества; диадема из золота, заданного рисунка; 20 лип-драгоценности из прозрачного янтаря, украшенный золотом; 200 нагрузок шоколада; 100 горшки или банки с жидкостью янтарного; 8000 *горсти* сочных алых перьев; 40 тигровые шкуры; 1600 пучки хлопка и т. д., и т. д. Кол. де Мендоса, часть 2, ап. Antiq. Мексики, тома i, vi.{*}

{*} [С тех, кто был слишком беден, чтобы платить обычные налоги, взыскивали змей, скорпионов, сороконожек и паразитов. “Рассказывают, что вскоре после того, как Кортес прибыл в город Мехико, некоторые кавалеристы из его отряда ... бродили по королевскому дворцу, ... когда наткнулись на несколько мешков, наполненных каким-то мягким, тонким и увесистым материалом.... Они поспешили развязать один из мешков и обнаружили, что его содержимое состоит только из вшей, которые были выплачены бедняками в качестве дани”. Бэнкрофт, Коренные народы, том ii. стр. 235. Торквемада, монарх. Ind., том. i. стр. 461.—М.]

[77] Мапа де Трибутос, ап. Лоренцана, История. de Nueva-España.—Tribute-roll, ap. Antiq. of Mexico, том i., and Interpretation, том vi., стр. 17-44. —Коллекция Мендосы в Бодлианской библиотеке в Оксфорде содержит список городов Мексиканской империи с указанием взимаемой с них конкретной дани. Это копия, сделанная после Конкисты пером на европейской бумаге. (См. Foreign Quarterly Review, № XVII. Статья 4.) Оригинал картины с тем же свитком находился в музее Ботурини. Лоренцана подарил нам его гравюры, на которых контуры оксфордской копии выполнены, хотя и несколько грубо. Клавиджеро считает пояснения в издании Лоренцаны очень неточными (Stog. дель Мессико, том i, стр. 25), решение, подтвержденное Альо, который переписал все собрание документов Мендосы в первом томе “Древностей Мексики”. Было бы гораздо проще обращаться к его номерным знакам, если бы они были пронумерованы; странное упущение!

[78] Касики, подчинившиеся союзному оружию, обычно подтверждались в своей власти, а завоеванным местам разрешалось сохранять свои законы и обычаи. (Зурита, “Взаимопонимание”, стр. 67.) Завоевания не всегда были разделены, но иногда, что достаточно необычно, они были общими для трех держав. Там же, стр. 11.

[79] [Очень немногие гарнизоны когда-либо были расквартированы в подвластных пуэбло. Воины, с которыми Кортес столкнулся во время своего второго нападения на Мексику, были не городскими гарнизонами, а специальными отрядами, высланными навстречу испанцам. “Кальпикки”, или сборщики налогов, были не только офицерами, но и шпионами, и их ненавидели, как и “мытарей” во всех землях, где налоги собирались “фермерским путем”. У “вождя людей” было много подчиненных. Его курьеры нередко были изгоями. Принимая во внимание класс лиц, с которыми ему приходилось официально иметь дело, и тот факт, что в его обязанности входило представлять величие клана на всех публичных мероприятиях, неудивительно, что он вел себя с таким высокомерием, что заставил испанцев предположить, что он был абсолютным королем. То, что на самом деле у него не было королевской власти, проявилось, когда Монтесума оказался в плену у испанцев. Его особой обязанностью было выполнять приказы совета племени.—М.]

[80] Кол. из Мендосы, ап. Antiq. Мексики, том vi. стр. 17.—Carta de Cortés, ap. Lorenzana, Hist. de Nueva-España, стр. 110.—Торквемада, монарх. Ind., lib. 14, cap. 6, 8.—Эррера, История. генерал, 2 декабря, библиотека 7, глава. 13.—Саагун, История. новая Испания, библиотека 8, главы 18, 19.

[81] Достопочтенный К. А. Мюррей, чье невозмутимое хорошее настроение при реальных неприятностях составляет довольно разительный контраст чувствительности некоторых его предшественников к воображаемому, рассказывает нам, среди прочих чудес, что индеец из его отряда преодолел сто миль за двадцать четыре часа. (Путешествия по Северной Америке (Нью-Йорк, 1839), том i, стр. 193.) Грек, который, согласно Плутарху, принес весть о победе на Платеи, пройдя за день сто двадцать пять миль, был еще лучшим путешественником. Некоторые интересные факты о пешеходных способностях человека в состоянии дикости собраны Буффоном, который справедливо заключает: “Цивилизованный человек не связан с другими силами”. (Histoire naturelle: De la Jeunesse.)

[82] Торквемада, монарх. Ind., lib. 14, cap. 1. Те же желания привели к тем же средствам в Древнем Риме и еще более древней Персии. “Ничто в мире не передается так быстро, - говорит Геродот, - как послания персидских курьеров”, которые его комментатор Валкенер предусмотрительно квалифицирует за исключением почтового голубя. (Геродот, История, Урания, с. 98, пес поп Adnot. ed. Schweighäuser.) На курьеров обратил внимание в XIII веке в Китае Марко Поло. Их станции находились всего в трех милях друг от друга, и они проделали пятидневное путешествие за один раз. (Viaggi di Marco Polo, lib. 2, cap. 20, ap. Рамузио, том ii.) Аналогичное расположение столбов существует там и по сей день и вызывает восхищение современного путешественника. (Андерсон, Британское посольство в Китае (Лондон, 1796), стр. 282.) Во всех этих случаях должности предназначались только для использования правительством.

[83] Саагун, Хист. новая Испания, библиотека 3, Приложение, глава 3.

[84] [Генеральный совет племени.—М.]

[85] Зурита, Раппорт, стр. 68, 120.—Полковник Мендоса, ап. Antiq. Мексики, т. i. Стр. 67; т. vi. стр. 74.—Торквемада, монарх. Изд., lib. 14, cap. 1. Читатель найдет замечательное сходство с этими военными обычаями у ранних римлян. Com. Жизнь., История., библиотека. 1, глава 32; библиотека. 4, глава 30 и др.

[86] [“Выдающиеся храбрецы”, см. Примечание, стр. 35.—М.]

[87] Торквемада, монарх. Ind., lib. 14, главы. 4, 5.—Акоста, lib. 6, глава 26.—Полковник Мендосы, ап. Antiq. Мексики, том i, стр. 65; том vi, стр. 72.—Камарго, История. де Тлашкала, СР.

- Их кольчуга, если это можно назвать кольчугой, была соткана

Из растительного пуха, похожего на тончайший лен,

Выбеленный до белизны свежавывавшего снега.

.....

Другие, занимавшие более высокие посты, были выстроены

В украшенных перьями нагрудниках более великолепного оттенка

Чем веселое оперение горного петуха,

Чем сверкающая гордость фазана. Но что это было,

Или что такое тонкая золотая кольчуга, когда ее противопоставляют

С таким оружием, как у нас, в бою?

Мадок, Часть 1, песнь 7.

Прекрасная картина! Однако можно усомниться в уместности хвастовства валлийца перед применением огнестрельного оружия.

[89] Саагун, История. новая Испания, библиотека. 2, глава 27; библиотека. 8, глава. 12.—Relationse d'un gentil' huomo, ap. Рамузио, том. iii. стр. 305.—Торквемада, монарх. Ind., ubi supra.

[90] Отношение к благородному человеку, см. выше.

[91] [Чтобы они могли приносить их в качестве живых жертв своим богам.—М.]

[92] Кол . из Мендосы, ап. Antiq. Мексики, т. i. Стр. 65, 66; т. vi. стр. 73.—Саагун, История. новая Испания, библиотека. 8, глава. 12.—Торибио, История. de los Indios, MS., Parte I. cap. 7.—Торквемада, монарх. Ind., lib. 14, cap. 3.—Relatione d'un gentil' huomo, ap. Рамузио, лок. цит. по. —Скальпирование может претендовать на высокий авторитет или, по крайней мере, на древность. Отец истории приводит рассказ об этом у скифов, показывая, что они производили эту операцию и носили отвратительный трофей таким же образом, как наши североамериканские индейцы. (Геродот, История, Мельпомена, с. 64.) Следы того же дикарского обычая встречаются также в законах вестготов, франков и даже англосаксов. (См. Гизо, Курс современной истории (Париж, 1829), том i, стр. 283.)

[93] Икстлильшочитль, Хист. Чич., ср., глава 67.

[94] [Больных и нетрудоспособных размещали и заботились о них в некоторых больших общественных домах.—М.]

[95] Торквемада, монарх. Ind., lib. 12, cap. 6; lib. 14, cap. 3.—Икстлильшочитль, История. Чич., ср., глава 36.

[96] Зурита возмущен эпитетом "*варвары*", которым наградили ацтеков; эпитет, по его словам, "который не мог исходить от человека, лично знавшего способности народа или его институты, и который в некоторых отношениях вполне заслужен европейскими нациями". (Раппорт, стр. 200 и далее.) Это сильный язык. И все же никто не располагал лучшими знаниями, чем этот выдающийся юрист, который в течение девятнадцати лет занимал пост в королевской *аудиенции* Новой Испании. Во время своего

длительного пребывания в стране у него было достаточно возможностей ознакомиться с ее обычаями, как благодаря его собственным личным наблюдениям, так и общению с местными жителями, а также через первых миссионеров, прибывших сюда после Завоевания. По возвращении в Испанию, вероятно, около 1560 года, он занялся ответом на вопросы, которые были выдвинуты правительством, о характере законов и институтов ацтеков, а также об изменениях, внесенных испанцами. Большая часть его трактата посвящена последнему предмету. В том, что касается первого, он более краток, чем можно было бы пожелать, возможно, из-за трудности получения полной и удовлетворительной информации относительно деталей. Однако в том, что касается его действий, он проявляет здравый и проницательный подход. Он очень редко впадает в экстравагантность выражений, столь заметную у писателей того времени; и эта умеренность в сочетании с его необычными источниками информации делает его работу одной из самых авторитетных по ограниченным темам, входящим в ее круг. Клавиджеро консультировался с оригинальной рукописью, и, действительно, ею пользовались другие авторы. Теперь это произведение доступно всем как один из серии переводов, вышедших из-под пера неутомимого Терно.

[97] ποιῆσαντες θεογονίην Ἑλλήσι. Геродот, Эвтерпа, с. 53. — Херен отваживается на столь же сильное замечание в отношении эпических поэтов Индии, “которые,” говорит он, — дали множество богов, наполняющих ее Пантеон”. Исторические исследования, англ. пер. (Оксфорд, 1833), т. iii. стр. 139.

[98] Достопочтенный. Маунтстюарт Элфинстоун пришел к аналогичному выводу при сравнении индуистской и греческой мифологии в своей "Истории Индии", опубликованной после написания замечаний в тексте. (См. Книгу I. глава 4.) В той же главе этого поистине философского труда предлагаются некоторые любопытные моменты сходства с религиозными институтами ацтеков, которые могут послужить подходящими иллюстрациями для ума, стремящегося проследить родство азиатской и американской рас.

[99] Риттер хорошо показал на примере индуистской системы, как идея единства сама по себе предполагает идею множественности. История древней философии, англ. пер. (Оксфорд, 1838), книга II. ч. 1.

[100] Саагун, История. новая Испания, библиотека 6, перевод.—Акоста, библиотека 5, гл. 9.—Ботурини, Идея, стр. 8 и далее.—Икстлильшочитль, История. Чич., ср., загл. I. Камарго, хист. де Тласкала, ср. —Мексиканцы, согласно Клавиджеро, верили в злого Духа, врага рода человеческого, чье варварское имя означало “Разумная сова”. (Стор. дель Мессико, том ii, стр. 2.) Священник Бернальдес говорит о дьяволе, вышитом на одежде индейцев Колумба в виде совы. (Historia de los Reyes Católicos, MS., cap. 131.) Однако это не следует путать со злым Духом в мифологии североамериканских индейцев (см. Отчет Хеквелдера, ар. Труды Американского философского общества, Филадельфия, том i, стр. 205), еще меньше с Принципом зла восточных народов Старого Света. Это было лишь одно из многих божеств, поскольку зло было слишком щедро примешано к природе большинства ацтекских богов — точно так же, как и у греков, — чтобы допустить его персонификацию кем-либо другим.

[101] Саагун, История. de Nueva-España, lib. 3, cap. 1, et seq.—Акоста, библиотека. 5. гл. 9.—Торквемада, монарх. Изд., библиотека 6, загл. 21.—Ботурини, Идея, стр. 27, 28. —Уицилопочтли состоит из двух слов, означающих “колибри” и “левый”, из-за его изображения с перьями этой птицы на левой лапе (Clavigero, Stor. дель Мессико, том ii, стр. 17); приятная этимология для столь негодяйского божества.* — Фантастические формы мексиканских идолов были в высшей степени символичны. Посмотрите научное изложение Гамой устройств на статве богини, найденной на большой площади Мексики. (Descripción de las Dos Piedras (México, 1832), Parte 1, pp. 34-44.) Любопытна традиция, касающаяся происхождения этого бога или, по крайней мере, его появления на земле. Он был рожден женщиной. Его мать, набожный человек, однажды, посещая храм, увидела шар из ярких перьев, парящий в воздухе. Она взяла его и положила себе на грудь. Вскоре после этого она обнаружила, что беременна, и на свет появилось ужасное божество, пришедшее в мир, подобно Минерве, полностью вооруженное: с копьем в правой руке, щитом в левой, и головой, увенчанной гребнем из зеленых перьев. (См. Клавиджеро, Стор. del Messico, tom. ii. p. 19, et seq.) Аналогичное представление о воплощении их главного божества существовало у народов Индии за Гангом, Китая и Тибета. “Будх,” говорит Милман в своем ученом и светлом труде по истории христианства, — согласно традиции, известной на Западе, родился от девственницы. Такими же были фохи из Китая и Шакаоф из Тибета, без сомнения, одно и то же лицо, будь то мифический или реальный персонаж. Иезуиты в Китае, говорит Бэрроу, были потрясены, обнаружив в мифологии этой страны двойника Девы Дейпары”. (Том i, стр. 99, примечание.) Существование сходных религиозных идей в отдаленных регионах, населенных разными расами, является интересным предметом изучения, являясь одним из важнейших звеньев в великой цепи коммуникаций, которая связывает воедино отдаленные семьи народов.

{*} [Возможно, это название относилось к нащептываемым оракулам и намекам во снах — таким, как “маленькая воздушная птичка”, о которой до сих пор ходят легенды, — с помощью которых, согласно легенде, божество направляло свой народ в их переселениях и завоеваниях. Вряд ли можно сомневаться в том, что оно имело символическое значение, и месье Брассер де Бурбур,

который первоначально объяснил его как “Уициль Левша” - собственное имя обожествленного героя с добавлением описательного эпитета, — с тех пор счел его слишком глубоким по значению, чтобы его можно было кратко изложить или легко понять. (Четверостишие о Мексике (Париж, 1868), стр. 201 и др.) *Мекситль*, другое имя того же божества, переводится как “заяц алоз”. В некоторых рассказах эти двое являются разными персонажами. Мифологическая наука отвергает легенду и рассматривает ацтекского бога войны как “природное божество”, персонификацию молнии, поскольку это естественный тип воинственной мощи, распространенный символ которой, змея, была представлена среди украшений идола. (Мифы Нового Света, стр. 118.) Чаше всего его отождествляли с солнцем, и м-р Тайлор, отказываясь “пытаться найти общее объяснение этого неразрывно связанного партеногенетического божества”, отмечает связь его главного праздника с днем зимнего солнцестояния и тот факт, что его идол из пасты был тогда пронзен стрелой, как имеющий тенденцию показывать, что жизнь и смерть божества были символом года, “в то время как его функции бога войны, возможно, были добавлены позже”. Первобытная культура, том. ii. 279.—К.]

[102] [Что касается мифов ацтеков, то нашим самым ценным авторитетом является "История мексиканцев за Пинтурас" Рамиреса де Фуэн-леаля. Это взято непосредственно из священных книг ацтеков, как объяснили выжившие после завоевания. Банделье, "Археологический тур", называет это самым ранним изложением мифов науа. Другими "источниками" являются Мотилиния, Мендьета, Саагун, Икстлильшочитль и Торквемада. Бэнкрофт, "Туземные расы", том iii. глава 7, превосходно резюмирует их.

Бринтон в книге "Мифы Нового Света" считает Кецалькоатля "чисто фантастическим созданием". Банделье, чья презентация предмета наиболее полная (Археологический тур), соглашается с Прескоттом в том, что Кецалькоатль начал свою карьеру как руководитель миграции на юг. Основное время его пребывания проходило в Чолуле. См. также Пейн, "Новый мир под названием Америка", том i, стр. 588-596. П. де Ру, "История Америки до Колумба", тома i, главы xxii и xxiii, дает очень полное представление об этой легенде. Он пишет с точки зрения священника Римско-католической церкви. Его вывод заключается в том, что Кецалькоатль был христианским прелатом и что христианские доктрины были привнесены в аборигенную Америку европейскими иммигрантами.—М.]

[103] Ватиканский кодекс, Стр. 15, и Кодекс Теллериано-Ременсис, часть 2, стр. 2, ар. Antiq. Мексики, тома i, vi.—Саагун, История. новая Испания, глава 3. 3, 4, 13, 14.—Торквемада, "Монарх". Указ. соч., глава 6. 24.—Икстлильшочитль, Хист. Чич., ср., загл. 1.—Gomara, Crónica de la Nueva-España, cap. 222, ар. Barcia, Historiadores primitivos de las Indias Occidentales (Madrid, 1749), том. ii.—Quetzalcoatl signifies “feathered serpent.” Последний слог также означает “близнец”, что послужило аргументом для доктора Сигуэнсы отождествить этого бога с апостолом Фомой (Дидим также означает близнеца), который, как он предполагает, приехал в Америку проповедовать Евангелие. В этой довольно поразительной догадке его поддерживают несколько его набожных соотечественников, которые, по-видимому, сомневаются в этом факте так же мало, как и в появлении святого Иакова с аналогичной целью на метрополии. Ознакомьтесь с различными авторитетами и аргументами, изложенными со все возрастающей серьезностью в диссертации доктора Миера в издании Бустаманте "Саагун" (библиотека 3, Дополнение) и "Вейтия" (том i, стр. 160-200). Наш изобретательный соотечественник Маккаллох возводит ацтекского бога к еще более почтенной древности, отождествляя его с патриархом Ноем. Философские и антикварные исследования, касающиеся истории аборигенов Америки (Балтимор, 1829), стр. 233.{*}

{*} [Согласно современной системе мифологического толкования, которая была применена доктором Бринтоном с исключительной силой и изобретательностью к традициям Нового Света, Кецалькоатль, “центральная фигура мифологии толтеков”, с соответствующими фигурами, встречающимися в легендах майя, киче, перуанцев и других рас, теряет всякое личное существование и становится порождением того примитивного религиозного чувства, которое облакало непостижимые силы природы атрибутами божественности. Его имя, “Птица-Змей”, объединяет эмблемы ветра и молнии. “Он одновременно повелитель восточного света и ветров. Как и первый, он родился от девственницы в земле Тула, или Тлапаллан, на далеком Востоке, и был верховным жрецом этого счастливого царства. Утренняя звезда была его символом.... Как и все герои рассвета, он тоже был представлен с белым цветом лица, одетым в длинные белые одежды и, как большинство ацтекских богов, с густой ниспадающей бородой. Когда его земная работа была завершена, он тоже вернулся на восток, объяснив это тем, что солнце, правитель Тлапаллана, потребовало его присутствия. Но истинным мотивом было то, что он был побежден Тецкатлипокой, иначе называемым Йоалли Гекатль, ветром или духом ночи, который спустился с небес по паутине и подарил своему сопернику зелье, якобы дарующее бессмертие, но на самом деле вызывающее неконтролируемую тоску по дому. Ибо и ветер, и свет уходят, когда надвигаются сумерки, или когда облака расстилают свою темную паутину по горам и проливают живительный дождь на поля.... Куда бы он ни шел, всевозможные певчие птицы составляли ему компанию, олицетворяя свистящий бриз. Когда он, наконец, исчез

на дальнем востоке, он отправил обратно четырех надежных юношей, которые когда-либо разделяли его судьбу, несравненно быстрых и легких на ногу, с приказом разделить землю между ними и править ею до тех пор, пока он не вернется и не восстановит свою власть”. (Мифы Нового Света, стр. 180 и далее.) Что касается простых физических атрибутов, этот анализ может быть принят как удовлетворительное объяснение класса фигур, к которому он относится. Но главной и отличительной чертой этих фигур является приписываемое им моральное и интеллектуальное превосходство. Они наделены высочайшими человеческими качествами — атрибутами, не почерпнутыми ни из внешних явлений природы, ни порожденными каким-либо грубым чувством удивления и страха. Их жизнь и доктрины резко контрастируют с жизнью обычных божеств той же или других стран, и они являются объектами не умиловительного поклонения, а благочестивого почитания. Можем ли мы тогда согласиться с выводом, что и в этом аспекте они были “полностью мифическими”, “порождениями религиозной фантазии”, “идеалами, суммирующими в себе лучшие черты, наиболее признанные добродетели целых народов”? (Там же, стр. 293, 294.) Это, по-видимому, подразумевает, что нации могут достичь высоких представлений о моральной истине и совершенстве путем процесса отбора, без каких-либо стандартов или точек зрения, представленных живыми воплощениями идеала. Но это было бы так же невозможно, как прийти к представлениям о высших формах и идеях искусства независимо от особого гения и реальных творений художника. В одном случае, как и в другом, идеал изначально выводится из примеров, сформированных более тонкой и глубокой интуицией, чем у масс. Таким образом, сам факт того, что мексиканский народ признавал возвышенный идеал чистоты и мудрости, является достаточным доказательством того, что среди них существовали люди, которые проявляли эти качества в выдающейся степени. Состояние их цивилизации, какой бы несовершенной оно ни было, может быть объяснено только таким же образом. Сравнительная мифология может разложить на свои первоначальные элементы персонификацию сил природы, сотканную религиозной фантазией примитивных рас, но она не может разорвать ту цепь первооткрывателей и цивилизаторов, благодаря которым человечество было извлечено из бездн дикого невежества и благодаря которым его прогресс, когда он не прерывался, всегда поддерживался.—К.]

[104] Cod. Vat., стр. 7-10, Antiq. Мексики, тома i, vi.—Икстлильшочитль, История. Чич., ср., загл. 1. М. де Гумбольдт приложил немало усилий, чтобы проследить аналогию между космогонией ацтеков и космогонией Восточной Азии. Он пытался, хотя и тщетно, найти кратное число, которое могло бы послужить ключом к вычислениям первого. (Vues des Cordillères, pp. 202-212.) По правде говоря, в заявлениях Мексики, по-видимому, имеются существенные расхождения как в отношении количества революций, так и их продолжительности. Лежащая передо мной рукопись Икстлильшочитля сокращает их до трех, до нынешнего состояния мира, и отводит им всего 4394 года (Sumaria Relacion, рукопись, № 1); Гама, согласно древней индийской рукописи в Каталоге Ботурини (viii. 13), сокращает продолжительность еще меньше (Описание лас-душ-Пьедрас, Часть 1, стр. 49 и далее); в то время как циклы росписей Ватикана занимают около 18 000 лет.— Интересно наблюдать, как дикие *догадки* невежественного века были подтверждены более поздними *открытиями* в геологии, делающими вероятным, что земля пережила ряд сотрясений, возможно, удаленных друг от друга на тысячи лет, которые смели существовавшие тогда расы и придали новый облик земному шару.

[105] Саагун, История. новая Испания, библиотека 3, Приложение.—Cod. Vat., ар. Antiq. Мексики, стр. 1-5. — Торквемада, монарх. Ind., lib. 13, cap. 48. — Последний автор уверяет нас, “что относительно того, что ацтеки говорили о своем попадании в ад, они были правы; поскольку они умерли в неведении об истинной вере, они, без сомнения, все отправились туда, чтобы понести вечное наказание”! Ubi supra.

[106] То, что тень Ахилла может сказать: “Он предпочел бы быть рабом самого низкого человека на земле, чем повелителем среди мертвых”, дает лишь слабое представление об этих удовольствиях”. (Одиссея, А. 488-490). Магометане верят, что души мучеников после смерти переходят в тела птиц, которые обитают в пресных водах и райских беседах. (Коран Сейла (Лондон, 1825), том i, стр. 106.) — Мексиканский рай может напоминать Дантовский своими *материальными* наслаждениями; которые в обоих случаях состоят из света, музыки и движения. Следует также помнить, что солнце было духовной концепцией ацтеков:

“Он видит другими глазами, не такими, как у них; там, где они

Узрите солнце, оно высматривает божество”.

[107] Удивительно, что тосканский бард, исчерпав свою изобретательность в разработке способов телесных пыток, в своем “Аду” так мало использовал *моральные* источники страданий. То, что он этого не сделал, можно было бы счесть убедительным доказательством жестокости времени, если бы позже мы не встретились с примерами этого, в которых серьезный и возвышенный писатель, такой как доктор Уоттс, не брезгает использовать тот же грубый механизм для воздействия на сознание читателя.

[108] [Возможно, это следует рассматривать скорее как свидетельство низкой цивилизации, поскольку отсутствие каких-либо строгих представлений о возмездии является характеристикой представлений о будущей жизни, которых придерживались дикие расы. См. Тайлор, Первобытная культура, том ii. стр. 76 и далее.—К.]

[109] Декларация прав человека. Зуazo (ноябрь 1521 г.), СР.—Акоста, библиотека 5, глава. 8. Торквемада, монарх. Изд., библиотека. 13, глава. 45.—Саагун, История. новая Испания, библиотека 3, Приложение.—Иногда тело хоронили целиком, с ценными сокровищами, если умерший был богат. “Анонимный завоеватель”, как его называют, видел золото стоимостью в 3000 кастелланосов, извлеченное из одной из этих гробниц. *Relatione d'un gentil' huomo*, ap. Рамузио, том. iii. стр. 310.

[110] Этот интересный обряд, обычно совершаемый с большой формальностью в присутствии собравшихся друзей и родственников, подробно описан Саагуном (*Hist. de Nueva-España*, lib. 6, cap. 37) и Зуazo (*Carta*, ср.), оба они очевидцы. Версию части отчета Саагуна смотрите в Приложении, часть 1, примечание 26. {*}

{*} [Подобный обряд крещения, основанный на природной символике очищающей силы воды, практиковался другими расами в Америке и существовал на Востоке, как читателю вряд ли нужно говорить, задолго до христианства.—К.]

[111] “¿Es posible que este azote y este castigo no se nos dá para nuestra correccion y enmienda, sino para total destruccion y asolamiento?” (Саагун, История. новой Испании, библиотека 6, глава. 1.) “Y esto por sola vuestra liberalidad y magnificencia lo habeis de hacer, que ninguno es digno ni merecedor de recibir vuestra larguezas por su dignidad y merecimiento, sino que por vuestra benignidad.” (Там же, библиотека 6, глава. 2.) “Sed sufridos y reportados, que Dios bien os vé y responderá por vosotros, y él os vengará (á) sed humildes con todos, y con esto os hará Dios merced y tambien honra.” (Там же, библиотека 6, глава. 17.) “Tampoco mires con curiosidad el gesto y disposicion de la gente principal, mayormente de las mugeres, y sobre todo de las casadas, porque dice el refran que él que curiosamente mira á la muger adultera con la vista.” (Там же, библиотека 6, глава. 22.)

[112] [Рассматривая замечательные совпадения, показанные на вышеприведенных страницах, с чувствами и даже фразеологией Священного Писания, мы не можем не признать, что есть правдоподобные основания для гипотезы г-на Галлатина о том, что мексиканцы после Завоевания приписывали своим отдаленным предкам идеи, которые, скорее всего, принадлежали поколению, ровеснику Завоевания, и вступили в контакт с европейцами. “Суть, - замечает он, - может быть, и верна; но некоторые молитвы передают возвышенные и правильные представления о Высшем Существо, которые кажутся мне совершенно несовместимыми с тем, что, как мы знаем, было их практической религией и богослужением”. {*} Труды Американского этнологического общества, i. 210.]

{*} [Очевидно, что непоследовательность, присущая всем религиям и природе человека в целом, не дает достаточных оснований сомневаться в подлинности молитв, о которых сообщает Саагун. Сохранились аналогичные образцы молитв, которыми пользовались перуанцы, и, подобно молитвам ацтеков, они демонстрируют отличие духовных благ от материальных, что контрастирует с формами прошений, используемыми совершенно нецивилизованными расами севера. Они находятся в гармонии с более чистыми представлениями о морали, которыми, как считается, обладали эти народы и которые составили реальную основу их цивилизации. —К.]

[113] Саагун, Хист. новая Испания, глава 2, Дополнение.; глава 3, глава 9. —Торквемада, монарх. Инд., библиотека 8, глава 20; библиотека 9, глава 3, 56.—Гомара, Крона, глава 215, ап. Барсия, том ii.—Торибио, История. de los Indios, MS., Parte 1, cap. 4. Клавиджеро говорит, что первосвященник обязательно был человеком высокого ранга. (*Stor. del Messico*, tom. ii. p. 37.) Я не нахожу оснований для этого, даже у его оракула Торквемады, который прямо говорит: “Нет никаких оснований для такого утверждения, каким бы вероятным ни был факт”. (Монарх. Ind., lib. 9, cap. 5.) Этому противоречит Саагун, которому я следовал как высшему авторитету в этих вопросах. Клавиджеро ничего не знал о творчестве Саагуна, кроме того, что было отфильтровано из трудов Торквемады и более поздних авторов.

[114] Саагун, Хист. новая Испания, см. выше.—Торквемада, монарх. Ind., lib. 9, cap. 25. Гомара, Крона, округ Колумбия, выше — Акоста, библиотека 5, главы 14, 17.

[115] [Итак, в четвертом веке римский император Константин отложил свое крещение до тех пор, пока не почувствовал приближение своего конца.—М.]

[116] Саагун, История. de Nueva-España, библиотека 1, глава 12; библиотека 6, глава 7. Обращение исповедника в таких случаях содержит некоторые вещи, слишком примечательные, чтобы их можно было опустить. “О милосердный Господь, ” говорит он в своей молитве, - ты, знающий тайны всех сердец, пусть твое прощение и милость снизойдут, подобно чистым водам небес, чтобы смыть пятна с души. Ты знаешь, что этот бедняга *согрешил не по собственной воле*, а под влиянием знака, под которым он родился”. После обильного увещевания кающегося, предписывающего множество умерщвлений плоти и мельчайших церемоний в

качестве покаяния и особенно настаивающего на необходимости немедленного приобретения *раба для принесения в жертву* Божеству, священник завершает проповедью милосердия к бедным. “Одень нагих и накорми голодных, каких бы лишений это тебе ни стоило; ибо помни, *их плоть подобна твоей, и они такие же люди, как ты*”. Такова странная смесь истинно христианской доброжелательности и языческих мерзостей, которая пронизывает ацтекскую литанию, намекая на совершенно разные источники.

[117] Египетским богам также служили жрицы. (См. Геродот, Эвтерпа, с. 54.) Об ацтекских девственницах рассказывали скандальные истории, подобные тем, которые распространяли о них греки. (См. Диссертацию Ле Нуара, ap. Antiquités Mexicaines (Paris, 1834), tom. ii. p. 7, note.) Первые миссионеры, безусловно, достаточно легковверные, не одобряли подобные сообщения; а отец Акоста, напротив, восклицает: “По правде говоря, очень странно видеть, что это ложное мнение о религии имеет такую большую силу среди этих юношей и девушек Мексики, что они будут служить Богу с такой большой строгостью и аскетизмом, чего многие из нас не делают в служении всевышнему Богу; это большой стыд и замешательство”. Английский перевод, lib. 5, глава 16.

[118] Торибио, История. de los Indios, MS., Parte 1, cap. 9.—Sahagun, Hist. новая Испания, библиотека 2, Дополнение.; библиотека 3, главы 4-8.—Зурита, Взаимопонимание, стр. 123-126.—Акоста, библиотека 5, главы 15, 16.—Торквемада, монарх. Ind., lib. 9, cap. 11-14, 30, 31. “Их учили, — говорит цитируемый последним добрый отец, — избегать порока и прилепляться к добродетели — *в соответствии с их представлениями о них*; а именно, воздерживаться от гнева, не прибегать к насилию и никому не причинять зла, - короче говоря, выполнять обязанности, ясно указанные естественной религией”.

[119] Торквемада, монарх. Инд., библиотека 8, главы 20, 21.—Камарго, История. де Тласкала, MS.— Невозможно не быть пораженным огромным сходством, не только в нескольких пустых формах, но и во всем образе жизни мексиканского и египетского жречества. Сравните Геродота (Эвтерпа, passim) и Диодора (lib. 1, с. 73, 81). Английский читатель может обратиться с той же целью к Хирену (Hist. Res., vol. v. глава I. 2), Уилкинсон ("Нравы и обычаи древних египтян" (Лондон, 1837), т. i, стр. 257-279), особенно последний автор, который больше всех других способствовал раскрытию нам внутренней стороны социальной жизни этого интересного народа.

[120] [Humboldt has noticed the curious similarity of the word *teocalli* with the Greek compound—actual or possible—*θεόκαλῖα*; and Buschmann observes, “Die Ubereinstimmung des mex. *teotl* und *θεός*, arithmetisch sehr hoch anzuschlagen wegen des Doppelvocal, zeigt wie weit es der Zufall in Wortähnlichkeiten zwischen ganz verschiedenen Sprachen bringen kann.” Über die aztekischen Ortsnamen, S. 627.—K.]

[121] От имени джентиль хуомо, ap. Рамузио, том. iii. fol. 307.—Камарго, История. де Тлашкала, CP.—Акоста, библиотека 5, глава. 13. Гомара, Крона, глава 80, ап. Барсия, том ii.—Торибио, История. de los Indios, MS., Parte 1, cap. 4.—Carta del Lic. Зуазо, CP. — Этот последний автор, посетивший Мексику сразу после Завоевания, в 1521 году, уверяет нас, что некоторые из небольших храмов, или пирамид, были заполнены землей, пропитанной пахучей смолой и золотой пылью; последняя иногда в таких количествах, что, вероятно, стоила миллион *кастельянос*! (Ubi supra.) Это действительно были храмы Маммоны! Но я не нахожу подтверждения таким золотым сообщениям.

[122] [*теокаллис* можно было использовать как крепости, как, к своему сожалению, убедились испанцы.]

[123] Код. Тел.-Прим., пл. 1, и Cod. Vat., passim, ap. Antiq. Мексики, тома i, vi. — Торквемада, монарх. Изд., библиотека. 10, глава. 10 и последующие.—Саагун, История. de Nueva-España, lib. 2, перевод. — Среди приношений особенно следует отметить перепелов, поскольку их в невероятном количестве приносили в жертву и употребляли в пищу на многих фестивалях.

[124] Традиции их происхождения имеют несколько сказочный оттенок. Но, правдивые или ложные, они в равной степени свидетельствуют о беспрецедентной свирепости людей, которые могли стать их жертвами. Клавиджеро, Стор. дель Мессико, том i, стр. 167 и далее.; также Гумбольдт (который, похоже, в них не сомневается), "Вун де Кордильер", стр. 95.

[125] [Согласно Пейну, "Новый мир под названием Америка", i. стр. 78, Тецкатлипока, или *Огненное Зеркало*, был назван так из-за щита из полированного металла, который почти всегда был заметным дополнением к идолу, который его изображал. Вероятно, правильная форма его имени - Тецкатлипопока, или Огненное Дымящееся Зеркало. У него было много имен: “Ночной ветер”, “чьи мы слуги”, “Нетерпеливый”, “Предусмотрительный Распорядитель”, “который делает то, что ему заблагорассудится”. Его самым известным прозвищем было Тельпочтли, или “Юный воин”, потому что его жизненная сила никогда не уменьшалась. Его также называли “Врагом” и “Голодным вождем”. У Него всегда был живой представитель; когда один был принесен в жертву, другой занял его место, и этот представитель был облачен в одежду, функции и атрибуты самого Бога.—M.]

[126] Саагун, История. de Nueva-España, lib. 2, cap. 2, 5, 24, et alibi.Эрпера, История. генеральный, 3 декабря, библиотека 2, глава. 16.—Торквемада, монарх. Ind., lib. 7, cap. 19; lib. 10, cap. 14.—Rel. d'un gentil' huomo, ap. Рамузио, том. iii. fol. 307.—Акоста, библиотека. 5, главы. 9-21.—Carta del Lic. Зуазо, CP.—Relacion por el Regimiento de Vera Cruz (Хулио, 1519), CP.—Вероятно,

немногие читатели отнесутся с пониманием к приговору Торквемады, который завершает свой рассказ о горе хладнокровным отказом “отправить душу жертвы спать с теми, кто принадлежит к его ложным богам, в ад!” Библиотека. 10, глава. 23.

[127] Саагун, История. новая Испания, библиотека 2, главы 10, 29.—Гомара, Крона, глава 219, ап. Барсия, том ii.—Торибио, История. de los Indios, ср., Часть 1, главы 6-11. — Читатель найдет достаточно точную картину природы этих пыток в двадцать первой песни “Ада”. Фантастические творения флорентийского поэта были почти реализованы варварами неизвестного мира в то самое время, когда он писал. Заслуживает упоминания одно жертвоприношение, менее отвратительного характера. Испанцы называли это “гладиаторским жертвоприношением”, и оно может напоминать одну из кровавых игр древности. Знатного пленника иногда снабжали оружием, и он выступал против нескольких мексиканцев подряд. Если он побеждал их всех, что иногда случалось, ему позволяли сбежать. В случае поражения его тащили на плаху и приносили в жертву обычным способом. Бой проходил на огромном круглом камне перед собравшейся столицей. Саагун, История. новая Испания, библиотека. 2, глава. 21.—Рел. “Единственного джентльмена”, ап. Рамузио, том. iii. fol. 305.

[128] Саагун, История. новая Испания, глава 2, главы 1, 4, 21 и другие.—Торквемада, монарх. Инд., библиотека 10, глава 10.—Клавиджеро, Рассказ. del Messico, tom. ii. pp. 76, 82.

[129] Юридическая Хартия. Зуазо, СР.—Торквемада, монарх. Инд., библиотека. 7, глава. 19.—Эррера, История. генерал, 3 декабря, библиотека. 2, глава. 17.—Саагун, История. de Nueva-España, lib. 2, cap. 21, et alibi.—Торибио, привет. de los Indios, MS., Parte 1, cap. 2.

[130] Не говоря уже о Египте, где, несмотря на указания на памятниках, есть веские основания сомневаться в этом. (Сост. Геродот, Эвтерпа, разд. 45.) Это было частым явлением среди греков, как известно каждому школьнику. В Риме это было настолько распространено, что требовало прямого запрета законом менее чем за сто лет до христианской эры — законом, записанным Плинием в очень искреннем восторженном тоне (Hist. Nat., lib. 30, c. 3, 4); несмотря на это, следы существования этой практики можно обнаружить в гораздо более поздний период. Смотрите, среди прочего, Горация, Epod., B Canidiam.

[131] См. Clavigero, Stor. дель Мессико, том ii, стр. 49. —Епископ Зумаррага в письме, написанном через несколько лет после Завоевания, утверждает, что в столице ежегодно убивалось 20 000 жертв. Торквемада превращает это в 20 000 *младенцев*. (Монарх. Ind., lib. 7, cap. 21.) Эррера, следуя Акосте, говорит о 20 000 жертвах в определенный день года по всему королевству. (История. общие сведения, 2 декабря, библиотека. 2, глава. 16.) Клавиджеро, более осторожный, делает вывод, что это число, возможно, ежегодно приносили в жертву по всему Анауаку. (Ubi supra.) Лас Касас, однако, в своем ответе на утверждение Сепульведы о том, что никто из побывавших в Новом Свете не оценивает количество ежегодных жертвоприношений менее чем в 20 000, заявляет, что “это оценка разбойников, которые хотят найти извинение своим собственным зверствам, и что реальное число жертв не превышало 50”! (Œuvres, ed. Льоренте (Париж, 1822), том i. стр. 365, 386.) Вероятно, арифметика доброго епископа здесь, как и в большинстве других случаев, исходила скорее из его сердца, чем из головы. С такими разрозненными и противоречивыми данными ясно, что любое конкретное число является всего лишь предположением, не заслуживающим названия вычисления.

[132] Я в пределах дозволенного. Торквемада называет число наиболее точно - 72 344 (Монарх. Ind., lib. 2, cap. 63); Ixtlilxochitl, с такой же точностью, в 80 400. (Hist. Chich., MS.) ¿Quién sabe? Последний добавляет, что число пленных, убитых в столице в течение того памятного года, превысило 100 000 человек! (Лок. цит. по) Однако стоит немного почитать, чтобы понять, что наука о числах — по крайней мере, там, где участник не был очевидцем, — это что угодно, только не точная наука у этих древних хронистов. Кодекс Теллериано-Ременсис, написанный примерно через пятьдесят лет после Завоевания, сокращает это количество до 20 000. (Antiq. Мексики, том i, стр. 19; том vi, стр. 141, англ. примечание.) Даже это вряд ли дает право испанскому переводчику называть короля Ауицотля человеком “мягкого и умеренного нрава”, *templada y benigna condicion*! Там же, т. v., стр. 49.

[133] Гомара называет это число со слов двух солдат, имена которых он называет, которые взяли на себя труд сосчитать ухмыляющихся ужасов на одной из этих Голгоф, где они были расположены так, чтобы произвести наиболее отвратительный эффект. Существование этих оранжерей засвидетельствовано каждым писателем того времени.

[134] “Анонимный завоеватель” уверяет нас, как неоспоримый факт, что дьявол вселился в тела идолов и убедил глупых священников, что его единственной пищей являются человеческие сердца! По его мнению, это дает очень удовлетворительное объяснение частоты жертвоприношений в Мексике. Рамузио, том. iii. fol. 307.

[135] Жрецы Тецкукана охотно убедили бы доброго короля Несауалькойотля в случае эпидемии умиловить богов принесением в жертву кого-нибудь из его собственных подданных вместо его врагов; на том основании, что их не только было бы легче добыть, но и жертвы были бы более свежими и более приемлемыми. (Икстлильшочитль, хист. Чич., ср., загл. 41.) Этот автор упоминает прохладное соглашение, заключенное союзными монархами с республикой Тласкала и ее союзниками. Было обозначено поле битвы, на котором войска враждебных наций должны были вступать в бой в установленное время года и таким образом

снабжать себя предметами для жертвоприношения. Победившая сторона не должна была использовать свое преимущество, вторгаясь на территорию другой стороны, и они должны были продолжать, во всех других отношениях, на самых дружественных началах. (*Ubi supra.*) Историк, идущий по стопам тецуканского хрониста, часто может найти возможность укрыться, подобно Ариосто, у

“Mettendolo Turpin, lo metto anch’ io.”

[136] [Дон Хосе Ф. Рамирес, выдающийся мексиканский ученый, сделал это предложение текстом для исследования объемом в пятьдесят или более страниц, одна из целей которого - показать, что существование человеческих жертвоприношений не является несовместимым с прогрессом цивилизации. Это приводит его к пространному рассуждению, охватывающему широкий спектр исторических исследований и демонстрирующему большую ученость, а также тщательное рассмотрение предмета. Однако в одном отношении он допустил важную ошибку, неправильно поняв суть моих замечаний, где, говоря о каннибализме, я говорю: “Невозможно, чтобы люди, практикующие его, достигли какого-либо значительного прогресса в моральной или интеллектуальной культуре” (стр. 100). Это наблюдение, относящееся исключительно к каннибализму, критик приводит так, как если бы оно было применено мной к человеческим жертвоприношениям. Следовательно, какую бы силу ни имели его рассуждения в отношении последнего, нельзя допустить, чтобы они были применимы к первому. Расстояние между человеческими жертвоприношениями и каннибализмом велико; хотя сеньор Рамирес сокращает это расстояние, рассматривая и то, и другое просто как религиозные упражнения, вытекающие из принципа преданности, заложенного в нашей природе. {*} Он подкрепляет свои взгляды множеством примеров из истории, которые показывают, насколько широко эти отвратительные обычаи ацтеков — на самом деле в гораздо менее гигантских масштабах — практиковались примитивными расами Старого Света, некоторые из которых в более поздний период достигли высоких успехов в цивилизации. Ramirez, *Notas y Esclarecimientos á la Historia del Conquista de México del Señor W. Prescott*, appended to Navarro’s translation.]

{*} [Практика поедания или дегустации жертвы обычно ассоциировалась с жертвоприношением, исходя либо из идеи святости подношения, либо из того, что божество принимает душу, нематериальную часть или кровь как содержащие жизненный принцип и оставляет плоть своим поклонникам.—К.]

[137] От имени джентиль хуомо, ар. Рамузио, том. iii. fol. 307.— Среди других примеров - случай с Чимальпопокой, третьим королем Мексики, который обрек себя и ряд своих вельмож на эту смерть, чтобы смыть оскорбление, нанесенное ему монархом-братом. (Торквемада, монарх. Ind., lib. 2, cap. 28.) У ацтеков таков был закон чести.

[138] [“Продвижение Мексики опиралось на поддержку ... система бесконечной войны, безжалостно ведущейся против соседних народов, якобы для добычи жертв для жертвоприношения, но на самом деле для обеспечения животной пищей привилегированного класса, участвующего в ней; и религиозный ритуал был настолько расширен, что обеспечивал им, посредством священной и постоянной санкции, почти непрерывный каннибальский карнавал”. Пейн, “Новый мир под названием Америка”, том i, стр. 300. Мистер Пейн показывает, что этот непрерывный каннибализм преобладал потому, что на Анауаке не было крупных животных, способных обеспечить постоянный запас пищи. “Организованный каннибализм, подкрепленный своей религиозной санкцией, на самом деле был естественным, если не необходимым следствием обстоятельств”. — М.]

[139] Вольтер, несомненно, имел в виду именно это, когда говорил: “Антропофаги с необычной точки зрения, comme un très-petit nombre американского народа”. (Essai sur les Mœurs, chap. 147.)

[140] [Замечание в тексте допускает некоторую оговорку. Согласно древнему тецуканскому хронисту, которого цитирует сеньор Рамирес, толтеки время от времени совершали поклонение богу Тлалоку с человеческими жертвоприношениями. Самым важным из них было принесение в жертву раз в год пяти или шести дев, которых приносили в жертву обычным ужасным способом - вырывали у них сердца. Не похоже, что толтеки завершали жертвоприношение поеданием плоти жертвы. Это, по-видимому, было единственным исключением из безупречного характера обрядов толтеков. Тлалок был древнейшим божеством в мифологии ацтеков, в которой он нашел подходящее место. И все же, поскольку знания о нем изначально были получены от толтеков, нельзя отрицать, что этот народ, как говорит Рамирес, обладал в своей особой цивилизации зачатками тех кровавых институтов, которые в столь ужасающих масштабах существовали в Мексике. See Ramirez, Notas y Esclarecimientos, ubi supra.]

[141] Икстлильшочитль, История. Чич., ср., глава 45, и др. алиби.

[142] Несомненно, свирепость характера, порожденная их кровавыми обрядами, значительно облегчала их завоевания. Макиавелли отчасти объясняет аналогичную причину военными успехами римлян. (Discorsi sopra T. Livio, lib. 2, cap. 2.) В той же главе содержатся некоторые остроумные размышления — гораздо более остроумные, чем откровенные, — о противоположных тенденциях христианства. {*}

{*} [“Давно пора было положить конец этим гекатомбам человеческих жертв, изрезанных, разорванных и пожираемых во всех мелких случаях жизни. Звучит довольно емко сказать, что инквизиция, проводимая в Мексике, была таким же великим злом, как человеческие жертвоприношения и каннибализм; но это неправда”. Фиске, “Открытие Америки”, том ii. стр. 293.—М.]

[143] “Египетский храм, - поразительно говорит Денон, - представляет собой открытый том, в котором записаны учения науки, морали и искусства. Кажется, что все говорит на одном и том же языке и дышит одним и тем же духом”. Отрывок цитируется Хиреном, Hist. Res., vol. v., стр. 178.

[144] Божественная миссия, ар. Сочинения (Лондон, 1811), том iv. б. 4, с. 4. —Епископ Глостерский в своем сравнении различных иероглифических систем мира проявляет характерную для него проникательность и смелость, высказывая мнения, которым тогда мало верили, хотя с тех пор они утвердились. Он утверждал существование египетского алфавита, но не знал о фонетических свойствах иероглифов — великом литературном открытии нашего времени.

[145] Оказывается, иероглифы на самых поздних памятниках Египта содержат не большее количество фонетических знаков, чем те, которые существовали за восемнадцать веков до Рождества Христова; в этом отношении они не продвинулись вперед за две тысячи двести лет! (См. Шампольон, Краткий обзор системы иероглифов древних египтян (Париж, 1824), стр. 242, 281.) Может показаться более странным, что энхориальный алфавит, гораздо более удобный, не был заменен. Но египтяне были знакомы со своими иероглифами с младенчества, которые, более того, привлекали воображение самых неграмотных, вероятно, точно так же, как наших детей привлекают и обучают алфавитным картинкам в обычном учебнике правописания.

[146] Descripción histórica y cronológica de las Dos Piedras (México, 1832), Parte 2, p. 39.

[147] Гама, Описание, Часть 2, стр. 32, 44.—Акоста, библиотека 6, загл. 7. Продолжение работы Гамы, недавно отредактированное Бустаманте в Мексике, содержит, среди прочего, несколько интересных замечаний об ацтекских иероглифах. Редактор оказал хорошую услугу, продолжив публикацию трудов этого уважаемого ученого, который сделал больше, чем кто-либо из его соотечественников, для объяснения тайн науки ацтеков.

[148] Гама, Описание, Часть 2, стр. 32.—Уорбертон, со свойственной ему проникательностью, отвергает идею тайны в образных иероглифах. (Божественная миссия, Б. 4, с. 4.) Если и существовала какая-то тайна, предназначенная для посвященных, Шампольон считает, что это могла быть система анаглифов. (Précis, p. 360.) Почему то же самое не может быть верно и в отношении чудовищных символических комбинаций, которые представляли мексиканских божеств?

[149] Ботурини, Idea, стр. 77-83.—Гама, Описание, Часть 2, стр. 34-43.—Херен не знает или не допускает, что мексиканцы использовали фонетические символы любого вида. (Hist. Res., том v., стр. 45.) Они, действительно, изменили обычный порядок действий и, вместо того чтобы приспособливать иероглиф к названию объекта, приспособили название объекта к иероглифическому. Это, конечно, не могло допустить большого расширения. Однако мы находим фонетические символы, применяемые в некоторых случаях как к обычным, так и к собственным именам.

[150] Ботурини, Idea, ubi выше.

[151] Клавиджеро составил каталог мексиканских историков шестнадцатого века, — некоторые из которых часто цитируются в этой истории, — который является достойным свидетельством литературного рвения и интеллекта коренных народов. *Stor. del Messico*, tom. i., Pref.—Also, Gama, Descripción, Parte 1, passim.

[152] Замечание М. де Гумбольдта о том, что ацтекские летописи конца одиннадцатого века “демонстрируют величайший метод и поразительную детальность” (*Vues des Cordillères*, стр. 137), следует воспринимать с некоторой оговоркой. Читатель вряд ли поймет из этого, что в любой год редко регистрируется более одного-двух фактов, а иногда и не один из дюжины или более. Необходимая расплывчатость и неопределенность этих исторических записей становятся очевидными из замечаний испанского переводчика Кодекса Мендосы, который сообщает нам, что туземцы, которым он был представлен, очень долго приходили к соглашению о надлежащем значении рисунков. *Antiq. Mexique*, том vi. стр. 87.

[153] Гама, Описание, Часть 2, стр. 30.—Акоста, библиотека 6, загл. 7.—“Tenian para cada género,” says Ixtlilxochitl, “sus Escritores, unos que trataban de los Anales, poniendo por su orden las cosas que acaecian en cada un año, con día, mes, y hora; otros tenian á su cargo las Genealogías, y descendencia de los Reyes, Señores, y Personas de linaje, asentando por cuenta y razon los que nacia[n], y borraban los que morian con la misma cuenta. Unos tenian cuidado de las pinturas, de los términos, límites, y mojoneras de las Ciudades, Provincias, Pueblos, y Lugares, y de las suertes, y repartimiento de las tierras cuyas eran, y á quien pertenecian; otros de los libros de Leyes, ritos, y ceremonias que usaban.” *Hist. Чич., CP., Пролого*.

[154] Согласно Ботурини, древние мексиканцы были знакомы с перуанским методом записи событий с помощью *киппу* — завязанных нитей различных цветов, — которые впоследствии были заменены иероглифической росписью. (Идея, стр. 86.) Однако ему удалось обнаружить лишь один экземпляр, с которым он встретился в Тлашкале и который с возрастом почти развалился на части. Маккалло предполагает, что это, возможно, был всего лишь пояс вампума, такой, какой распространен среди наших североамериканских индейцев. (Исследования, стр. 201.) Гипотеза достаточно правдоподобна. Нити вампума различных цветов использовались последними людьми для аналогичной цели регистрации событий. Отдельного факта, зафиксированного Ботурини, едва ли достаточно — не подкрепленного, насколько я знаю, никакими другими свидетельствами, — чтобы установить существование *киппу* среди ацтеков, у которых было мало общего с перуанцами.

[155] Плиний, который подробно описывает египетский тростник *папирус*, отмечает различные изделия, получаемые из него, такие как веревки, ткань, бумага и т.д. Он также служил соломенной крышей для домов, а также едой и питьем для местных жителей. (*Hist. Nat., lib. 11, cap. 20-22.*) Удивительно, что американская *агава*, растение, столь совершенно отличающееся от других, также использовалась для всех этих различных целей.

[156] Лоренцана, История. de Nueva-España, стр. 8.—Ботурини, Idea, стр. 96.—Гумбольдт, *Vues des Cordillères*, стр. 52.—Питер Мученик Англериус, *De Orbe Novo* (Compluti, 1530), 3 декабря, глава 8; 5 декабря, глава 10. —Мученик дал подробное описание индейских карт, отправленных домой вскоре после вторжения в Новую Испанию. Его пытливый ум был поражен доказательствами того, что они представляли собой позитивную цивилизацию. Рибера, друг Кортеса, рассказал историю о том, что картины были созданы как образцы для вышивальщиц и ювелиров. Но Мученик побывал в Египте и без колебаний поставил индийские рисунки в один ряд с теми, которые он видел на обелисках и храмах этой страны.

[157] Икстлильшочитль, История. Чич., CP., Пролого.—Idem, *Sum. Relac., MS.*—[“Имя Зумаррага, ” говорит сеньор Аламан, — имеет другие, очень отличные титулы на бессмертие от того, что упомянул мистер Прескотт, — титулы, основанные на его добродетелях и апостольских трудах, особенно на горячем рвении, с которым он защищал туземцев, и на многочисленных благах, которые он им обеспечил. Потеря, которую понесла история в результате уничтожения индийских рукописей миссионерами, была в значительной степени возмещена трудами самих миссионеров ”. *Conquista de Méjico* (trad. de Vega), том. i. стр. 60.] —Авторы не пришли к единому мнению, произошел ли пожар на площади Тлателолко или Тецкоко. Сост. Клавиджеро, *Stor. дель Мессико*, том ii, стр. 188, и Предисловие Бустаманте к Ixtlilxochitl, *Cruautés des Conquérens*, традиция. de Ternaux, p. xvii.

[158] На мою долю выпало запечатлеть оба этих проявления человеческой немощи, столь унижающие гордыню интеллекта. Смотрите Историю Фердинанда и Изабеллы, часть 2, глава 6.

[159] Саагун, История. де Нуэва-Испания, библиотека 10, глава. 27.—Bustamante, *Mañanas de Alameda* (México, 1836), том. ii., Prólogo.

[160] [“После того, как рвение священников несколько поутихло, или, скорее, когда была лучше понята безвредная природа рисунков, туземцам было разрешено снова использовать свои иероглифы. Среди прочего, они записывали таким образом свои грехи, когда священники были слишком заняты, чтобы выслушивать их устные признания ”. Бэнкрофт, “Коренные расы”, том ii. стр. 526.—M.]

[161] Очень многие документы, с таким трудом собранные в архивах мексиканской аудитории, были проданы, по словам Бустаманте, в качестве оберточной бумаги аптекарям, лавочникам и производителям ракет! У благородной коллекции Ботурини дела обстоят ненамного лучше.

[162] История этой знаменитой коллекции знакома ученым. Он был отправлен императору Карлу Пятому вскоре после завоевания вице-королем Мендосы Маркизом де Мондехаром. Судно попало в руки французского крейсера, и рукопись была доставлена в Париж. Впоследствии она была куплена капелланом английского посольства и, попав во владение антиквара Purchas, была *полностью* выгравирована им самим в третьем томе его “Паломничества”. После публикации в 1625 году ацтекский оригинал утратил свое значение и канул в лету настолько полностью, что, когда, наконец, общественное любопытство было возбуждено в связи с его судьбой, никаких следов его обнаружить не удалось. Ученые в стране и за рубежом высказывали множество предположений относительно него, и доктор Робертсон разрешил вопрос о его существовании в Англии, заявив, что в этой стране нет никакой мексиканской реликвии, за исключением золотого кубка Монтесумы. (История Америки (Лондон, 1796), т. iii. стр. 370.) Тем не менее, идентичный Кодекс и несколько других мексиканских картин были впоследствии обнаружены в Бодлианской библиотеке. Это обстоятельство навлекло некоторый позор на историка, который, копаясь в коллекциях Вены и Эскориала, мог быть настолько слеп к тому, что находилось под его собственными глазами. Чистокровному коллекционеру рукописей, медалей или любых других редкостей эта оплошность не покажется такой уж экстраординарной. В конце концов, Кодекс Мендосы - это всего лишь копия, грубо выполненная ручкой на европейской бумаге. Другой экземпляр, с которого архиепископ Лоренцана выгравировал свои памятные листы в Мексике, находился в коллекции Ботурини. По словам маркиза Спинето, третий находится в Эскориале. (Лекции по элементам иероглифики (Лондон), лекция. 7.) Возможно, это оригинальная картина. Весь Кодекс, скопированный с бодлианских карт, с его испанскими и английскими интерпретациями, включен в благородный сборник лорда Кингсборо. (Тома i, v., vi.) Она разделена на три части, охватывающие гражданскую историю нации, дань уважения, выплачиваемую городами, а также внутреннюю экономику и дисциплину мексиканцев, и, судя по полноте толкования, имеет большое значение в отношении этих нескольких тем.

[163] Раньше он принадлежал семье Джустиниани, но за ним так мало ухаживали, что он попал в озорные руки детей прислуги, которые неоднократно пытались его сжечь. К счастью, она была нарисована на оленьей шкуре и, хотя несколько подпалилась, не пострадала. (Humboldt, Vues des Cordillères, p. 89, et seq.) Невозможно окинуть взглядом это блестящее сочетание форм и цветов, не почувствовав, насколько безнадежной должна быть попытка найти ключ к ацтекским мифологическим символам, которые здесь распределены действительно симметрично, но во всех бесконечных комбинациях калейдоскопа. Это содержится в третьем томе сочинения лорда Кингсборо.

[164] Гумбольдт, скопировавший некоторые страницы из него в своем “Atlas pittoresque”, не сомневается в его ацтекском происхождении. (Vues des Cordillères, стр. 266, 267.) М. Ле Нуар даже читает в нем изложение мексиканской мифологии, иногда с аналогиями с мифологией Египта и Индостана. (Antiquités Mexicaines, том, ii., Introd.) Фантастические формы иероглифических символов могут служить аналогиями практически для чего угодно.

[165] История этого Кодекса, целиком помещенного в третьем томе “Древностей Мексики”, восходит не далее 1739 года, когда он был приобретен в Вене для Дрезденской библиотеки. Он сделан из американской *агавы*. Рисунки, нарисованные на нем, мало похожи ни по чертам, ни по форме на мексиканские. Они увенчаны своего рода головными уборами, которые чем-то напоминают современные перуке. На подбородке одного из них мы можем заметить бороду - знак, часто использовавшийся после Завоевания для обозначения европейца. Многие люди сидят, скрестив ноги. Профили лиц и весь контур конечностей нарисованы с воодушевлением и свободой, совсем не похожими на жесткие, угловатые очертания ацтеков. Символы также изящно прорисованы, обычно неправильной, но округлой формы, и очень мелкие. Они расположены, как и египетские, как горизонтально, так и перпендикулярно, в основном в прежнем порядке, и, судя по преобладающему направлению профилей, читаются справа налево. Будь то фонетические или идеографические, они относятся к тому компактному и чисто конвенциональному типу, который относится к хорошо усвоенной системе передачи мыслей. Нельзя не сожалеть о том, что не сохранилось никаких следов того квартала, откуда была получена эта рукопись; возможно, в какой-то части Центральной Америки, из региона таинственных рас, построивших памятники Митлы и Паленке; хотя, по правде говоря, едва ли больше сходства в символах с *барельефами* Паленке, чем с ацтекскими рисунками. {*}

{*} [Мистер Стивенс, который, как и Гумбольдт, считал Дрезденский кодекс мексиканской рукописью, сравнил его символы с изображениями на алтаре в Копане и пришел к выводу, что жители этого места и Паленке, должно быть, говорили на том же языке, что и ацтеки. Мнение Прескотта, однако, было подтверждено более поздними критиками, которые показали, что иероглифы

Дрезденского кодекса сильно отличаются от иероглифов из Копана и Паленке, в то время как мексиканская письменность не имеет ни малейшего сходства ни с теми, ни с другими. See Orozco y Berra, *Geografía de las Lenguas de México*, p. 101.-К.]

[166] Их три: Кодекс Мендосы; Теллериано—Ременсис, ранее принадлежавший архиепископу Теллеру, в Королевской библиотеке Парижа; и ватиканская рукопись, № 3738. Толкование последнего имеет очевидные признаки его недавнего происхождения; вероятно, еще в конце шестнадцатого или начале семнадцатого века, когда древние иероглифы читались глазами веры, а не разума. Кто бы ни был комментатором (сост. Vues des Cordillères, pp. 203, 204; and Antiq. из Мексики, том vi. стр. 155, 222), он дал такое изложение, которое показывает, что ацтеки были такими же ортодоксальными христианами, как и любые подданные папы римского.

[167] Общее количество египетских иероглифов, обнаруженных Шампольоном, составляет 864; и из них только 130 являются фонетическими, несмотря на то, что этот тип символов используется гораздо чаще, чем оба других. Précis, p. 263;—also Spineto, Lectures, Lect. 3.

[168] Икстлильшочитль, История. Чич., ср., дедик.—Ботурини, объехавший все части страны в середине прошлого века, не смог встретиться с человеком, который мог бы дать ему хотя бы малейший ключ к разгадке ацтекских иероглифов. Настолько полностью все следы их древнего языка были стерты из памяти туземцев. (Идея, стр. 116.) Однако, если верить Бустаманте, полный ключ ко всей системе в данный момент находится где-то в Испании. Его привезли домой во время процесса против отца Миера в 1795 году. Имя мексиканского Шампольона, который его обнаружил, - Борунда. Gama, Descripción, tom. ii. p. 33, nota.

[169] [После того как на Юкатане были уничтожены древние рисунки и была признана их безвредность, были предприняты попытки еще раз записать историю, которую они содержали. Эти восстановленные хроники называются "Чилан Балам". Из них профессор Дэниел Г. Бринтон отобрал рассказы, которые он опубликовал как "Хроники майя". Одна из них, "Хроника Чиксулуба", была написана римскими буквами местным вождем майя Накуком Печом примерно в 1562 году. Это краткий отчет об испанском завоевании Юкатана, в котором говорится об Изамале и Чичен-Ице как населенных городах первой половины шестнадцатого века.—М.]

[170] *Теоамокстли*, "божественная книга", как ее называли. Согласно Икстлильшочитлю, она была составлена врачом из Тецукана по имени Хуэмазин в конце семнадцатого века. (Relaciones, ср.) В нем рассказывалось о миграциях его народа из Азии, о различных станциях на их пути, об их социальных и религиозных институтах, их науке, искусстве и т.д., и т.д., Слишком много для одной книги. *Ignotum pro mirifico*. Этого никогда не видел ни один европеец. [*] Говорят, что копия находилась у хронистов Тецукана при взятии их столицы. (Бустаманте, Crónica Mexicana (Мексика, 1822), carta 3.) Лорд Кингсборо, который может нащупать еврейский корень, даже если он никогда не был зарыт так глубоко, обнаружил, что *Теоамокстли* был Пятикнижием. Таким образом, *teo* означает "божественный", *amotl* - "бумага" или "книга", а *мокстли* "кажется Моисеем"; — "Божественная книга Моисея"! Antiq. о Мексике, том vi. стр. 204, примечание.

{*} [Это, должно быть, видели многие европейцы, если мы примем либо заявление барона де Вальдека в 1838 году ("Путешествие питейноски и археологии провинции Юкатан") о том, что тогда оно находилось в его распоряжении, либо теории Брассера де Бурбура, который отождествляет его с Дрезденским кодексом и некоторыми другими иероглифическими рукописями и который считает, что нашел ключ к нему, а следовательно, и к происхождению мексиканской истории и цивилизации, в одном из документов коллекции Ботурини, которому он дал название "Кодекс Чимальпопока". Quatre Lettres sur le Mexique (Paris, 1868).—К.]

[171] [Такое предположение потребовало бы большей "фантазии", чем любая, на которую способен разум простого исследователя истории. Допускать вероятность азиатского происхождения американских рас и неопределенной древности мексиканской цивилизации - это нечто совершенно отличное от веры в то, что эта цивилизация, уже развитая в степени, необходимой для существования и сохранения ее собственных записей в течение столь длительного периода и столь великой миграции, могла быть перенесена с одного континента на другой. Было бы легче принять теорию, ныне повсеместно отвергнутую, о том, что первые поселенцы были обязаны своей цивилизацией группе колонистов из Финикии. Ввиду столь опасной гипотезы трудно понять, почему Бушманн не согласился с "резкой критикой", которой Прескотт подверг источники по истории Мексики, и с его "низкой оценкой их ценности и достоверности". —К.]

[172] Ботурини, Идея, стр. 90-97.—Клавиджеро, Рассказ. del Messico, tom. ii. pp. 174-178.

[173] "Los cantos con que las observaban Autores muy graves en su modo de ciencia y facultad, pues fueron los mismos Reyes, y de la gente mas ilustre y entendida, que siempre observaron y adquirieron la verdad, y esta con tanta razon, quanta pudieron tener los mas graves y fidedignos Autores." Икстлильшочитль, Хист. Чич., СР., Пролого.

[174] См. главу. пункт 6 настоящего Введения.

[175] Смотрите некоторые описания этих ряженных в Acosta (lib. 5, cap. 30), а также Clavigero (Stor. del Messico, ubi supra). Каменные модели масок иногда находят среди индейских руин, и их гравюры есть как в работах лорда Кингсборо, так и в "Мексиканских древностях".

[176] Гама, Описание, Часть 2, Приложение. 2. Гама, сравнивая язык мексиканской системы счисления с десятичной системой европейцев и гениальной двоичной системой Лейбница, путает устную арифметику с письменной.

[177] Там же, ubi выше.— Этот ученый мексиканец дал очень удовлетворительный трактат об арифметике ацтеков во второй части.

[178] Геродот, Эвтерпа, с. 4. {*}

{*} [И во Франции. Во Франции пять дополнительных дней назывались санкюлоттидами.-М.]

[179] Саагун, История. новая Испания, библиотека 4, Приложение.—Согласно Клавиджеро, ярмарки проводились в дни, отмеченные знаком года. История. del Messico, tom. ii. p. 62.

[180] Жители Явы, по словам сэра Стэмфорда Раффлса, также регулировали свои рынки, установив пятидневную неделю. Кроме того, у них была наша седьмая неделя ("История Явы" (Лондон, 1830), том i, стр. 531, 532). Последнее деление времени, широко используемое на всем Востоке, является древнейшим из существующих памятников астрономической науки. See La Place, Exposition du Système du Monde (Paris, 1808), lib. 5, chap. 1.

[181] Вейтия, История Антигуа-де-Мехико (Méjico, 1806), том i. глава 6, 7.—Гама, Описание, Часть 1, стр. 33, 34 и другие. Ботурини, Idea, стр. 4, 44 и далее.—Cod. Тел.-Прим., ар. Antiq. Мексики, том vi. стр. 104.—Камарго, История. де Тлашкала, СР.—Торибио, История. de los Indios, MS., Parte 1, cap. 5.

[182] Саагун выражает сомнения по этому поводу. "Каждые четыре года они отмечали еще один праздник в честь стихии огня, и вполне вероятно, и было высказано предположение, что именно в этих случаях они совершали свою интеркаляцию, считая шесть дней *немонтеми*", как назывались несчастливые дополнительные дни. (История. новой Испании, глава 4, приложение.) Но этот автор, каким бы авторитетным он ни был в области суеверий, равнодушен к науке мексиканцев.

[183] У персов был цикл в сто двадцать лет, по триста шестьдесят пять дней в каждом, в конце которого они добавляли тридцать дней. (Humboldt, Vues des Cordillères, p. 177.) Это было то же самое, что и тринадцать после цикла из пятидесяти двух лет у мексиканцев, но было менее точным, чем их вероятная интеркаляция в двенадцать с половиной дней. Очевидно, что с точки зрения точности безразлично, какое число, кратное четырем, выбрано для формирования цикла; хотя, чем короче интервал интеркалирования, тем, конечно, меньше будет временное отклонение от истинного времени.

[184] Именно к такому выводу приходит Гама после очень тщательного изучения предмета. Он предполагает, что "связки", или циклы, продолжительностью в пятьдесят два года, по которым, как мы увидим, мексиканцы исчисляли время, заканчивались попеременно в полночь и в полдень. (Descripcion, Parte 1, p. 52, et seq.) Он находит некоторое подтверждение этому в рассказе Акосты (lib. 6, cap. 2), хотя и опровергнутом Торквемадой (Monarch. Ind., lib. 5, cap. 33) и, как выясняется, Саагуна, работы которого, однако, Гама никогда не видел (Hist. de Nueva-España, lib. 7, cap. 9), — оба из которых отмечают конец года в полночь. Гипотеза Гамы подтверждается обстоятельством, которое я не заметил. Помимо "связки" в пятьдесят два года, у мексиканцев был больший цикл в сто четыре года, называемый "старостью". Поскольку это значение не использовалось в их расчетах, которые вели их "связки", представляется весьма вероятным, что оно было разработано для выражения периода, который приближал бы начало меньших циклов к одному и тому же часу и в котором промежуточные дни, составляющие двадцать пять, могли быть поняты без остатка.

[185] Эта длина, рассчитанная Заком, равная 365 д. 5 ч. 48 м. 48 с., всего на 2 м. 9 с. длиннее мексиканской; что соответствует знаменитому расчету астрономов халифа Алмамона, который не дотянул примерно до двух минут истинного времени. См. La Place, Экспозиция, стр. 350.

[186] "El corto exceso de 4hor. 38 минут. 40seg., que hay de mas de los 25 dias en el período de 104 años, no puede componer un dia entero, hasta que pasen mas de cinco de estos períodos máximos ó 538 años." (Gama, Descripcion, Parte 1, p. 23.) Gama оценивает солнечный год в 365 дней. 5ч. 48м. 50сек.

[187] Древние этруски построили свой календарь на циклах по 110 солнечных лет и отсчитывали год от 365 дней 5 часов 40 минут; по крайней мере, это кажется вероятным, говорит Нибур. (История Рима, англ. пер. (Кембридж, 1828), т. i. стр. 113, 238.) Ранним римлянам не хватило ума воспользоваться этим точным измерением, которое производилось с точностью до девяти минут от истинного времени. Реформа Юлиана, которая предполагала продолжительность года в 365 г. до н.э. 5 ¼ ч. н.э., допустила такую

же ошибку, или, скорее, еще большую, с другой стороны. И когда европейцы, принявшие этот календарь, высадились в Мексике, их летоисчисление опережало точное время почти на одиннадцать дней, или, другими словами, летоисчисление варваров-ацтеков; {*} примечательный факт. Исследования Гамы привели к выводу, что год нового цикла начался у ацтеков девятого января; дата значительно более ранняя, чем та, которую обычно назначают мексиканские авторы. (Description, Parte 2, pp. 49-52.) Отложив внедрение до конца пятидесяти двух лет, ежегодная потеря шести часов привела к тому, что каждый четвертый год начинался на день раньше. Таким образом, цикл начинался девятого января, пятый год в нем начинался восьмого, девятый год - седьмого и так далее; так что последний день серии из пятидесяти двух лет приходился на двадцать шестое декабря, когда чередование тринадцати дней исправляло хронологию и снова переносило начало нового года на девятое января. Торквемада, озадаченный необычностью новогоднего дня, утверждает, что мексиканцы не были знакомы с ежегодным превышением шести часов и поэтому никогда не вмешивались! (Монарх. Изд., библиотека 10, загл. 36.) Толкователь Ватиканского кодекса допустил ряд грубых ошибок по тому же вопросу, еще более нелепых. (Antiq. Мексики, том vi. Стр. 16.) Как быстро наука ацтеков канула в лету после Завоевания!

{*} [См. также Уилсон, "Доисторический человек", i. стр. 246.—М.]

[188] Этими иероглифами были "кролик", "тростинка", "кремень", "дом". Согласно Вейтии, они символизировали четыре стихии: воздух, воду, огонь, землю. (Hist. antig., том i, глава 5.) Нелегко увидеть связь между терминами "кролик" и "воздух", которые возглавляют соответствующий ряд. {*}

{*} (Быстрые и бесшумные движения животного, по—видимому, дают очевидное объяснение символу.-К.)

[189] Следующая таблица двух из четырех индиктов по тринадцать лет в каждом делает текст более понятным. В первом столбце показан фактический год великого цикла, или "связки". Вторая - цифровые точки, используемые в их арифметике. Третья состоит из иероглифов, обозначающих кролика, тростник, кремень, дом, в их обычном порядке.

FIRST INDICATION.			SECOND INDICATION.		
Year of the Cycle.			Year of the Cycle.		
1.	.		14.	.	
2.	.		15.	.	
3.	.		16.	.	
4.	.		17.	.	
5.	.		18.	.	
6.	.		19.	.	
7.	.		20.	.	
8.	.		21.	.	
9.	.		22.	.	
10.	.		23.	.	
11.	.		24.	.	
12.	.		25.	.	
13.	.		26.	.	

Проследив комбинации по двум оставшимся знакам, можно обнаружить, что одинаковое количество точек никогда не совпадает с одним и тем же иероглифом. Эти таблицы обычно имеют форму колес, как и таблицы с указанием месяцев и дней, что создает очень красивый эффект. Некоторые из них были опубликованы в разное время в сборниках Сигуэнцы и Ботурини. Колесо великого пятидесятидвухлетнего цикла окружено змеей, которая также была символом "эпохи" как у персов, так и у египтян. Отец Торибио, по-видимому, неправильно понимает природу этих хронологических рядов: "Тениан роделас и эскудос, и эн элас пинтадас, фигурасы и армии Демонов против бога". Хист. de los Indios, MS., Parte 1, cap. 4.

[190] Среди китайцев, японцев, моголов, манчу и других семей татарской расы. Их серии состоят из символов пяти стихий и двенадцати знаков зодиака, образующих цикл продолжительностью в шестьдесят лет. Несколько их систем представлены в связи с мексиканской на ярких страницах Гумбольдта ("Вопросы Кордильер", стр. 149), который выводит важные выводы из сравнения, к которым у нас будет возможность вернуться позже.

[191] В этом календаре месяцы тропического года были разделены на циклы по тринадцать дней, которые, повторяясь двадцать раз — по количеству дней в солнечном месяце, — завершали лунный, или астрологический, год из 260 дней; после чего отсчет начинался заново. "Благодаря изобретению этих *трехчленов* (сроков в тринадцать дней) и цикла в пятьдесят два года, " говорит Гама, - они сформировали лунно-солнечный период, наиболее точный для астрономических целей". (Descripcion, Parte 1, p. 27.) Он добавляет, что эти *трецены* были предложены периодами, в которые луна видна до и после соединения. (Лат. cit.) Кажется едва ли возможным, чтобы люди, способные так точно составить календарь на основе истинных принципов солнечного времени, допустили столь грубую ошибку, предположив, что в этом исчислении они действительно "представляли ежедневные обороты Луны". "Весь восточный мир, " говорит ученый Нибур, " следовал в своем календаре за Луной; свободное научное деление огромной части времени характерно для Запада. С Западом связан тот первобытный вымерший мир, который мы называем Новым". История Рима, том i, стр. 239.

[192] Их называли "спутниками" и "повелителями ночи", и предполагалось, что они правят ночью, как другие знаки правили днем. Ботурини, Идея, стр. 57.

[193] Таким образом, их астрологический год был разделен на месяцы по тринадцать дней; в их индиктах было тринадцать лет, каждый из которых содержал триста шестьдесят пять периодов по тринадцать дней и т.д. Любопытный факт, что количество лунных месяцев по тринадцать дней, содержащихся в цикле из пятидесяти двух лет, с добавлением, должно точно соответствовать количеству лет в великом сотском периоде египтян, а именно 1491 году; период, в течение которого времена года и праздники снова приходили в одно и то же место в году. Совпадение может быть случайным. Но люди, использующие периодические ряды и астрологические вычисления, обычно имеют некоторый смысл в выбранных ими числах и комбинациях, к которым они приводят.

[194] Согласно Гаме (Описание, Часть 1, стр. 75, 76), потому что 369 можно разделить на девять без дроби; девять "спутников" не привязаны к пяти дополнительным дням. Но 4, мистическое число, часто используемое в их арифметических комбинациях, одинаково хорошо отвечало бы той же цели. В связи с этим Маккаллох весьма проникательно замечает: "Кажется невозможным, чтобы мексиканцы, столь тщательно выстраивающие свой цикл, внезапно прервали его 360 оборотами, естественный период завершения которых равен 2340". И он предполагает, что девять "спутников" использовались в связи с циклами продолжительностью 260 дней, чтобы объединить их в более крупные циклы, состоящие из 2340; восемь из которых, с девятым из 260 дней, как он устанавливает, равны великому солнечному периоду в 52 года. (Исследования, стр. 207, 208.) Это очень правдоподобно. Но на самом деле комбинации двух первых серий, образующих цикл из 260 дней, всегда прерывались в конце года, поскольку каждый новый год начинался с одного и того же иероглифического обозначения дней. Третья серия "спутников" была прервана, как указано выше, в пять несчастливых дней, завершавших год, для того, если мы можем верить Ботурини, чтобы первый день солнечного года мог присоединить к нему первый из девяти "спутников", что означало "властелин года" (Idea, стр. 57); результат, который можно было бы с таким же успехом обеспечить, без какого-либо перерыва вообще, взяв 5, другое любимое число, вместо 9, в качестве делителя. Однако, как бы то ни было, цикл, что касается третьей серии, действительно завершился 360 оборотами. Эта тема вызывает недоумение, и я едва ли могу надеяться изложить ее таким образом, чтобы читателю было совершенно ясно.

[195] История. новая Испания, библиотека 4, Вступление.

[196] "Dans les pays les plus différents," says Benjamin Constant, concluding some sensible reflections on the sources of the sacerdotal power, "chez les peuples de mœurs les plus opposées, le sacerdoce a dû au culte des éléments et des astres un pouvoir dont aujourd'hui nous concevons à peine l'idée." "О религии" (Париж, 1825), книга 3, глава 5.

[197]

“Это нежная и ласковая мысль.

Что на неизмеримых высотах над нами,

При нашем первом рождении был сплетен венок любви

Со сверкающими звездочками вместо цветов”.

Кольридж: Перевод "Валленштейна", акт 2, часть 4.

Шиллер более верен поэзии, чем истории, когда он говорит нам, в прекрасном отрывке, частью которого является этот отрывок, что поклонение звездам заняло место классической мифологии. Она существовала задолго до этого.

[198] Гама дал нам полный астрологический календарь года с соответствующими знаками и подразделениями, показывающий, с каким научным мастерством он был адаптирован для различных целей. (Descripcion, Parte 1, pp. 25-31, 62-76.) Саагун посвятил целую книгу объяснению мистического значения этих знаков с точностью, которая может позволить человеку составить для себя схему рождения. (История. de Nueva-España, lib. 4.) Очевидно, что он полностью верил в волшебные чудеса, о которых рассказывал. “Это было лживое искусство, - говорит он, - пагубное и идолопоклонническое, и никогда не было изобретено человеческим разумом”. Добрый отец определенно не был философом.

[199] Смотрите, среди прочего, Код. Тел. -Прим., Часть 4, стр. 22, ап. Antiq. о Мексике, том i.

[200] “Едва ли можно сомневаться, - говорит лорд Кингсборо, - что мексиканцы были знакомы со многими научными приборами необычного изобретения по сравнению с нашими собственными; неизвестно, мог ли *телескоп* не принадлежать к их числу; но тринадцатая табличка из ”Памятников“ месье Дюпэ, часть вторая, на которой изображен человек, прикладывающий к глазу нечто аналогичного свойства, дает основание предположить, что они знали, как улучшить зрение. ” (Antiq. из Мексики, том vi. стр. 15, примечание.) Инструмент, о котором идет речь, грубо вырезан на конической скале. Он поднят не выше шеи человека, который его держит, и выглядит, на мой взгляд, так же похоже на мушкет, как и на подзорную трубу; хотя из этого обстоятельства я не стану делать вывод об использовании огнестрельного оружия ацтеками. (См. том iv. Стр. 15.) Однако капитан Дюпэ в своем комментарии к рисунку видит в нем ровно столько же, сколько и его светлость. Там же, т. v., стр. 241.

[201] Гама, Описание, Часть 1, с. 4; Часть 2, Приложение.— Помимо этого колоссального фрагмента, Гама встретился в Чаполтепеке с некоторыми другими, созданными, вероятно, для аналогичных научных целей. Однако, прежде чем у него хватило времени осмотреть их, они были разобраны на материалы для постройки печи — судьба, мало чем отличающаяся от той, которая слишком часто постигала памятники древнего искусства в Старом Свете.

[202] [Чтобы пролить дополнительный свет на мексиканскую астрономическую и календарную систему и “календарный камень”, легко доступны следующие авторы: Банделье, Археологический тур, Отчеты музея Пибоди, ii. 572; Валентини, Материалы Американского антикварного общества, апрель 1878 г.; Сквайер, Некоторые новые открытия, касающиеся дат на Большом календарном камне и т.д.; Американский журнал науки и искусств, Вторая серия, март 1849 г.; Бэнкрофт, Коренные народы, ii. глава. 16 и v. стр. 192; Шорт, "Североамериканцы древности", глава ix.; Уилсон, "Доисторический человек", i; Брассер, "Хронологические исторические исследования Мексики", в Актах социальной этнографии, том vi.; Пейн, "Новый свет под названием Америка", ii. 310 след. Миссис Наттолл утверждает, что этот камень-календарь стоял на большой рыночной площади в Мексике и что его предназначением было регулировать рыночные дни. -М.]

[203] В своем втором трактате о цилиндрическом камне Гама более подробно останавливается на его научной конструкции в виде вертикальных солнечных часов, чтобы развеять сомнения некоторых закоренелых скептиков по этому поводу. (Описание, Часть 2, Приложение. 1.) Гражданский день был разделен мексиканцами на шестнадцать частей и начинался, как и у большинства азиатских народов, с восхода солнца. М. де Гумбольдт, который, вероятно, никогда не видел второго трактата Гамы, допускает только восемь интервалов. Vues des Cordillères, p. 128.

[204] “Un calendrier,” exclaims the enthusiastic Carli, “qui est réglé sur la révolution annuelle du soleil, non-seulement par l’addition de cinq jours tous les ans, mais encore par la correction du bissextile, doit sans doute être regardé comme une opération déduite d’une étude réfléchie, et d’une grande combinaison. Il faut donc supposer chez ces peuples une suite d’observations astronomiques, une idée distincte de la sphère, de la déclinaison de l’écliptique, et l’usage d’un calcul concernant les jours et les heures des apparitions solaires.” Lettres Américaines, tom. i. let. 23.

[205] Ла Плейс, который предлагает аналогию, откровенно признает сложность. Système du Monde, lib. 5, ch. 3.

[206] М. Жомар ошибается, помещая *новый огонь*, церемонией которого должным образом завершался старый цикл, в день зимнего солнцестояния. Это произошло только 26 декабря, если Гама прав. Причина ошибки месье Жомара в том, что он исправил ее до, а не после дополнительных дней. Смотрите его разумное письмо об ацтекском календаре в Vues des Cordillères, стр. 309.

[207] В фактический момент их кульминации, согласно обоим Саагунам (Hist. новая Испания, библиотека 4, Дополнение.) и Торквемада (Монарх. Инд., библиотека 10, главы 33, 36). Но этого не могло быть, поскольку это произошло в полночь ноября, так же поздно, как и последний светский праздник, который был в начале правления Монтесумы, в 1507 году. (Gama, Descripción, Parte 1, p. 50, nota.—Humboldt, Vues des Cordillères, pp. 181, 182.) Чем дальше мы откладываем начало нового цикла, тем больше должно быть расхождение.

[208]

“На его обнаженную грудь возложены кедровые ветви;

На его голой груди сухая осока и пахучие десны,

Приготовился принять священную искру,

И пылай, возвещая восход Солнца,

На его живой алтарь”.

"Мэдок"Саути, часть 2, песнь 26.

[209] Я заимствую слова из призыва, которым людей призывали на *ludi seculares*, светские игры древнего Рима: “что за зрелище, что за зрелище”. (Suetonius, Vita Tib. Клавдий, lib. 5.) Старые мексиканские хронисты разогреваются до чего-то вроде красноречия в своих описаниях ацтекского фестиваля. (Торквемада, монарх. Ind., lib. 10, cap. 33.—Торибио, История. de los Indios, MS., Parte 1, cap. 5.—Sahagun, Hist. новая Испания, библиотека 7, главы 9-12. Смотрите также, Гама, Описание, Часть 1, стр. 52-54, —Клавиджеро, Рассказ. del Messico, tom. ii. pp. 84-86.) Английский читатель найдет более яркое изображение той же сцены в цитированной выше песне Мэдока “На исходе века”.

[210] Например, порох и компас.—М.

[211] Это последнее зерно, согласно Гумбольдту, было найдено европейцами в Новом Свете, от юга Чили до Пенсильвании (“Политические очерки”, том ii, стр. 408); он мог бы добавить, что в “Святом Лаврентии”. Наши отцы-пуритане находили его в изобилии на побережье Новой Англии, где бы они ни высаживались. См. Мортон, Мемориал Новой Англии (Бостон, 1826), стр. 68.—Гукин, Массачусетские исторические собрания, глава 3.

[212] Торквемада, монарх. Изд., библиотека 13, загл. 31. “Замечательный пример для нашего времени, — восклицает добрый отец, — когда женщины не только непригодны к полевым работам, но и слишком легкомысленны, чтобы заниматься собственным хозяйством!”

[213] Разительный контраст также с египтянами, с которыми некоторые антиквары склонны отождествлять древних мексиканцев. Софокл замечает изнеженность мужчин в Египте, которые оставались дома за ткацким станком, в то время как их жены были заняты тяжелой работой на открытом воздухе:

“ΟΙ. ὃ πάντ' ἐκείνω τοῖς ἐν Αἰγύπτῳ νόμοις

φύσιν κατεικασθέντε καὶ βίου τροφάς·

ἐκεῖ γὰρ οἱ μὲν ἄρσενες κατὰ στέγας

θακοῦσιν ἰστοῦργοῦντες, αἱ δὲ σύννομοι

τᾶξω βίου τροφεῖα πορσύνουσ' αἰεί.”

Софокл., Диф. Кол., ст. 337-341.

[214] Торквемада, монарх. Изд., библиотека. 13, глава. 32.—Клавиджеро, Рассказ. дель Мессико, том ii. стр. 153-155. — “Джамас падесьерон амбре”, — говорит бывший автор, — “китайцы, покас окасион”. Если эти голодоморы и были редкостью, то, однако, они были очень мучительными и длились очень долго. Сост. Икстлильшочитль, История. Чич., ср., главы 41, 71 и др.

[215] Овьедо считает *musa* импортным растением; а Эрнандес в своем обширном каталоге вообще о нем не упоминает. Но Гумбольдт, уделявший этому большое внимание, приходит к выводу, что если одни виды были завезены в страну, то другие были местными. (Essai politique, tom. ii. pp. 382-388.) Если верить Клавиджеро, банан был запретным плодом, который соблазнил нашу бедную мать Еву! История. del Messico, tom. i. p. 49, nota.

[216] От имени одного джентльмена хуомо, ар. Рамузио, том. iii. fol. 306.—Эрнандес, “История растений Новой Испании” (Matriti, 1790), lib. 6, глава 87.

[217] Саагун, История. de Nueva-España, lib. 8, cap. 13, et alibi.

[218] Подготовка фермера к выращиванию индийской кукурузы была одной из самых простых. Он просто срезал густую поросль со своего кукурузного поля и сжег его. Полученная таким образом зола была единственным используемым удобрением. Незадолго до первого дождя в мае или июне он заостренной палкой через равные промежутки времени проделал в подготовленной земле ямки и опустил в них четыре или пять зерен кукурузы. В последние дни господства ацтеков большое внимание уделялось выращиванию сельскохозяйственных культур. Их очищали от сорняков и в некоторых случаях орошали. Мальчики, размещенные на приподнятых платформах или деревьях, распугивали птиц.—М.

[219] Юридическая карта. Зуazo, CP. — Он превозносит кукурузный мед как равный пчелиному. (Также Овьедо, История. *natural de las Indias*, глава 4, ар. Barcia, Том i. i.) Эрнандес, который прославляет разнообразные способы приготовления кукурузы, выводит его из хайтянского слова *mahiz*. История. Plantarum, библиотека 6, главы 44, 45.

[220] И все еще находится, по крайней мере, в одном месте, в Сан-Анхеле, в трех лигах от столицы. Несколько лет назад в Пуэбле должны были построить еще одну мельницу. Было ли это сделано на самом деле, я не знаю. См. Отчет Комитета по сельскому хозяйству Сенату Соединенных Штатов от 12 марта 1838 г.

[221] До революции пошлины на *пульке* были настолько важной статьей доходов, что только города Мехико, Пуэбла и Толука выплатили правительству 817 739 долларов. (Humboldt, *Essai politique*, tom. ii. p. 47.) Требуется время, чтобы европейцы привыкли к своеобразному вкусу этого ликера, относительно достоинств которого они, следовательно, сильно расходятся. Среди местных жителей существует только одно мнение. Английский читатель найдет хороший отчет о его изготовлении в книге Уорда "Мексика", том ii. стр. 55-60.

[222] [Обер ("Путешествия по Мексике") дает очень полный отчет о том, как используется журнал. На плантациях магуэя растения имеют среднюю стоимость в пять долларов. "Каждый день со станций на равнинах Апама отправляется длинный поезд, загруженный исключительно *пульке*, от перевозки которого железная дорога получает доход свыше 1000 долларов в день", стр. 345. *Пульке* "по вкусу напоминает несвежую пахту, а иногда имеет запах протухшего мяса". Он полезный и освежающий. Мексиканцы приписывают ему те же полезные свойства, которые шотландцы приписывают своему виски.—М.]

[223] Эрнандес перечисляет несколько видов магуэя, которые используются для этих разнообразных целей, в своей научной работе *De Hist. Plantarum*. (Библиотека 7, глава 71 и далее.) М. де Гумбольдт считает их всеми разновидностями *американской агавы*, распространенной в южных частях как Соединенных Штатов, так и Европы. (*Essai politique*, tom. ii. p. 487, et seq.) Это мнение вызвало у него довольно резкую отповедь со стороны нашего соотечественника, покойного доктора Перрина, который называет их отличным видом от американской *агавы* и рассматривает один из видов, *лаваш*, из которого получают тонкую нить, как совершенно отдельный род. (Смотрите Отчет Комитета по сельскому хозяйству.) И все же барон может найти подтверждение всему имуществу, приписываемому им магуэю, у наиболее авторитетных авторов, которые более или менее долго проживали в Мексике. См., среди прочего, Эрнандес, *ubi* выше.—Саагун, История Новой Испании, библиотека 9, глава 2; библиотека 11, глава 7. Торибио, История индейцев, ср., Часть 3, глава 19.—Хартия прав человека. Зуazo, ср. Последний, говоря о магуэе, из которого производят ферментированный напиток, прямо говорит: "Из того, что остается от этих листьев, они изготавливают превосходную и очень тонкую ткань, напоминающую голландию, или тончайший лен". Однако нельзя отрицать, что доктор Перрин хорошо знаком со строением и привычками тропических растений, которые он с таким патриотическим настроением предложил завезти во Флориду.

[224] Первое регулярное заведение такого рода, по словам Карли, было в Падуе в 1545 году. *Lettres Américaines*, tom. i. chap. 21.

[225] [Хотя я разделяю взгляды Гумбольдта относительно знаний древних мексиканцев о горном деле, сеньор Рамирес считает, что выводы, к которым меня привели, не подтверждаются древними авторами. Из высказываний Берналя Диаса и Саагуна, в частности, он делает вывод, что их единственным способом получения драгоценных металлов был сбор таких отдельных масс, которые были найдены на поверхности земли или в руслах рек. Небольшое количество серебра, имеющееся у них, он рассматривает как дополнительное доказательство их незнания надлежащего метода и отсутствия необходимых инструментов для извлечения его из земли. See Ramirez, *Notas y Esclarecimientos*, p. 73.]

[226] П. Мученик, Новая Орбита, десятилетия (Compluti, 1530), 5 декабря, стр. 191.—Акоста, библиотека 4, глава 3. Гумбольдт, "Политические очерки", том iii. стр. 114-125.—Торквемада, монарх. Изд., библиотека 13, глава 34.

"Люди ковали из меди, - говорит Гесиод, - когда железа еще не существовало".

χαλκῷ δ' ἐργάζοντο μέλας δ' οὐκ ἔσκε σίδηρο

HESIOD, "Εργα καὶ Ἠμέραι.

Аббат Рейналь утверждает, что незнание железа неизбежно удерживало мексиканцев на низком уровне цивилизации, поскольку без него "они не смогли бы создать из металла никаких изделий, достойных внимания, ни каменной кладки, ни архитектуры, ни гравюры, ни скульптуры". (История Индии, англ. пер., том iii. b. 6.) Однако железо, если оно и было известно,

мало использовалось древними египтянами, чьи могучие памятники были высечены бронзовыми инструментами; в то время как их оружие и домашняя утварь были из того же материала, что видно из зеленого цвета, приданного им на их картинах.

[227] Гама, Описание, Часть 2, стр. 25-29.—Торквемада, монарх. Ind., ubi supra.

[228] Саагун, История. новая Испания, библиотека 9, главы 15-17.—Ботурини, Идея, стр. 77.—Торквемада, монарх. Инд., лок. цит. по Эррера, который говорит, что они также умели эмалировать, высоко оценивает мастерство мексиканских ювелиров в изготовлении птиц и животных с подвижными крыльями и конечностями самым любопытным образом. (История. генерал, 2 декабря, библиотека 7, глава. 15.) Сэр Джон Мондевилл, как обычно,

- у него волосы встали дыбом

От его собственных чудес”,

замечает “грет марвэйл” среди похожих механизмов при дворе великого чейна Китая. Смотрите его "Вояж и мучения", глава 20.

[229] Эррера, Hist. генерал, 2 декабря, библиотека. 7, глава. 11.—Торквемада, монарх. Указ. соч., библиотека. 13, глава. 34. Гама, Описание, Часть 2, стр. 27, 28.

[230] “Parece, que permitia Dios, que la figura de sus cuerpos se asimilase á la que tenían sus almas por el pecado, en que siempre permanecian.” Монарх. Изд., библиотека. 13, глава. 34.

[231] Клавиджери, Стоп. del Messico, tom. ii. p. 195.

[232] Гама, Описание, Часть 1, стр. 1. Помимо *пласа майор*, Гама указывает на площадь Тлателолко как на огромное кладбище древних реликвий. Это был квартал, в который отступили мексиканцы при осаде столицы.

[233] Торквемада, монарх. Ind., lib. 13, cap. 34.—Гама, Описание, Часть 2, стр. 81-83.—Эти статуи неоднократно упоминались древними авторами. Последний был разрушен в 1754 году, когда его увидел Гама, который высоко оценивает его исполнение. Там же.

[234] Эта бессмысленность разрушения вызывает горькую неприязнь Мученика, чей просвещенный ум уважал остатки цивилизации, где бы они ни находились. “Завоеватели, ” говорит он, - редко ремонтировали здания, которые были повреждены. Они скорее разграбили бы двадцать величественных городов, чем воздвигли одно хорошее здание”. De Orbe Novo, 5 декабря, глава 10.

[235] Гама, Описание, Часть 1, стр. 110-114.—Гумбольдт, "Политические очерки", том ii. стр. 40.— Согласно Тезозомоку, на транспортировку этой огромной массы было задействовано десять тысяч человек, чей рассказ со всеми сопутствующими чудесами подробно передан Бустаманте. Лицензиат проявляет аппетит ко всему чудесному, который мог бы вызвать зависть средневекового монаха. (См. Описание, примечание, лок. цит. по) Английский путешественник Латроб очень хорошо соотносит чудеса природы и искусства друг с другом, предполагая, что эти огромные каменные глыбы были перевезены с помощью мастодонта, останки которого время от времени находят в Мексиканской долине. Рамблер в Мексике, стр. 145.

[236] [В 1875 году доктор Огастес Ле Плонжон, успешно расшифровав определенные иероглифические надписи в Чичен-Ице, раскопал на расстоянии четырехсот ярдов от дворца в этом месте статую Чаак Моля, или Балама (короля-тигра), величайшего из правителей Ицы. Он был изъят мексиканскими официальными лицами и отправлен в город Мехико. Там, во дворе Национального музея, его можно увидеть и сегодня, как раз напротив его точной копии, которая была найдена похороненной либо на площади Мехики, либо где-то в Тласкале несколько лет назад. История находки кажется в высшей степени удивительной, но фотографии, сделанные на многих этапах эксгумации, рассеивают сомнения относительно ее достоверности. Полный отчет по этому вопросу см. в статье Стивена Солсбери, президента Американского общества антикваров, в "Трудах этого общества" за 1877-78 гг., стр. 70-119.—М.]

[237] Великолепная коллекция древней керамики с различными другими образцами искусства ацтеков, подарок господина Дж. Пойнсетта и Китинга, хранится в Кабинете Американского философского общества в Филадельфии. Смотрите Каталог, ар. Transactions, том iii. стр. 510. Еще одну замечательную коллекцию можно увидеть в Музее естественной истории в Нью—Йорке.—М.

[238] Эрнандес, Hist. Plantarum, библиотека 6, глава 116.

[239] Конституция Испании. Зуазо, МИСС—Эррепа, Hist. генерал, 2 декабря, библиотека 7, глава. 15.—Ботурини, Идея, стр. 77. — Сомнительно, насколько они были знакомы с производством шелка. Карли предполагает, что то, что Кортес называет шелком, было всего лишь тонкой текстурой волос, или пуха, упомянутого в тексте. (Lettres Américaines, tom. i. let. 21.) Но несомненно, что у них был вид гусеницы, действительно непохожий на нашего шелкопряда, который плел нить, продававшуюся на рынках древней Мексики. См. "Эссе политики" (том iii, стр. 66-69), где М. де Гумбольдт собрал некоторые интересные факты, касающиеся культуры шелка ацтеков. Тем не менее, то, что ткань вообще была предметом неопределенности, показывает, что она не могла достичь какого-либо большого совершенства или масштабов.

[240] Декларация прав человека. Zuazo, MS.—Acosta, lib. 4, cap. 37.—Саагун, История. новая Испания, библиотека 9, главы 18-21.—Торибио, История. de los Indios, MS., Parte 1, cap. 15.—Rel. d'un gentil' huomo, ап. Рамузио, том. iii. fol. 306.—Граф Карли в восторге от образца росписи пером, который он видел в Страсбурге. "Никогда я не видел ничего столь изысканного, - говорит он, - по яркости и приятным оттенкам цвета, а также по красоте дизайна. Ни один европейский художник не смог бы создать такую вещь". (Lettres Américaines, let. 21, note.) Есть еще одно место, Пацкуаро, где, по словам Бустаманте, сохранились некоторые знания об этом интересном искусстве, хотя оно практикуется в очень ограниченных масштабах и за большие деньги. Sahagun, ubi supra, nota.

[241] "O felicem monetam, quæ suavem utilemque præbet humano generi potum, et a tartareâ peste avaritiæ suos immunes servat possessores, quod suffodi aut diu servari nequeat!" De Orbe Novo, 5 декабря, глава 4.— (См. также Carta de Cortés, ap. Lorenzana, стр. 100 и далее.—Саагун, История. новая Испания, библиотека. 8, глава. 36.—Торибио, История. de los Indios, MS., Parte 3, cap. 8.—Carta del Lic. Zuazo, ср.) Заменитель денег во всей Китайской империи был столь же простым во времена Марко Поло и состоял из кусочков гербовой бумаги, изготовленной из внутренней части коры тутового дерева. See Viaggi di Messer Marco Polo, gentil' huomo Venetiano, lib. 2, cap. 18, ap. Рамузио, Том ii.

[242] "Procurad de saber algun *oficio honroso*, como es el hacer obras de pluma y otros oficios mecánicos.... Mirad que tengais cuidado de lo tocante á la agricultura.... En ninguna parte he visto que alguno se mantenga por su nobleza." Sahagun, Hist. новая Испания, библиотека 6, глава 17.

[243] Кол. де Мендоса, ап. Antiq. о Мексике, том i, стр. 71; том vi, стр. 86. — Торквемада, монарх. Изд., библиотека 2, глава 41.

[244] Саагун, История. новая Испания, библиотека 9, глава 4, 10-14.

[245] Там же, библиотека 9, глава 2.

[246] Саагун, История. новая Испания, библиотека 9, глава 2, 4. — В Кодексе Мендосы есть картина, изображающая казнь касика и его семьи с разрушением его города за жестокое обращение с личностями некоторых ацтекских купцов. Antiq. о Мексике, том первый, Стр. 67.

[247] Торквемада, монарх. Изд., библиотека 2, загл. 41.—Икстлильшочитль приводит любопытную историю одного из членов королевской семьи Тецкоко, который предложил вместе с двумя *другими* купцами, *отрос меркадерес*, посетить двор враждебного касика и доставить его живым или мертвым в столицу. Они воспользовались пьяным разгулом, на котором их должны были принести в жертву, чтобы достичь своей цели. История. Чич., ср., глава 62.

[248] Саагун, История. de Nueva-España, lib. 9, cap. 2, 5. — Девятая книга посвящена рассказу о торговцах, их паломничествах, религиозных обрядах при их отъезде и роскошном образе жизни по возвращении. В целом это представляет собой весьма примечательную картину, свидетельствующую о том, что они пользовались уважением среди полумодернизированных народов Анауака, которому нет параллели, если только им не обладали князья-торговцы итальянской республики или знатные торговцы нашей страны.

[249] Саагун, История. de Nueva-España, lib. 6, cap. 23-37.—Камарго, История. де Тлашкала, MS.—Эти комплиментарные знаки внимания оказывались в указанное время года, даже во время беременности. Детали изложены Саагуном с большой серьезностью и детализацией, который переходит к деталям, которые его мексиканский редактор Бустаманте исключил, как слишком откровенные для всеобщего обозрения. Если они были более содержательными, чем некоторые заметки самого редактора, то, должно быть, они были действительно очень общительными.

[250] Зурита, Раппорт, стр. 112-134.—Третья часть Кол. de Mendoza (Antiq. из Мексики, том i) демонстрирует различные хитроумные наказания, придуманные для непокорного ребенка. Цветущий путь познания был усеян шипами для мексиканского новичка.

[251] Зурита, Раппорт, стр. 151-160.—Саагун передал нам наставления отца и матери ацтекской девушке по поводу ее вступления в годы благоразумия. Что может быть нежнее, чем начало материнского увещания? "Hija mia muy amada, muy querida

palomita: ya has oído y notado las palabras que tu señor padre te ha dicho; ellas son palabras preciosas, y que raramente se dicen ni se oyen, las quales han procedido de las entrañas y corazón en que estaban atesoradas; y tu muy amado padre bien sabe que eres su hija, engendrada de él, eres su sangre y su carne, y sabe Dios nuestro señor que es así; aunque eres muger, é imagen de tu padre ¿que mas te puedo decir, hija mia, de lo que ya esta dicho? (История. Новой Испании, библиотека 6, глава 19.) Читатель найдет этот интересный документ, предписывающий многое из того, что считается наиболее важным среди цивилизованных наций, полностью переведенным в Приложении, часть 2, № 1.

[252] Тем не менее, в советах отца своему сыну мы находим замечательное заявление о том, что для размножения рода Бог предназначил одного мужчину только для одной женщины. “Nota, hijo mio, lo que te digo, mira que el mundo ya tiene este estilo de engendrar y multiplicar, y para esta generacion y multiplicacion, ordenó Dios que una muger usase de un varon, y un varon de una muger.” Саагун, История. новая Испания, библиотека 6, глава 21.

[253] Там же, lib. 6, cap. 21-23; lib. 8, cap. 23.—Rel. d'un gentil' huomo, ap. Рамузио, том. iii. fol. 305.—Декларация прав человека. Зуазо, СР.

[254], по крайней мере, такая же древняя, как героическая эпоха Греции. Мы можем представить себя за столом Пенелопы, где перед началом трапезы воду из золотых кувшинов наливали в серебряные чаши для угощения ее гостей:

“Χέρνιβα δ' ἀμφίπολος προχόφ' ἐπέχευε φέρουσα

Καλῇ χρυσεῖῃ ὑπὲρ ἀργυρέοιο λέβητος,

Νίψασθαι: παρὰ δὲ ξεστὴν ἐτάνυσσε τράπεζαν.”

ΟΔΥΣΣ. Α.

Этот праздник дает много других аналогий с ацтекским, указывая на схожую стадию цивилизации у этих двух народов. Однако можно быть удивленным, обнаружив большее изобилие драгоценных металлов на бесплодном острове Итака, чем в Мексике. Но фантазия поэта была богаче любого из них.

[255] Саагун, История. новая Испания, библиотека 6, глава. 22. Среди некоторых превосходных советов родителя своему сыну относительно его общего поведения мы находим, что последнему педантично предписывалось не занимать свое место за столом, пока он не вымоет лицо и руки, и не покидать его, пока он не повторит то же самое и не *почистит зубы*. Указания даны с точностью, достойной азиата. “Al principio de la comida labarte has las manos y la boca, y donde te juntares con otros á comer, no te sientes luego; mas antes tomarás el agua y la jícara para que se laben los otros, y echarles has agua á las manos, y despues de esto, cojerás lo que se ha caído por el suelo y barrerás el lugar de la comida, y también despues de comer lavarás te las manos y la boca, y limpiarás los dientes.” Там же, лок. цит. по

[256] От имени джентиль хуомо, ар. Рамузио, том. iii. fol. 306.—Саагун, История. новая Испания, библиотека. 4, глава. 37.—Торквемада, монарх. Ind., lib. 13, cap. 23.—Клавиджеро, Рассказ. дель Мессико, том. ii. стр. 227. — Ацтеки обычно курили после обеда, чтобы подготовиться к *сиесте*, которой они предавались так же регулярно, как старые кастильцы.—Табак в мексиканском языке происходит от хайтянского слова *tabaco*. Уроженцы Эспаньолы, будучи первыми, с кем испанцы имели много сношений, снабдили Европу названиями нескольких важных растений.—Табак в той или иной форме употребляли почти все племена американского континента, от Северо-западного побережья до Патагонии. (См. Маккаллох, Исследования, стр. 91-94.) Его многочисленные достоинства, как социальные, так и медицинские, обильно восхваляются Эрнандесом в его Истории. Plantarum, библиотека 2, глава 109.

[257] Эта благородная птица была завезена в Европу из Мексики. Испанцы называли его *галлопаво* из-за его сходства с павлином. См. Rel. d'un gentil' huomo, ар. Рамузио (том. iii. fol. 306); также Овьедо (Rel. Sumaria, глава 38), самый ранний натуралист, описавший птицу, которую он видел вскоре после Завоевания в Вест-Индии, куда она была завезена, по его словам, из Новой Испании. Европейцы, однако, вскоре потеряли из виду его происхождение, и название “турция” намекало на распространенное мнение о его восточном происхождении. Несколько выдающихся писателей настаивали на его азиатском или африканском происхождении; но они не могли навязать это проницательному и лучше образованному Бюффону. (См. Histoire naturelle, art.

Динд.) По прибытии в Мексику испанцы увидели огромное количество индеек в одомашненном состоянии, где они были более распространены, чем любая другая домашняя птица. Их находили в диком виде не только в Новой Испании, но и по всему континенту, в менее посещаемых местах, от северо-западной территории Соединенных Штатов до Панамы. Дикая индейка крупнее, красивее и во всех отношениях несравненно более изящная птица, чем ручная. Франклин, не без сарказма, настаивает на своем предпочтении белоголового орлана в качестве национальной эмблемы. (См. Его Работы, том х, стр. 63, в превосходном издании Спаркса.) Интересные сведения об истории и повадках дикой индейки можно найти в орнитологии как Буонапарте, так и этого восторженного любителя природы, Одюбона, *вокса Мелеагриса, Галлопаво*.

[258] Саагун, История. новая Испания, библиотека 4, глава 37; библиотека 8, глава 13; библиотека 9, главы 10-14. — Торквемада, монарх. Ind., lib. 13, cap. 23.—Отчество джентльмена, ар. Рамузио, том. ii. fol. 306.—Отец Саагун подробно рассказал о *кухне* ацтеков и способах приготовления различных пикантных блюд, что в совокупности не является ничтожным вкладом в благородную науку гастрономии.

[259] Пена, деликатно приправленная специями и некоторыми другими ингредиентами, готовилась сама по себе холодной. У него была консистенция почти твердого вещества; и "Анонимный завоеватель" очень тщательно подчеркивает важность "широко открывать рот, чтобы облегчить глотание, чтобы пена могла постепенно растворяться и как бы незаметно опускаться в желудок". Он был настолько питателен, что одной чашки его было достаточно, чтобы прокормить человека в течение самого долгого дневного перехода. (Fol. 306.) Старый солдат обсуждает напиток *с любовью*.

[260] Саагун, История. новая Испания, библиотека. 4, глава 37; библиотека. 8, глава. 13.—Торквемада, монарх. Инд., библиотека. 13, глава. 23.—Отчество благородного человека, ап. Рамузио, том. iii. fol. 306.

[261] Эррера, Hist. генерал, 2 декабря, глава 7. 8.—Торквемада, монарх. Указ. соч., глава 14. 11. Мексиканская знать принимала в своих домах менестрелей, которые сочиняли баллады, соответствующие времени или достижениям своего господина, которые они распевали под аккомпанемент инструментов на праздниках и танцах. Действительно, на большинстве фестивалей в той или иной степени присутствовали танцы, и они исполнялись во дворах домов или на открытых площадях города. (Ibid., ubi supra.) У главных людей на службе были также шуты и жонглеры, которые забавляли их и поражали испанцев своей ловкостью и силой (Acosta, lib. 6, cap. 28; также Клавиджеро (Stor. дель Мессико, том ii, стр. 179-186), который разработал несколько представлений об их подвигах, поистине удивительных). Естественно, что люди с ограниченной утонченностью должны находить удовольствие в материальных, а не интеллектуальных удовольствиях и, следовательно, преуспевать в них. Азиатские народы, такие, например, как индусы и китайцы, превосходят более утонченных европейцев в проявлении ловкости и хитрости.

[262] "Y de esta manera pasaban gran rato de la noche, y se despedian, é iban á sus casas, unos alabando la fiesta, y otros murmurando de las demasías y excesos, cosa mui ordinaria en los que á semejantes actos se juntan." Torquemada, Monarch. Инд., библиотека. 13, глава. 23.—Саагун, История. Новая Испания, библиотека. 9, главы. 10-14.

[263] [Читая эту главу, мы должны постоянно иметь в виду тот факт, что она почти полностью основана на традициях. Мы также должны помнить, что, во—первых, Икстлильшочитль является главным авторитетом в отношении легенд, изложенных в нем; во-вторых, что Икстлильшочитль обладал очень богатым воображением; в-третьих, что "История чичимеков" Икстлильшочитля не была написана с совершенно непредвзятой точки зрения. Используя слова Банделье (Археологический тур по Мексике, стр. 192): "Икстлильшочитль всегда был очень подозрительным авторитетом, не потому, что он более запутан, чем любой другой индейский писатель, а потому, что он писал для заинтересованной цели и с целью поддержать племенные претензии в глазах испанского правительства". — М.]

[264] Критику в адрес этого автора смотрите в Постскрипуме к этой главе.

[265] Смотрите Главу I. этого Введения, стр. 17.

[266] Ixtlilxochitl, Relaciones, CP., № 9.—Там же, История. Чич., ср., глава 19.

[267] Сисмонди с присущим ему воодушевлением рассказывает о приключениях бывшего героя (Итальянские республики, глава 79). В связи с последним вряд ли стоит отсылать английского читателя к "Истории восстания 1745 года" Чемберса; произведение, которое доказывает, насколько тонка перегородка в человеческой жизни, отделяющая роман от реальности.

[268] Икстлильшочитль, Relaciones, CP., № 10.

[269] Икстлильшочитль, Relaciones, CP., № 10.—История. Чич., ср., гл. 20-24.

[270] Там же, История. Чич., ср., загл. 25. Эта уловка была осуществлена благодаря необычайному личному сходству участников; плодотворный источник комизма — как известно каждому читателю драмы, — хотя и редко представляющий трагический интерес.

[271] Было принято, входя в присутствие великого лорда, бросать ароматические вещества в курильницу. “Hecho en el brasero incienso y copal, que era uso y costumbre donde estaban los Reyes y Señores, cada vez que los criados entraban con mucha reverencia y acatamiento echaban sahumerio en el brasero; y así coneste perfume se obscurecia algo la sala.” Ixtlilxochitl, Relaciones, MS., No. 11.

[272] Икстлильшочитль, История. Чич., ср., глава. 26.—Отношения, ср., № 11.—Вейтия, История. антиг., библиотека 2, глава 47.

[273] “Nezahualcoiotzin le dixo, que si viese á quien buscaban, si lo iría á denunciar? respondió, que no; tornándole á replicar diciéndole, que haria mui mal en perder una muger hermosa y lo demas que el rey Maxtla prometia, el mancebo se rió de todo, no haciendo caso ni de lo uno ni de lo otro.” Икстлильшочитль, Хист. Чич., ср., глава 27.

[274] Там же, ср., главы 26, 27.—Relaciones, CP., № 11.—Вейтия, История. антиг., библиотека 2, главы 47, 48.

[275] Икстлильшочитль, РУКОПИСЬ, ubi выше.—Вейтия, ubi выше.

[276] Икстлильшочитль, История. Чич., ср., главы 28-31.—Отношения, ср., № 11.—Вейтия, История. антиг., библиотека 2, главы 51-54.

[277] Смотрите [страницу 21](#) этого тома.

[278] “Que venganza no es justo la procuren los Reyes, sino castigar al que lo mereciere.” MS. de Ixtlilxochitl.

[279] См. Clavigero, Stor. дель Мессико, том. i. стр. 247.—Кодекс Несауалькойотля состоял из восьмидесяти законов, из которых, согласно Вейтии, до нас дошло только тридцать четыре. (Хист. antig., tom. iii. p. 224, nota.) Икстлильшочитль перечисляет некоторые из них. История. Чич., ср., глава 38, и Родственники, СР., Орденансас.

[280] Нигде эти принципы не соблюдаются так неуклонно, как в различных работах нашего признанного соотечественника доктора Либера, имеющих более или менее отношение к теории законодательства. Такие произведения не могли быть созданы ранее девятнадцатого века.

[281] Икстлильшочитль, История. Чич., ср., загл. 36.—Вейтия, История. антиг., либр. 3, загл. 7. Согласно Зурите, главные судьи на своих общих собраниях каждые четыре месяца также составляли своего рода парламент, или корты, для консультирования короля по государственным вопросам. Смотрите его Раппорт, стр. 106; также *ante*, стр. 33.

[282] Икстлильшочитль, История. Чич., ср., глава. 36.—Клавиджеро, История. дель Мессико, том. ii. стр. 137.—Вейтия, История. антиг., библиотека 3, загл. 7.—“Concurrían á este consejo las tres cabezas del imperio, en ciertos dias, á oír cantar las poesías históricas antiguas y modernas, para instruirse de toda su historia, y tambien cuando habia algun nuevo invento en cualquiera facultad, para examinarlo, aprobarlo, ó reprobalo. Delante de las sillas de los reyes habia una gran mesa cargada de joyas de oro y plata, pedrería, plumas, y otras cosas estimables, y en los rincones de la sala muchas de mantas de todas calidades, para premios de las habilidades y estímulo de los profesores, las cuales alhajas repartían los reyes, en los dias que concurrían, á los que se aventajaban en el ejercicio de sus facultades.” Там же.

[283] Вейтия, История. антиг., библиотека. 3, глава. 7. Клавиджеро, Рассказ. дель Мессико, том i. стр. 247. — Последний автор перечисляет четырех историков, некоторые из которых имеют большую репутацию, из королевского дома Тецкоко, потомков великого Несауалькойотля. Смотрите его Рассказ о писателях, том i, стр. 6-21.

[284] “En la ciudad de Tezcucó estaban los Archivos Reales de todas las cosas referidas, por haver sido la Metrópoli de todas las ciencias, usos, y buenas costumbres, porque los Reyes que fueron de ella se preciaron de esto.” (Икстлильшочитль, Хист. Чич., СР., Пролого.) Именно из жалких обломков этих документов, когда-то так бережно хранимых его предками, историк почерпнул материалы, как он сообщает нам, для своих собственных работ.

[285] “Aunque es tenuta la lengua Mejicana por materna, y la Tezcucana por mas cortesana y pulida.” (Камапро, История. де Тлашкала, ср.) “Тецкоко, “ говорит Ботурини, - куда дворяне посылали своих сыновей изучать самый изысканный диалект языка науатлак и изучать поэзию, моральную философию, языческое богословие, астрономию, медицину и историю”. Идея, стр. 142.

[286] “Он сочинил шестьдесят песен, - говорит автор, цитируемый последним, - которые, вероятно, погибли от поджигающих рук невежд”. (Idea, стр. 79.) Переводы двух из них были у Ботурини в его музее (Catálogo, стр. 8), и с тех пор появился еще один.

[287] Какой бы сложной ни была задача, она была выполнена рукой прекрасной подруги, которая, хотя и придерживалась кастильского языка с исключительной верностью, продемонстрировала изящество и гибкость в своих поэтических движениях, которыми не может похвастаться кастильская версия и, вероятно, мексиканский оригинал. Смотрите оба перевода в Приложении 2, № 2.

[288] Многочисленные примеры этого можно найти в “Владениях арабов в Испании” Конде. Ни один из них не превосходит жалобных напевов королевского Абдерахмана на одинокой пальме, которая напоминала ему о прекрасной земле, где он родился. См. Часть 2, глава 9.

[289]

“Yo tocaré cantando

El músico instrumento sonoro,

Tú de flores gozando

Danza, y festeja á Dios que es poderoso;

O gozemos de esta gloria,

Porque la humana vida es transitoria.”

ГОСПОЖА ДЕ ИШТЛИЛЫШЧИТЬ.

Это достаточно распространенное чувство с необычайной красотой выразил английский поэт Херрик:

“Собери бутоны роз, пока можешь;

Старое время все еще летит;

Прекраснейший цветок, распустившийся сегодня

Завтра, возможно, умру”.

И, возможно, с еще большей красотой у Расина:

“Rions, chantons, dit cette troupe impie,

De fleurs en fleurs, de plaisirs en plaisirs,

Promenons nos désirs.

Sur l’avenir insensé qui se fie.

De nos ans passagers le nombre est incertain.

Hâtons-nous aujourd’hui de jouir de la vie;

Qui sait si nous serons demain?”

ATHALIE, Acte 2.

Интересно наблюдать, в каких различных формах одно и то же чувство проявляется у разных рас и на разных языках. Это действительно эпикурейское чувство, но его универсальность доказывает его истинность для природы.

[290] Некоторые из завоеванных таким образом провинций и мест находились в совместном владении союзных держав; однако Тлакопан получал лишь пятую часть дани. Более обычным было присоединять побежденную территорию к тому из двух великих государств, к которому она располагалась ближе всего. См. Ixtlilxochitl, Hist. Чич., ср., глава 38.—Зурита, Взаимопонимание, стр. 11.

[291] Икстлильшочитль, История. Чич., ср., загл. 41. Тот же автор в другой работе называет население Тецкоко в этот период вдвое большим, чем оно было во время завоевания; основывая свою оценку на королевских реестрах и на многочисленных остатках зданий, которые все еще видны в его время в местах, ныне обезлюдивших. “Parece en las historias que en este tiempo, antes que se destruyesen, havia doblado mas gente de la que halló al tiempo que vino Cortés, y los demas Españoles: porque yo hallo en los padrones reales, que el menor pueblo tenía 1100 vecinos, y de allí para arriba, y ahora no tienen 200 vecinos, y aun en algunas partes de todo punto se han acabado.... Como se hecha de ver en las ruinas, hasta los mas altos montes y sierras tenían sus sementeras, y casas principales para vivir y morar.” Relaciones, MS., No. 9.

[292] Торквемада извлек сведения о ежегодных расходах дворца из королевской бухгалтерской книги, которая попала в распоряжение историка. Ниже приведены некоторые из продуктов, а именно: 4 900 300 фанег кукурузы (*фанега* равна примерно ста фунтам); 2 744 000 фанег какао; 8000 индеек; 1300 корзин соли; кроме того, невероятное количество дичи всех видов, овощей, приправ и т.д. (Монарх. Ind., lib. 2, cap. 53.) Смотри также, Икстлильшочитль, История. Чич., ср., глава 35.

[293] There were more than four hundred of these lordly residences: “Así mismo hizo edificar muchas casas y palacios para los señores y cavalleros, que asistian en su corte, cada uno conforme á la calidad y méritos de su persona, las quales llegaron á ser mas de quatrocientas tasas de señores y cavalleros de solar conocido.” Там же, глава 38.

[294] Бэнкрофт, “Коренные расы”, том ii. стр. 162, указывает здесь на ошибку в переводе, поскольку Прескотт применил к *estado* ту же меру, что и к *vara*. Стена была *в три раза выше человеческого роста* на одной половине своей окружности и *в пять раз выше человеческого роста* на другой половине.—М.

[295] Икстлильшочитль, История. Чич., ср., загл. 36. “Esta plaza cercada de portales, y tenia así mismo por la parte del poniente otra sala grande, y muchos quartos á la redonda, que era la universidad, en donde asistian todos los poetas, históricos, y philosophos del reyno, divididos en sus claves, y academias, conforme era la facultad de cada uno, y así mismo estaban aquí los archivos reales.”

[296] Читателю, знакомому с историей мавров в Испании, при чтении этих страниц неизбежно вспомнится дворец в Кордове.—М.

[297] Этот знаменитый натуралист был послан Филиппом II в Новую Испанию, и он потратил несколько лет на составление объемного труда о различных природных явлениях, иллюстрирующего их рисунками. Хотя, как говорят, правительство потратило шестьдесят тысяч дукатов на достижение этой великой цели, тома были опубликованы лишь спустя долгое время после смерти автора. В 1651 году в Риме появилось искаженное издание части работы, относящейся к медицинской ботанике. Предполагалось, что первоначальные рукописи были уничтожены большим пожаром в Эскориале вскоре после этого. К счастью, другой экземпляр, написанный собственноручно автором, был обнаружен неутомимым Муньосом в библиотеке Колледжа иезуитов в Мадриде во второй половине прошлого века; и прекрасное издание из знаменитой типографии Ибарры было опубликовано в этой столице под патронажем правительства в 1790 году. (Хист. Plantarum, Præfatio.—Нис. Антонио, Библиотека Новой Испании (Матрица, 1790), том iii. стр. 432.) Работа Эрнандеса является памятником трудолюбия и эрудиции, тем более примечательной, что является первой по этому сложному предмету. И, несмотря на весь дополнительный свет, полученный в результате трудов более поздних натуралистов, она по-прежнему занимает свое место в качестве книги высочайшего авторитета благодаря четкости, точности и тщательности, с которой в ней обсуждаются разнообразные темы.

[298] Икстлильшочитль, История. Чич., ср., глава 36.

[299] “Некоторые террасы, на которых он стоял, - говорит мистер Баллок, говоря об этом дворце, - все еще целы и покрыты цементом, очень твердым, не уступающим по красоте тому, что был в древнеримских зданиях.... Большая церковь, которая стоит неподалеку, почти полностью построена из материалов, взятых из дворца, многие скульптурные камни из которых можно увидеть на стенах, хотя большая часть украшений обращена внутрь. Действительно, наш гид сообщил нам, что тот, кто построил дом в Тецкоко, сделал руины дворца своей добычей ”. (Шесть месяцев в Мексике, глава ii. 26.) Торквемада замечает присвоение материалов с той же целью. Монарх. Изд., библиотека. 2, глава. 45.

[300] Икстлильшочитль, ср., ubi выше.

[301] Таким образом, чтобы наказать халков за их мятеж, все население было вынуждено, как женщины, так и мужчины, говорит хронист, которого так часто цитируют, работать на королевских постройках в течение четырех лет вместе; а тем временем большие зернохранилища были снабжены запасами для их содержания. Икстлильшочитль, Хист. Чич., ср., глава 46.

[302] Если народ в целом не был сильно пристрастен к полигамии, то государь, следует признать, — а то же самое, как мы увидим, было и в Мексике, — вполне компенсировал любое самоотречение со стороны своих подданных.

[303] Икстлильшочитль, История. Чич., ср., глава 37.

[304] Египетские жрецы справились с этим делом в более изысканном стиле, и, хотя они молились о том, чтобы на принца снизошли всевозможные царственные добродетели, они возлагали вину за фактические проступки на его министров; таким образом, “не горечью порицания, - говорит Диодор, - но соблазнами похвалы, соблазняя его вести честный образ жизни”. Lib. 1, cap. 70.

[305] Икстлильшочитль, История. Чич., ср., загл. 42.—Оригинальное описание этой королевской резиденции см. в Приложении, часть 2, № 3.

[306] “Деликатесы и закуски эскалоне”. Davilla Padilla, Historia de la Provincia de Santiago (Madrid, 1596), lib. 2, cap. 81. Этот писатель, живший в шестнадцатом веке, сам считал ступеньки. Те, что не были вырублены в скале, превращались в руины, как, впрочем, и каждая часть здания уже тогда была далеко в упадке.

[307] На вершине горы, по словам Падильи, стояло изображение *койотля*, — животного, напоминающего лису, — которое, согласно традиции, изображало индейца, известного своими постами. Он был уничтожен этим стойким иконоборцем, епископом Зумаррагой, как реликвия идолопоклонства. (История. де Сантьяго, библиотека. 2, глава. 81.) Эта фигура, без сомнения, была эмблемой самого Несауалькойотля, чье имя, как отмечалось в другом месте, означало “голодная лиса”.{*}

{*} [“Голодающий койот”. Это животное, “напоминающее лису”, достаточно знакомо тем, кто живет в наших далеких Западных Штатах.—М.]

[308] [Бэнкрофт, “Туземные расы”, ii. стр. 171, говорит, что эти фигуры не были статуями, а были вырезаны на поверхности границы скалы.—М.]

[309] “Hecho de una Peña un leon de mas de dos brazas de largo con sus alas y plumas: estaba hechado y mirando á la parte del oriente, en cuja boca asomaba un rostro, que era el mismo retrato del Rey.” Ixtlilxochitl, Hist. Чич., ср., глава 42.

[310] Баллок говорит о красивом бассейне длиной двенадцать футов и шириной восемь, с колодцем глубиной пять футов на четыре в центре и т.д., и т.п. Лежит ли истина на дне этого колодца, не так ясно. Латроб описывает ванны как “два особых бассейна, возможно, двух с половиной футов в диаметре, недостаточно больших, чтобы любой монарх крупнее Оберона мог принять в них утку”. (Сост. Шесть месяцев в Мексике, парень. 26; и Рамблер в Мексике, стр. 7.) Уорд говорит во многом о той же цели (Мексика в 1827 году (Лондон, 1828), т. ii. стр. 296), что согласуется с устными отчетами, которые я получил о том же месте.{*}

{*} [Майер, “Мексика, какой она была и есть”, дает представление об этой “ванне”, стр. 234.—М.]

[311] “Gradas hechas de la misma Peña tan bien gravadas y lizas que parecian espejos.” (Ixtlilxochitl, MS., ubi supra.) Только что упомянутые путешественники обратили внимание на прекрасный блеск, все еще видимый в порфире.

[312] Падилья увидел среди руин целые куски кедровых бревен футов в длину и четырех в диаметре. Он заметил, что некоторые массивные порталы были сделаны из цельного камня. (История. де Сантьяго, библиотека 11, глава 81.) Питер Мученик замечает огромную деревянную балку, использованную при строительстве дворцов Тецкоко, которая была сто двадцать футов в длину и восемь футов в диаметре! Отчеты об этом и подобных ему огромных кусках древесины были настолько поразительными, добавляет он, что он мог получить их только на основании самых неопровержимых свидетельских показаний. De Orbe Novo, 5 декабря, cap. 10.{*}

{*} [Те, кто видел гигантские секвойи Калифорнии, могут легко поверить в эти “огромные деревянные балки”. “Гигант гризли”, все еще стоящий в роще МариПОза, имеет двести семьдесят пять футов в высоту и значительно больше тридцати футов в диаметре у земли. В одиннадцати футах от земли она имеет более шестидесяти четырех футов в окружности. Секвойи были обнаружены почти через десять лет после того, как Прескотт написал эту заметку.—М.]

[313] Вызывает большое сожаление тот факт, что мексиканское правительство не проявляет более глубокого интереса к индейским древностям. Чего только не могло быть сделано несколькими руками, набранными из бездействующих гарнизонов некоторых соседних городов и занятыми на раскопках этой земли, “Палатинской горы” в Мексике! Но, к несчастью, на смену эпохе насилия пришла эпоха апатии.

[314] “Они, несомненно, - говорит м-р Латроб, говоря о том, что он называет “этими необъяснимыми руинами”, - “скорее тольтекского, чем ацтекского происхождения, и, возможно, с еще большей вероятностью, принадлежат народу еще более отдаленной эпохи”. (Рамблер в Мексике, стр. 7.) “Я придерживаюсь мнения, ” говорит мистер Баллок, “ что это были памятники старины, существовавшие до открытия Америки и возведенные народом, история которого была утеряна еще до строительства города Мехико.—Кто может разрешить эту трудность?” (Шесть месяцев в Мексике, ubi выше.) Читатель, который возьмет Икстлильшочитля в качестве своего гида, не столкнется с большими трудностями при ее решении. Он обнаружит здесь, как,

вероятно, и в некоторых других случаях, что для выяснения происхождения древностей, которые претендуют на то, чтобы быть ровесниками Финикии и древнего Египта, нужно подняться немного выше, чем Завоевание.

[315] Зурита, Раппорт, стр. 12.

[316] Икстлильшочитль, История. Чич., ср., глава 43.

[317] Икстлильшочитль, История. Чич., ср., глава 43.

[318] Икстлильшочитль, История. Чич., ср., глава 43.

[319] “En traje de cazador (que lo acostumbraba á hacer muy de ordinario), saliendo á solas, y disfrazado para que no fuese conocido, á reconocer las faltas y necesidad que havia en la república para remediarlas.” Idem, Hist. Чич., ср., глава 46.

[320] “Un hombrillo miserable, pues quita á los hombres lo que Dios á manos llenas les da.” Ixtlilxochitl, loc. cit.

[321] Там же, глава 46.

[322] “Порке лас паредес оян”. (Икстлильшочитль, лок. цит.) Европейская пословица среди американских аборигенов выглядит слишком странно, чтобы не заподозрить руку хрониста.

[323] “Le dijo, que con aquello poco le bastaba, y viviria bien aventurado; y él, con toda la máquina que le parecia que tenia arto, no tenia nada; y así lo despidió.” Ixtlilxochitl, loc. cit.

[324] Икстлильшочитль, История. Чич., ср., глава 46.

[325] “Verdaderamente los Dioses que io adoro, que son ídolos de piedra que no hablan, ni sienten, no pudieron hacer ni formar la hermosura del cielo, el sol, luna, y estrellas que lo hermean, y dan luz á la tierra, rios, aguas y fuentes, árboles, y plantas que la hermean, las gentes que la poseen, y todo lo criado; algun Dios muy poderoso, oculto, y no conocido es el Criador de todo el universo. El solo es él que puede consolarme en mi afliccion, y socorrerme en tan grande angustia como mi corazon siente.” MS. de Ixtlilxochitl.

[326] Г-жа де Икстлильшочитль. Цитируемая здесь рукопись является одной из многих, оставленных автором о древностях его страны, и является частью объемного сборника, составленного в Мексике отцом Вегой в 1792 году по заказу правительства Испании. См. Приложение, часть 2, № 2.

[327] “Al Dios no conocido, causa de las causas.” MS. de Ixtlilxochitl.

[328] Их самые ранние храмы были посвящены солнцу. Луне они поклонялись как его жене, а звездам - как его сестрам. (Вейтия, История. антиг., том. i. загл. 25.) Предполагается, что руины, все еще существующие в Теотиуакане, примерно в семи лигах от Мексики, были храмами, возведенными этим древним народом в честь двух великих божеств. Ботурини, Идея, стр. 42.

[329] Г—жа де Икстлильшочитль. - “Очевидно, это был *гонг*”, - говорит мистер Ранкинг, который с завидной уверенностью переступает через “suppositos cineres” на пути антиквара. Смотрите его Исторические исследования о завоевании Перу, Мексики и т.д. монголами (Лондон, 1827), стр. 310.

[330] “Toda la redondez de la tierra es un sepulcro: no hay cosa que sustente que con título de piedad no la esconda y entierre. Corren los rios, los arroyos, las fuentes, y las aguas, y ningunas retroceden para sus alegres nacimientos: aceléranse con ansia para los vastos dominios de Tlulóca [Neptuno], y cuanto mas se arriman á sus dilatadas márgenes, tanto mas van labrando las melancólicas urnas para sepultarse. Lo que fué ayer no es hoy, ni lo de hoy se afianza que será mañana.”

[331] “Aspiremos al cielo, que allí todo es eterno y nada se corrompe.”

[332] “El horror del sepulcro es lisongera cuna para él, y las funestas sombras, brillantes luces para los astros.”— Оригинальный текст и испанский перевод этого стихотворения впервые появились, я полагаю, в произведении Гренадоса и Гальвеса. (Tardes Americanas (México, 1778), p. 90, et seq.) Оригинал на языке отоми, и оба варианта вместе с французской версией были вставлены М. Терно-Компаном в Приложение к его переводу “Истории Икстлильшочитля”. des Chichimèques (tom. i. pp. 359-367). Бустаманте, который также опубликовал испанскую версию в своей Галерее антигуос Принсипес Мехиканос (Puebla, 1821, стр. 16, 17), называет ее “Одой цветка”, которая была прочитана на банкете знати Тецкукана. Если это последнее, однако, то же самое, о чем упоминал Торквемада (Монарх. Ind., lib. 2, cap. 45), оно, должно быть, было написано на языке тецкукан; и, действительно, маловероятно, что отоми, индийский диалект, столь отличный от языков анауака, каким бы хорошо ни был понятен царственному поэту, мог быть понятен разнобразной аудитории его соотечественников.

[333] Приближение к дате - это максимум, чего можно надеяться достичь с Икстлильшочитлем, который запутал свою хронологию так, что я не в состоянии ее разгадать. Таким образом, сообщив нам, что Несауалькойотлю было пятнадцать лет, когда его отец был убит в 1418 году, он говорит, что умер в возрасте семидесяти одного года, в 1462 году. *Instar omnium*. Сост. История. Чич., ср., гл. 18, 19, 49.

[334] ГОСПОЖА де Икстлильшочитль, — также Hist. Чич., ср., глава 49.

[335] “No consentiendo que haya sacrificios de gente humana, que Dios se enoja de ello, castigando con rigor á los que lo hicieren; que el dolor que llevo es no tener luz, ni conocimiento, ni ser merecedor de conocer tan gran Dios, el qual tengo por cierto que ya que los presentes no lo conozcan, *ha de venir tiempo en que sea conocido y adorado en esta tierra.*” MS. de Ixtlilxochitl.

[336] То же самое, ubi выше; также Hist. Чич., ср., глава 49.

[337] Икстлильшочитль, История. Чич., ср., глава 49.

[338] “Solia amonestar á sus hijos en secreto que no adorasen á aquellas figuras de ídolos, y que aquello que hiciesen en público fuese *solo por cumplimiento.*” Ixtlilxochitl.

[339] То же самое, ubi выше.

[340] Имя *Несауальпилли* означает “принц, ради которого постились”, — без сомнения, намекая на длительный пост его отца перед его рождением. (См. Икстлильшочитль, Хист. Чич., ср., загл. 45.) Я объяснил значение столь же благозвучного имени его родителя, Незауалькойотля. (*Ante*, гл. 4.) Если это правда, что

“ Цезарь или Эпаминонд ”

Разве могли бы мы знать людей без имен?”

не менее очевидно и то, что такие имена, как имена двух тецкуканских принцев, которые европейцу так трудно произнести или запомнить, крайне неблагоприятны для бессмертия.

[341] “De las concubinas la que mas privó con el rey fué la que llamaban la Señora de Tula, no por linage, sino porque era hija de un mercader, y era tan sabia que competia con el rey y con los mas sabios de su reyno, y era en la poesía muy aventajada, que con estas gracias y dones naturales tenia al rey muy sugeto á su voluntad de tal manera que lo que queria alcanzaba de él, y así vivia sola por si con grande aparato y magestad en unos palacios que el rey le mandó edificar.” Ixtlilxochitl, Hist. Чич., ср., глава 57.

[342] Икстлильшочитль, История. Чич., ср., глава 67.—Историк из Тецкукана приводит несколько ужасающих примеров такой жестокости, в частности, один по отношению к своей провинившейся жене. История, напоминающая одну из историй о восточном гареме, была переведена для Приложения, часть 2, № 4. См. Также Торквемада (Монарх. Ind., lib. 2, глава 66) и Зурита (Rapport, стр. 108, 109). В частности, он наводил ужас на всех несправедливых судей. Они не могли ожидать особой благосклонности от человека, который мог заглушить голос природы в своей собственной груди, повинаясь законам. Как сказал Светоний о принце, лишенном своей добродетели, “Vehemens et in coercentis quidem delictis immodicus”. Вита Гальбе, раздел 9.

[343] В свое время Торквемада видел останки этого, *или того, что считалось таковым*. Монарх. Изд., библиотека. 2, глава. 64.

[344] Икстлильшочитль, История. Чич., ср., главы 73, 74. — Эта внезапная передача империи от тецкуканцев в конце правления двух их самых способных монархов настолько невероятна, что нельзя не усомниться в том, обладали ли они ею когда—либо, - по крайней мере, в той степени, в какой это утверждает патристически настроенный историк. См. *ante*, глава 1, примечание 25, и соответствующий текст.

[345] Там же, загл. 72. Конкретный рассказ об этих чудесах, более достоверный, чем большинство чудес, читатель найдет на следующей странице этой истории.

[346] Икстлильшочитль, История. Чич., ср., загл. 75. — Или, скорее, в возрасте пятидесяти лет, если историк прав, помещая его рождение, как он делает в предыдущей главе, в 1465 год. (См. шапку. 46.) Нелегко решить, что является правдой, когда писатель не берет на себя труд быть верным самому себе.

[347] Его похороны были отпразднованы с кровавой помпой. Двести рабов мужского пола и сто рабынь женского пола были принесены в жертву у его могилы. Его тело было сожжено среди груды драгоценностей, материй и благовоний на погребальном костре; а прах, помещенный в золотую урну, был помещен в великом храме Уицилопочтли, к поклонению которому король, несмотря на уроки своего отца, питал некоторое пристрастие. Икстлильшочитль.

[348] [Икстлильшочитль (родился около 1568 года) писал в начале семнадцатого века. Свидетельство, которое он представил вице-королю, датировано 18 ноября 1608 года. Ошибка, по-видимому, канцелярская; хотя предыдущий отрывок в тексте, по-видимому, указывает на некоторую путаницу со стороны автора.]

[349] [Сеньор Рамирес возражает против этого замечания, мотивируя это тем, что, какими бы непонятными ни казались иероглифы сейчас, во времена Икстильшочитля они были, по его словам, «так же понятны, как наши буквы для тех, кто был с ними знаком». *Notas y Esclarecimientos*, стр. 10.—К.]

[350] Названия многих животных в Новом Свете действительно часто заимствованы из Старого, но виды очень разные. «Когда испанцы высадились в Америке, — говорит известный натуралист, — они не нашли ни одного знакомого им животного; ни одного из четвероногих Европы, Азии или Африки». Лоуренс, Лекции по физиологии, зоологии и естественной истории человека (Лондон, 1819), стр. 250.

[351] Акоста, кн. 1, гл. 16.

[352] [Существование в каком-то прошлом периоде такого острова, или, скорее, континента, кажется, рассматривается геологами как хорошо подтвержденный факт. Но немногие признают, что его затопление могло произойти в результате какого-либо внезапного потрясения или в течение периода существования человечества. Однако именно такую теорию поддерживает М. Брассер де Бурбург, который датирует это событие «шестью или семью тысячами лет назад» и считает, что предания о нем были точно сохранены. Это великий катаклизм, с которого начинается вся мифология. Его следы можно проследить в мифах Греции, Египта, Индии и Америки, которые все идентичны и имеют общее происхождение. Это тема *Тео-Амокли*, о которой есть несколько мексиканских рукописей, в частности, кодексы Борджиа и Дрездена, представляющие собой иероглифические транскрипции, а «подлинное письмо» «на языке науатлак» находится в рукописи из коллекции Ботурини. Эта рукопись «по внешнему виду» представляет собой историю тольтеков и королей Кольуакана и Мексики; но «под шифрами придирчивой хронологии, под более или менее оживленным изложением истории тольтеков скрываются глубочайшие тайны, касающиеся геологического происхождения мира в его нынешнем виде и колыбели древних религий». Тольтеки — это «теллурические силы, агенты подземного огня»; они тождественны кабирам, которые появляются вновь в образе циклопов, имеющих «выдолбленное в лбу глазное яблоко; то есть поднявшихся над поверхностью земли с помощью масс земли и наполнивших кратеры вулканов огнем». «Чичимеки и ацтеки также являются символическими именами, заимствованными из сил природы». Толлан, «болотистое или тростниковое место», было «низкой, плодородной областью», теперь покрытой Мексиканским заливом. Кетцалькоатль — «просто олицетворение земли, поглощенной океаном». Глапалан, Ацтлан и другие имена объясняются аналогичным образом. Осирис, Пан, Геракл и Вакх имеют свои соответствующие роли, поскольку «не только все источники древней мифологии, но даже самые загадочные детали, даже самые неясные загадки, которыми окружена эта мифология, следует искать в двух Средиземных морях, выдолбленных катаклизмом, и на больших и малых островах, которые отделяют их от океана». (*Quatre Lettres sur le Mexique*.) Невозможно опровергнуть такую теорию или предположения, на которых она основана, но следует отметить, что ее автор не сумел расшифровать ни одного иероглифического знака и не опубликовал перевод настоящего или предполагаемого *Тео-Амокли*, — вопрос, по которому, по-видимому, существует некоторое недоразумение. — К.]

[353] Граф Карли проявляет большую изобретательность и эрудицию в поддержку знаменитой египетской традиции, записанной Платоном в его «Тимее», в достоверности которой итальянский философ не сомневается. *Lettres Améric.*, т. II, письма 36-39.

[354] Гарсия, *Origen de los Indios de el nuevo Mundo* (Мадрид, 1729), гл. 4.

[355] Торквемада, *Monarch. Ind.*, lib. 1, cap. 8.

[356] Причард, *Исследования по физической истории человечества* (Лондон, 1826), т. i. p. 81, et seq.—Он может найти авторитетное подтверждение подобной гипотезы в работах святого Августина, который ясно дает понять, что верит в то, что «по велению Бога во время сотворения мира земля произвела на свет живых существ по роду их, и что подобный процесс должен был произойти и после потопа на островах, слишком удаленных, чтобы туда могли добраться животные с материка». *De Civitate Dei*, ap. Opera (Parisiis, 1636), том V, стр. 987.

[357] Beechey, *Voyage to the Pacific and Beering's Strait* (Лондон, 1831), часть 2, приложение.—Humboldt, *Examen critique de l'Histoire de la Géographie du Nouveau-Continent* (Париж, 1837), том II, стр. 58.

[358] Какие бы скептические мнения ни высказывались по поводу посещения норманнами в XI веке побережья великого континента, после публикации оригинальных документов Королевским обществом в Копенгагене они, вероятно, улеглись в умах

большинства ученых. (См., в частности, *Antiquitates Americanæ* (Hafniæ, 1837), стр. 79-200.) Насколько далеко на юг они проникли, определить не так просто.

[359] Наиболее замечательный пример, вероятно, прямого общения между отдаленными точками предоставляет нам капитан Кук, который обнаружил, что жители Новой Зеландии не только исповедуют ту же религию, но и говорят на том же языке, что и жители Отаити, удаленного более чем на 2000 миль. Сравнение двух словарей подтверждает этот факт. Путешествия Кука (Дублин, 1784), т. I, книга 1, гл. 8.

[360] Красноречивый Лайелл завершает перечисление некоторых необычных и хорошо подтвержденных примеров такого рода замечанием: «Если бы все человечество было уничтожено, за исключением одной семьи, населяющей старый или новый континент, или Австралию, или даже какой-нибудь коралловый остров в Тихом океане, мы могли бы ожидать, что их потомки, хотя и не ставшие более просвещенными, чем жители южных морей или эскимосы, в течение веков распространились бы по всей Земле, частично благодаря тенденции населения к росту, превышающему средства к существованию в ограниченном районе, а частично благодаря случайному дрейфу каноэ под действием приливов и течений к дальним берегам». Принципы геологии (Лондон, 1832), т. II, с. 121.

[361] «Общий вопрос о первоначальном происхождении жителей континента выходит за пределы истории; возможно, он даже не является философским вопросом». Гумбольдт, *Essai politique*, т. I, с. 349.

[362] *Ante*, стр. 75.

[363] Причудливое деление времени на четыре или пять циклов или эпох встречалось у индусов (*Asiatic Researches*, т. II, мем. 7), тибетцев (Гумбольдт, *Vues des Cordillères*, стр. 210), персов (Bailly, *Traité de l'Astronomie* (Париж, 1787), т. i. discours préliminaire), греков (Гесиод, *Ἑρῴα καὶ ἡμέραι*, ст. 108 и далее) и, без сомнения, других народов. Пять эпох в греческой космогонии относились скорее к моральным, чем к физическим явлениям, что свидетельствует о более высокой цивилизации.

[364] Халдейские и еврейские рассказы о Всемирном потопе почти одинаковы. Параллель проводится в остроумных лекциях Палфри «Лекции по еврейским писаниям и древностям» (Бостон, 1840), т. ii. лекция 21, 22. Среди языческих писателей никто не приближается к библейскому повествованию так близко, как Лукиан, который в своем описании греческих традиций говорит о ковчеге и парах разных видов животных. (*De Deâ Syriâ*, раздел 12.) То же самое можно найти в Бхагават-Пуране, древней индуистской поэме. (*Asiatic Researches*, т. II, меморандум 7.) Простая традиция о всемирном потопе сохранилась среди большинства аборигенов, вероятно, западного мира. См. Маккаллох, *Исследования*, стр. 147.

[365] Эта традиция ацтеков зафиксирована в древней иероглифической карте, впервые опубликованной в *Giro del Mondo* Джемелли Каррери. (См. том VI, стр. 38, изд. Неаполь, 1700.) Ее подлинность, а также честность самого Каррери, в отношении которой были высказаны некоторые подозрения (см. Робертсон, «Америка» (Лондон, 1796), т. III, примечание 26), были успешно подтверждены Ботурини, Клавигеро и Гумбольдтом, которые все следовали по стопам итальянского путешественника. (Ботурини, «Идея», стр. 54.—Гумбольдт, *Vues des Cordillères*, стр. 223, 224.—Клавигеро, *Stor. del Messico*, том I, стр. 24.) Карта является копией карты из любопытной коллекции Сигуэнса. Она имеет все признаки подлинной ацтекской картины, но выглядит так, как будто была отретуширована, особенно в костюмах, каким-то более поздним художником. На картине «Четыре века» из Ватиканского кодекса № 3730 также изображены две фигуры в лодке, спасающиеся от великого катаклизма. *Antiq. of Mexico*, т. i. pl. 7.

[366] Я не встречал никаких других подтверждений этой замечательной традиции, кроме Клавигеро (*Stor. del Messico*, dissert. 1), хорошего, хотя и не самого лучшего, авторитета, который не дает нам никаких оснований для нашей веры. Гумбольдт, однако, не сомневается в этой традиции. (См. *Vues des Cordillères*, стр. 226.) Он не так скептичен, как Ватер, который, ссылаясь на истории о Потопе, замечает: «Я намеренно не упомянул о сходстве религиозных представлений, поскольку не вижу возможности отделить от таких взглядов всякое влияние христианских идей, пусть даже в виде незаметного смешения в сознании рассказчика». *Mithridates, oder allgemeine Sprachenkunde* (Берлин, 1812), Theil iii. Abtheil. 3, стр. 82, примечание.

[367] Эта история, столь несовместимая с вульгарной ацтекской традицией, которая допускает только двух выживших после Потопа, все еще сохранялась среди местных жителей во время визита М. де Гумбольдта (*Vues des Cordillères*, стр. 31, 32). Она совпадает с версией, приведенной переводчиком Ватиканского кодекса (*Antiq. of Mexico*, т. VI, стр. 192 и далее); автор — вероятно, монах XVI века — в котором невежество и догматизм борются за господство. См. ценный образец того и другого в его описании ацтекской хронологии на страницах, упомянутых выше.

[368] Очень похожая традиция существовала у халдеев и индусов. (*Asiatic Researches*, т. III, мем. 16.) По словам епископа Нуньеса де ла Вега, у коренных жителей Чьяпы также была легенда, которую Гумбольдт (*Vues des Cordillères*, стр. 148) считал подлинной и которая не только согласуется с библейским описанием строительства Вавилонской башни, но и с последующим рассеянием народов и смешением языков. Удивительное совпадение! Но кто может поручиться за подлинность этой традиции? Епископ процветал в конце XVII века. Он черпал информацию из иероглифических карт и индейской рукописи, которую Ботурини

тщетно пытался восстановить. Исследуя их, он прибегал к помощи туземцев, которые, как сообщает нам Ботурини, часто вводили доброго человека в заблуждение и приводили к абсурдным выводам, о чем он приводит несколько примеров. (Idea, стр. 116 и далее) — Сам Ботурини впал в столь же серьезную ошибку в отношении карты той же пирамиды в Чолулане, которая, как показывает Клавиеро, была не подлинной древностью, а подделкой более позднего времени. (Stor. del Messico, том I, стр. 130, примечание.) Невозможно твердо стоять на зыбучих песках традиции. Чем дальше мы удаляемся от завоевания, тем труднее становится определить, что принадлежит первобытным ацтекам, а что — обращенным в христианство.

[369] Саагун, Hist. de Nueva-España, lib. 1, cap. 6; lib. 6, cap. 28, 33.—Торквемада, не довольствуясь честными записями своего предшественника, рукопись которого лежала перед ним, сообщает нам, что мексиканская Ева имела двух сыновей, Каина и Авеля. (Monarch, Ind., lib. 6, cap. 31.) Древние толкователи Ватиканского и Теллерийского кодексов добавляют еще одну традицию о том, что она принесла грех и горе в мир, сорвав запретную розу (Antiq. of Mexico, vol. vi., explan. of Pl. 7, 20); а Вейтия вспоминает, что видел тольтекскую или ацтекскую карту, на которой был изображен сад с единственным деревом, вокруг которого обвивалось змея с человеческим лицом! (Hist. antig., lib. 1, cap. 1.) После этого мы можем быть готовы к обдуманному убеждению лорда Кингсборо, что «ацтеки имели ясное представление о Ветхом Завете и, скорее всего, о Новом, хотя и несколько искаженное временем и иероглифами!» Antiq. of Mexico, т. VI, стр. 409.

[370] Ante, стр. 71-73.

[371] Вейтия, Hist. antig., lib. 1, cap. 15.

[372] Там же, кн. 1, гл. 19.—Жалкий аргумент, даже для казуиста. См. также подробную диссертацию доктора Миера (apud Sahagun, кн. 3, Suplem.), которая полностью решает вопрос к удовлетворению его репортера Бустаманте. {*}

{*} [П. Де Ру в своей «Истории Америки до Колумба» (Филадельфия, 1900) с большой эрудицией изложил легенду о святом Фоме. О писателях, посвятившихся этой теме, он говорит: «Все они основывают свое мнение на одинаковых основаниях, а именно на авторитете древних и уважаемых писателей, которые, возможно, знали о существовании Америки и ее религиозном положении из человеческих источников, но в особенности делали свои выводы из утверждений Священного Писания; а также на следах и традициях Нового Света, которые приводятся в качестве доказательств миссии Святого Фомы в нашем полушарии». — М.]

[373] См., среди прочего, интерпретацию лордом Кингсборо Кодекса Борджиа и толкователей Ватикана (Antiq. of Mexico, vol. vi., explan. of Pl. 3, 10, 41), столь же искушенных, как и его светлость, — и сэр Худибрас — в разгадке тайн

«чи первобытные традиции достигают

до первых зеленых штанов Адама».

[374] [См. примечание, ante, стр. 73.]

[375] [Символ креста был предметом бесконечных споров. Как обычно, мы видим, что Бэнкрофт тщательно рассмотрел этот вопрос. (Native Races, iii.) Бринтон (Myths of the New World, стр. 95, 96) цитирует авторитетных источники, чтобы продемонстрировать в нем четыре стороны света, приносящие дождь, символ жизни и здоровья. Он был первым писателем, который связал крест Паленке с четырьмя сторонами света. Чарльз Рай (Плита Паленке в Национальном музее США, в № 331 Smithsonian Contributions to Knowledge) приходит к выводу, что это фаллический символ. Бандельер считает, что это был символ огня. Сквайер называет его деревом жизни мексиканцев. Пейн (America, ii, p. 86) считает, что это было изображение человеческой жертвы солнцу. «Крест» — это просто условное изображение дерева. В Паленке птица, возвышающаяся над деревом, — это индейка. Облеченный в ожерелье священнослужитель приносит жертву крылатому божеству. Живой фетиш назывался Кетцальуэксотль, а дерево — «дерево пернатого индюка». Приносимая в жертву фигурка представляет собой уменьшенную человеческую фигуру. Чудовищная голова, окруженная корнями дерева, является человеческой, но с змеиными деталями. Она олицетворяет «Женскую Змею», богиню земли, которой дерево обязано своим ростом и питанием.

Отец Де Ру (Америка до Колумба, т. I, гл. XVII, стр. 423-455) приходит к выводу, что «Христос и его крест были известны в древней Америке». В последующих главах он описывает остатки христианских обрядов, крещения, конфирмации, евхаристии, исповеди, покаяния и т. д. — М.]

[376] Antiquités Mexicaines, эксп. 3, Pl. 36. — Фигуры окружены иероглифами наиболее произвольного характера, возможно, фонетическими. (См. также Эрпера, Hist. general, dec. 2, lib. 3, cap. I. — Гомара, Crónica de la Nueva-España, cap. 15, ap. Барсия, т. II.)

Г-н Стивенс считает, что знаменитый «Крест Косумеля», хранящийся в Мериде, который, как утверждается, является тем самым крестом, которому поклонялись коренные жители Косумеля, на самом деле является ни чем иным, как крестом, установленным испанцами- в одном из своих храмов на этом острове после завоевания. Он считает, что этот факт «полностью опровергает самое веское доказательство, представленное на сегодняшний день, что крест был признан индейцами символом поклонения» (Travels in Yucatan, vol. ii. chap. 20). Но даже если допустить правдивость этого утверждения, что крест Косумеля является лишь христианской реликвией, что этот изобретательный путешественник сделал чрезвычайно вероятным, его вывод ни в коем случае не является приемлемым. Ничто не может быть более естественным, чем то, что монахи в Мериде стремились придать известность своему монастырю, сделав его владельцем такого замечательного памятника, как сама реликвия, которая, по их мнению, доказывала, что христианство проповедовалось среди туземцев в более ранние времена. Но реальное доказательство существования креста как объекта поклонения в Новом Свете основано не на таких поддельных памятниках, как эти, а на недвусмысленных свидетельствах самих испанских первооткрывателей.

[377] «Lo recibian con gran reverencia, humiliacion, y lágrimas, diciendo que comian la carne de su Dios» (Они принимали его с большим почтением, смирением и слезами, говоря, что едят плоть своего Бога). Вейтия, Hist. antig. lib. 1, cap. 18. — Также Акоста, lib. 5, cap. 24.

[378] *Анте*, стр. 78.—Саагун, «История Новой Испании», книга 6, глава 37.—Чтобы читатель мог сам убедиться, насколько ацтекский обряд был похож и в то же время непохож на христианский, привожу полный перевод рассказа Саагуна: «Когда все необходимое для крещения было подготовлено, собрались все родственники ребенка и вызвали акушерку, которая и проводила обряд крещения. Рано утром они собрались во дворе дома. Когда взошло солнце, акушерка, взяв ребенка на руки, попросила принести небольшой глиняный сосуд с водой, а окружающие ее люди разместили украшения, приготовленные для крещения, посреди двора. Чтобы провести обряд крещения, она встала лицом к западу и сразу же приступила к выполнению определенных церемоний... После этого она окропила водой голову младенца, говоря: «О, дитя мое! Прими воду Господа мира, которая есть наша жизнь и дана для роста и обновления нашего тела. Она служит для омовения и очищения. Я молюсь, чтобы эти небесные капли вошли в твое тело и пребывали в нем; чтобы они уничтожили и удалили из тебя все зло и грех, которые были даны тебе до начала мира; поскольку все мы находимся под его властью, будучи все детьми Чалчивитлюке» [богини воды]. Затем она омыла тело ребенка водой и сказала следующее: «Откуда бы ты ни пришел, ты, причиняющий вред этому ребенку, оставь его и уйди от него, ибо он теперь живет заново и рожден заново; теперь он очищен и омыт заново, и наша мать Чалчивитлюке снова приносит его в мир». Молитву закончив, повивальная бабка взяла ребенка на руки и, подняв его к небу, сказала: «О Господи, ты видишь здесь твое творение, которое ты послал в этот мир, место скорби, страданий и покаяния. Даруй ему, о Господи, твои дары и твое вдохновение, ибо ты великий Бог, и с тобой великая богиня». Во время проведения этих церемоний горели сосновые факелы. Когда все это закончилось, ребенку дали имя одного из его предков в надежде, что он придаст ему новый блеск. Имя дала та же акушерка или жрица, которая крестила его».

[379] Среди египетских символов мы встречаем несколько образцов креста. Один из них, по словам Юста Липсия, означал «будущую жизнь» (см. его трактат «De Cruce» (Lutetiae Parisiorum, 1598), lib. 3, cap. 8). Другой пример мы находим в каталоге Шампольона, который он интерпретирует как «поддержка или спаситель» (Précis, tom. ii., Tableau gén., Nos. 277, 348). Некоторые любопытные примеры почитания этого знака древними были собраны Маккаллохом (Researches, стр. 330 и далее) и Гумбольдтом в его поздней работе Géographie du Nouveau-Continent, том II, стр. 354 и далее.

[380]

«Ante, Deos homini quod conciliare valeret

Far erat»,

говорит Овидий. (Fastorum, lib. 1, v. 337.) Граф Карли указал на подобное использование освященного хлеба, вина или воды в греческих и египетских мистериях. (Lettres Améric., tom. i. let. 27.) См. также McCulloh, Researches, p. 240, et seq.

[381] Вода для очищения и других религиозных обрядов часто упоминается классическими писателями. Так, Еврипид:

«Ἀγνοῖς καθαρμοῖς πρῶτά νιν νίψαι θέλω.

θάλασσα κλύζει πάντα τᾶνθρώπων κακά».

ИФИГЕНИЯ В ТАВРЕ, ст. 1192, 1194.

Примечания к этому месту в замечательном издании Variorum, Глазго, 1821, содержат ссылки на несколько отрывков аналогичного содержания у разных авторов.

[382] Трудность получения от коренных жителей чего-либо похожего на достоверный отчет является предметом жалоб более чем одного писателя и объясняет ту большую осторожность, с которой Саагун сравнивал их рассказы друг с другом. См. Hist. de Nueva-España, Prólogo,—Ixtlilxochitl, Hist. Chich., MS., Pról.,—Boturini, Idea, стр. 116.

[383] Это сходство было настолько явно подчеркнуто Торквемадой, что он был вынужден удалить главу, в которой оно упоминалось, при публикации своей книги. См. Proemio к изданию 1723 г., раздел 2.

[384] «Дьявол, — говорит Эррера, — решил во всем подражать исходу израильтян из Египта и их последующим странствиям». (Hist. general, dec. 3, lib. 3, cap. 10.) Но все, что было сделано монашеским летописцем и миссионером для установления параллели с детьми Израиля, далеко не дотягивает до ученых трудов лорда Кингсборо, занимающих почти двести фолиантовых страниц. (См. Antiq. of Mexico, tom. vi. pp. 282-410.) *Quantum inane!*

[385] Слово *п'ш*, от которого происходит слово «Христос», «помазанник», еще ближе — не «точно», как утверждает лорд Кингсборо (Antiq. of Mexico, т. VI, стр. 186), — к слову *Mexi* или *Mesi*, вождю, который, как говорят, возглавлял ацтеков на равнинах Анауака.

[386] Interp. of Cod. Tel.-Rem. et Vat., Antiq. of Mexico, т. vi.—Sahagun, Hist. de Nueva-España, lib. 3, Suplem.—Veytia, Hist. antig., lib. 1, cap. 16.

[387] Это мнение находит поддержку у лучших испанских и мексиканских писателей, начиная с периода завоевания и далее. Солис не видит ничего невероятного в том, что «зловое влияние, так часто отмечаемое в священной истории, в равной степени присутствует и в светской». Hist. de la Conquista, lib. 2, cap. 4.

[388] Д. Г. Бринтон, Международный конгресс по антропологии, 1893 (Harper's Magazine, март 1903, стр. 534). «До настоящего времени не было обнаружено ни одного диалекта, ни одного вида искусства или учреждения, ни одного мифа или религиозного обряда, ни одного одомашненного растения или животного, ни одного инструмента, оружия, игры или символа, использовавшегося в Америке во время открытия, который был бы ранее завезен из Азии или любого другого континента Старого Света». — М.

[389] В частности, свадебный обряд индусов содержит любопытные аналогии с мексиканским. (См. «Азиатские исследования», т. VII, мем. 9.) Институт многочисленного духовенства с практикой исповеди и покаяния был знаком татарскому народу. (Maundeville, Voyage, гл. 23.) А монашеские учреждения существовали в Тибете и Японии с самых ранних веков. Humboldt, Vues des Cordillères, стр. 179.

[390] «Без сомнения, — говорит остроумный Карли, — обычай сжигать трупы, собирать прах в сосуды, хоронить их под пирамидальными курганами, с жертвоприношением жен и слуг на похоронах, — все это напоминает обычаи Египта и Индостана». Lettres Améric., т. II, письмо 10.

[391] Марко Поло отмечает, что в юго-восточном Китае и в Японии жили цивилизованные народы, которые пили кровь и ели плоть своих пленников, считая это самой вкусной пищей в мире — «la più saporita et migliore, che si possa truovar al mondo». (Viaggi, lib. 2, cap. 75; lib. 3, 13, 14.) По словам сэра Джона Маундевилля, монголы считали уши, «замаринованные в уксусе», особым деликатесом. Voyage, гл. 23.

[392] Марко Поло, Viaggi, lib. 2, cap. 10.—Мандевиль, Voyage, cap. 20, et alibi.—См. также поразительное сходство между восточными азиатами и американцами в приложении к «Историческим исследованиям» Ранкинга, работе, содержащей много любопытных подробностей о восточной истории и нравах в поддержку причудливой теории.

[393] Мортон, Crania Americana (Филадельфия, 1839), стр. 224-246. — Трудолюбивый автор подтверждает этот необычный факт примерами, взятыми из жизни множества народов Северной и Южной Америки.

[394] Гомара, Crónica de la Nueva-España, гл. 202, приложение Барсия, т. II.—Клавигеро, Stor. del Messico, т. I, стр. 94, 95.—Маккаллох (Исследования, стр. 198), который цитирует Азиатские исследования.—Доктор Маккаллох в своем единственном томе, вероятно, собрал больше материалов для иллюстрации истории коренных народов континента, чем любой другой автор, пишущий на английском языке. При отборе фактов он проявил большую проницательность и трудолюбие; и, хотя формальный и несколько отталкивающий стиль не способствует популярности работы, она всегда будет интересна тем, кто занимается изучением индейских древностей. Его фантастические предположения на тему мексиканской мифологии могут развлечь тех, кого они не убеждают.

[395] Ante, стр. 126 и далее.

[396] Это лучше всего продемонстрировать, перечислив знаки зодиака, используемые в качестве *названий лет* восточными азиатами. У монголов это были: 1 — мышь; 2 — бык; 3 — леопард; 4 — заяц; 5 — крокодил; 6 — змея; 7 — лошадь; 8 — овца; 9 — обезьяна; 10 — курица; 11 — собака; 12 — свинья. Манчжурские татары, японцы и тибетцы используют почти те же термины, заменяя, однако, № 3 на тигра, № 5 на дракона, а № 8 на козу. В мексиканских знаках для обозначения дней недели мы также встречаем *зайца, змею, обезьяну, собаку*. Вместо «леопарда», «крокодила» и «курицы» — животных, которые не были известны в Мексике во время завоевания, — мы находим *оцелот, ящерицу и орла*. Лунный календарь индусов демонстрирует столь же необычное соответствие. Шесть терминов совпадают с терминами ацтеков, а именно: *змея, трость, бритва, путь солнца, собачий хвост, дом*. (Гумбольдт, Vues des Cordillères, стр. 152.) Следует отметить, что эти термины выбраны еще более произвольно, поскольку не ограничиваются животными; как, впрочем, и иероглифы ацтекского календаря, которые были без разбора взяты из них и других объектов, подобно знакам нашего зодиака. Эти научные аналогии наиболее ярко освещены М. де Гумбольдтом и занимают значительную и, для философского исследователя, наиболее интересную часть его великого труда. (Vues des Cordillères, стр. 125-194.) Однако он не включил в свои таблицы монгольский календарь, который еще ближе к мексиканскому, чем календари других татарских народов. Ср. Ranking, Researches, стр. 370, 371, примечание.

[397] В определении Гумбольдта *оцелотла* как «тигра», «ягуара» есть некоторая неточность (там же, стр. 159). Он меньше ягуара, хотя и столь же свиреп, и столь же грациозен и красив, как леопард, на которого он больше похож. Он является уроженцем Новой Испании, где тигр не встречается. (См. Buffon, Histoire naturelle (Париж, An VIII), том II, vox *Ocelotl*.) Принятие этого последнего названия в ацтекском календаре приводит к несколько преувеличенному выводу.

[398] И татары, и ацтеки обозначали год его знаком, например, «год зайца» или «кролика» и т. д. Азиатские знаки также не ограничивались годами и месяцами, но также управляли днями и даже часами. (Гумбольдт, Vues des Cordillères, стр. 165.) Мексиканцы также имели астрологические символы, относящиеся к часам. Гама, Description, Parte 2, стр. 117.

[399] Ante, стр. 127, примечание.

[400] Ахилл Татий отмечает обычай египтян, которые, когда солнце опускалось к Козерогу, надевали траурные одежды, но по мере удлинения дней их страхи утихали, они одевались в белое, венчали себя цветами и, как ацтеки, предавались ликованию. Этот рассказ, переписанный французским переводчиком Карли и М. де Гумбольдтом, более подробно критикуется М. Жомаром в Vues des Cordillères, стр. 309 и далее.

[401] [См. примечание, ante, стр. 373.]

[402] Джефферсон (Notes on Virginia (Лондон, 1787), стр. 164), подтвержденный Гумбольдтом (Essai politique, том I, стр. 353). Г-н Галлатин приходит к другому выводу. (Transactions of American Antiquarian Society (Кембридж, 1836), том II, стр. 161.) Большое количество американских диалектов и языков хорошо объясняется несоциальным характером жизни охотников, требующим раздела страны на небольшие и отделенные друг от друга территории для обеспечения средств к существованию.

[403] Филологи действительно обнаружили два любопытных исключения: в Конго и у первобытных басков; однако индейские языки отличаются от них во многих существенных моментах. См. отчет Дю Понсо, ap. Transactions of the Lit. and Hist. Committee of the Am. Phil. Society, т. i.

[404] Ватер (Mithridates, Theil iii. Abtheil. 3, p. 70), который определяет Рио-Гила и перешеек Дарьен как границы, в пределах которых можно было обнаружить следы мексиканского языка. Клавигеро оценивает количество диалектов в тридцать пять. Я использовал более осторожную формулировку М. де Гумбольдта, который добавляет, что четырнадцать из этих языков были включены в словари и грамматики. Essai politique, т. i. с. 352.

[405] Никто не сделал столько для установления этого важного факта, как уважаемый ученый г-н Дю Понсо. И откровенность, с которой он признал исключение, нарушающее его любимую гипотезу, показывает, что он гораздо больше привержен науке, чем системе. См. интересное описание этого в его призовом эссе перед Институтом, Mémoire sur le Système grammaticale des Langues de quelques Nations Indiennes de l'Amérique. (Париж, 1838.)

[406] Мексиканский язык, в частности, является наиболее гибким; он допускает такие легкие комбинации, что самые простые идеи часто зарываются под грузом дополнительных элементов. Формы выражения, хотя и живописные, тем самым становились чрезвычайно громоздкими (). Например, «священник» назывался *notlazomahuizteopixcatatzin*, что означает «почтенный служитель Бога, которого я люблю как своего отца». Еще более емким словом является *amatlacuilolitquitcatlatlahuitli*, означающее «награда, дарованная посланнику, несущему иероглифическую карту, передающую разведанные».

[407] См., в частности, по последнему мнению по данному вопросу, аргументы г-на Галлатина в его остроумном и мастерском исследовании индейских племен; исследование, которое проливает больше света на сложные темы, которые оно рассматривает, чем целые тома, которые предшествовали ему. Транзакции Американского антикварного общества, т. II. Введение, раздел 6.

[408] Это сравнительное исследование языков двух полушарий, начатое Бартоном (*Origin of the Tribes and Nations of America* (Филадельфия, 1797)), было продолжено Ватером (*Mithridates, Theil iii. Abtheil. 1*, стр. 348 и далее). Подборку наиболее ярких аналогий можно найти также в книге 75, таблица, Мальте Бруна.

[409] *Othomi*, от *otho*, «неподвижный», и *mi*, «ничто» (Нахера, *Dissert., ut infra*). Этимология указывает на состояние этого грубого народа воинов, которые, не до конца покоренные ацтекским войскам, бродили по высокогорным землям к северу от долины Мехико.

[410] См. Najera, *Dissertatio de Lingua Othomitorum*, ap. *Transactions of the American Philosophical Society*, vol. v. New Series.—Автор, ученый мексиканец, дал наиболее удовлетворительный анализ этого замечательного языка, который стоит особняком среди языков Нового Света, как баскский язык — единственный, пожалуй, остаток первобытной эпохи — среди языков Старого Света.

[411] Бартон, стр. 92. — Хеккельдер, гл. 1, ap. *Transactions of the Hist. and Lit. Committee of the Am. Phil. Soc.*, т. i. — Различные предания были собраны М. Уорденом в *Antiquités Mexicaines*, часть 2, стр. 185 и далее.

[412] В недавней работе г-на Делафилда (*Inquiry into the Origin of the Antiquities of America* (Цинциннати, 1839)) есть гравюра одной из этих карт, которая, как говорят, была получена г-ном Баллоком из коллекции Ботурини. Две такие карты указаны на странице 10 каталога этого антиквара. Эта карта имеет все признаки подлинной ацтекской картины, самой примитивной. Мы действительно можем распознать символы некоторых дат и мест, а также другие, обозначающие характер местности, плодородную или бесплодную, состояние войны или мира и т. д. Но она слишком расплывчата, и мы слишком мало знаем о намеках, чтобы извлечь из нее какие-либо сведения о ходе миграции ацтеков.—Знаменитая карта Джемелли Каррери содержит названия многих мест на этом маршруте, которые, возможно, были интерпретированы самим Сигуэнса, которому она принадлежала (*Giro del Mondo*, tom. vi. 56); а Клавигеро попытался с некоторой точностью установить различные местности. (*Stor. del Messico*, tom. i. p. 160, et seq.) Но, поскольку все они находятся в пределах Новой Испании и, более того, к югу от реки Гила, они, конечно, мало проливают света на спорный вопрос о первоначальных местах обитания ацтеков.

[413] Это можно справедливо заключить из согласия *традиционных* интерпретаций карт различных народов Анауака, согласно Вейтии, который, однако, признает, что с учетом современных знаний «практически невозможно» определить точный маршрут, по которому следовали мексиканцы. (*Hist. antig.*, т. i. гл. 2.) Лоренсана не столь скромн. «*Los Mexicanos por tradicion viniéron por el norte*», — говорит он, — «*у se saben ciertamente sus mansiones*» (*Hist. de Nueva-España*, p. 81, nota). Есть некоторые антиквары, которые лучше всего видят в темноте.

[414] Икстильшочитль, *Hist. Chich.*, MS., cap. 2, et seq.—Idem, *Relaciones*, MS.—Вейтия, *Hist. antig.*, ubi supra.—Торкемада, *Monarch. Ind.*, tom. i. lib. 1.

[415] В провинции Сонора, особенно вдоль Калифорнийского залива. Язык кора, прежде всего, грамматика которого была опубликована и на котором говорят в Новой Бискайе, примерно в 30° северной широты, настолько похож на мексиканский, что Ватер относит их к одному общему источнику. Митридат, *Theil iii. Abtheil. 3*, стр. 143.

[416] На южном берегу этой реки находятся руины больших размеров, описанные миссионером Педро Фонтом во время его посещения этого места в 1775 году. (*Antiq. of Mexico*, vol. vi. стр. 538.) — В месте с таким же названием, Касас-Грандес, примерно в 33° северной широты, и, как и в первом случае, предположительно бывшем поселении ацтеков, можно найти еще более обширные руины; по словам недавнего путешественника, лейтенанта Харди, они достаточно велики, чтобы вместить население в 20 000 или 30 000 душ. Эта местность на многие лиги покрыта этими руинами, а также глиняной посудой, обсидианом и другими реликвиями. Рисунок, который автор привел, изображающий расписную кувшин или вазу, может напомнить этрусские изделия. «Были также хорошие образцы глиняных изображений в египетском стиле, — замечает он, — которые, *по крайней мере для меня, настолько неинтересны*, что я не стал утруждаться, чтобы приобрести какие-либо из них» (*Travels in the Interior of Mexico* (Лондон, 1829), стр. 464-466). Лейтенант не был ни Ботурини, ни Бельцони.

[417] Ватер изучил языки трех из этих народов, проживающих между 50° и 60° северной широты, и сопоставил их словарный запас с мексиканским, показав вероятность общего происхождения многих слов в каждом из них. Митридат, часть III, раздел 3, стр. 212.

[418] Мексиканцы, по наблюдениям М. де Гумбольдта, отличаются от других аборигенов, которых он видел, обилием бород и усов. (Essai politique, том i, стр. 361.) Однако современный мексиканец, сломленный духом и судьбой, вероятно, мало похож как по физическим, так и по моральным характеристикам на своих предков, свирепых и независимых ацтеков.

[419] Причард, «Физическая история», т. i, стр. 167-169, 182 и далее — Мортон, «Crania Americana», стр. 66 — Маккаллох, «Исследования», стр. 18 — Лоуренс, «Лекции», стр. 317, 565.

[420] Таким образом, среди преобладающего медного или коричневого оттенка кожи мы находим почти все оттенки цвета, от европейского белого до черного, почти африканского, в то время как цвет кожи капризно варьируется среди разных племен, проживающих по соседству друг с другом. См. примеры в Гумбольдте (Essai politique, т. i, стр. 358, 359), а также Причарде (Physical History, т. ii, стр. 452, 522 и др.), писателе, чьи разнообразные исследования и беспристрастные суждения сделали его работу учебником в этой области науки.

[421] Таков вывод доктора Уоррена, чья превосходная коллекция предоставила ему широкие возможности для изучения и сравнения. (См. его выступление перед Британской ассоциацией по продвижению науки, ap. London Athenæum, октябрь 1837 г.) Однако в образцах, собранных доктором Мртоном, варварские племена, по-видимому, имеют несколько больший угол лица и больший объем мозга, чем полудивилизованные. Crania Americana, стр. 259.

[422] «Нельзя не признать, что человеческий род не предлагает более близких рас, чем американцы, монголы, маньчжуры и малайцы». Гумбольдт, Essai politique, т. i, с. 367. — Также Причард, Physical History, т. i, с. 184-186; т. ii, с. 365-367. — Лоуренс, Lectures, с. 365.

[423] Великолепная работа доктора Мортон по изучению американских черепов в значительной степени обеспечила необходимую информацию. Из примерно ста пятидесяти экземпляров черепов, размеры которых он определил с поразительной точностью, одна треть принадлежит полудивилизованным расам, и тринадцать из них — мексиканцам. Число последних слишком мало, чтобы делать какие-либо общие выводы, учитывая большое разнообразие, обнаруживаемое у представителей одной и той же нации, не говоря уже о родственных народах. Наблюдения Блюменбаха над американскими черепами были сделаны, согласно Причарду (Physical History, т. I, стр. 183, 184), главным образом на образцах из племен карибов, которые, возможно, являются одними из самых неблагоприятных на континенте.

[424] Однако эти образцы не так легко получить. Несмотря на необычные преимущества для их приобретения в Мексике, мне не удалось получить ни одного образца подлинного ацтекского черепа. Трудность этого может быть легко понятна любому, кто учитывает длительность времени, прошедшего с момента завоевания, и то, что места захоронения древних мексиканцев продолжают использоваться их потомками. Доктор Мортон не раз упоминает свои экземпляры как «подлинные черепа тольтеков, найденные на кладбищах в Мексике, более древних, чем завоевание» (Crania Americana, стр. 152, 155, 231 и др.). Но откуда он знает, что эти головы принадлежат тольтекам? Согласно Икстильшочитлю, этот народ покинул страну примерно в середине XI века, почти восемьсот лет назад, а точнее, на столетие раньше; и гораздо более вероятно, что экземпляры, найденные сейчас в этих захоронениях, принадлежат каким-то расам, которые с тех пор заселили эту страну, чем какому-то народу, ушедшему так давно. Это предположение явно слишком слабо, чтобы делать какие-либо определенные выводы.

[425] Башня Белуса с ее уходящими вглубь ярусами, описанная Геродотом (Клио, раздел 181), была выбрана в качестве модели *теокалли*, что побудило Ватера несколько проницательно заметить, что странно, что никаких свидетельств этого не обнаруживается в сооружении подобных построек ацтеками на всем протяжении их путешествия в Анауак. (Митридат, Theil. iii. Abtheil. 3, стр. 74, 75.) Ученый Нибур находит элементы мексиканского храма в мифической гробнице Порсенны. (Римская история, англ. перевод (Лондон, 1827), т. i, стр. 88.) Сходство с накопленными пирамидами, составляющими этот памятник, не очень очевидно. Ком. Плиний (Hist. Nat., lib. 36, sec. 19). Действительно, можно подумать, что антиквар вторгается в сферу поэта, когда он находит в этрусской *басне* — «cum omnia excedat fabulositas», как характеризует это Плиний — происхождение ацтекской науки.

[426] См. мощное описание Лукана, *Pharsalia*, lib. 9, v. 966.—Латинский бард был превзойден итальянским в прекрасной строфе, начинающейся *Giace l' alta Cartago* (*Gerusalemme Liberata*, с. 15, s. 20), которую, можно сказать, лорд Байрон расширил до канта — четвертого из *Childe Harold*.

[427] Наиболее примечательными руинами на территории Мексики являются храм или крепость Сочикалько, расположенные недалеко от столицы. Они стоят на скалистом возвышении, почти в лиге в окружности, высеченном в террасах, облицованных камнем. Здание на вершине имеет длину семьдесят пять футов и ширину шестьдесят шесть. Оно построено из тесаного гранита, соединенного без цемента, но с большой точностью. Оно было построено в обычной пирамидальной форме с террасами, поднимающимися поочередно, каждая из которых меньше, чем предыдущая. Их количество сейчас точно неизвестно; сохранился только нижний ярус. Однако этого достаточно, чтобы оценить изящный стиль исполнения, острые, выступающие карнизы и иероглифические символы, которыми он покрыт, все высечено в твердом камне. Поскольку отдельно стоящие блоки, найденные среди руин, украшены барельефами в том же стиле, вероятно, что все здание было покрыто ими. Также вероятно, что, поскольку один и тот же узор повторяется на разных камнях, работа была выполнена после возведения стен. — В холме под ним были высечены подземные галереи шириной и высотой шесть футов, протяженностью сто восемьдесят футов, которые заканчиваются двумя залами, сводчатые потолки которых соединяются с зданиями выше с помощью своего рода туннеля. Эти подземные сооружения также облицованы тесаным камнем. Размер блоков и твердость гранита, из которого они состоят, сделали здания Сочикалько излюбленным карьером для владельцев соседнего сахарного завода, которые присвоили верхние этажи храма для этой недостойной цели! По крайней мере, Барберини строили дворцы, сами по себе прекрасные как произведения искусства, с помощью добычи из Колизея. См. полное описание этого замечательного здания, сделанное как Дюпе, так и Альзате. (*Antiquités Mexicaines*, т. i. Exp. 1, стр. 15-20; т. iii. Exp. 1, Pl. 33.) Недавно по заказу мексиканского правительства было проведено исследование, отчет о котором в некоторых деталях отличается от предыдущего. *Revista Mexicana*, том I, мем. 5.

[428] *Ante*, стр. 196-199.

[429] Невозможно смотреть на законченные рисунки зданий Вальдека, где время, кажется, едва оставило свой след на красиво высеченном камне, а яркие краски почти не испорчены пятнами от атмосферных воздействий, не рассматривая работу художника как *реставрацию*; картина, возможно, верно отражающая эти здания в дни их славы, но не их упадок.—Когольдод, который видел их в середине XVII века, с восхищением говорит о них как о произведениях «искусных архитекторов», о которых история не сохранила никаких преданий. *Historia de Yucatan* (Мадрид, 1688), lib. 4, cap. 2.{*}

{*} [Возраст этих древних городов до сих пор остается нерешенной проблемой, но, похоже, укрепляется убеждение, что многие из них были заселены во время завоевания. Священные сооружения в Ушмале продолжали использоваться еще некоторое время после того, как испанцы стали хозяевами этой земли. Шарне (*Ancient Cities of the New World*, стр. 328) считает, что Чичен-Ица была заселена «едва ли за шестьдесят лет до завоевания». Банделиер (Отчет музея Пибоди, ii. 126) говорит о Плитах Креста в Паленке: «Эти плиты и фигуры показывают в одежде такую поразительную аналогию с тем, что мы знаем о военном снаряжении мексиканцев, что это является сильным подходом к идентичности». Бэнкрофт (*Коренные расы*, т. iv.) указывает литературу, посвященную Паленке. Некоторое время ученые были озадачены абсурдными изображениями слонов на стенах Паленке, сделанными Вальдеком. Но со временем выяснилось, что эти изображения животных существовали только в воображении художника. — М.]

[430] В оригинальном тексте содержится описание некоторых из этих руин, особенно Митлы и Паленке. В то время, когда он был написан, это было новостью, поскольку единственные описания этих зданий содержались в огромных публикациях лорда Кингсборо и в «*Antiquités Mexicaines*», которые были недоступны для большинства читателей. Но нет необходимости повторять описания, которые теперь знакомы каждому и которые гораздо лучше, чем я мог бы их сделать, изложены на ярких страницах книги Стивенса.

[431] [Банделиер (Археологическое путешествие по Мексике) дает описание статуй и т. д., найденных в Мексике до 1881 года. — М.]

[432] См., в частности, два терракотовых бюста с шлемами, найденных в Оахаке, которые вполне можно принять за греческие, как по стилю голов, так и по покрывающим их шлемам. *Antiquités Mexicaines*, т. III. Exp. 2, Pl. 36.

[433] Дюпей говорит, что эти инструменты были изготовлены из чистой меди. Но, несомненно, в нее был добавлен какой-то сплав, как это делали ацтеки и египтяне; в противном случае их края должны были легко затупиться от твердых материалов, на которых они использовались.

[434] Уилкинсон, *Древние египтяне*, т. III, стр. 246-254.

[435] Ante, стр. 155

[436] Вальдек, «Живописный атлас», стр. 73. — Крепость Сочикалько также была окрашена красной краской (Antiquités Mexicaines, том I, стр. 20); и цемент того же цвета покрывал пирамиду тольтеков в Теотиуакане, согласно г-ну Баллоку, «Шесть месяцев в Мексике», том II, стр. 143.

[437] Description de l’Egypte, Antiq., том II, глава 9, раздел 4. — Огромное изображение Сфинкса изначально было окрашено в красный цвет. (Clarke’s Travels, том V, стр. 202.) Действительно, многие здания, а также статуи древней Греции до сих пор сохранили следы окраски.

[438] Различные причины стагнации искусства в Египте на протяжении стольких веков ясно изложены герцогом ди Серрадифалько в его *рабоне* «Antichità della Sicilia» (Палермо, 1834, т. II, стр. 33, 34), в которой автор, иллюстрируя древности небольшого острова, пролил свет на искусство и литературную культуру Древней Греции.

[439] «Идеал не всегда является прекрасным», — верно замечает Винкельман, говоря об египетских фигурах. (Histoire de l’Art chez les Anciens, liv. 4, chap. 2, trad. Fr.) Однако не исключено, что портреты, упомянутые в тексте, могут быть копиями с натуры. Некоторые из грубых племен Америки деформировали головы своих младенцев до совершенно фантастических форм; а Гарсиласо де ла Вега говорит о народе, открытом испанцами во Флориде, с формами, по-видимому, не отличающимися от паленке: «Tienen cabezas increíblemente largas, y ahusadas para arriba, que las ponen así con artificio, atándoselas desde el punto, que nascen las criaturas, hasta que son de nueve ó diez años». La Florida (Мадрид, 1723), стр. 190.

[440] Описание этого замечательного кодекса см. *выше*, стр. 119. Действительно, в использовании прямых линий и точек между письменностью Паленке и Дрезденским рукописью есть сходство. Возможно, эти точки обозначали годы, как круги в мексиканской системе.

[441] Иероглифы расположены в перпендикулярных линиях. Головы равномерно повернуты вправо, как в Дрезденской рукописи.

[442] «Руины, — говорит восторженный шевалье Ле Нуар, — без названия, которым мы дали имя *Паленке*, могут быть самыми древними руинами в мире, возраст которых составляет три тысячи лет. Ceci n’est point mon opinion seule; c’est celle de tous les voyageurs qui ont vu les ruines dont il s’agit, de tous les archéologues qui en ont examiné les dessins ou lu les descriptions, enfin des historiens qui ont fait des recherches, et qui n’ont rien trouvé dans les annales du monde qui fasse soupçonner l’époque de la fondation de tels monuments, dont l’origine se perd dans la nuit des temps». (Antiquités Mexicaines, том II, Examen, стр. 73.) Полковник Галиндо, вдохновленный созерцанием американских руин, провозглашает эту страну истинной колыбелью цивилизации, откуда она перешла в Китай, а затем в Европу, которая, каким бы «глупым тщеславием» она ни прикрывалась, только-только начала свой путь к прогрессу! См. его письмо о Копане, ap. Trans. of Am. Ant. Soc., vol. ii.

[443] На основании этих источников информации, и особенно по количеству концентрических колец в некоторых старых деревьях и по инкрустации сталактитов, найденных на руинах Паленке, М. Вальдек рассчитывает их возраст от двух до трех тысяч лет. (Voyage en Yucatan, стр. 78.) Что касается деревьев, то на этом критерии нельзя полагаться на поздних стадиях их роста; а что касается сталактитовых образований, то на них явно влияет слишком много случайных обстоятельств, чтобы они могли служить основой для точных расчетов.{*}

{*} [Шарне (Ancient Cities of the New World, стр. 260) показывает бесполезность аргумента, основанного на росте деревьев. Он говорит: «Во время моей первой экспедиции в Паленке в 1859 году я очистил восточную сторону дворца от густой растительности, чтобы сделать хорошую фотографию. Следовательно, деревья, которые выросли с тех пор, не могут быть старше двадцати двух лет; теперь один из срезанных стволов, диаметром около двух футов, имел более 230 концентрических кругов, то есть по одному в месяц или даже меньше». Исходя из того, что концентрический круг на дереве представляет собой рост за один год, Вальдек рассчитал возраст сооружений в 2000 лет. — М.]

[444] Вальдек, «Путешествие по Юкатану», *ubi supra*.

[445] Antiquités Mexicaines, Examen, стр. 76. Однако этого недостаточно, чтобы оправдать предположение капитана Дюпе о допотопном происхождении этих сооружений, особенно с учетом того, что накопления находились в защищенном месте внутреннего двора.

[446] [Обер, «Путешествия по Мексике», стр. 76. Это гранитное покрытие с высеченными черепахами никогда не видел ни один смертный человек, хотя оно и описано ненадежным и ищущим чудес Вальдеком. Правда, в Ушмале есть много скульптур такого рода, но только на дверях и карнизах. Анкона в своей истории пишет: «Эти черепахи, выставленные на всеобщее обозрение, существовали только в воображении Вальдека». Анкона был историком-уроженцем Юкатана. — М.]

[447] Вальдек, «Путешествие по Юкатану», стр. 97.

[448] Капеллан Грехальвы с восхищением говорит о «высоких башнях из камня и извести, некоторые из которых очень древние», найденных в Юкатане. (Itinerario, MS. (1518).) Бернал Диас, с подобными выражениями удивления, относит найденные там любопытные древние реликвии к евреям. (Hist. de la Conquista, cap. 2, 6.) Альварадо в письме к Кортесу подробно описывает «maravillosos et grandes edificios», которые можно увидеть в Гватемале. (Oviedo, Hist. de las Ind., MS., lib. 33, cap. 42.) По словам Когольюдо, испанцы, не зная их происхождения, относили их к финикийцам или карфагенянам. (Hist. de Yucatan, lib. 4, cap. 2.) Он цитирует следующее выразительное замечание Ласа Касаса об этих руинах: «Ciertamente la tierra de Yucathan da á entender cosas muy especiales, y de mayor antigüedad, por las grandes, admirables, y excessivas maneras de edificios, y letreros de ciertos caracteres, que en otra ninguna parte se hallan». (Loc. cit.) Даже любознательный Мартир не собрал никаких подробностей о них, лишь отметив здания этого региона общими выражениями восхищения. (De Insulis nuper Inventis, стр. 334-340.) Не менее удивительно молчание Кортеса, который пересек страну, составляющую основу Юкатана, во время своей знаменитой экспедиции в Гондурас, о которой он дал много подробностей, которые мы с удовольствием променяли бы на слово об этих интересных памятниках. Carta Quinta de Cortés, MS.—Я должен добавить, что некоторые замечания в вышеуказанном абзаце текста были бы опущены, если бы я воспользовался результатами исследований г-на Стивенса, когда он был первоначально написан. Это особенно касается размышлений о вероятном состоянии этих сооружений во время завоевания, когда некоторые из них, по-видимому, все еще использовались по своему первоначальному назначению.

[449] «Asimismo los Tultecas que escapáron se fueron por las costas del Mar del Sur y Norte, como son Huatimala, Tecuantepec, Cuauhzacuaco, Campechy, Tecolotlan, y los de las Islas y Costas de una mar y otra, que despues se viniéron á multiplicar». Икстильшочитль, Relaciones, MS., № 5.

[450] Эрпера, Hist. general, dec. 4, lib. 10, cap. 1-4.—Когольюдо, Hist. de Yucatan, lib. 4, cap. 5.—Петр Мартир, De Insulis, ubi supra.—М. Вальдек приходит к прямо противоположному выводу, а именно, что жители Юкатана были истинными источниками цивилизации тольтеков и ацтеков. (Voyage en Yucatan, стр. 72.) «Сомнение должно быть нашей долей во всем», — восклицает честный капитан Дюпай, — «за исключением истинной веры». Antiquités Mexicaines, том I, стр. 21.

[451] «Inter omnes eos non constat a quibus factæ sint, justissimo casu, oblitteratis tantæ vanitatis auctoribus». Плиний, Hist. Nat., lib. 36, cap. 17.

[452] Ante, стр. 200.

[453] По крайней мере, это верно в отношении этимологии этих языков и, как таковое, было приведено г-ном Эдвардом Эвереттом в его лекциях по аборигенной цивилизации Америки, составляющих часть курса, прочитанного несколько лет назад этим проникательным и высокообразованным ученым.

[454] Смешанная порода, полученная от буйвола и европейского скота, была ранее известна в северо-западных округах Вирджинии, говорит г-н Галлатин (Synopsis, раздел 5); однако он ошибается, утверждая, что «неизвестно, чтобы индейцы когда-либо одомашнивали бизонов». (Ubi supra.) Гомара говорит о народе, проживавшем около 40° северной широты, на северо-западных границах Новой Испании, чьим главным богатством были стада этого скота (*buyes con una giba sobre la cruz*, «волы с горбом на плечах»), от которых они получали одежду, пищу и питье, которое, однако, по-видимому, представляло собой только кровь животного. Historia de las Indias, cap. 214, ap. Barcia, tom. ii.

[455] Например, жители некоторых частей Китая и, прежде всего, Кохинхины, которые никогда не доят своих коров, согласно Маккартни, цитируемому Гумбольдтом, Essai politique, том III, стр. 58, примечание. См. также стр. 118.

[456] Родиной буйволов были обширные прерии Миссури, и они бродили по обширной территории к востоку от Скалистых гор, от 55° северной широты до верховьев рек между Миссисипи и Рио-дель-Норте. По словам Галлатина, равнины Колумбии были так же лишены дичи, как и деревьев. (Synopsis, раздел 5.) То, что бизоны иногда встречались и по другую сторону гор, ясно из заявления Гомары. (Hist. de las Ind., loc. cit.) См. также Лазта, который прослеживает их южные странствия до реки Ваками (?) в провинции Синалоа на побережье Калифорнийского залива. Novus Orbis (Lugd. Bat., 1633), стр. 286.

[457] Ante, стр. 155.

Так Лукреций:

«Et prior æris erat, quam ferri cognitus usus,

Quo facilis magis est natura, et copia major.

Ære solum terræ tractabant, æreque belli

Miscebant fluctus.

DE RERUM NATURA, lib. 5.

По словам Карли, китайцы знали о существовании железа за 3000 лет до Рождества Христова. (Lettres Améric., том II, стр. 63.) Сэр Дж. Г. Уилкинсон, тщательно исследуя первое появление железа среди народов Европы и Западной Азии, не находит никаких следов его использования ранее XVI века до нашей эры. (Ancient Egyptians, том III, стр. 241-246.) Происхождение наиболее полезных искусств теряется в тумане времени. Одной из причин этого является их самая полезность, поскольку они быстро распространяются среди отдаленных народов. Другой причиной является то, что в первые века открытий люди были больше заняты их использованием, чем записью их истории, пока время не превратило историю в вымысел. Примеры этого знакомы каждому школьнику.

[458] [В этой связи читателю также будет полезно вспомнить слова выдающегося американского ученого Д. Г. Бринтона, произнесенные на Международном конгрессе по антропологии в 1893 году: «До настоящего времени не было обнаружено ни одного диалекта, ни одного вида искусства или учреждения, ни одного мифа или религиозного обряда, ни одного одомашненного растения или животного, ни одного инструмента, оружия, игры или символа, использовавшегося в Америке во время открытия, который был бы ранее завезен из Азии или любого другого континента Старого Света». — М.]

[459] [Внук Фердинанда и Изабеллы не был Карлом V, когда скипетр Испании был вложен в его руки, потому что его мать Иоанна была неспособна править. Карл провозгласил себя королем, когда в 1517 году торжественно въехал в Вальядолид. Но только с большим трудом Кортесы Кастилии были убеждены принять его в качестве титульного суверена *наряду с его матерью*. Ее имя должно было стоять перед его именем во всех королевских документах. До своей смерти в 1555 году, за год до отречения своего сына, Иоанна была законной правительницей Испании. Карл был избран императором Священной Римской империи в 1519 году, всего через два года после того, как он взял на себя управление испанскими делами. Поэтому неудивительно, что большинство людей знают его только по более важному титулу. Карл родился в Генте 24 февраля 1500 года. Его отцом был Филипп Красивый, наследник германских владений дома Габсбургов и территорий дома Бургундии. Когда был заключен брак Филиппа и Иоанны, никто и не думал, что их сын унаследует испанскую корону, поскольку старший брат и старшая сестра Иоанны были еще живы. Карл почти не знал своих родителей. Когда умерла Изабелла Кастильская, его отец и мать отправились в Испанию, чтобы вступить во владение королевством, которое она оставила своей дочери. Это было в 1506 году, и с того времени до 1517 года Карл не видел свою мать. Его характер формировался медленно. Только в спорте он рано достиг успеха. В 1517 году папский легат Кампеджи объявил его более подходящим для того, чтобы им правили, чем для того, чтобы править сам. Он никогда не был хорошим учеником и был исключительно плохим лингвистом. Французский был первым языком, который он выучил. Свой родной язык, фламандский, он начал изучать только в тринадцать лет. Когда он отправился в Испанию, он знал испанский настолько плохо, что одним из первых требований Кортесов Кастилии было, чтобы он выучил этот язык. Он так и не освоил немецкий язык. — М.]

[460] Следующий отрывок — один из многих — из верного зеркала того времени, переписки Петра Мученика, в полной мере отражает неумеренность, алчность и невыносимую *atrogancia* фламандцев. Это свидетельство тем более ценно, что оно исходит от человека, который, хотя и проживал в Испании, не был испанцем. «Crumenas auro fulcire inhiant; huic uni studio invigilant. Nec detrectat juvenis Rex. Farcit quacunque posse datur; non satiat tamen. Quæ qualisve sit gens hæc, depingere adhuc nescio. Insufflat vulgus hic in omne genus hominum non arctoum. Minores faciunt Hispanos, quam si nati essent inter eorum cloacas. Rugiunt jam Hispani, labra mordent, submurmurant taciti, fatorum vices tales esse conqueruntur, quod ipsi domitores regnorum ita floccifiant ab his, quorum Deus unicus (sub rege temperato) Bacchus est cum Citherea. Opus Epistolarum (Amstelodami, 1610), ep. 608.

[461] Однако не все дворяне стеснялись проявлять свое отвращение. Когда Карл хотел присвоить графу Бенавенте знаменитый бургундский орден Золотого руна, тот гордо отказался, сказав: «Я кастилец. Я не желаю никаких почестей, кроме тех, что дает мне моя родина, которые, по моему мнению, ничем не уступают — а даже превосходят — почести любой другой страны». Сандоваль, Historia de la Vida y Hechos del Emperador Carlos V. (Амберс, 1681), т. i, с. 103.

[462] [Тон предыдущих абзацев соответствует тону испанских летописцев XVII века и показывает, как автор, несмотря на свою природную искренность и беспристрастность, незаметно приобрел привычку рассматривать вопросы, затрагивающие Испанию, с национальной точки зрения того класса писателей, с которым он был наиболее знаком благодаря своим исследованиям. Испания называется «родиной» Карла V и «землей его отцов», хотя, как вряд ли нужно напоминать читателю, он родился в Нидерландах и был испанского происхождения только по материнской линии. К нему применяется термин «иностранец», как будто это указывает на какой-то порочный черту его характера; а образование, которое он получил как наследник австрийско-бургундских владений, называют ошибочным только потому, что оно не подготовило его к другой должности. Его манеры противопоставляются манерам коренных испанских правителей, как будто ему не хватает любезности и приветливости; однако испанцы, которые были единственными, кто когда-либо высказывал эту жалобу, признавали свой идеал королевского поведения в молчаливом и флегматичном Филиппе II. Точно так же предполагается, что Карл впервые познакомился со свободными институтами по прибытии в Испанию, тогда как он был воспитан в стране, где власть монарха, возможно, была более строго ограничена уставными правами и иммунитетами подданных, чем в любой другой части Европы. Неоспоримо, что союз Испании и Нидерландов был крайне несочетаемым, губительным для свободы, независимости и развития обеих стран, но не раннее предпочтение Карла одной из них, а гораздо более сильное предпочтение его преемника другой сделало эту несовместимость очевидной и привело к разрыву связи. — К.]

[463] Я возьму на себя смелость сослаться читателю, желающего более подробно ознакомиться с испанской колониальной администрацией и состоянием дел в области открытий до Карла V, на «Историю правления Фердинанда и Изабеллы» (часть 2, гл. 9, 26), где эта тема рассматривается *подробно*. {*}

{*} [Все документы, относящиеся к комиссии, отправленной Сименесом, включая многочисленные отчеты членов комиссии, были напечатаны в Col. de Doc. inéd. relativos al Descubrimiento, Conquista y Colonizacion de las Posesiones españolas en América y Oceanía, tom. i.—К.]

[464] См. любопытный документ, подтверждающий это и составленный по приказу Колумба, ap. Navarrete, Coleccion de los Viajes y de Descubrimientos (Мадрид, 1825), tom. ii. Col. Dip., No. 76.

[465] [Ныне Гаити и Санто-Доминго. — М.]

[466] Первоначально Колумб назвал остров Хуана в честь принца Иоанна, наследника кастильской короны. После его смерти остров получил название Фернандина по желанию короля. Индийское название сохранилось до сих пор. Эррепа, Hist. general, Descrip., cap. 6.

[467] «Эрат Дидакус, чтобы сказать об этом месте только один раз, был ветераном, опытным военным, прослужившим в Испании семьнадцать лет, честным человеком, известным своим богатством, родом и славой, жаждущим почета и еще более жаждущим денег». De Rebus gestis Ferdinandi Cortesii, MS.

[468] Эта история рассказана Лас Касасом в его ужасающем отчете о жестокостях его соотечественников в Новом Свете, которые милосердие — и здравый смысл — могут оправдать, если мы поверим, что добрый отец сильно преувеличил. Brevíssima Relacion de la Destruycion de las Indias (Венеция, 1643), стр. 28.

[469] [Сантьяго-де-Куба. — М.]

[470] Среди самых древних из этих поселений мы находим Гавану, Пуэрто-дель-Принсипи, Тринидад, Сан-Сальвадор и Матансас, или «Резню», названную так из-за массового убийства испанцев индейцами. Бернал Диас, «История завоевания», гл. 8.

[471] [Это утверждение ошибочно. Прескотт не знал, что Гавана, или Сан-Кристобаль, откуда отплыл Кордова, находилась на южной стороне Кубы. Все авторитетные источники сходятся в том, что экспедиция плыла прямо на запад, что шторм начался только после прохождения мыса Сан-Антонио и что флот плыл на запад по воле своего командира. См. Банкрофт, «Мексика», т. I, с. 7.—М.]

[472] Гомара, «История Индий», гл. 52, приложение Барсия, т. II. — Бернал Диас говорит, что это слово произошло от названия растения *юка* и обозначает холм, на котором оно растет. (Hist. de la Conquista, гл. 6.) М. Вальдек находит гораздо более правдоподобное происхождение в индейском слове *Ouyouckatan*, «слушай, что они говорят». Voyage pittoresque, стр. 25.

[473] Два мореплавателя, Солис и Пинсон, обнаружили побережье еще в 1506 году, по словам Эрреры, хотя и не захватили его. (Hist. general, dec. 1, lib. 6, cap. 17.) Действительно, удивительно, что оно так долго оставалось неоткрытым, учитывая, что оно находится всего в двух градусах от Кубы.

[474] Овьедо, General y natural Historia de las Indias, MS., lib. 33, cap. 1.—De Rebus gestis, MS.—Carta del Cabildo de Vera Cruz (10 июля 1519 г.), MS.—Бернал Диас отрицает, что первоначальной целью экспедиции, в которой он принимал участие, было

приобретение рабов, хотя Веласкес и предлагал это. (Hist. de la Conquista, cap. 2.) Однако этому противоречат другие современные записи, приведенные выше.

[475] Itinerario de la Isola de Iuchathan, novamente ritrovata per il Signor Joan de Grijalva, per il suo Capellano, MS.—Слова капеллана можно принять за дату, которая обычно указывается как 8 апреля.

[476] [Флот покинул Сантьяго 8 апреля 1518 года, а мыс Сан-Антонио — 1 мая. — М.]

[477] De Rebus gestis, MS.—Itinerario del Capellano, MS.

[478] Согласно испанским властям, касик был отправлен с этими подарками от мексиканского правителя, который заранее получил известие о приближении испанцев. Я следовал за Саагуном, который получил эту информацию непосредственно от туземцев. Historia de la Conquista, MS., cap. 2.

[479] Гомара приводит аргументы «за» и «против» этой сделки, в которой золото и драгоценности на сумму пятнадцать или двадцать тысяч *pescos de oro* были обменены на стеклянные бусы, булавки, ножницы и другие безделушки, обычно входящие в ассортимент груза для дикарей. Crónica, гл. 6.

[480] Itinerario del Capellano, MS.—Carta de Vera Cruz, MS.

[481] «Человек ужасного характера», — говорит Эррера, цитируя доброго епископа Чиапы, — «по отношению к тем, кто ему служил и помогал, и который легко возмущался против тех». Hist. general, dec. 2, lib. 3, cap. 10.

[482] По крайней мере, таково свидетельство Ласаса, который хорошо знал обе стороны и часто беседовал с Грихальвой во время его путешествия. Historia general de las Indias, MS., lib. 3, cap. 113.

[483] Itinerario del Capellano, MS.—Las Casas, Hist. de las Indias, MS., lib. 3, cap. 113.—Наиболее подробный отчет об экспедиции Грихальвы можно найти в вышеупомянутом «Путевом дневнике» его капеллана. Оригинал утрачен, но в 1522 году в Венеции была опубликована посредственная итальянская версия. Копия, принадлежавшая Фердинанду Колумбу, до сих пор хранится в библиотеке великой церкви Севильи. Однако книга стала настолько редкой, что историограф Муньос сделал ее переписку собственноручно; из его рукописи и была взята та, которая находится в моем распоряжении. {*}

{*} [Было издано несколько версий Itinerario. Самая доступная из них находится в *Coleccion de documentos para la historia de Mexico, etc.*, tom. i.—М.]

[484] [Дом, в котором он родился, на улице Калле-де-ла-Ферия, сохранился до нашего века, и многие путешественники останавливались в нем, желая, по словам Аламана, переночевать в особняке, где родился герой. В 1809 году здание было разрушено французами, и теперь остались лишь несколько фрагментов стены, напоминающих о месте рождения завоевателя. Аламан, Disertaciones históricas, том II, стр. 2.]

[485] Гомара, «Хроника», гл. 1. — Бернал Диас, «История завоевания», гл. 203. Я не нашел более точных сведений о дате его рождения, за исключением, конечно, Писарро-и-Орельяны, который сообщает нам, что «Кортес появился на свет в тот же день, что и тот адский зверь, лжец и еретик Лютер, — несомненно, в качестве компенсации, поскольку усилия одного по разрушению истинной веры уравновешивались усилиями другого по ее сохранению и распространению!» (Varones ilustres del Nuevo-Mundo (Мадрид, 1639), стр. 66.) Но это утверждение доброго кавалера, который относит рождение нашего героя к 1483 году, скорее похоже на рвение к «истинной вере», чем на историческую точность.

[486] Аргенсола, в частности, уделил большое внимание родословной дома Кортеса, которую он без сомнения прослеживает до Нарнеса Кортеса, короля Ломбардии и Тосканы. Anales de Aragon (Сапагоа, 1630), стр. 621-625.—Также Caro de Torres, Historia de las Ordenes militares (Мадрид, 1629), фол. 103.

[487] De Rebus gestis, MS.—Лас Касас, который знал отца, дает более убедительные свидетельства его бедности, чем его благородного происхождения. «Un escudero», — говорит он о нем, — «que yo conocí harto pobre y humilde, aunque cristiano, viejo y dizen que hidalgo». Hist. de las Indias, MS., lib. 3, cap. 27.

[488] [Его родители бросили жребий, чтобы решить, кого из апостолов выбрать его святым покровителем. Жребий выпал на Петра, что объясняет особую преданность, которую Кортес проявлял на протяжении всей своей жизни этому святому, чьей заботе он приписывал улучшение своего здоровья. Аламан, Disertaciones históricas, т. II, с. 4.]

[489] Аргенсола, Anales, стр. 220.—Лас Касас и Бернал Диас оба утверждают, что он был бакалавром права в Саламанке. (Hist. de las Indias, MS., ubi supra.—Hist. de la Conquista, cap. 203.) Степень, вероятно, была присвоена ему в более позднем возрасте, когда университет мог с гордостью считать его одним из своих выпускников.

[490] De Rebus gestis, MS.—Gomara, Crónica, cap. 1.

[491] De Rebus gestis, MS.—Gomara, Ibid.—Аргенсола достаточно лаконично описывает причину его задержания: «Suspendió el viaje, por enamorado y por quartanario». Anales, стр. 621.

[492] Некоторые считали, что это был Святой Дух в образе голубя. «Sanctum esse Spiritum, qui, in illius alitis specie, ut mœstos et afflictos solaretur, venire erat dignatus» (De Rebus gestis, MS.); предположение, которое кажется Писарро-и-Орельяна вполне разумным, поскольку экспедиция должна была «во многом способствовать распространению католической веры и кастильской монархии»! Varones ilustres, стр. 70.

[493] Гомара, Crónica, гл. 2.

[494] Бернал Диас, Hist. de la Conquista, гл. 203.

[495] De Rebus gestis, MS.—Gomara, Crónica, cap. 3, 4.—Las Casas, Hist. de las Indias, MS., lib. 3, cap. 27.

[496] Hist. de las Indias, MS., loc. cit.—«Res omnes arduas difficilesque per Cortesium, quem in dies magis magisque amplectebatur, Velasquius agit. Ex eo ducis favore et gratia magna Cortesio invidia est orta». De Rebus gestis, MS.

[497] Солис также нашел патент на дворянство для этой дамы — «doncella noble y recatada». (Historia de la Conquista de Méjico (Париж, 1838), lib. 1, cap. 9.) Лас Касас относится к ней менее церемонно: «Una hermana de un Juan X Suarez, gente pobre». Hist. de las Indias, MS., lib. 5, cap. 17.

[498] Гомара, Crónica, cap. 4.—Лас Касас, Hist. de las Indias, MS., ubi supra.—De Rebus gestis, MS.—Memorial de Benito Martinez, Capellan de D. Velasquez, contra H. Cortés, MS.

[499] Лас Касас, Hist. de las Indias, MS., ubi supra.

[500] Лас Касас, Hist. de las Indias, MS., loc. cit.—Memorial de Martinez, MS.

[501] Гомара, «Хроника», гл. 4. — Эррера рассказывает нелепую историю о том, что он не умел плавать и бросился на доску, которая, после того как ее унесло в море, была выброшена на берег вместе с ним во время прилива. «Общая история», декабрь 1, книга 9, гл. 8.

[502] Гомара, Crónica, cap. 4.—«Cœnat cubatque Cortesius cum Velasquio eodem in lecto. Qui postero die fugæ Cortesii nuntius venerat, Velasquium et Cortesium juxta accubantes intuitus, miratur.» De Rebus gestis, MS.

[503] Лас Касас, который помнил Кортеса в это время «таким бедным и униженным, что он с радостью принял бы любую милость от самого незначительного из слуг Веласкеса», с презрением относится к этой истории о храбрости. «Поэтому, если бы он [Веласкес] почувствовал в Кортесе хоть малейшую тень высокомерия или самонадеянности, он бы его повесил или, по крайней мере, изгнал с земли и погрузил в нее, не давая ему поднять голову до конца жизни». Hist. de las Indias, MS., lib. 3, cap. 27.

[504] «Pecuariam primus quoque habuit, in insulamque induxit, omni pecorum genere ex Hispania petito». De Rebus gestis, MS.

[505] «Те, кто погиб, пытаясь добыть золото, Бог, наверное, лучше меня знает». Hist. de las Indias, MS., lib. 3, cap. 27. Текст является свободным переводом.

[506] «Находясь со мной, он сказал мне, что был так доволен ею, как если бы она была дочерью герцогини». Hist. de las Indias, MS., ubi supra.—Gomara, Crónica, cap. 4.

[507] Казначей хвастался, что провёл около двадцати двух лет на войнах в Италии. Он был проницательным человеком, и Лас Касас, считая эту страну скользкой школой нравственности, предупреждал губернатора, как он сам говорит, не раз «остерегаться двадцати двух лет в Италии». Hist. de las Indias, MS., lib. 3, cap. 113.

[508] «Если бы он не был капитаном, то с ним ушло бы не больше трети людей». Declaracion de Puertocarrero, MS. (Корунья, 30 апреля 1520 г.).

[509] Бернал Диас, «История завоевания», гл. 19. — «De Rebus gestis», рукопись. — Гомара, «Хроника», гл. 7. — Лас Касас, «Общая история Индий», рукопись, кн. 3, гл. 113.

[510] Declaracion de Puertocarrero, MS.—Carta de Vera Cruz, MS.—Probanza en la Villa Segura, MS. (4 октября 1520 г.).

[511] В письме от муниципалитета Веракруса, после того как было указано, что Веласкес понес только одну треть первоначальных расходов, добавлено: «Y sepan Vras. Magestades que la mayor parte de la dicha tercia parte que el dicho Diego Velasquez gastó en hacer la dicha armada fué emplear sus dineros en vinos y en ropas, y en otras cosas de poco valor para nos lo vender acá en mucha mas cantidad de lo que á él le costó, por manera que podemos decir que entre nosotros los Españoles vasallos de Vras. Reales Altezas сделал Диего Веласкес свой выкуп и обогатился на своих деньгах, очень хорошо их заработав» (Carta de Vera Cruz, MS.). Пуэртокарреро и Монтехо также в своих показаниях, данных в Испании, говорят о том, что Кортес покрыл две трети расходов на флотилию. (Декларация Пуэртокарреро, MS.—Декларация Монтехо, MS. (29 апреля 1520 г.).) Однако письмо из Веракруса было подготовлено под присмотром Кортеса, а последние два были его доверенными офицерами.

[512] Оригинал документа на кастильском языке находится в Приложении № 5. Авторы, которые никогда не видели этого документа, часто ссылаются на него как на соглашение между Кортесом и Веласкесом. На самом деле это всего лишь инструкции, данные последним своему офицеру, который не был стороной этого соглашения.

[513] Declaracion de Puertocarrero, MS.—Gomara, Crónica, cap. 7.—Вскоре после этого Веласкес получил от короны полномочия на колонизацию новых земель с титулом *алантадо* над ними. Документ был датирован в Барселоне 13 ноября 1518 года. (Herrera, Hist. general, dec. 2, lib. 3, cap. 8.) Пустые привилегии! Лас Касас дает едкую этимологию титула *адерандо*, так часто присваиваемого испанским первооткрывателям. «Адерандос, потому что они опережали всех в совершении злодеяний и нанесении тяжких ущербов мирным людям». Hist. de las Indias, MS., lib. 3, cap. 117.

[514] «Deterrebat», — говорит анонимный биограф, — «eum Cortesii natura imperii avida, fiducia sui ingens, et nimius sumptus in classe parandâ. Timere itaque Velasquius cœpit, si Cortesius cum eâ classe iret, nihil ad se vel honoris vel lucri reditum». De Rebus gestis, MS.—Бернал Диас, Hist. de la Conquista, cap. 19.—Лас Касас, Hist. de las Indias, MS., cap. 114.

[515] «Кортесу не нужно было больше ничего, чтобы понять это, достаточно было посмотреть на Диего Веласкеса, с его хитрой живой умом и мирской мудростью». Hist. de las Indias, MS., cap. 114.

[516] Лас Касас услышал эту историю из уст самого Кортеса. Hist. de las Indias, MS., cap. 114.—Gomara, Crónica, cap. 7.—De Rebus gestis, MS.

[517] Лас Касас, Hist. de las Indias, MS., гл. 114.—Эррера, Hist. general, dec. 2, lib. 3, гл. 12.—Солис, который следует за Берналом Диасом, утверждая, что Кортес расстался с Веласкесом открыто и по-дружески, кажется, считает большой клеветой на характер первого предположение, что он хотел так скоро порвать с губернатором, когда у него было так мало поводов для этого. (Conquista, lib. 1, cap. 10.) Но не обязательно предполагать, что Кортес намеревался порвать со своим работодателем этим тайным действием, а лишь хотел обеспечить себе командование. В любом случае, текст во всех деталях соответствует заявлению Ласаса, который, поскольку хорошо знал обе стороны и проживал на острове в то время, имел широкие возможности для получения информации. {*}

{*} [Лас Касас не проживал на Кубе, как предполагает Прескотт, когда Кортес отплыл. Авторитетные источники указывают на то, что отъезд Кортеса был поспешным, но не тайным. Веласкес в своем докладе императору не упоминает, что завоеватель Мексики скрылся. — М.]

[518] Hist. de las Indias, MS., cap. 114.

[519] [Хуан Седеньо был самым богатым человеком во флоте. Его владения включали корабль, кобылу, негра, а также немного хлеба казаби и бекона. Бернал Диас очень правильно приводит список лошадей, принадлежавших экспедиции, отмечая, что ни лошадей, ни негров нельзя было приобрести без больших затрат. (См. Hist. de la Conquista, гл. 23.) Лошадь стоила от четырех до пятисот *песо де oro*.—М.]

[520] [Банкрофт (Mexico, i. p. 66) считает, что Прескотт допустил небольшую ошибку в отношении этих кораблей и что Седеньо был командиром второго судна. Банкрофт также утверждает, что знамя Кортеса было сделано из «тафты», а не из *бархата*. — М.]

[521] Лас Касас также узнал об этом из уст Кортеса в более позднем возрасте. «Todo esto me dixo el mismo Cortés, con otras cosas cerca dello despues de Marques; ... reindo y mofando é con estas formales palabras, *Á la mi fée andube por allí como un gentil cosario*». Hist. de las Indias, MS., гл. 115.

[522] De Rebus gestis, MS.—Gomara, Crónica, cap. 8.—Las Casas, Hist. de las Indias, MS., cap. 114, 115.

[523] [Но не через остров. Кортесу не было необходимости обходить западную оконечность Кубы со своим флотом. Гавана, или Сан-Кристобаль-де-ла-Гавана, тогда находилась на южной стороне острова. Город, на месте которого сегодня стоит Гавана, был основан только в 1519 году. Многие писатели, кроме Прескотта, не зная об этом факте, впали в ту же ошибку. Путь от Тринидада до новой Гаваны был бы долгим и трудным для Альварадо и его отряда, а для флота Кортеса — долгим и ненужным путешествием. — М.]

[524] Бернал Диас, «История завоевания», гл. 24. — «De Rebus gestis», рукопись. — Гомара, «Хроника», гл. 8. — Лас Касас, «История Индий», рукопись, гл. 115. — Надпись на знамени, несомненно, была вдохновлена надписью на *лабаруме* — священном знамени Константина.

[525] Наиболее подробные сведения о личности и привычках Кортеса можно почерпнуть из рассказов старого кавалериста Бернала Диаса, который так долго служил под его началом, и из сочинений Гомары, капеллана генерала. См., в частности, последнюю главу Crónica Гомары и гл. 203 Hist. de la Conquista.

[526] Лас Касас, «Историка де лас Индиас», рукопись, глава 115.

[527] Бернал Диас, «Историка де ла Конкиста», глава 24.

[528] Там же, loc. cit.

[529] Бернал Диас, «История завоевания», гл. 26. — Существуют некоторые расхождения между авторитетными источниками в отношении численности армии. В письме из Веракруса, которое должно было быть точным, говорится лишь о четырехстах солдатах. (Carta de Vera Cruz, MS.) Сам Веласкес в сообщении главному судье Эспаньолы указывает число в шестьсот человек. (Carta de Diego Velasquez al Lic. Figueroa, MS.) Я принял оценки Бернала Диаса, который за долгие годы службы, по-видимому, близко познакомился со всеми своими товарищами, их личностями и частной историей.

[530] Действительно невероятно дорого, поскольку из заявлений, содержащихся в показаниях в Вилья-Сегура, следует, что стоимость лошадей для экспедиции составляла от четырех до пятисот *песо де oro* за каждую! «Si saben que de caballos que el dicho Señor Capitan General Hernando Cortés ha comprado para servir en la dicha Conquista, que son diez é ocho, que le han costado á quatrocientos cinquenta é á quinientos pesos ha pagado, é que debe mas de ocho mil pesos de oro dellos». (Probanza en Villa Segura, MS.) Оценка этих лошадей достаточно хорошо отражена в подробной информации, которую Бернал Диас считал целесообразным предоставить о каждой из них; достаточно подробной для страниц спортивного календаря. См. Hist. de la Conquista, гл. 23.

[531] «Я предлагаю вам большие награды, но они сопряжены с большим трудом; но добродетель не терпит праздности». (Gomara, Crónica, cap. 9.) Эта мысль так прекрасно выражена Томсоном:

«На лбу ленивца никогда не растет лавр;

Слава не рождается из ленивого покоя».

[532] Текст представляет собой очень сжатое изложение оригинальной речи Кортеса — или его капеллана, в зависимости от обстоятельств. См. в Гомара, Crónica, гл. 9.

[533] Лас Касас, «История Индии», рукопись, гл. 115.— Гомара, Crónica, гл. 10.—De ebus gestis, MS.—«Tantus fuit armorum apparatus», восклицает автор последнего произведения, «quo alterum terrarum orbem bellis Cortesius concutit; ex tam parvis opibus tantum imperium Carolo facit; aperitque omnium primus Hispanæ genti Hispaniam novam!» Автор этой работы неизвестен. По-видимому, она была частью большого сборника «De Orbe Novo», написанного, вероятно, по плану серии биографических очерков, поскольку во введении говорится о жизни Колумба, предшествовавшей жизни Кортеса. Как утверждается в ней, она была составлена, когда многие из старых завоевателей еще были живы, и адресована сыну Кортеса. Таким образом, историк имел достаточно средств для проверки правдивости своих собственных утверждений, хотя они слишком часто выдают его пристрастность к герою и влияние покровителя, под чьим покровительством была создана эта работа. Она отличается многословностью деталей, которые, хотя и утомительны, имеют свое значение в современном документе. К сожалению, была закончена только первая книга, или, по крайней мере, сохранилась только она; она заканчивается событиями этой главы. Она написана на латыни, в чистом и ясном стиле, и с некоторой вероятностью предполагается, что она является работой Кальвета де Эстрелла, летописца Индии. Оригинал хранится в архивах Симанкаса, где он был обнаружен и переписан Муньосом, с чьей копии была сделана копия, хранящаяся в моей библиотеке.

[534] См. *выше*, стр. 241, примечание 27.

[535] Carta de Vera Cruz, MS.—Бернал Диас, Hist. de la Conquista, гл. 25 и далее.—Гомара, Crónica, гл. 10, 15.—Лас Касас, Hist. de las Indias, MS., lib. 3, гл. 115.—Эррера, Hist. general, dec. 2, lib. 4, cap. 6.—Мартин, De Insulis nuper inventis (Coloniæ, 1574), стр. 344.—В то время как эти страницы проходили через печать, но только через два года после того, как они были написаны, появились важные и интересные тома г-на Стивенса, содержащие отчет о его второй экспедиции в Юкатан. В последней части работы он описывает свое посещение Косумеля, ныне необитаемого острова, покрытого непроходимыми лесами. У берега он увидел остатки древних индейских построек, которые, по его мнению, возможно, были теми же, что видели Грихальва и Кортес, и которые натолкнули его на некоторые важные выводы. Это привело его к дальнейшим размышлениям о существовании креста как символа поклонения среди островитян. (Incidents of Travel in Yucatan (Нью-Йорк, 1843), т. II, гл. 20.) Поскольку обсуждение этих вопросов слишком отвлекает меня от основной темы нашего повествования, я вернусь к ним позже, когда буду рассматривать архитектурные памятники этой страны. {*} {**}

{*} [В упомянутых здесь отрывках автор обратил внимание на различные доказательства существования креста как символа поклонения среди языческих народов как в Старом, так и в Новом Свете. Этот факт считался весьма загадочным, однако объяснение, найденное доктором Бринтоном, достаточно простое: «Плечи креста были предназначены для указания на стороны света и олицетворяли четыре ветра — приносящих дождь». Отсюда и название, данное ему на мексиканском языке, означающее «Древо нашей жизни» — термин, хорошо рассчитанный на то, чтобы усилить удивление испанских первооткрывателей. Мифы Нового Света, стр. 96 и др. — К.]

{**} Ante, стр. 239.

[536] См. биографическую справку о добром епископе Лас Касасе, «защитнике индейцев», в послесловии в конце настоящей книги.

[537] «Возможно, что дьявол явился им в своем истинном обличье и оставил эти образы в их воображении, так что имитационная сила художника проявилась в уродливости изображения». Солис, «Конкиста», стр. 39.

[538] Carta de Vera Cruz, MS.—Гомара, Crónica, cap. 13.—Herrera, Hist. general, dec. 2, lib. 4, cap. 7.—Икстильшочитль, Hist. Chich., MS., гл. 78.—Лас Касас, чьи просвещенные взгляды на религию были бы почетом для современности, настаивает на бесполезности этих принудительных обращений в веру, с помощью которых за несколько дней предлагалось отучить людей от идолопоклонства, которому их учили с колыбели. «Единственный способ сделать это, — говорит он, — это долгая, усердная и верная проповедь, пока язычники не соберут некоторые представления о истинной природе Божества и о доктринах, которые они должны принять. Прежде всего, жизнь христиан должна быть такой, чтобы служить примером истинности этих доктрин, чтобы, видя это, бедные индейцы могли прославлять Отца и признавать Его, у Которого есть такие поклонники, истинным и единственным Богом». См. оригинальные замечания, которые я цитирую в полном объеме, как хороший образец стиля епископа, когда он, вдохновленный темой, становится красноречивым, в Приложении, № 6.

[539] «Muy gran misterio y milagro de Dios». Carta de Vera Cruz, MS.

[540] [Не так давно была обнаружена история испанского завоевания Юкатана, написанная на языке майя, но латинскими буквами, местным вождем Накуком Печем около 1562 года. Этот отчет, «Хроника Чиксулуб», был переведен доктором Бринтоном и опубликован им в «Хрониках майя», Филадельфия, 1882, стр. 187-259. Эта хроника, написанная пером человека, который был почти современником завоевания, подтверждает рассказы испанских историков в большинстве деталей. В ней упоминается, что Чичен-Ица и Исамаль были заселены, когда испанцы вторглись в страну. Иногда она неточна в деталях, как, например, в этом упоминании об Агиларе: «Таким образом, земля была открыта Агиларом, который был съеден Ах Наумом Ах Патом в Кузамиле в 1517 году». Мы, конечно, знаем, что съеденным Ах Наумом Ах Патом был другой испанец. Для нас это не имеет большого значения, хотя, несомненно, важно для Агилара. — М.]

[541] Они перечислены Эррерой с такой тщательностью, что, по крайней мере, заслуживают признания за то, что дают гораздо более высокое представление о добродетели Агилара, чем бесплодные общие фразы текста. (Hist. general, dec. 2, lib. 4, cap. 6-8.) Эта история красиво рассказана Вашингтоном Ирвингом в книге «Путешествия и открытия спутников Колумба» (Лондон, 1833), стр. 263 и далее.

[542] Камарго, Historia de Tlascala, MS.—Овьедо, Hist. de las Indias, MS., lib. 33, cap. 1.—Мартир, De Insulis, стр. 347.—Бернал Диас, «История завоевания», гл. 29. —Письмо из Веракруса, рукопись. —Лас Касас, «История Индии», рукопись, кн. 3, гл. 115, 116.

[543] Бернал Диас, «История завоевания», гл. 31. — Письмо из Веракруса, рукопись. — Гомара, «Хроника», гл. 18. — Лас Касас, «История Индии», рукопись, кн. 3, гл. 118. — Мартир, «De Insulis», стр. 348.—Существуют некоторые расхождения между заявлениями Бернала Диаса и письмом из Веракруса; оба документа были составлены лицами, присутствовавшими при событиях.

[544] Письмо из Веракруса, рукопись. — Бернал Диас, «История завоевания», гл. 31.

[545] «Смотрите, — восклицает епископ Чиапы в своей едкой манере, — насколько разумно это „требование“ или, точнее говоря, насколько неразумно и бесчувственно поступил Королевский совет, который в отказе индейцев принять его нашел хороший повод для войны». (Hist. de las Indias, MS., lib. 3, cap. 118.) В другом месте он произносит оживленную тираду против неправды тех, кто прикрывал враждебность этой пустой формулой, смысл которой был совершенно непонятен для варваров. (Там же, lib. 3, cap. 57.) Знаменитая формула, использованная испанскими завоевателями в этом случае, была составлена доктором Паласиосом Реубиосом, литератором и членом королевского совета. «Но я смеюсь над ним и его письмами, — восклицает Овьедо, — если он думал, что хоть одно слово из них может быть понято необразованными индейцами!» (Hist. de las Ind., MS., lib. 29, cap. 7.) Обычный манифест, *requirimiento*, можно найти в переводе на заключительных страницах книги Ирвинга «Путешествия спутников Колумба».

[546] «Halláronlas llenas de maiz é gallinas y otros vastimentos, oro ninguno, de lo que ellos no resciviéron mucho plazer». Hist. de las Indias, MS., ubi supra.

[547] Петр Мученик дает восторженную картину этой индейской столицы. «Ad fluminis ripam protentum dicunt esse oppidum, quantum non ausim dicere: mille quingentorum passuum, ait Alaminus nauclerus, et domorum quinque ac viginti millium: stringunt alij, ingens tamen fatentur et celebre. Hortis intersecantur domus, quæ sunt *egregiè lapidibus et calce fabrefactæ, maximâ industriâ et architectorum arte*». (De Insulis, стр. 349.) Свойственной ему любознательностью он выведал все подробности у старого лодчана Аламиноса и у двух офицеров Кортеса, которые в том же году вновь посетили Испанию. Табаско находился по соседству с теми разрушенными городами Юкатана, которые в последнее время стали предметом стольких спекуляций. Похвалы Мартира не столь примечательны, как апатия других современных летописцев.

[548] Бернал Диас, Hist. de la Conquista, гл. 31, 32.—Гомара, Crónica, гл. 18.—Лас Касас, Hist. de las Indias, MS., lib. 3, гл. 118, 119.—Икстильшочитль, Hist. Chich., MS., гл. 78, 79.

[549] Согласно Солису, который цитирует речь Кортеса по этому поводу, он созвал совет своих капитанов, чтобы они посоветовали ему, как поступить. (Conquista, гл. 19.) Это возможно, но я нигде не нахожу подтверждения этому.

[550] Лас Касас, Hist. de las Ind., MS., lib. 3, cap. 119.—Гомара, Crónica, cap. 19, 20.—Эррера, Hist. gen., dec. 2, lib. 4, cap. 11.—Мартир, De Insulis, p. 350.—Икстильшочитль, «Историка Чич», рукопись, гл. 79.—Бернал Диас, «Историка де ла Конкиста», гл. 33, 36.—«Карта де Вера Крус», рукопись.

[551] Икстильшочитль, Hist. Chich., MS., гл. 79.—«Кортес полагал, что это был его покровитель, святой Петр», — говорит Писарро-и-Орельяна, — «но общее и несомненное мнение заключается в том, что это был наш славный апостол святой Иаков, оплот и защитник нашего народа». (Varones ilustres, стр. 73.) «Грешник я», — восклицает честный Бернал Диас в более скептическом тоне, — «мне не было позволено увидеть ни одного из апостолов в этот раз». Hist. de la Conquista, гл. 34. {*}

{*} [Замечание Бернала Диаса не следует воспринимать как иронию. Его вера в то же видение в последующих случаях выражена без колебаний. В данном случае он узнал в всаднике на сером коне испанского кавалериста Франциско де Морлу. Из рассказа Андреса де Тапия, другого спутника Кортеса, который был недавно опубликован, следует, что из-за каналов и других препятствий кавалерия не смогла осуществить запланированный обход и поэтому вернулась и присоединилась к пехоте. Последние, увидев всадника на сером коне, атакующего индейцев с тыла, предположили, что кавалерия « » проникла в эту часть. Услышав это, Кортес воскликнул: «Adelante, compañeros, que Dios es con nosotros» (Иказбальсета, Col. de Doc. para la Hist. de México, т. I.). Тапия ничего не говорит о святом Иакове или святом Петре и, возможно, подозревал, что этот инцидент был уловкой, придуманной Кортесом. Однако, как правило, такие легенды вполне объяснимы религиозными верованиями и буйной фантазией рассказчиков. См. замечания по этому поводу Маколея, который обращает внимание на рассказ Диаса во введении к своей поэме о битве на озере Региллус. — К. {**}

{**} [Явление святого Иакова не редкость в истории Испании. Апостол впервые появился как вождь испанских войск в битве при Клахио в 846 году. Он ехал на белом коне и держал в левой руке белоснежное знамя. В правой руке он держал сверкающий меч. Благодаря его чудесной помощи в тот день солдаты короля Рамиро победили шестьдесят тысяч мусульман. Мариана, книга VII, глава XIII, рассказывает эту историю, и многие писатели приняли эту легенду. К сожалению, тщательное расследование показало, что сама битва была вымышленной.

В X веке он снова появился, когда Рамиро II победил великого Абдерхамана, в результате чего бесчисленные паломники стекались к святыне Сантьяго-де-Компостела.

Его белый конь снова возглавил испанскую кавалерию, когда Фернандо осаждал Коимбру в 1058 году или около того, как можно прочитать в «Хронике Сиды» Саути.

В 1237 году в Хересе Альфонсо Кастильский с полутора тысячами человек разгромил войско, в семь раз превосходившее его по численности, потому что все его люди ясно видели славное видение. Мавры в панике бежали при этом зрелище. «Они не могли сражаться против Бога». Примеров можно привести множество. — М.]

[552] Это был приказ, который, как читатель, возможно, помнит, Цезарь отдал своим последователям в битве с Помпеем:

«Adversosque jubet ferro confundere vultus».

ЛУКАН, «Фарсалия», кн. 7, ст. 575.

[553] «Equites», — говорит Паоло Джовио, — «unum integrum Centaurorum specie animal esse existimarent». Elogia Virorum Illustrium (Базиль, 1696), кн. 6, с. 229.

[554] Клавигеро, Stor. del Messico, том III, стр. 11.

[555] «Crean Vras. Reales Altezas por cierto, que esta batalla fué vencida mas por voluntad de Dios que por nras. fuerzas, porque para con quarenta mil hombres de guerra, poca defensa fuera quatrozentos que nosotros eramos». (Carta de Vera Cruz, MS.—Gomara, Crónica, cap. 20.—Bernal Diaz, Hist. de la Conquista, cap. 35.) Именно Лас Касас, как обычно, руководствуясь своими чувствами, оценивает потери индейцев в завышенной сумме, указанной в тексте. «Это, — сухо заключает он, — было первое проповедование Евангелия Кортесом в Новой Испании!» Hist. de las Indias, MS., lib. 3, cap. 119.

[556] Гомара, Crónica, гл. 21, 22.—Carta de Vera Cruz, MS.—Мартин, De Insulis, стр. 351.—Лас Касас, Hist. de las Indias, MS., ubi supra.

[557]

«Ката Франсия, Монтесинос,

Ката Парис ла сиудад,

Cata las aguas de Duero

Do an á dar en la mar».

Это слова популярной старинной баллады, впервые опубликованной, как я полагаю, в «Romancero de Ambéres», а в последнее время — Дураном в «Romances caballerescos é históricos», часть I, стр. 82.

[558] Бернал Диас, «История завоевания», гл. 37.

[559] Лас Касас отмечает значение жестов индейцев как проявление их чрезвычайно активного воображения: «Señas é meneos con que los Yndios mucho mas que otras generaciones entienden y se dan á entender, por tener muy bivos los sentidos exteriores y tambien los interiores, mayormente que es admirable su imaginacion». Hist. de las Indias, MS., lib. 3, cap. 120.

[560] «Hermosa como Diosa», *прекрасная, как богиня*, — так говорит о ней Камарго (Hist. de Tlascala, MS.). Современный поэт воздаст ее очарованию следующую не лишенную элегантности дань:

«Admira tan lúcida cabalgada

Y espectáculo tal Doña Marina,

India noble al caudillo presentada,

Обладательницей необыкновенной красоты и удачи.

* * * * *

С ясным умом и живостью

Gira la vista en el concurso mudo;

Rico manto de extrema sutileza

С золотыми знаками он мог ее уполномочить,

Прикрепленный с необыкновенной изящностью

На груди в воздушном узле;

Reyna parece de la Indiana Zona,

Мужественная и прекрасная амазонка».

МОРАТИН, «Разрушенные корабли Кортеса».

[561] [«Малинче» — это искаженная форма ацтекского слова «Малинцин», которое само по себе является искаженной формой испанского имени «Марина». Ацтеки, не имея в своем алфавите буквы г, заменили ее на l, а окончание *tzin* было добавлено в знак уважения, так что имя стало эквивалентом Doña или Lady Marina. Conquista de Méjico (trad. de Vega, anotada por D. Lucas Alaman), tom. ii. pp. 17, 269.]

[562] Лас Касас, Hist. de las Indias, MS., lib. 3, cap. 120.—Гомара, Crónica, cap. 25, 26.—Клавигеро, Stor. del Messico, том III, стр. 12-14.—Овьедо, «История Индий», рукопись, кн. 33, гл. 1.—Икстильшочитль, «История Чичи», рукопись, гл. 79.—Камарго, «История Тласкалы», рукопись.—Бернал Диас, «История завоевания», гл. 37, 38.—В сообщениях о ранней жизни Марины есть некоторые несоответствия. Я следовал Берналу Диасу, поскольку его наблюдения являются наиболее достоверными. К счастью, нет никаких разногласий в оценке ее исключительных заслуг и услуг.

[563] Имя ацтекского монарха, как и имена большинства людей и мест в Новой Испании, было искажено во всех возможных вариантах написания. Кортес в своих письмах называет его «Мутецума». Современные испанские историки обычно пишут его имя как «Мотесума». Я предпочел использовать имя, под которым он обычно известен английским читателям. Оно было принято Берналом Диасом и большинством писателей, живших в период завоевания. Аламан, Disertaciones históricas, т. i., приложение 2.

[564] Икстильшочитль, Hist. Chich., MS., cap. 79.—Клавигеро, Stor. del Messico, том III, стр. 16.—Новая Веракрус, как называется нынешний город, отличается, как мы увидим далее, от города, основанного Кортесом, и была основана только в конце XVI века графом Монтерей, вице-королем Мексики. Она получила привилегии города от Филиппа III в 1615 году. Там же, том III, стр. 30, примечание.

[565] Эпидемия *матлазауатль*, столь губительная для ацтеков, по мнению М. де Гумбольдта, существенно отличалась от *вомито*, или желчной лихорадки наших дней. Действительно, эта болезнь не упоминается ранними завоевателями и колонистами и, как утверждает Клавигеро, была неизвестна в Мексике до 1725 года. (Stor. del Messico, том I, стр. 117, примечание.) Однако Гумбольдт, утверждая, что одни и те же физические причины должны были привести к схожим результатам, относит эту болезнь к гораздо более древним временам, о которых он обнаруживает некоторые традиционные и исторические следы. «Il ne faut pas confondre l'époque», — замечает он со своей обычной проницательностью, — «à laquelle une maladie a été décrite pour la première fois, parce qu'elle a fait de grands ravages dans un court espace de temps, avec l'époque de sa première apparition». Essai politique, том. iv. p. 161 et seq., and 179.

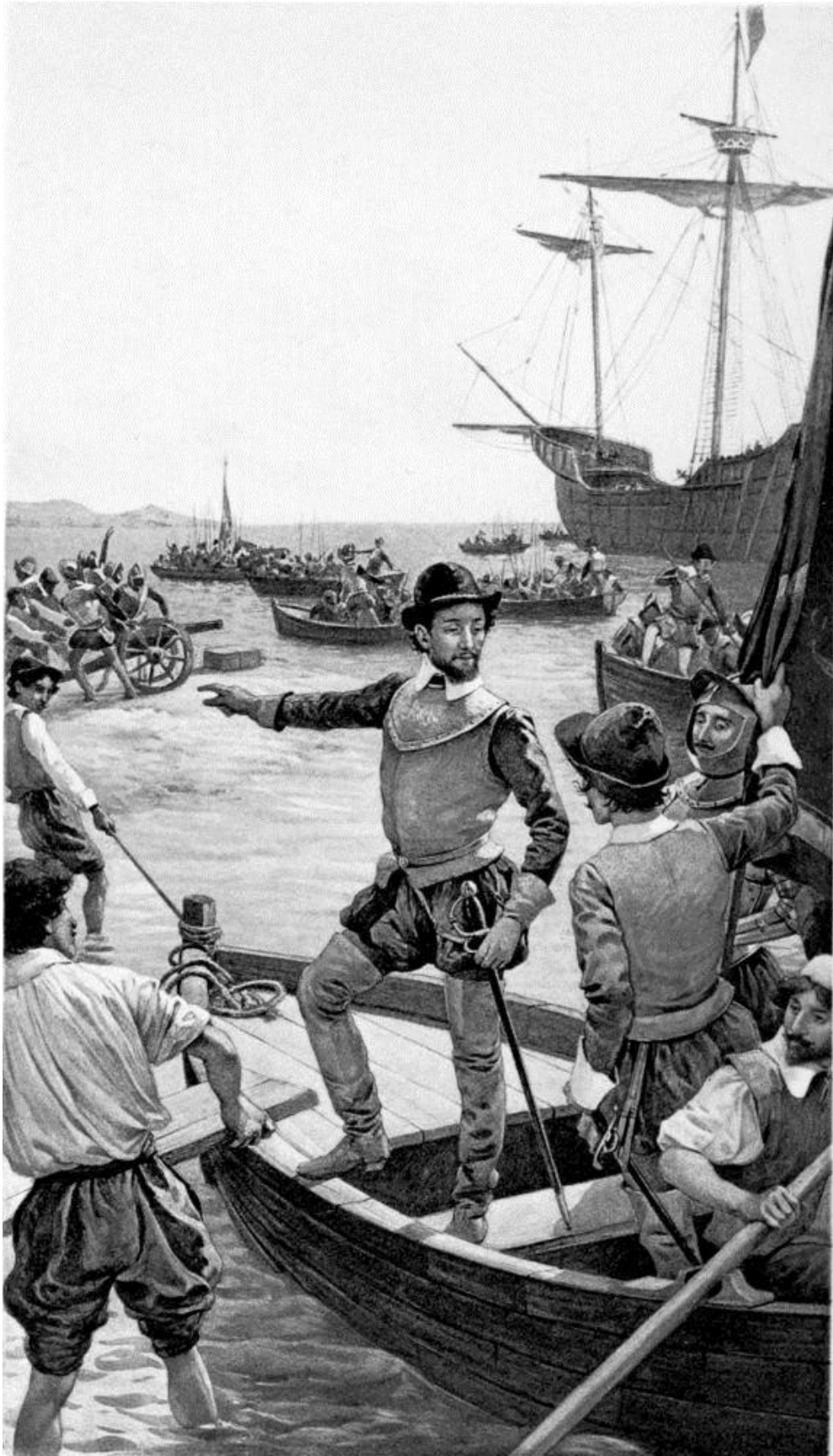
[566] Гомара, Crónica, гл. 26.

[567] Лас Касас, Hist. de las Indias, MS., lib. 3, cap. 119.

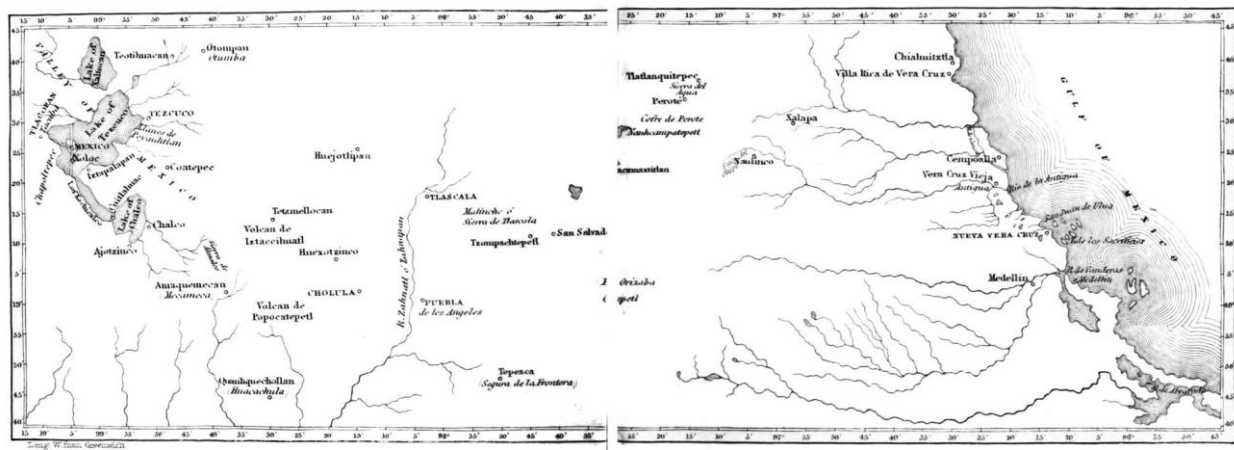
[568] [Согласно любопытному документу, опубликованному Иказальсета (Col. de Doc. para la Hist. de México, том. ii.), два из главных вождей, присутствовавших на этом мероприятии, тайно связались с Кортесом и, объявив себя недовольными подданными Монтесумы, предложили содействовать продвижению испанцев, предоставив генералу картины, на которых были бы точно изображены различные особенности страны. Предложение было принято, и во время следующего визита картины были представлены и впоследствии оказались очень полезными для Кортеса, который вознаграждал дарителей определенными льготами. Но подлинность этого документа, хотя и подтвержденная таким выдающимся ученым, как сеньор Рамирес, более чем сомнительна. — К.]

[569] Икстильшочитль, Relaciones, MS., № 13. — Там же, Hist. Chich., MS., гл. 79. — Гомара, Crónica, гл. 25, 26.—Бернал Диас, Hist. de la Conquista, гл. 38.—Эппера, Hist. general, dec. 2, lib. 5, гл. 4.—Carta de Vera Cruz, MS.—Торкемада, Monarch. Ind., lib. 4, гл. 13-15.—Тезозомок, Crón. Mexicana, MS., гл. 107.

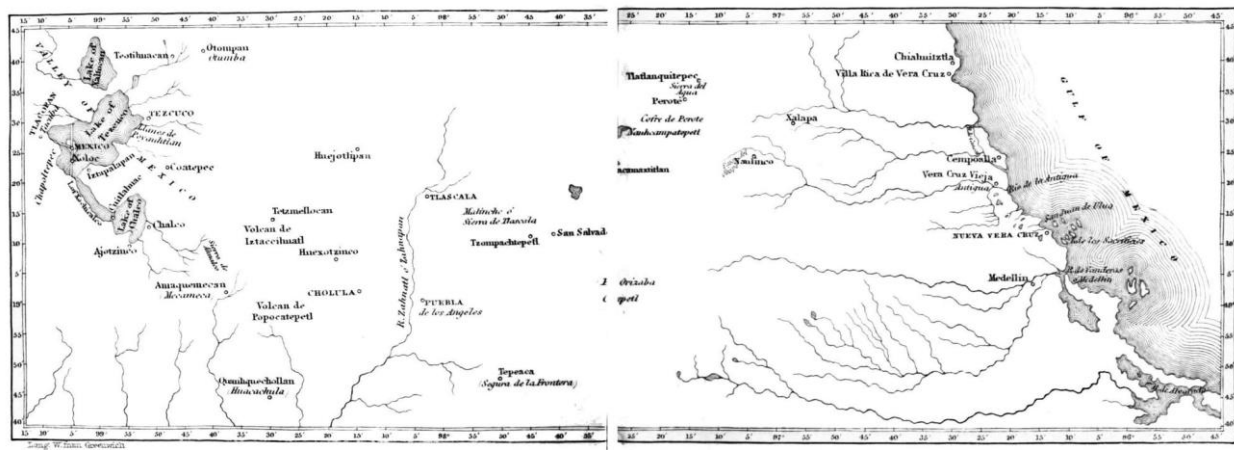

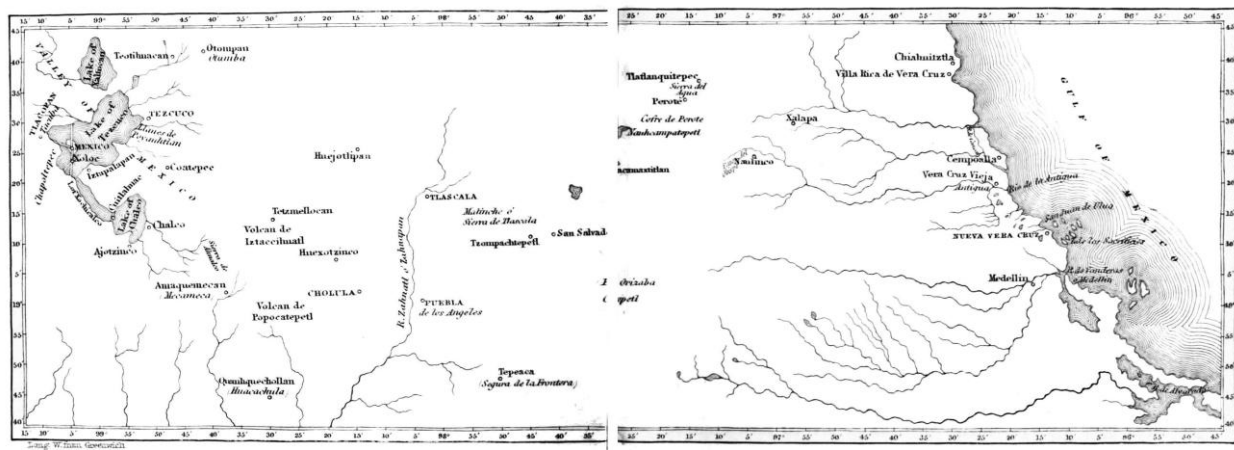
[back](#)

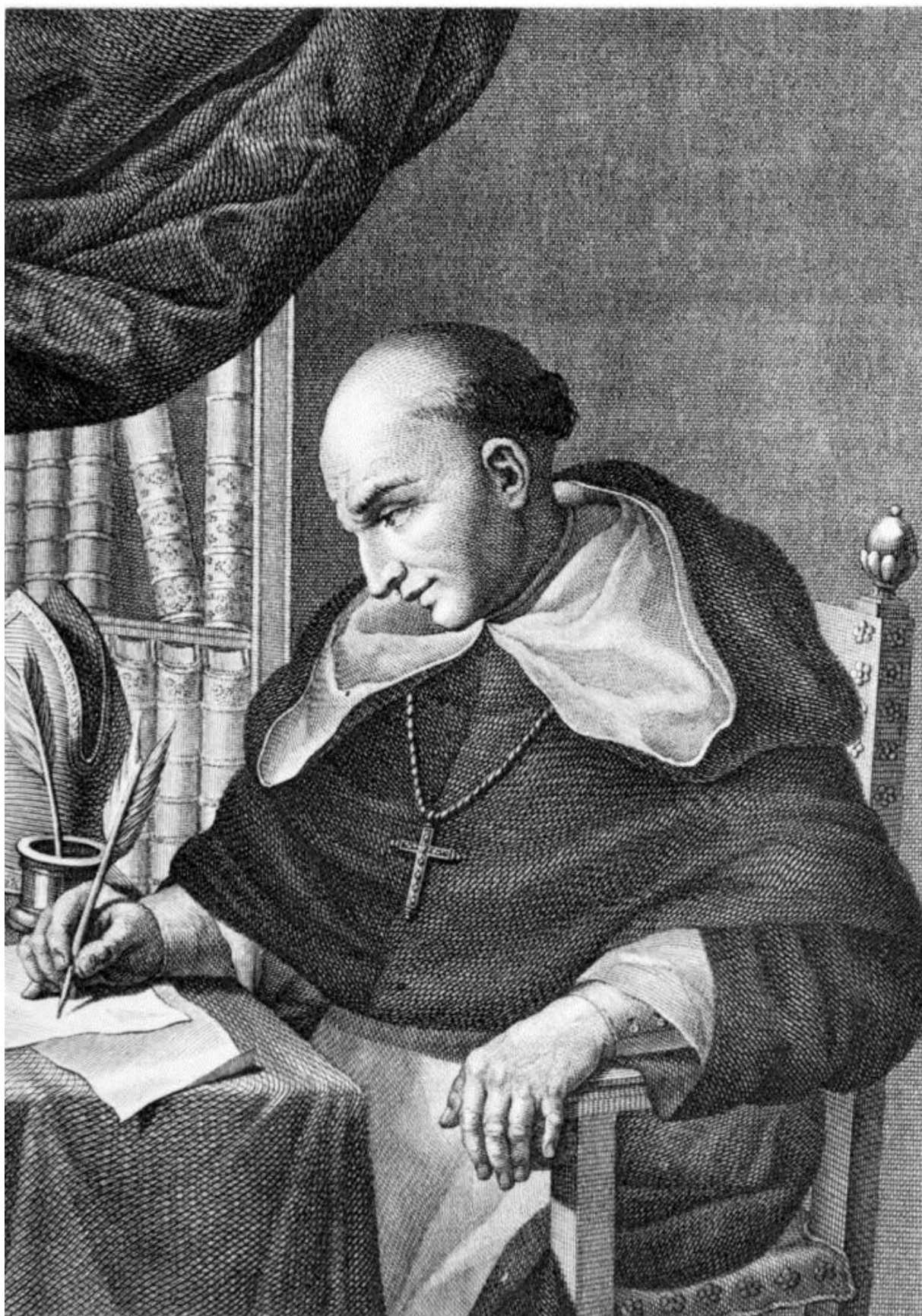
[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

[back](#)

FIRST INDICTION.			SECOND INDICTION.		
Year of the Cycle.			Year of the Cycle.		
1.	.		14.	.	
2.	. .		15.	. .	
3.	. . .		16.	. . .	
4.			17.		
5.			18.		
6.			19.		
7.			20.		
8.			21.		
9.			22.		
10.			23.		
11.			24.		
12.			25.		
13.			26.		

[back](#)